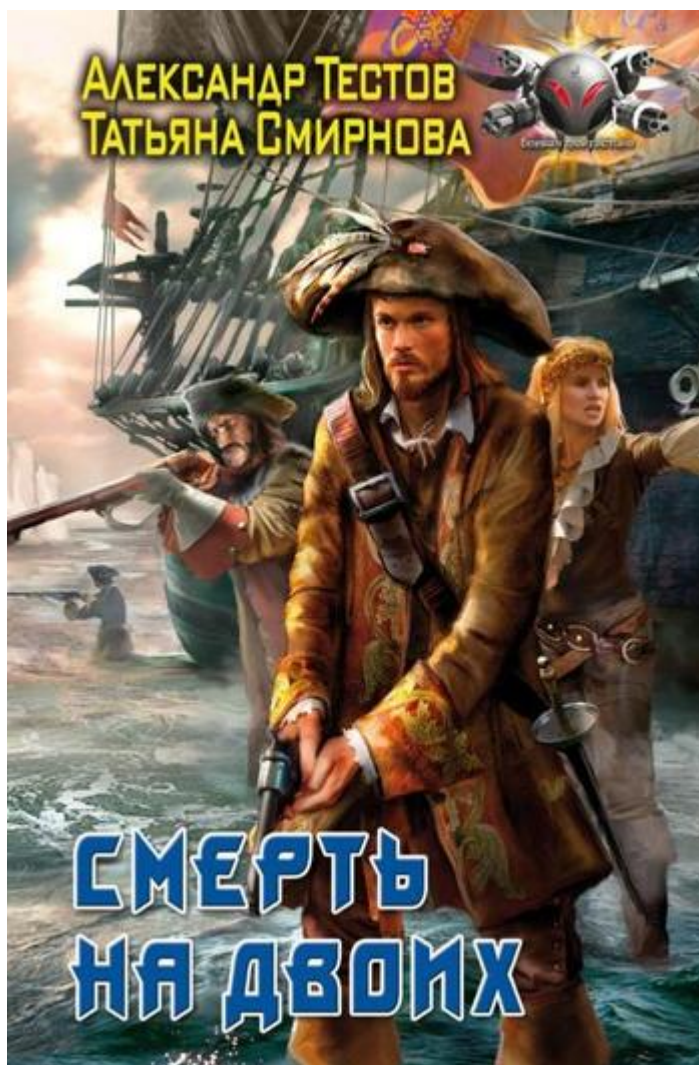

Татьяна Смирнова Александр Тестов
Смерть на двоих

Большой Приз – 3

Авторский текст

«Смерть на двоих»: Ленинградское издательство; СПб.; 2011

ISBN 978-5-9942-0848-9

Аннотация

Как ни странно, они еще живы. Но им этого мало... Настя и Яков вновь на острие атаки, в центре интриг и бурлящих событий. На сей раз они вовлечены в кровавую карусель английской революции семнадцатого века.

Александр Тестов, Татьяна Смирнова
Смерть на двоих

*«Моей любви да не коснется тень.
Не омрачит чела ее страданье.
Пусть только благ проходит всякий день
Об руку с ней под кровлей мирозданья.*

*Моей любви небесная краса:
В ней свято все — и вера, и неверье.
Она ведет сквозь ад и небеса,
Как Беатриче Данте Алигьери».*

Глава 1

Странная это была свадьба. В маленькой церкви на окраине Уэрствуда, где по воскресениям яблоку негде упасть, сейчас было почти пусто. Длинные ряды пустых скамеек светлели в полумраке. Лишь в первых рядах сидело человек десять. В основном старшие Бэрты и их многочисленные отпрыски, да у дальней стены жалась пара нищих, которые забрели на свадьбу в надежде на подавание. Торжественная музыка металась под высокими сводами, как птица, попавшая в западню, толкалась в высокие окна и не могла вырваться.

Ирис подумала, что вполне понимает птицу-музыку, и сама с большим удовольствием сбежала бы, да не может. Она, к сожалению, не птица. Впрочем, музыка — тоже не птица. Рожденная на земле, она так и не смогла превозмочь земного притяжения и, пометавшись, затихла. Умерла? Уснула? Затаилась?

Дети переглядывались почти испуганно. Праздничные костюмы сковывали, заставляли сидеть неестественно прямо, сложив руки на коленях, а младшие Бэрты этого просто не умели. Миссис Бэрт держалась так чопорно, словно была по меньшей мере вдовствующей королевой, а не супругой окружного судьи. Впрочем, судья в Уэрствуде считался важной персоной, так что ничего удивительного, что Пруденс так пыжилась. Ее блеклые губы, сжатые в ниточку, казалось, говорили: «Вот теперь-то мы им всем покажем!». Кому и что собралась «показать» миссис Бэрт? Супруг ее был печален и строг, словно только что утвердил обвинительный приговор, а не выдал замуж старшую дочь, причем, крайне удачно.

Алтарь, убранный свежими и уже почти последними цветами, священник в парадном облачении, раскрытая книга и эта странная пустота вокруг навевали почти непреодолимую тоску пополам с досадой. Ирис вздохнула и украдкой огляделась по сторонам, ища, чем бы отвлечься.

— Этьенн, — голос священника ворвался в ее путанные мысли, и она невольно повернула голову к алтарю. — По собственной ли воле, без принуждения, берешь ты в жены присутствующую здесь Кэтрин?

Ирис перевела взгляд с подруги на человека, стоявшего рядом с ней. При всем желании в женихе Кэт нельзя было найти никакого изъяна. Разве что возраст. Да, возраст. Барон де Сервьер был почти вдвое старше Кэти. И пусть он высок, широкоплеч, прекрасно сложен, пусть его парижский костюм безупречен и черты лица правильны, в волосах нет седины, а зубы сверкают белизной и, на первый взгляд, все целы... по крайней мере те, которые видны... Но он же в отцы ей годится!

— Да, — произнес барон низким приятным голосом. Он стоял, гордо вздернув подбородок, и на окружающее его убожество смотрел так, словно все это не имело никакого значения. Это, пожалуй, единственное, что в нем нравилось Ирис.

— Кэтрин, — продолжал священник, — по собственной ли воле, без принуждения, берешь ты в мужья присутствующего здесь Этьенна?

— Да! — отозвалась тоненькая девушка в простом белом платье и венке из флердоранжа. Голос ее прозвучал тоже тонко, но неожиданно твердо. Ирис невольно улыбнулась. Своенравная Кэти никогда ни с кем не спорила. Она внимательно выслушивала чужое мнение, вежливо благодарила за ценный совет, уверяла, что обдумает его, и поступала по-своему.

Свое свадебное платье она сшила сама. За два дня и две бессонные ночи.

Французский дворянин встретил дочь судьи Бэрта на благотворительном балу. Кэти продавала цветы в пользу бедных. Она подошла к блистательному аристократу, присела в неглубоком реверансе, улыбнулась. Гость с большим знанием дела выбрал цветы и спросил

цену. Стрельнув глазами по руке господина с массивным золотым перстнем, Кэти дерзко сказала: «Десять фунтов». Хозяйка бала нахмурилась. Гости переглянулись. Юная кареглазая цветочница выжидающе смотрела в синие холодные глаза французского барона. Он невозмутимо достал кошелек и отсчитал несколько английских купюр¹.

— Как вас зовут? — спросил гость.

— Кэтрин, — ответила девушка и невольно отвела глаза. Шутка зашла слишком далеко. За десять фунтов можно было купить пару коров, лодку с парусом... много чего.

В тот вечер барон не подошел к ней и не сказал ни слова. Казалось, маленькое происшествие забылось. Возможно, огромная сумма была для него сущей мелочью. Поэтому Кэтрин несказанно удивилась, когда, несколько дней спустя, к дверям их небольшого домика подъехал экипаж, и не наемный, а из усадьбы виконта Ченнефилда, и на узкую дорожку, посыпанную гравием, сошел барон де Сервьер.

Он уже не был юношей, и внезапно вспыхнувшая страсть насторожила отца Кэти. Но гость поспешил его успокоить.

— Я не имею в виду ничего предосудительного. Я предлагаю вашей дочери честный и законный брак.

Пруденс Бэрт мужчины не приглашали. Она пригласила себя сама. Просто внесла на подносе вино и печенье и осталась. Разговор сразу стал деловым.

— У меня есть поместье на юге Франции. Оно не родовое, я — младший сын, но достаточно богат. К тому, что выделил мне отец, я присовокупил то, что сам приобрел в колониях. Поместье довольно большое, и дает хороший годовой доход. Ваша дочь будет прекрасно обеспечена. Кроме того, титул баронессы откроет ей двери в высшее общество.

Пруденс можно было брать голыми руками.

— Я только немного тревожусь, — произнесла она, тщательно подбирая слова. — Ваша милость, должно быть, католик?

— Отнюдь, — возразил граф, — у нас в Беарне почти нет католиков. Я принадлежу к той же церкви, что и вы, если это вас тревожит.

— У меня и в мыслях не было сердить вашу милость, — торопливо заверила Пруденс, — но ваше предложение так неожиданно...

Внезапно гость рассмеялся. До этого мгновения Бэрты и не подозревали, что эти надменные губы знакомы с улыбкой.

— Для вас — возможно. Но не для мисс Бэрт. Уверяю вас, она отлично знает, зачем я здесь. И ответ ее давно готов.

Он был прав. Кэти ждала. Ждала с того мига, как увидела синие холодные глаза незнакомца и услышала его низкий голос. Аристократ из чужой страны заворожил девушку. И она сказала «да», кажется, раньше, чем ее спросили.

Соседей эта скороспелая свадьба возмутила до глубины души. Еще бы! Господин случай вознес маленькую Кэти на такую высоту, куда ни один из них и взглянуть не смел, не рискуя сломать шею. Миссис Бэрт пригласила всю округу. Но приняли приглашение лишь двое: близкая подруга Кэти, Ирис Нортон, и ее верная тень — граф Джордж Эльсвик.

— А теперь, в знак вашей любви и верности, обменяйтесь кольцами.

Даже отсюда, со скамей, было видно, что Кэт очень волнуется. Она едва справилась со своей задачей, крепко веря, что уронить кольцо — дурная примета. А барон бесстрастно взял ладонь Кэти и надел на палец невесты толстое золотое кольцо с огромным бриллиантом. Пруденс Бэрт, не удержавшись, толкнула супруга в бок локтем, а Ирис с замершим сердцем увидела, как изумилась подруга. Не слишком весело изумилась. Нелепое украшение тянуло ее тонкую руку вниз, как камень на дно.

— Дорогая, нам нужно поговорить, — шепнул Джордж.

¹ Авторам известно, что бумажные деньги появились в Англии несколько позже, но поскольку события, описанные в романе, не претендуют на достоверность, авторы просят читателей не обращать внимания на допущенную вольность в изложении исторических фактов.

Ирис с едва слышным вздохом повернулась к нему. Молодой граф был убийственно серьезен.

— Хорошо, — кивнула Ирис, покоряясь неизбежному, — приезжайте к ужину в Нортон-хаус. Отец будет рад.

— А вы?

В этот момент один из юных Бэртов, кажется, Джереми, Ирис никогда не умела различать близнецов, вскочил, едва не наступив ей на ногу, и энергично подтолкнул брата к выходу. Церемония наконец закончилась. Барон и баронесса де Сервьер покидали церковь. Ирис подошла, чтобы поцеловать подругу. Кэт светилась и очень нервничала. Ирис взяла ее за руку, пытаясь немного успокоить и ободрить, и вдруг почувствовала, что Кэти разжала пальцы и в ее ладони оказалась туго скрученная записка. Ирис подняла глаза. Подруга молчала, улыбалась и, казалось, была слегка не в себе.

Едва оказавшись на улице, Ирис торопливо развернула записку Кэти.

«Оставайся на ужин, умоляю!!!» — три восклицательных знака в конце единственной фразы были достаточно красноречивы.

Она подняла голову. Молодые садились в экипаж. Барон поддержал жену. Кэти бросила взгляд на подругу. Карие глаза кричали, умоляли, требовали. Ирис торопливо кивнула. Дверца экипажа захлопнулась. Кэт пропала.

Некоторое время Ирис с растерянной улыбкой наблюдала, как штурмуют второй экипаж младшие Бэрты, а Пруденс пытается рассадить их, читая очередную проповедь... Джордж Эльсвик не уезжал.

Он подошел к ней.

— Вы так и не ответили на мой вопрос.

— Какой вопрос? — удивилась Ирис, ее мысли были заняты странной запиской и кричащими глазами Кэти, и она совершенно забыла о разговоре с женихом.

Джордж тяжело вздохнул. В последнее время у него появилась дурная привычка тяжело вздыхать при всяком удобном случае.

— Вы помните, как Кэти провожала нас в путешествие, которое должно было стать свадебным? — заговорил он вдруг, — и желала счастья. И вот она уже замужем, а вы все еще не дали мне ответа — когда же наша свадьба. Один раз я уже спросил вас об этом, помните? Это было на золотом острове. Вы сказали, что не можете ответить. «Подождите до вечера, Джордж», — сказали вы. Я жду. Жду почти год. Какой вечер вы имели в виду, Ирис?

— Не сегодняшний, — коротко ответила она. — Простите меня, Джордж, — продолжила девушка после недолгого молчания, — я не хотела вам грубить. Но сегодня свадьба моей самой близкой подруги, а потом Кэтрин уедет во Францию, и мы расстанемся навсегда. Я расстроена.

— Когда речь заходит о нашей свадьбе, вы всегда либо расстроены, либо встревожены. Тогда Харди Мак-Кент, сейчас — Кэти. Я начинаю думать, что являюсь единственной причиной вашего плохого настроения. Бога ради, Ирис, скажите, что это не так?

— Ну, разумеется, нет, — торопливо проговорила Ирис и мягко улыбнулась Эльсвику, — не выдумывайте. Мы — хорошие друзья, и я очень ценю вашу дружбу. Тем более сейчас, когда кроме вас у меня, в общем, никого не осталось.

Граф, волнуясь, шагнул к ней, но невеста отстранилась.

— Простите меня, Джордж. Я сейчас действительно не в том настроении. Кэти просила меня обязательно быть на ее ужине, и я, право, не вижу причины, чтобы ей отказать.

— Чтобы отказать мне, вам, как правило, даже причина не нужна, — бросил Джордж Эльсвик так тихо, что Ирис не расслышала. Впрочем, она и не прислушивалась. Нехотя граф признался самому себе, что девушка, похоже, не в настроении, и не столько расстроена, сколько озадачена. Внезапно он осознал, что и одета Ирис совсем не празднично. Синее шелковое платье было безупречно элегантно, и очень шло к ее светлым волосам, убранным в высокую прическу, но Эльсвик помнил, что этот цвет не нравился Ирис. Когда мисс Нортон была в хорошем настроении, она одевала серое. Джордж Эльсвик испытал настоящий шок,

когда сообразил, что за весь прошедший год он ни разу не видел Ирис в сером. Собственный парадный костюм показался ему насмешкой.

— До свидания, Джордж. Спасибо, что не бросили меня сегодня. Я вам бесконечно благодарна. — Еще одна мягкая улыбка, несколько слов кучеру экипажа, и Ирис Нортон пропала с глаз Эльсвика. К сожалению, только с глаз. Удалить ее из сердца он не мог при всем желании.

* * *

Низкое серое небо, заштрихованное мелким дождем, висело над острой черепичной крышей Нортон-хауса. Скрипнули ворота. Во дворе громко и гулко, но не зло, а просто «по долгу службы» залаяли две большие лохматые собаки. Ирис услышала стук копыт, а в следующее мгновение сразу два огонька зажглись и направились к воротам. Девушка надвинула капюшон... С одним фонарем был дворецкий — Джефри, этот по долгу службы обязан был встречать гостей. Но вот второй фонарь горел в руках...

— Отец, — беззвучно прошептали губы девушки, — отец...

Фонари на секунду осветили всадника. Ирис показалось, что он держится в седле неровно. Вот отец что-то сказал, указав рукой в сторону. Незнакомец устало кивнул с высоты седла... Жаль далековато, она не слышала их слов. Дворецкий, ухватив лошадь за узду, стремительно направился в конюшню. Нортон, высоко поднял свой фонарь, осмотрелся... и зашагал следом за гостем.

Волна любопытства захлестнула девушку, и она не смогла с собой совладать. Быстро пробежав вдоль дома, она замерла у ворот конюшни. Заглянула — темно. И когда они успели погасить фонари?

— Ну? — торопливо спросил отец.

— *Laatste avondmaal*², — ответил незнакомец. Ирис нахмурила брови, пытаясь уловить знакомые нотки — немецкий? — Помогите... — повторил тот же голос по-английски, но с заметным акцентом.

— Боже, — приглушенно воскликнул Нортон, — сударь, да вы ранены. Джефри, помощи... Сейчас, мы вас, сударь, снимем с седла...

Послышался стон и сдержанное кряхтение...

— Благодарю...

— Джефри... сюда... так, хорошо...

— Вы напрасно погасили свет, — нервно изрек незнакомец, — мне нужно... передать *geheim*³...

— Понимаю, — ответил отец.

Ирис от напряжения практически перестала дышать...

— От этого зависит *leven*⁴... известных вам людей... *leven*...

— Да, да, конечно, — затараторил банкир, — я все прекрасно понимаю. Гдепись... — Нортон осекся. — Джефри! Немедленно ступайте в дом и принесите горячей воды и чистые полотенца. Господина Мит... этого господина следует перевязать...

— *Leven*...

— Ступай же скорей, — поторопил Нортон, — не видишь, он уже бредит.

Дворецкий так стремительно кинулся к воротам, что Ирис не успела отпрянуть.

— Мисс?! — удивленно раскрыл рот Джефри.

² Тайная вечеря. (голл.)

³ Тайный. (голл.)

⁴ Жизнь (голл.).

— Тсс, — Ирис приложила палец к губам. — Тише, Джефри, умоляю. Я здесь случайно. Искала... м... я искала отца. Он там? В конюшне?

Старая закалка и английская сдержанность мгновенно возобладали в голове дворецкого.

— Мисс Нортон, ваш отец просил его не беспокоить. Он позже зайдет к вам. А теперь же он настоятельно просил меня проводить вас в дом.

— Но...

— Настоятельно просил...

— Я только хотела...

— Тише, — в свою очередь дворецкий приложил палец к губам, — тише. Если услышит ваш батюшка, я думаю, ему не очень понравится, что вы по ночам бродите одна по двору. Вы посмотрите, какой дождь... какая сырость. Вы желаете заболеть?

«Ну надо же, сколько доводов сразу, — мысленно негодовала Ирис и сделала один единственный вывод: — мне тут не рады».

— Хорошо, Джефри, — повелительно кивнула она головой, — я разрешаю вам проводить меня.

— Вот и славно, миссис Нортон, вот и славно...

В сопровождении Джефри Ирис пересекла двор, почти не обращая внимания на острые, холодные капли дождя. В вестибюле, сбросив шелковый плащ на руки слуге, она жестом отослала его прочь и сама взяла свечу. Тут же удалился и дворецкий, убедившись, что госпожа поднимается к себе.

Девушка пребывала «в растрепанных чувствах». Во-первых, это странное происшествие во дворе. Во-вторых, записка Кэти, которая все еще покоилась за манжетой. Ирис была уверена, что приглашение Кэти — не что иное, как желание поболтать по-девичьи о предстоящей семейной жизни, может быть, желание поделиться какими-нибудь подробностями, не предназначенными для ушей матушки Бэрт. Но все оказалось немного иначе...

* * *

В разгар ужина Ирис перехватила взгляд подруги и подметила торопливый знак рукой в сторону веранды. Она кивнула и, поспешив отделаться от соседа по столу, пожилого полковника, какого-то дальнего родственника судьи, вышла в двери для прислуги. Большой, но несколько бестолковый дом Бэртов Ирис отлично знала, и бывала там не раз. Сколько упоительных часов они с Кэти провели здесь, бродя по плохо освещенным лестницам и череде проходных комнат. Дверь на веранду была заперта. Но Ирис знала и этот секрет. Она пошарила ладонью за притолокой — ключ был там. Открыв дверь, она неслышно проскользнула в темную комнату. Буквально через минуту послышался шорох платья.

— Ты здесь? — позвала Кэти.

— Нет, я на луне, пью чай с зайцем. А тут моя тень, — плоско сострила Ирис. — Что у тебя случилось, подружка? Что, кроме свадьбы?

Перед тем как ответить, Кэтрин плотно прикрыла за собой дверь.

— А ты никому-никому не скажешь? — Подружка на ощупь обошла мебель и пристроилась на узком диванчике рядом с Ирис. Свечи она зажигать не стала.

— Господи, что еще за тайны мадридского двора!

— Этьенн... Ты знаешь... мне кажется, он не тот, за кого себя выдает, — шепотом выпалила Кэти и замолчала.

— Что заставило тебя сделать такой вывод? — спросила Ирис, по опыту зная, что Кэти, в отличие от своей пустоголовой маменьки, не склонна к фантазиям.

— Много чего. Например, он не говорит о своей семье, о родителях. А когда я спросила, отшутился. И так, как-то совершенно не смешно. Вроде того, что его в капусте нашли.

— Может быть, он просто не ладит с семьей?

— Может быть. Но дом-то родной чем его обидел? Он ничего не захотел мне рассказать ни о доме, ни о своем детстве, ни о том, был ли он женат, он ведь уже немолод.

— И... что ты об этом думаешь? — спустя полминуты спросила Ирис.

— Не знаю, что и думать, — вздохнула Кэт, — деньги у него самые настоящие, и я сомневаюсь, что он их украл. Уж больно спокойно тратит.

— Если и украл, то не здесь, — кивнула Ирис, — он же сам сказал, что нажил состояние в колониях. А если украл в колониях, то это как будто и вовсе не крал.

— Ну да, если тебя не догнали, не отобрали и не выписали горячих, значит — честная коммерция, — согласилась Кэти, — но, сдается мне, от кого-то он скрывается.

— Об этом он тебе тоже ничего не говорил? Даже не намекал? — Кэт покачала головой.

— Может быть, завтра утром скажет.

— Или тогда, когда сообщишь ему, что он будет отцом, — вздохнула Ирис.

— Ну, за этим дело не станет. Среди Бэртов никогда пустоцветов не бывало. Но все же, если он не барон, не Соврези, тогда...

— Законна ли твоя свадьба? — догадалась Ирис. — Думаю, да. Вас же обвенчали. Сомневаюсь, что Бог может кого-нибудь из своих детей с кем-то перепутать или не узнать. Если тебя волнует только это, мне кажется, ты можешь быть спокойна.

— Спасибо, я хотела сказать не об этом... — Кэтрин как-то странно замаялась. Ирис терпеливо ждала, но ее ожидание затягивалось, грозя обернуться вечным.

— Кэти, — слегка подтолкнула она.

— Ты только не подумай, что я лезу в твою жизнь... Я никогда не спрашивала тебя, почему вы с Джорджем Эльсвиком так и не поженились...

— И не спрашивай, — с нажимом сказала Ирис.

— Но как я могу! — воскликнула Кэти, забыв о том, что нужно соблюдать тишину. В ее голосе зазвенело что-то, подозрительно похожее на слезы, — сама подумай, сначала вы не женитесь, ведь для этого должна быть какая-то причина...

— Причина есть, — коротко подтвердила Ирис.

— А потом Этьенн вдруг спрашивает о тебе...

— А он спрашивал? — безмерно удивилась подруга.

— Да, и настойчиво. Скажи, ты... вы не встречались там... на Карибах? — Кэтрин замерла, стиснув пальцы так, что они побелели.

— О Господи! Я все думала, чего мне не хватает для полноты жизни. Оказалось — ссоры с тобой из-за мужчины, которого я впервые увидела на твоей свадьбе.

— Можешь поклясться?

— Чтоб мне все волосы потерять!

— Тогда почему же он спрашивал о тебе? — растерянно проговорила Кэти.

— Понятия не имею. Но ты права, все это очень подозрительно выглядит. И ты будешь полной дурочкой, если прямо сейчас начнешь расспрашивать мужа.

— Но что же делать? — воскликнула подруга.

— Ждать. Наблюдать. Думать. И не впадать в панику. У всей этой таинственности может быть вполне тривиальное объяснение.

Спустя минуту Кэти исчезла так же таинственно, как и появилась. А Ирис, посидев немного на темной веранде, неожиданно для себя решила к гостям не возвращаться. Разговор, ради которого она приехала в этот дом, состоялся, а больше ей тут, кажется, делать нечего. Зато подумать есть о чем...

Она спустилась вниз и, сославшись на мигрень, попросила подать экипаж...

* * *

Услужливый дворецкий с поклоном отворил двери, и Ирис в задумчивости вошла

внутри...

В холле царил полумрак. Лишь сухо потрескивал догорающий камин, да белела в темноте любимая Эльсвиком статуя Афродиты. Идти наверх, к себе, и выслушивать болтовню Мэри совершенно не хотелось, и девушка направилась к камину.

— Джефри, зажгите свечи, — на ходу попросила Ирис.

Дворецкий, следовавший за ней, будто только этого и ждал. Он быстро зажег несколько светильников и застыл в ожидании. Холл осветился, приобретая глубину, цвет и некое подобие уюта.

— Спасибо, Джефри. Можете идти.

— Вам ничего более не нужно, мисс Нортон?

— Нет-нет. Идите.

Дворецкий учтиво поклонился и удалился. Девушка осталась одна...

Неожиданно ей почудилось какое-то движение за спиной. Она обернулась без страха, скорее с досадой.

Это был ее отец, Альфред Нортон, который ждал ее внизу и, видно, задремал в кресле, не заметив, что в комнату вползла темнота и надо распорядиться насчет свечей и камина.

— Я была на свадьбе, — торопливо произнесла Ирис, не дожидаясь расспросов.

— Ааа... Как Кэт?

— Не знаю, — откровенно ответила дочь. — Выглядит она совершенно невменяемой. А ведет себя как самая настоящая сумасшедшая. Я и раньше слышала, что от любви сходят с ума, но, признаться, думала, что это поэтическая метафора.

Альфред коротко кивнул. До свадьбы Кэт ему не было никакого дела, и спросил он о ней лишь для того, чтобы задержать дочь.

— Джордж заезжал, — произнес он.

Ирис по своему обыкновению пожала плечами.

— Я приглашала его к ужину, но потом выяснила, что приглашена к Кэт, и сразу же поставила его в известность. Я полагала, что он поймет это как отмену приглашения. Что ж, в следующий раз буду выражать свои мысли отчетливее.

— Вы поссорились?

— Нет! — Ирис по-настоящему удивилась. — Из-за чего мне ссорится с Джорджем Эльсвиком? Мы никогда не ссоримся...

— Дочь, — голос отца зазвучал раздраженно и устало, — лучше б вы ссорились.

Он встал, сделал несколько медленных, тяжелых шагов и остановился у окна, откуда сквозь щель в портьерах сочилась влажная сумерки.

— Я не понимаю тебя.

— До каких пор это будет продолжаться?

— Что «это»?

Отец вздохнул:

— До каких пор ты будешь мучить Джорджа? По-моему, ты достаточно долго испытывала его преданность, пора и честь знать. Сегодня он сказал мне что, похоже, ты вообще не собираешься держать слово. Ему так показалось, — поспешно добавил Нортон, видя, как в серых глазах дочери зажигаются опасные огоньки.

— Он нажаловался на меня! Поступок, достойный дворянина, — презрительно бросила она.

— Тебе известно о том, что Джордж когда-нибудь совершал недостойные поступки? — спросил отец.

— Нет, — вынужденно призналась она.

— Тогда в чем дело? Со дня вашей помолвки уже прошел год. Прости, что я напоминаю об этом, но вы с Джорджем совершили вместе довольно долгое путешествие. И в этом путешествии не всегда с тобой была компаньонка...

— Да уж, — фыркнула Ирис и невольно улыбнулась, вспоминая свои прошлогодние приключения. И на пиратском бриге, и в настоящем разбойничьем гнезде на золотом

острове, и во время плавания привязанной к доске в Карибском море с ней действительно не было никакой заслуживающей уважения респектабельной английской дамы. Да и откуда бы она там взялась? Вот джентльменов удачи было хоть отбавляй. Хм, джентльменов...

— Пойми меня правильно, дочка. Я тебя хорошо знаю, и знаю, что ты скорее умрешь, чем сделаешь что-нибудь недостойное, но люди...

— Ты имеешь в виду Пруденс Бэрт и ее клуб: «По словам лошади...», — Ирис презрительно отмахнулась, — она известная фантазерка. Те, кому нечего делать, всегда найдут повод, чтобы обсудить дела других, даже если мы станем вести себя как святые. Ты не сможешь зашить каждый рот в Уэрствуде. Лучшее, что можно предпринять, просто не обращать внимания.

— Я бы рад. — Нортон опустил на диван, поправил свечу и кивком пригласил дочь занять место рядом. Она подчинилась, скрывая досаду. — Банкир Дэвисон отказался финансировать мой «индийский» проект, — сказал он.

Ирис сразу стала серьезной.

— Он объяснил, почему отказал тебе в кредите? Насколько мне известно, торговая компания Нортон еще ни разу не задерживала платежи.

— Это так, — кивнул отец, — но...

— Что «но»? Что сказал тебе этот старый вымогатель?

— Прямо он ничего не сказал. Но дал понять, что если мы не сдержали слово, данное милорду Эльсвику, то у него нет уверенности в том, что мы сдержим слово, данное ему. Примерно так.

— Чепуха, — отмахнулась дочь, — кто просит его верить тебе на слово? Разве тебе нечем обеспечить кредит? Один Нортон-хаус с лихвой покроет любой заем. А верфь? А корабли с грузами? А канатная мастерская? Он водит тебя за нос, и, сдается мне, я знаю, в чем тут дело. На него давит титулованная родня Эльсвика.

Нортон невольно улыбнулся.

— Ты хорошо соображаешь, девочка. Дэвисон хоть и богат как Крез, но вряд ли рискнет ссориться с Блэквудами и Фоултонами. Не забывай, у него тоже растет дочь, и он не прочь завести для нее карету с гербом.

— Ты думал, к кому можно обратиться помимо Дэвисона? — спросила Ирис после минутного молчания.

— Видишь ли, девочка, — Нортон замялся, — смена банковского дома всегда влечет за собой ревизию, и более тщательную, чем обычно. А я бы не хотел, чтобы мои приходно-расходные книги в ближайшее время листал кто-нибудь, кроме меня.

— Неужели все так серьезно? — встревожилась Ирис.

— К сожалению... — Нортон развел руками и невесело улыбнулся.

Ирис сидела ошеломленная, пытаясь осмыслить это заявление. Отец не скрывал от прямой наследницы, что у компании трудности, и было бы странно ожидать чего-то иного: политическая обстановка в стране накалялась. Поговаривали, пока вполголоса, но все чаще и чаще, что трон шатается под его величеством Яковом Стюартом Вторым, и что он сам и его августейшая супруга Мария Модентская спят на фамильных драгоценностях на случай поспешного бегства. В этой ситуации многие торговые предприятия переживали кризис... но не до такой же степени!

— Будь оно все!.. — наконец ожила Ирис. — Это какая-то дьявольская западня. Ты уверен, что без «индийского» проекта нам не выплыть?

— Уверен, — ответил отец спокойно и очень серьезно.

— Но куда же подевалась такая прорва денег? Я отчего-то уверена, ты это знаешь.

— Знаю, — так же спокойно кивнул Нортон.

— Так может быть, и мне следует об этом узнать?

— Нет. И, я думаю, ты не вправе осуждать меня за молчание. Ты ведь тоже хранишь свои тайны. Я ведь до сих пор не знаю, что произошло на Карибах, и как вам с Харди удалось обменять «Полярную звезду» на «Синий цветок». Я пытался разговорить капитана

раз семнадцать, если не ошибаюсь... Даже напоил пару раз до положения риз — все без толку.

— Вы все как будто сговорились сегодня напоминать мне о прошлом! — взорвалась Ирис. — Ну почему именно сегодня и все сразу? Звезды, что ли, так встали? Джордж, Кэти, а теперь и ты! Кэти отчего-то взбрело в голову, что я встречалась с ее драгоценным супругом на Карибах. Дурочка ревнивая. Я поклялась ей самой страшной клятвой, чтоб мне облысеть, что не видела барона де Сервьера даже во сне... и он меня не видел... По крайней мере — наяву, за его сны я, конечно, не поручусь. — Она немного успокоилась. — А я уехала со свадьбы вне себя от беспокойства. Я думала, что все эти дурацкие тайны похоронены на дне Карибского моря, и тут они всплывают. И где? В доме Пруденс Бэрт! Миссис Попугай Бэрт! Миссис Непокколебимая Мораль! Миссис Длинный Язык! Неудивительно, что Дэвисон показал тебе на дверь. Я все это время боялась чего-то подобного.

— Ну, хватит! — резко прикрикнул отец и со стуком припечатал жесткую ладонь к высокому столу.

Ирис взглянула на него удивленно, но замолчала. Отец редко кричал на нее. Но тут она заметила на столе початую бутылку джина, и все встало на место. Отец перехватил ее взгляд.

— Я становлюсь похож на Харди Мак-Кента, но разума еще не потерял. И деньги терять не намерен. Они мне слишком тяжело достались, чтобы бросать их коню под хвост из-за простого детского упрямства. Ты выйдешь замуж за Джорджа Эльсвика ровно через неделю, день в день. Тянуть дальше неприлично, смешно и очень невыгодно. Джордж со мной согласен.

Дочь молчала, и это молчание очень не нравилось отцу.

— Это произойдет не здесь, а в Лондоне, — добавил он.

— В Лондоне? — отстраненно удивилась Ирис.

— Именно. И мы отправимся туда уже завтра. Я отдал распоряжение Мэри паковать твои вещи. Мы будем жить в гостях у милорда, в доме на Кинг-стрит. Это недалеко от Уайт-холла.

— У Джорджа есть дом в Лондоне?

Нортон недовольно подумал, что из всего сказанного до нее дошло только это.

— Он купил его недавно.

— Он купил? У него нет денег даже на собачью будку.

— Купил, — повторил Нортон, — а я дал ему денег. И мы не будем обсуждать это с тобой.

— Ах, вот что! — Ирис вскочила и сделала несколько быстрых шагов, — Как же это я раньше не догадалась?! Ведь это было ясно и слепому. И еще этот раненый человек, который прятал лицо... Теперь понятно. Попутный ветер из Голландии?

Она выпалила это — и сама испугалась. Альфред Нортон замер. Он смотрел на нее остановившимся взглядом и был похож на человека, пораженного молнией. Наконец, он опомнился, встал и, не глядя на дочь, взял бутылку. Несколько минут он не мог справиться с пробкой, руки его дрожали.

— Мисс Нортон, вы отдаете себе отчет в том, что обвинили отца в государственной измене? — произнес он, наконец, и голос его показался дочери чужим.

— Я отдаю себе отчет в том, что сделала это слишком громко. Даже в стенах этого дома мне следовало быть осторожнее.

— Замолчи! — рявкнул Нортон. — Хватит об этом. Это твои фантазии, и вдобавок — глупые фантазии. И я собираюсь их пресечь. Через неделю ты станешь графиней, и я лично поведу тебя к алтарю. Никаких возражений, — рявкнул он, хотя Ирис и так молчала. — До сих пор я лишь уговаривал, а сейчас буду приказывать. И ты не посмеешь ослушаться.

Ирис стояла напротив, прямая и внешне очень спокойная. Но ее спокойствие не могло обмануть Нортон. Дочь была зла, обижена и очень встревожена. Но — молчала. С минуту Нортон смотрел на нее, ожидая хоть какой-нибудь реакции, потом пожал плечами, повторив ее излюбленное движение, и вышел в боковую дверь, прихватив початую бутылку.

Девушка осталась одна.

Неожиданно она рассмеялась. Смех в пустом холле прозвучал странно: коротко, сухо и совсем не весело.

— Итак, мой отец финансирует новый «Пороховой заговор», и мы на грани банкротства... Очень утешительно.

Рядом с камином стояла огромная декоративная ваза, дорогая, но не слишком изящная. Ирис терпела ее с трудом, как и всю остальную безвкусную роскошь этого зала. Здесь отец беседовал с компаньонами и потенциальными инвесторами. Бал правили деньги. Деньги диктовали вкусы и определяли поступки. Деньги лишили ее свободы и заставили отказаться от любви. Зачем? За что она заплатила такую непомерную цену? За этот глиняный горшок?

Внезапная ярость толкнула ее к камину, заставила подхватить щипцы и с силой обрушить их на ни в чем не повинную вазу. Черепки с сухим треском повалились на пол. Ирис вернула щипцы на место и аккуратно расправила манжеты.

— Не посмею?! Посмотрим! — произнесла она с ледяным спокойствием.

Глава 2

Дворец лорда Хэя на Стрэнде славился своим гостеприимством. Изысканные балы, приемы и светские рауты министра вошли в поговорки. Здесь можно было встретить цвет аристократии, звезд политики и князей церкви. Провести сезон в Лондоне и не побывать на балу у лорда Хэя — было все равно что попасть в Рим и не осмотреть знаменитый Колизей или в Мадриде пропустить корриду.

Стоял удивительно теплый осенний вечер. Небо понемногу затягивалось облаками. Они грозили дождем, но отчего-то медлили исполнить угрозу. Дворец сиял превосходной иллюминацией, над которой изрядно потрудились меся Жобер, парижанин, который в этом сезоне среди лондонской аристократии был нарасхват.

Бал начался четверть часа назад, но гости все еще продолжали прибывать, и поток этот мог иссякнуть не раньше полуночи. Часть гостей подъехала в экипажах, другая воспользовалась легкими лодками, эти прибывали по Темзе и, пристав к берегу, поднимались к крыльцу по широкой мраморной лестнице. По всей ее длине, на разной высоте, были укреплены светильники и, хотя было еще недостаточно темно, чтобы по достоинству оценить это великолепие, все равно зрелище было незабываемое.

Во дворце играла легкая музыка. Танцы еще не начинались, и гости неторопливо прогуливались меж колонн, раскланиваясь друг с другом, собираясь в кружки, где мужчины спорили о политике, а дамы ревниво разглядывали наряды друг друга.

Зал был убран в светло-розовых тонах, что удивительно гармонировало с огромными гирляндами белых роз, украшавшими стены, портьеры и резные колонны.

В глубине зала, рядом с широкой лестницей, ведущей наверх, в тени величественных мраморных статуй стояла или, можно сказать, пряталась пара: молодой человек лет двадцати с небольшим, одетый в щегольской костюм самого модного в этом сезоне, темно-фиолетового цвета и девушка в элегантном белом платье с наглухо закрытым воротом. Этот туалет давал возможность довольно точно определить ее статус: сестра или невеста, так как по неписаным законам только замужние женщины могли появляться в свете с открытыми плечами.

Пользуясь тем, что на них никто не смотрит, девушка с любопытством разглядывала собравшееся здесь светское общество. Ослепительные дамы и надменные кавалеры с их царственным видом и совершенно очаровательной непринужденностью в общении смущали ее, заставляя чувствовать неловкость и несвойственную ей робость. Но девушка скорее откусила бы себе язык, чем сказала что-то подобное сопровождающему ее кавалеру. Тем более что тот и сам чувствовал себя не слишком уверенно. Девушка подбодрила его легкой улыбкой.

— Поскорее отделайтесь от этой книги, Джордж. Когда начнутся танцы, наверное,

будет поздно.

— Это не займет много времени, — ответил молодой человек, — я не собираюсь болтать с лордом Хэем. Тем более что я его совсем не знаю. Вот только найду, с кем вас оставить, чтобы вы не скучали.

— Неужели среди всей этой толпы вы не видите ни одного знакомого лица?

— Ирис, — Эльсвик слегка замялся, — в определенной степени они все мне хорошо знакомы еще по прошлому сезону. Лондонский свет не меняется. Но я не вижу человека, на которого могу оставить вас со спокойной душой.

— Что вы имеете в виду? — удивилась Ирис.

— Я хочу быть уверен, что вас не поставят в неловкое положение...

— Вы говорите загадками.

Эльсвик снисходительно улыбнулся.

— Высший свет похож на узкую тропу в диких джунглях, полную ловушек. Любой неверный шаг может стоить если не жизни, то репутации. А это в определенном смысле одно и то же.

— Неужели все так плохо? — со смехом спросила Ирис. — Уверяю, Джордж, эти люди не станут требовать от меня невозможного и не осудят строго за мелкие промахи. Ведь у меня на лбу написано, что я — провинциалка.

Эльсвик невольно вздрогнул и завертел головой так, словно ему жал высокий галстук.

— Потише, дорогая. А если можно, лучше вообще не говорить таких вещей вслух.

— Но почему? — неподдельно удивилась Ирис, — что плохого в том, чтобы родиться в деревне?

Граф взглянул на нее, как на неразумного ребенка.

— Разумеется, ничего. Но будет лучше, если об этом не узнает никто, кроме меня. Свет может простить все: дуэль, банкротство, неверность, тайный порок... при условии, что он не вызывает скандалов. Но есть два ужасных преступления, которые не прощает свет: невыплаченный карточный долг и галстук, повязанный по моде прошлого сезона.

Ирис рассмеялась, благодарно взглянув на жениха. Ему все-таки удалось вернуть девушке утерянное было самообладание. Внезапно Эльсвик оживился и вытянул шею.

— Фоултоны приехали, — сообщил он, — мой дядя Генри с супругой. Сейчас он поздоровается с епископом и лордом Блейкни, и я тебя представлю.

— погоди, — остановила его Ирис, улыбаясь с явным облегчением, — есть вариант получше. Смотри, кто приехал!

В распахнутые двери зала, те, что со стороны Темзы, входила новая пара. Ирис ждала от своего первого выхода в свет чего угодно, но только не того, что встретит там знакомые лица. Мужчину она видела второй раз в жизни, но узнала: это был французский аристократ барон де Сервьер. А женщина...

— Бог мой, это же Кэти! Идем скорее, поздороваемся.

— Подожди, дорогая, — Джордж придержал невесту, — лучше бы нам сначала поздороваться с Фоултонами. Барон, конечно, француз, от иностранцев многого не ждут, но все же...

— Все же? — со значением повторила Ирис. Серые глаза нехорошо сощурились. — Договаривайте, милорд. Если уж сказали «а», то говорите и «б».

— Барон недавно в Лондоне, но он уже успел обзавестись известностью, которую обычно называют скандальной.

— Продолжай, — потребовала Ирис. Торопливый и путанный разговор с подругой на веранде, сразу после ее свадьбы, так и не шел у нее из головы.

— Он не слишком ловко поинтересовался делами одной довольно успешной торговой компании. В некоторых кругах решили, что он — шпион от конкурентов, а никакой не аристократ. Тем более что Вивиян, сестра графа Шрусбери, провела год во Франции... И она абсолютно уверена, что никакого поместья с таким названием на юге Франции нет. И никто там не знает таких баронов.

— Ну, если Вивиан сказала, — фыркнула Ирис, — тогда конечно... Вообще-то существует реестр всех поместий и их владельцев. Коль скоро он есть у нас, то должен быть и во Франции. Почему бы не обратиться к нему, вместо того чтобы собирать сплетни? И вообще, раз барон принят в доме министра, значит, и для нас с тобой он вполне подходящая компания. По крайней мере, пока его не поймают за руку за шулерством в карты. Ты идешь?

Граф нехотя подчинился.

Пока мужчины осторожно познакомились и искали подходящую тему для разговора, их дамы рассматривали друг друга. Ирис осталась той же мисс Нортон, что и в Уэрствуде, тут, похоже, даже лондонский сезон был бессилен что-либо изменить. А вот в маленькой Кэти произошли перемены. Черное открытое платье, сшитое по последней моде, так выразительно обрисовывало ее стройную, но не худую фигуру, что на подружку оглядывались, и в значении этих взглядов ошибиться было трудно. Ирис провела беспристрастное сравнение и со свойственной ей честностью признала свой проигрыш.

Кэти выглядела смущенной и не слишком веселой. Ирис взглянула на скандально известного барона и неожиданно встретилась взглядом с его холодными синими глазами.

— Мисс Нортон, — барон «сделал» вежливую улыбку, — признаться, не ожидал встретить вас у Сесила.

По-английски он говорил превосходно, словно родился не в солнечном Беарне, а на туманных берегах Темзы.

— Ваша милость так коротко знает лорда Хэя? — спросила Ирис.

— Вовсе нет. Но министра, как и короля, говоря о нем за глаза, всегда называют по имени. Это своеобразная форма признания.

— Разрешите мое недоумение, барон, — проговорила Ирис, с опаской глядя на подругу. — Кэти говорила, что еще в Уэрствуде вы спрашивали обо мне. А между тем, я готова поклясться, что раньше мы не встречались. У меня хорошая память на лица.

— Вы правы. Это была ошибка. Надеюсь, вы простите мне ее? Я ведь, к сожалению, не обладаю такой же прекрасной памятью на лица.

— Дорогая, — Эльсвик тронул Ирис за руку, — я оставлю вас на одно мгновение. Только отделаюсь от поручения мистера Нортон — и сразу же вернусь.

— Твой отец попросил передать министру молитвенник? — шумно изумилась Кэти. — Они разве знакомы? Я бы сказала — странный поступок.

— Вовсе нет, — вмешался ее супруг в тот момент, когда Ирис уже была готова задушить подругу. — Я говорил на эту тему с виконтом Каслри и выяснил, что в свете сейчас модно дарить друг другу молитвенники, чтобы продемонстрировать свою оппозицию католицизму. Ничего странного в этом нет, всего лишь своеобразная фронда...

Тон барона был легким, но взгляд, которым он проводил Эльсвика, тяжелым и внимательным. У Ирис невольно сжалось сердце...

Тут в блестящей толпе наметилось движение, и все взгляды обратились в сторону дверей, в которые в этот момент входила еще одна пара. Гости на несколько мгновений опешили. И было от чего. При всем желании нельзя было представить себе более неподходящей друг другу четы. Мужчина был слишком высок и слишком стар, и даже безукоризненно сшитый костюм не мог скрыть его ужасающей худобы. А цвет его лица — слишком смуглый — и черты, выразительные, но вряд ли хоть сколько-нибудь гармоничные... все это выглядело отталкивающе. Особенно рядом с дамой, которую он сопровождал.

— Королева, — сдавленно произнес чей-то голос рядом.

— Мадонна, — поправил его другой.

А она шла сквозь притихшую толпу, легко опираясь на руку своего спутника, и не глядела по сторонам.

Это был именно тот тип красоты, который с такой живостью запечатлели в веках кисти знаменитых флорентийцев: яростный языческий огонь, укрощенный, или, скорее, жестоко скованный всеми христианскими добродетелями, сколько их ни есть на свете. Легкая грация,

и тяжелый водопад золотых волос с медным отливом — такой увидел ее лондонский свет.

— Кто она? — шепотом спросила Кэти и тотчас получила ответ от виконтессы Фоултон, которая, как всегда, была осведомлена лучше всех:

— Итальянская княгиня с супругом.

— Княгиня? В таком простом платье?

— Это платье стоит дороже, чем «Синий цветок», — отозвалась Ирис и, присмотревшись повнимательнее, добавила, — с грузом. Чтобы оплатить такую вышивку, короли, бывало, закладывали целые провинции.

Наивное изумление Кэти позабавило общество. А итальянская княгиня меж тем прошла мимо, не опираясь, а лишь легко касаясь руки супруга, едва скользнув по Ирис Нортон не узнающим взглядом. Толпа сомкнулась за странной четой, волнение мало-помалу стихло, гости отхлынули от дверей к колоннам, освобождая середину зала для танцев.

В этой суматохе никто не заметил, как несколько человек с вежливыми извинениями покинули зал, удаляясь через разные двери. Кроме, возможно, скандально известного французского аристократа, супруга маленькой Кэти, чьи холодные глаза, ни на чем не останавливаясь, замечали все.

Наконец появился Эльвик. Ирис подумала, что теперь-то они присоединятся к танцующим. Но у жениха были на этот счет свои планы, и он твердой рукой повел ее к своей титулованной родне. Ирис, наконец, была официально представлена высшему свету. Приняли ее более чем прохладно. От волнения и расстройства девушка не заметила платка, выскользнувшего из-за манжеты, и обнаружила это лишь когда услышала сзади глуховатый голос:

— Простите, мисс, вы, кажется, обронили.

Она машинально взяла протянутый платок, обернулась со словами благодарности... и успела заметить только спину, стремительно отдалявшуюся и через миг пропавшую в людском водовороте. Девушка подняла взгляд, возмущенный и обиженный. Леди Маргарет Фоултон многозначительно посмотрела на нее, на злосчастный платок — и ничего не сказала. Что, видимо, было хуже всего. Ирис вздохнула. Вечер лишь начался, а ей уже в третий раз указали ее место. Пожалуй, в доброй старой Англии и впрямь не было хуже преступления, чем родиться в деревне. Разве только в деревне вырасти.

* * *

Лорд-хранитель печати добрался до своего охотничьего кабинета первым. Званных гостей еще не было. Кабинет располагался на втором этаже просторного особняка. Переступив порог, лорд внимательно осмотрел комнату. Потом пересек кабинет и рывком отдернул темные шторы. Никого. Впрочем, если бы даже кому-то и пришла в голову фантазия спрятаться в кабинете, чтобы пырнуть министра чем-нибудь острым... Вот уже несколько месяцев лорд носил под одеждой гибкую итальянскую кольчугу и уже успел убедиться в ее надежности.

Еще раз подозрительно оглядев комнату, он, наконец, впустил двоих офицеров.

— Прошу вас, располагайтесь, — негромко предложил он.

Вошедшие молча повиновались. Они были очень разными. Высокий брюнет в мундире гвардии славился изысканными манерами, двумя отчаянными дуэлями чуть не под окнами Уайтхолла⁵ и трепетным отношением к болезненной матери. Второй, среднего роста блондин с круглым лицом и шикарными усами, был немного полноват, но чин кавалерийского капитана придавал ему уверенности в любой ситуации.

— Итак, сэр, — пробасил он после довольно долгого молчания, во время которого оба

⁵ Уайтхолл (*Whitehall*) — улица в центре Лондона, название которой стало нарицательным обозначением британского правительства.

приглашенных внимательно слушали, как тикают большие напольные часы в кабинете министра, — расскажите же, ради чего мы покинули наших дам?

— Имейте терпение, господа, — лорд Хэй опустил за письменный стол, спиной к окну, — всему свое время.

— Не хочу показаться назойливым, — продолжал капитан, — но где же наш уважаемый Присби?

— Должен быть с минуты на минуту, — Хэй бросил взгляд на массивные часы, — вероятно, его задержали банковские дела.

— Разве нам недостаточно услуг мистера Нортон? — подал голос второй офицер.

— Молодой человек, — произнес капитан, — наше дело — справедливое и угодное Господу, а такие дела, как правило, очень дорогостоящие. Услуги Присби нам нужны не меньше, чем ваша доблестная шпага. Деньги, дорогой Дадли, лишними никогда не бывают.

— Да, если учесть, с какой скоростью вы умудряетесь их тратить, то, пожалуй, нам скоро понадобится еще парочка банкиров, — огрызнулся гвардеец.

— Я должен принять ваше замечание на свой счет? — сощурился капитан.

— Как пожелаете, — отозвался Дадли.

— За такие намеки полагается отвечать со шпагой в руке, сэр.

— Господа, успокойтесь. Вы у меня в гостях, а не в казарме! — Недовольный голос лорда-хранителя печати заставил Дадли придержать очередную колкость. — Мы делаем общее дело, и наши ссоры лишь на руку врагам.

В кабинете установилась напряженная тишина. И, словно специально дождавшись этого мгновения, в дверь негромко постучали.

Капитан машинально потянулся к эфесу шпаги. Скрипнул ящик стола, и рука лорда Хэя легла на пистолет. Только молодой гвардеец остался неподвижен и равнодушен. Дверь бесшумно отворилась.

— Простите, господа. Я, кажется, немного припозднился?

На пороге стоял маленький человечек в сюртуке, с тонкой полированной тростью.

— Признаться, мистер Присби, вы нас несколько... — лорд сделал паузу, подбирая нужное слово, — смутили.

— Мы подумали, что нас уже хватились, — меланхолично произнес Дадли, — и сейчас на пороге кабинета нас ждет конвой, чтобы проводить в Ньюгейт⁶.

— Простите великодушно, — Присби неловко улыбнулся.

— Располагайтесь, — кивнул лорд, и гость засеменил короткими ножками к дивану.

— Теперь, когда мы все в сборе, разрешите зачитать вам послание, полученное сегодня от нашего дальнего друга.

Министр оглядел присутствующих. Офицеры и банкир молчаливо ждали. Хэй взял лежавший на столе молитвенник и небольшим ножом для бумаги ловко вскрыл переплет.

Оттуда он извлек письмо и начал читать:

— «Я очень тронут Вашей заботой о страданиях британского народа и счастлив узнать, что есть люди, которые ставят благо отечества выше собственного, и даже выше своей жизни.

До меня дошли слухи о том, что в среде благородных людей королевства зреет недовольство. Это хорошая новость. К сожалению, ситуация, которая сложилась в моих собственных владениях, не позволяет мне активно участвовать в Вашей благородной миссии и оказать Вам сколько-нибудь весомую помощь. Но я верю, что Господь не оставит Вас своей милостью и ниспошлет, наконец, покой и мир на многострадальные земли Англии».

Лорд Хэй оторвался от письма и многозначительно взглянул на гостей.

— Что скажете, господа?

— По-моему, все ясно, — первым ответил капитан, — он нам отказал.

⁶ Ньюгейт — тюрьма, основанная еще в 12 столетии.

— Значит ли это, — вмешался Дадли, — что мы потерпели поражение?

— А что скажете вы, мистер Присби? — внезапно спросил лорд Хэй.

Маленькие глазки сосредоточились на лице министра.

— Вы позвали меня, сэр, потому что вам нужна помощь.

— Очень, — вставил капитан.

— Я готов помочь. Но вы должны мне обещать, что деньги не будут потрачены напрасно. После того, что я только что услышал...

— А что вы, собственно, услышали? — холодно спросил Дадли, — я, например, не слышал ничего важного. Это письмо, переправленное с такой таинственностью, на самом деле можно было просто отнести на почту. И, сдается мне, господа, это всего лишь отвлекающий маневр.

— Думаю, вы правы, — Хэй с явным одобрением взглянул на гвардейского офицера. Он — птица высокого полета. Ему ни к чему заранее афишировать свои намерения. — Письмо, которое я вам зачитал, как видите, без подписи. Кроме того, оно обрезано по краю. И не слишком ровно.

— И что это значит? — спросил Дадли, рассматривая ногти.

— Значит, есть вторая часть, — сообразил банкир, — и ее, в целях безопасности, везет другой курьер. Очень умно. Но когда прибудет этот, второй?

— Уже, — лаконично ответил министр.

— Надеюсь, он предстанет перед нами, — поинтересовался Дадли.

— Безусловно, — ответил лорд, — перед тем как пригласить вас, я послал за ним, и сейчас, — лорд снова взглянул на часы, — он, наверное, ждет в саду. Будьте любезны, капитан, возьмите свечу и подойдите к окну.

Капитан встал, сделал несколько шагов, позвякивая золочеными шпорами, и, отодвинув штору так, чтобы пламя свечи было видно из сада, несколько раз поднял и опустил тяжелый медный подсвечник.

— Благодарю вас, сэр, — кивнул Хэй. — Теперь надо немного подождать.

— А что за человек? — любопытствовал Присби, когда капитан вернулся к дивану.

— Ничего определенного сказать не могу, — ответил лорд, — но достоверно знаю, что кроме второй части письма он имеет устное предписание и большие полномочия от нашего общего друга.

— Мне кажется, это ответ на ваши сомнения, — произнес Дадли, обращаясь к банкиру.

— Господа, — министр легонько постучал по столу ладонью, привлекая внимание, — давайте же, как говорит наш уважаемый друг Присби, подведем баланс. Военная сторона нашего плана полностью готова, в чем большая заслуга присутствующих здесь офицеров. — При этих словах капитан довольно кивнул. Дадли лишь сухо улыбнулся. — Финансовая сторона тоже не вызывает сомнений, не правда ли, мистер Присби?

Глазки банкира ожили и несколько раз переместились с гостей на хозяина кабинета.

— Совершенно справедливо, — кивнул он, — я выделю ровно столько, сколько требуется на известных гарантиях моему банковскому дому от нового кабинета. Если наш гость даст мне такие гарантии...

— Воистину деньги правят миром, — изрек капитан.

— Большие деньги, Кроуш, — равнодушно вставил Дадли.

Часы с сухим стуком отмеряли время.

— Посланец нашего друга, часом, не заблудился? — недовольно спросил капитан Кроуш.

— Он видел ваш сигнал? — спросил Хэй.

— Да, и ответил.

— Прошло уже почти четверть часа. За это время можно было добраться из сада до кабинета задом наперед и с мешком на голове, — сказал Кроуш.

— Я пошлю слугу проверить...

— Лучше я сам. — Дадли встал, проверил шпагу на поясе и вышел, аккуратно

притворив за собой дверь. В кабинете воцарилось напряженное молчание, которое никто не смел нарушить.

Дадли появился довольно скоро. Он был бледнее обычного, казалось, что его знаменитое хладнокровие несколько изменило офицеру. Но, когда он заговорил, голос прозвучал ровно:

— Милорд, как выглядит посланец друга? — спросил он.

Хэй в волнении привстал.

— Он довольно высок, отлично сложен... кажется, совсем молодой человек. Волосы темно-каштановые, вьющиеся... Прекрасный цвет лица.

— Насчет цвета сейчас ничего уже сказать нельзя, а все остальное совпадает, — отрывисто произнес Дадли, поискал глазами, и, заметив на круглом столике графинчик, плеснул себе вина.

— Что вы хотите сказать? — встрепнулся Присби.

— Он мертв. Убит. Совсем недавно. Кровь еще струится.

— Как... мертв? Совсем?

— А что, бывают варианты? — едко сострил Дадли, которому торопливо опрокинутый стаканчик отчасти вернул присутствие духа. — Мертв совсем, мертвее не бывает. Заколот в спину стилетом или узким ножом. В темноте не разобрать. Но — не шпагой, это точно.

— Как же это? — растерялся Хэй. — Ведь он же ответил на сигнал Кроуша?

— Он или тот, кто его убивал, — бросил Дадли.

— При нем была какая-нибудь сумка или пакет? — сообразил, наконец, Хэй.

— Ничего. Я обыскал его. Но документ, если он есть, может быть зашит в одежду или спрятан в тайник, который сразу не обнаружишь.

— Где тело?

— Сейчас — в кустах шиповника, за розовым павильоном. Я его перепрятал на случай, если убийца вернется для более тщательного обыска. Плащ с него не снят, если вам интересно, и сапоги тоже. Так что, вполне возможно, документ еще там.

Лорд Хэй потянулся за колокольчиком. Крепкая рука капитана прижала ладонь министра к столу.

— Не стоит посвящать в наши дела лишних людей, — веско произнес Кроуш.

— Мы сами, — кивнул Дадли, — найдется помещение, куда можно будет его положить?

Едва хозяин дворца и его гости покинули охотничий кабинет, и шаги их, приглушенные ковром, стихли, в самом конце коридора с тихим скрипом отворилось окно, мелькнул силуэт, и на пол мягким кошачьим прыжком приземлился человек в странном бело-сером одеянии не то призрака, не то гигантской летучей мыши-альбиноса. Одно мгновение — и он скинул тонкий плащ, который позволил ему остаться незаметным на серой стене дворца, свернул его в несколько раз, расстегнул камзол и обернул плащ вокруг талии. Странная деталь костюма в его облике, в общем, ничего не изменила. Он остался таким же худым, высоким и отталкивающим внешне. Оглядевшись вокруг, он бесшумно шагнул к столу и быстрым взглядом просмотрел небрежно разбросанные бумаги. Нужная обнаружилась сразу. Весть об убийстве сразила господина министра, и он сделал то, что не сделал бы ни при каких иных обстоятельствах — оставил письмо на столе. Человек пробежал его глазами, провел пальцем по неровно обрезанному нижнему краю и, аккуратно сложив, сунул за пазуху...

* * *

— Ваше светлейшее сиятельство позволит пригласить вас на следующий танец?

Джованна да Манчина, безусловная королева сегодняшнего бала, благосклонно улыбнулась виконту Каслри.

— Ее сиятельство не против, но, возможно, это придется не по вкусу его сиятельству.

Кавалер покрутил головой, пытаясь отыскать уродливого супруга прекрасной княгини, но нигде не заметил нескладной худой фигуры.

— Неужели князь так ревнив?

— О, — тихо рассмеялась Джованна, — здесь есть поговорка: «Ревнив, как итальянец». У нас, в Италии, говорят: «Ревнив, как манчинец», а в Манчине вы можете услышать: «Ревнив, как Лоренцо», и, право, никто еще не относил эту поговорку на счет какого-нибудь другого Лоренцо.

— Я его понимаю, — с чувством произнес виконт, — если бы я владел таким сокровищем, то, клянусь честью, запер бы вас в какой-нибудь башне и запретил бы в нее входить даже доверенным слугам.

— Какое счастье, что вы не Лоренцо!

— По крайней мере, мне, как бы я не был плох в ваших глазах, и в голову бы не пришло оставить вас одну на балу. — В голосе виконта проскользнула обида, и Джованна насторожилась.

— Знаете, — произнесла она, захлопывая веер, — пожалуй, я все-таки не откажу себе в удовольствии позлить Лоренцо. Пригласите меня, виконт.

Музыка зазвучала, заглушив ответ секретаря всемогущего Сесила. Веер Джованны опустился вниз, раскрылся на две планки и снова захлопнулся. Эти манипуляции были проделаны так быстро и ловко, что никто их не заметил, кроме... французского барона, мужа Кэтрин.

И еще одного человека...

Он стоял в тени за колонной и неотрывно смотрел, но не на ослепительную княгиню, а совсем в другую сторону. Туда, где стояла девушка в простом белом платье, немного смущенная, но все с тем же задорным блеском в глазах, готовая бросить вызов всему свету. Он бы с удовольствием смотрел на нее весь вечер... Если бы некоторые гости не повели себя несколько странно. От его внимательного взгляда не укрылись ни манипуляции с веером, ни то, кому они адресованы.

* * *

— Интересно, что делают лавочники на балу у Сесила? — раздался женский голос.

Фраза была брошена, словно камень в пруд, намеренно громко, так, чтобы круги разошлись далеко. Родерик Бикфорд неторопливо обернулся. И встретил дерзкий вызывающий взгляд старшей дочки Фоултонов. Он улыбнулся.

— Ну зачем же так унижительно... лавочник. Коммерсант! — Бикфорд прищелкнул пальцами. — Коммерсант — это звучит гордо. И красиво. Только вслушайтесь в звучание слова не-го-ци-ант. В нем свист ветра в парусах, гром пушечных ядер, звон оружейной стали, запах восточных пряностей, морская соль и нежность шелковых тканей под пальцами. Риск и мужество. «Находчивость и смелость, отвага и удача»... И благодарность королей...

Элизабет давно уже перестала возмущаться и слушала торговца, приоткрыв свой прелестный ротик... Но Родерик вдруг отвернулся. Он заметил, как француз что-то сказал своей юной жене и развернулся, намереваясь, видимо, покинуть зал. Бикфорд шагнул из-за колонны. За ним.

— Дорогая, ты поступила очень неосмотрительно, — попенял дочери Фоултон, — не стоит задевать человека, который в чести у Его Величества. Тем более не стоит делать это публично. Твое счастье, что мистер Бикфорд придает очень мало значения условностям.

— Вот как? — девушка презрительно вздернула подбородок. — Бикфорд в чести у короля? Я об этом не знала.

Молодой лейтенант Блеквуд, стоявший рядом, обаятельно улыбнулся девушке.

— Говорят, за его выдающиеся заслуги перед Англией и троном, Его Величество пожаловал младшему Бикфорду титул баронета.

— Замечательно! Значит, теперь мы должны обращаться к торговцу «Ваша милость»?

— Не обязательно, — успокоил девушку лейтенант, — он не принял титула.
— То есть, как это «не принял»? — не поняла Элизабет. — Бикфорд отказал королю?
— О нет, не напрямую. Он пожал плечами, вежливо поблагодарил и напрочь забыл об этом сразу после аудиенции.

Кружок назойливых поклонников вокруг итальянской княгини внезапно поредел, и Джованна с немалым облегчением увидела своего мнимого супруга.

— Вы неосторожны, — зашептала она, едва он приблизился, — ваше отсутствие заметили.

— Проклятье! — выругался Лоренцо. — Это было необходимо. Произошли странные события. А кто заметил?

— Виконт Каслри. Между прочим, он секретарь самого Сесиля Хей.

— О! Он уже назначил вам свидание?

— Нет, но это вопрос времени. И, кроме того, я встретила здесь знакомого...

— Интересно — кого же?

— Я знала его под разными именами, — тихо произнесла Джованна.

— Это становится все более интригующим, — нейтральным тоном заметил князь.

— Он, безусловно, узнал меня. Но не подошел. И, кстати сказать, Этьенн не сводил с него глаз!

— Они знакомы? Хотя, что я спрашиваю? Если мы говорим об одном человеке, то француз ехал сюда, чтобы бросить ему вызов?

— Вы правы, — кивнула Джованна, — и, кажется, именно сейчас он собрался это сделать.

Лоренцо обшарил зал внимательным взглядом и снова выругался.

— Похоже, вы правы.

— Это очень опасный человек. Он владеет шпагой как бог.

— Я знаю, — кивнул Лоренцо. — Но ведь вы же не хотите, чтобы я снова оставил вас одну?

— А если Этьенн погибнет?

— Значит, его хваленая ловкость сильно преувеличена, — невозмутимо произнес Лоренцо. — Пусть дерутся. Хороший клинок не затупится, а плохой мне не нужен.

* * *

Раздался треск сломанных веток, и нежные лепестки поздних белых роз бесшумно осыпались на влажную землю и еще зеленую, ровно подстриженную траву. За спиной была освещенная лестница, а внизу, на темной воде, безмятежно покачивались лодки.

— Куда торопитесь, ваша милость?

Бикфорд невольно вздрогнул. Голос прозвучал опасно близко. Родерик стремительно обернулся. Была уже глубокая ночь. Сад темнел зловещим провалом, а сплетенные над аллеями ветви старых вязов были похожи на взявшихся за руки великанов. От одного из них отделилась темная фигура и шагнула к нему.

— Откуда ты взялся? — мрачно спросил он. Вопрос был чисто риторический, но ответ прозвучал немедленно:

— Из-за двери...

— Будь ты проклят! Ты даже не представляешь, как ты не вовремя!

— А смерть никогда не приходит вовремя. Она всегда спешит, — темный человек, не отводя взгляда от Рика, обошел его и встал так, чтобы преградить путь отступления вглубь аллеи.

— Я вижу, ты с пользой вложил свое Карибское золото, — произнес он вдруг, — титул, земли, положение... Ты счастлив?

Рик выпрямился.

— Кто вы и что вам от меня нужно?

— Чтобы ты сдох!

— Яснее не скажешь, — усмехнулся Рик. — Но ты же не собираешься устраивать дуэль здесь, в саду министра? Кто бы ты ни был и что бы ни имел против меня.

Француз потянулся к оружию. С тихим шелестом шпага покинула ножны.

— Даже если бы я встретил тебя в церкви, все равно попытался бы уничтожить, — темный человек шагнул ближе, — ты слишком хитрый сукин сын. Стоит мне на одну секунду отвернуться, и ты опять нырнешь куда-нибудь. Я не собираюсь рисковать, Бикфорд. Ты ходишь по земле лишние семь лет, пора с этим заканчивать. Защищайся! — Выпад был стремительным и сильным. Рик едва успел его парировать, несмотря на то, что шпагу давно держал наготове.

Он отскочил в сторону, поскользнулся на мокрой после недавнего дождя траве и упал на одно колено. Перед глазами мелькнуло жалающее острие. Он ушел кувырком в бок, вскочил — лунный свет на мгновение ослепил его, и Рик скорее услышал, чем увидел следующий выпад... Почти наугад, по звуку летящего клинка, он выставил блок и сильным махом отвел клинок в сторону. Этой секунды ему хватило, чтобы резко подняться и занять оборонительную позицию.

Темный человек начал с того, чем другой бы закончил...

Луна светила ему в спину, и Рик понял, что сейчас, на этой серебристой траве он как на ладони. Нет ничего хуже, чем умирать, не зная за что, может быть, по ошибке.

— Кто ты и за что так меня ненавидишь? — Шпаги со звоном скрестились в очередной раз. Рик выровнял дыхание и снова попытался обратиться к незнакомцу: — Я вижу тебя первый раз в жизни. Может, сначала поговорим? Может быть, нам и не из-за чего убивать друг друга?

— В самом деле? — Серия быстрых, коротких ударов лучше всяких слов сказала Рику, какой глубокий отклик его слова нашли в сердце противника. — Значит, станешь невинно убиенным и, как мученик, попадешь в рай.

— Послушай меня! — Ответом было молчание и новая серия ударов. Рик энергично защищался. Его шпага летала как молния, и все же ему с трудом удавалось сдерживать яростный напор противника. — Ты знаешь, от кого я получил титул?!

— Это важно?

— Да! Настолько важно, что, если ты убьешь меня, тебе самому не жить.

Если бы тень не была так занята фехтованием, то, наверное, пожала бы плечами.

— Ха... Мне в любом случае не жить, так что это не имеет большого значения...

Последовал молниеносный выпад, и француз, уходя в сторону, едва устоял на ногах. Каблуки предательски подвернулись... его качнуло... Рик поспешил воспользоваться плодами своей атаки. Шпага визгнула, рассекая воздух, и устремилась вперед. Блок! Легкий скрежет стали...

— Ммх... — едва слышный выдох — и мнимый барон ощутил, что укол в то же левое плечо на этот раз оказался более глубоким. — Сволочь!

— Пора заканчивать! — произнес Рик и, описав шпагой широкую дугу, резко изменил направление.

Он прыгнул вправо, и как только нога коснулась земли, присел, далеко вперед выбрасывая смертельное жало. Но Этьенн... Этьенн искренне считал себя сделанным не пальцем! Сильным ударом сбоку он отшвырнул шпагу атакующего и в следующее мгновение сделал полуоборот — rate!⁷ Рик отпрянул, а Этьенн чуть докрутил шпагу, шаг вперед и... — mortelle!⁸

Укол пришелся в бок, шпага скользнула, распоров кожу и пустив кровь. Рику пришлось

⁷ Rate — мимо, промах. (фр.)

⁸ Mortelle — рана, точный удар. (фр.)

немного отступить назад. Рука быстрым движением ощупала рану, оценив общий ущерб.

— Вуаля! — цинично улыбаясь, изрек Этьенн.

— Сейчас будет тебе вуаля, паскуда, — процедил сквозь зубы Рик, он и не заметил, что произнес эту фразу по-русски. В сущности, рана пустяшная, но обидная. — Ну все, пора!

— Что?! — дуэлянт выкатил от удивления глаза. Подобной речи он в своей жизни ни разу не слышал, хоть повидал немало французов, голландцев, испанцев, датчан и даже курляндцев...

Прыжок был подобен атаке гепарда. В долю секунды Рик оказался вплотную к противнику. Две выставленные вперед шпаги скрестились и со скрежетом съехались, ударившись эфесами. На миг дуэлянты обдали друг друга жаром ярости. Этьенн уже открыл было рот, чтобы извергнуть ругательство, но Рик оказался проворнее:

— Ннаа! — он до боли сжал рукоять и, ловко выкрутив руку, ударил эфесом в лицо. Француз отлетел назад, а Рик с занесенным кулаком был уже рядом. Он почему-то решил, что именно сейчас добивать врага надо эфесом...

В пылу поединка противники не заметили, как по аллее сада к ним неторопливо приближаются две молоденькие дамы — гости лорда Хэя. Они увлеченно беседовали, и, вероятно, так и прошли бы мимо, но звон клинков в ночной тишине, приглушенный вскрик и брошенное сквозь зубы ругательство привлекли их внимание. Одна из них, леди в черном, повернула свою хорошенькую головку и пронзительно вскрикнула:

— Силы небесные! Этьенн!

Барон, только что потерявший от очередного удара свою шпагу, только чертыхнулся, но не повернул головы. Он обеими руками уперся в грудь противника, намереваясь того оттолкнуть:

— Ах, ты кусок дерь... — и тут кулак с зажатым эфесом угодил ему прямо в лоб, — ...рма, — на выходе закончил Этьенн, и перед его глазами заплесали яркие точки.

А Рик уже заносил руку для последнего удара. Но довершить начатое ему не дали...

— Боже! — всплеснув руками, в один голос воскликнули дамы.

— Проклятье! — француз зло сплюнул. Он шатался, но на ногах стоял — Выходит, не только смерть может появиться не вовремя... Тебе повезло, Рик. Но не обольщайся, это ненадолго...

— Да кто хоть ты, скажи, иначе умру от любопытства! — растерянно отозвался Родерик.

— Вспомни женщину, которую ты предал.

С этими словами ночной демон отступил назад, ломая кусты и пошатываясь, словно хватил лишку. Впрочем, именно хватил. Тяжелым тупым предметом по башке.

«Женщина, которую ты предал...»

— Вроде никого не предавал, — растерянно проговорил Рик, — или я чего-то про себя не знаю. Выходит, старость пришла. Винпоцетин нужно пить. Где бы его еще тут достать...

Оглянувшись на двух женщин на аллее и на неведомого врага, который направлялся к ним нетвердой походкой, Рик отступил в темноту.

— Этьенн! — еще раз позвала, почти взмолилась Кэти.

Мнимый барон де Сервьер подошел ближе и властным движением руки заставил жену замолчать.

— Оставьте, дорогая...

— Но вы в крови, ой... и лицо! — Кэт готова была расплакаться.

— Пустое! Не стоит слез! — отрезал супруг и взгляделся в побледневшее лицо подруги своей жены.

— Мисс Нортон, вы что-нибудь видели?

Девушка медленно покачала головой.

— Нет. Только тень.

— Хорошо, — удовлетворенно качнул головой барон, утирая платком разбитое лицо, — очень хорошо...

Глава 3

Эта комната называлась «красной гостиной» и не нравилась женщине. Хотя была очень красиво обставлена, мебель делали на заказ, и она бы удовлетворила самый изысканный вкус. Но, возможно, как раз изысканности всю жизнь и не хватало дочке французского моряка и простой неграмотной итальянки. Она умела носить дорогие платья и правильно обращаться со столовыми приборами, читала, писала, играла на нескольких музыкальных инструментах и великолепно пела... Но все же ловчее всего ее хрупкие руки с тонкими аристократическими пальцами справлялись с починкой рыбацких сетей и штопкой чулок.

Сочетание бордового лионского бархата с позолотой и темным деревом слишком живо напоминало ей вычурную роскошь фамильного замка Кастильяно в Толедо, который принадлежал ее мужу, жестокому человеку и грешнику, и ту страшную ночь, когда она, Беатрис, и ее слуга, Ухо, чуть не погибли — все то, что она хотела, но не могла забыть.

Она распутала завязки плаща и сбросила его на низкий столик. Молчаливый слуга, брат Джакомо, зажег свечи и, не говоря ни слова, вышел. Женщина до сих пор не знала, немой он или просто молчун... Или имеет прямой приказ не открывать рот без крайней нужды.

Однако одиночество Джованны длилось недолго. В комнате, по своему обыкновению без стука, появился тот, кого она даже в мыслях старалась называть только «Лоренцо».

Он смыл грим — и сразу помолодел лет на двадцать. А сколько ему на самом деле? Джованна этого никогда не знала, как не знала и его настоящего имени.

Лоренцо избавился не только от грима, но и от старческой сутулости, выпрямился, разминая плечи. Джованна со странным удовольствием смотрела, как под белой сорочкой из тонкого полотна мощно, красиво и пугающе перекачиваются литые мускулы. Лоренцо внезапно обернулся и перехватил ее взгляд.

— На моих глазах совершается волшебство Медеи, — с улыбкой пояснила Джованна.

Лоренцо пожал плечами.

— Думаю, путешествуя со мной, вы видели достаточно чудес, чтобы не удивляться примитивным способам камуфляжа.

— О да, — кивнула женщина, — чудес я насмотрелась. Но, сдается мне, как раз вас *настоящего* я и не видела.

— Это было бы не то зрелище, которое я бы хотел вам показать.

Джованна вскинула брови, но тотчас поняла, что объяснений не будет.

— Я отчего-то не хочу спать, — задумчиво произнесла она.

— Вам беспокойно?

— Нет. Мне хорошо. Вот только спать совсем не хочется. Вы уже продумали, что мы будем делать дальше? В связи с этой странной смертью в саду?

Лоренцо кивнул, не отводя взгляда от плывущего язычка пламени свечи.

— Будем собирать информацию. Кто владеет информацией, тот владеет миром. — Он игриво прищелкнул пальцами. — Пока с уверенностью можно сказать только одно: в доме Сесила новый «Запечатанный узел». Их «Тайную вечерю» я видел своими глазами, значит, сведения можно считать достоверными. Но то, что случилось с посланцем, было для них неожиданностью, готов поклясться. Так что первый ход в игре сделал неизвестный. И это был сильный ход. Завтра мы ему ответим. Ход за ходом и, глядишь, через пару недель мы с ним познакомимся, — Лоренцо неожиданно подмигнул женщине. Она невольно улыбнулась.

— Наш ход тоже будет сильным?

— Посмотрим. С одного хода партию не выиграть. А демонстрировать свою силу иногда не слишком разумно. Жизнь — игра. А политика — это очень серьезная игра. Министр иностранных дел играет с королем Яковом, Его Святейшество — с Луи, для отца Витторио весь мир — шахматная партия. Не сыграть ли и нам с тобой в игру королей?

С этими словами Лоренцо сбросил на пол ее плащ, легко передвинул массивный столик, расчерченный черными и белыми клетками, и опрокинул над ним ящичек с

тяжелыми фигурами из слоновой кости и эбенового дерева.

— Я опять проиграю, — заметила Джованна.

— Очень хорошо, — кивнул ей мнимый супруг, — проигрывая, учишься побеждать. Ты играешь белыми, так что — начинай.

Так, незаметно, они перешли на «ты».

* * *

Говоря о политике, как о большой игре, Лоренцо ничуть не кривил душой. Но эта поэтическая метафора имела и другой, буквальный смысл. И если во дворце лорда Хэя на Стрэнде собирались сливки общества, то его правая рука, виконт Каслри, коллекционировал лучшие умы Лондона. Делал он это весьма оригинальным способом. Двери его особняка на Кинг-стрит открывались каждый вечер для тех... кто был не прочь составить партию в карты. Этим обществом, весьма и весьма избранным, казалось, никто не управлял, никто не заботился о том, чтобы гости не скучали и не чувствовали неловкости. Сам хозяин появлялся среди гостей далеко не всегда, но это никого не удивляло. В просторном зале, за столиками, покрытыми зеленым сукном с вьевшимися меловыми крошками, встречались представители таких древнейших родов, как Фулборны и Уинтерингемы, коммерсанты, сделавшие состояния на колониальной торговле, поэты и драматурги, чиновники, офицеры и даже — о ужас! — артисты. Здесь как-то не принято было морщить нос и мериться чинами или предками. За зеленым сукном ценились раскованный ум, свежий взгляд на вещи, независимость суждений и, конечно, доступ к последним новостям: политическим и светским. Этот своеобразный клуб, как и баня, уравнивал многих, пусть и на короткий промежуток времени...

За столиками у виконта играли не только в покер. Здесь велись и другие игры, не такие безобидные. На кон ставилась политика Европы, а за партией следили полномочные послы и люди менее официальные, но не менее внимательные. Хозяин дома хотя и редко выходил к гостям, не был таким легкомысленным, чтобы оставить совсем без присмотра такую интересную компанию. Каждый лакей, кроме своих непосредственных обязанностей, имел еще одну должность, и тот, кто справлялся с ней плохо, на службе у виконта не задерживался. Холеная рука аристократа обладала поистине железной хваткой.

К слову, большинство завсегдатаев не имели ни малейшего понятия о «подводных течениях» в доме на Кинг-стрит, а ценили лишь отличный стол и превосходную компанию. К их числу относился и гвардейский офицер Питер Дадли. Молодой дворянин не слишком любил карточные баталии, хотя за столиком держался вполне уверенно. С виконтом их связывало давнее приятельство и поистине несчастное стечение обстоятельств: женщины, которых выделял Каслри, обычно предпочитали его молодого друга, а те, кто нравился Дадли, как назло, предпочитали виконта. Впрочем, в сугубо мужском обществе, которое собиралось на Кинг-стрит, это обстоятельство не имело значения.

Каслри и в этот раз не счел нужным почтить общество своим присутствием, но свет в окне на втором этаже, в левом крыле дома, говорил о том, что хозяин на месте и, как всегда, с головой погрузился в государственные дела. Дадли поднялся наверх, уверенно отстранив лакея, постучал в один из кабинетов и услышал ожидаемое «войдите».

Каслри был не один. В низком кресле, напротив окна, почти спиной к двери сидел гость. Дадли никогда раньше его не видел.

— Питер Дадли, граф Шрусбери, — негромко произнес Каслри, представляя его гостю, — мистер Родерик Джеймс Бикфорд, баронет.

Машинально Дадли отметил развернутые плечи, непринужденную позу незнакомца и внимательные зеленые глаза на жестком лице. Бикфорды были неизменными банкирами Стюартов со времен Марии Шотландской.

Повисла долгая пауза, и Дадли понял, что прервал важный разговор. Вежливость требовала покинуть комнату, но с недавних пор все, что касалось правящей династии,

касалось Дадли лично. Так что молодой офицер непринужденно опустился в кресло напротив, сделав вид, что не понял молчаливой просьбы удалиться.

— Вы носите фамилию, которая в Британии, да и не только, звучит громче иных титулов. Как случилось, что мы не были знакомы раньше?

— Очень просто, — пояснил тот, — я несколько лет пробыл в колониях. Вернулся буквально на днях.

— Его величество уже не сердится на тебя? — неожиданно спросил хозяин кабинета. — Ведь он пожаловал тебе титул. Значит ли это, что король тебя простил?

Бикфорд досадливо поморщился и шевельнул плечами, словно камзол был ему тесен.

— Во время трехминутной аудиенции Его Величество ничем не дал мне понять, что помнит то давнее происшествие. Кому другому я бы сказал: «прошлое минуло». Но ты, Руперт, слишком умен, чтобы проглотить мое кое-как состряпанное баронетство. И тебе, как никому, должно быть известно, что Яков Джеймс Стюарт Второй не умеет прощать.

После этих чересчур откровенных слов в кабинете воцарилась неловкая тишина.

— Простите, если я неправильно понял... — Дадли замялся, подбирая слова, — но ваше неожиданное признание невольно дало мне право предположить, что... между вами и Его Величеством существуют разногласия?

— Мое отношение к королю, — ответил Бикфорд, — это отношение лояльного подданного. Я не католик, разумеется, но я и не глупец. Любой хоть немного думающий человек скажет, что только Мария Модентская и родственные узы, связывающие Якова с Луи, удерживают нас от войны с Францией.

— Англия сильна. Она выиграет эту войну, — заметил Дадли. — Вы сомневаетесь?

— Я бы дорого дал, чтобы ошибиться... — Бикфорд помолчал немного и тихо, почти про себя, договорил: — Но вряд ли эта война будет последней.

— Питер, а ты не хотел бы сыграть? — голос Каслри ворвался в нестройный хоровод мыслей, и молодой офицер осознал, что его тактично выпроваживают. Ему ничего не оставалось, как встать и откланяться. Уже на пороге он учтиво спросил:

— Надеюсь, мистер Бикфорд присоединится ко мне за столом?

— Не надейся, — отозвался Каслри и впервые улыбнулся. — Родерик по-мелкому не играет... — Ну? — обернулся он, едва дверь за молодым офицером захлопнулась, и шаги его стихли в глубине коридора. — Что у тебя за головная боль? Ради Всевышнего, не пытайся разыгрывать недоумение. Твое каменное лицо хорошо за карточным столом, а не в этом кабинете. Мы оба уже напустили достаточно туману, так может, стоит внести толику ясности?

— Ты о чем? — мягко поинтересовался Родерик, потирая подбородок.

— Ты пытался что-то вытянуть у меня. Не отпирайся. Я занимаюсь тем же самым большую часть жизни, и умею распознать, когда за нос водят меня. Может быть, откроешь карты?

— Извини.

— Значит, опять промолчишь. Ну, хорошо, хорошо, — Каслри шумно выдохнул и движением скорее усталым, чем нервным, промокнул лоб, — ты упрям, как король всех быков, и у меня нет сил с тобой спорить. Что ты хотел узнать? Я отдам тебе информацию бесплатно, если она не составляет государственной тайны. Только спрашивай прямо. Малейшая попытка вильнуть — и мое обещание аннулировано.

Родерик негромко рассмеялся.

— Браво! Ты и в самом деле ас. Я должен открыть свои карты безо всяких обязательств с твоей стороны, даже без обязательства молчать?

— Ты знаешь, я молчу и без обязательств. Должность у меня такая. Если я распущу язык, мне его мигом привяжут пеньковым галстуком.

— Не горячись, Руперт. Все очень просто и одновременно очень сложно. Ответь мне... Это, конечно, государственная тайна, но, поверь, я спрашиваю не из простого любопытства, и дальше меня твои слова не уйдут. Скажи... как обстоит дело с... венецианской разведкой?

Несколько мгновений Каслри созерцал жесткое лицо своего приятеля в полнейшем безмолвии. Он был удивлен... Но, пожалуй, не слишком.

— В полном порядке, как же еще, — неожиданно рассмеялся виконт, — чтоб мне жалование выплачивали так же регулярно, как Черный Папа поставляет в Англию шпионов. Но с этим ничего не поделаешь. Король любит отцов-иезуитов, и у меня связаны руки.

— Все так плохо?

— Глупый вопрос. Если бы все было хорошо, в кресле секретаря Сесила сидел бы не старый дурак Каслри, а какой-нибудь новоявленный герцог Сомерсет. Он надувал бы щеки и делал долги, а государственные дела шли бы своим чередом, сами по себе, как в старые добрые времена при веселом короле Карле. Но если королю вдруг понадобились рядом с тронном умные люди — пиши пропало. Ты что-то знаешь, я чувствую это кожей. И знаешь наверняка, так, словно какая-нибудь пифия открыла тебе будущее. Я не спрашиваю — откуда. На такие вопросы не отвечают даже под пыткой. Но, может быть, по старой дружбе, подскажешь хотя бы, в какую сторону мне смотреть?

— Лучше всего во все четыре. А еще вниз и вверх, — серьезно посоветовал Родерик и вдруг улыбнулся неожиданно тепло, — не бери в голову, Руперт. До поры до времени я побуду твоим личным флюгером и подскажу направление ветра.

— А взамен? — быстро спросил Каслри.

— Немного, — успокоил его Бикфорд, — в самом деле — немного. Я ведь, как ты знаешь, никогда не зарывался.

* * *

Питер Дадли пересчитал выигрыш, стараясь быть невозмутимым, но, видимо, старался плохо. Лохматые усы его соседа, сэра Блейкни, подозрительно подрагивали, готовые выдать добродушную улыбку, свойственную старикам, которые еще не забыли своей бурной молодости и поэтому снисходительны к молодым.

Противник Дадли лишь пожал плечами, принимая свой проигрыш с достойным безразличием. В начале игры Дадли пытался рассматривать этого немолодого человека, одетого дорого и со вкусом, стараясь определить, какие карты сдала ему леди Удача, но почти тотчас бросил это занятие. Потребовалось совсем немного времени, чтобы понять — этот человек не скрывал свои эмоции. Он их попросту не испытывал. Игра не горячила ему кровь, не будоражила. Зачем он тогда приходил играть?

Право, они с напарником стояли друг друга. Тот тоже не отреагировал на удачу Дадли, словно почти триста фунтов не стоили того, чтобы его сиятельство хотя бы пожал плечами. Дадли мысленно рассмеялся: Фоултон всегда был снобом, и сам Всевышний благословил его слегка раздеть. Дурное настроение, с которым Питер покинул кабинет виконта, понемногу рассеивалось, и он не заметил, как всерьез увлекся игрой.

За этим столом играли вдумчиво и серьезно, без улыбок и забавных словечек, простительных в кружке чиновников, но здесь считавшихся «дурным тоном». Впрочем, в их молчании не было ничего тягостного для Дадли. Напротив, оно помогало сосредоточиться на игре. В самом начале к нему пришла «большая коронка»⁹ и он «сыграл пять»¹⁰. Граф Блейкни слегка прищурился, кивнул, но лишнего туза так и не показал, в результате чего у Дадли, совершенно неожиданно, сложился «маленький шлем»¹¹.

Судьба явно благоволила Питеру в этот вечер. Следом за первым выигрышем пошли

⁹ Группа карт, идущая подряд в какой-либо масти от туза.

¹⁰ «Рука» из пяти карт, включающая туза.

¹¹ Пять карт одной масти.

«полные масти»¹². Дадли, помня о коварстве судьбы, назначил «четыре»¹³, но лохматые усы Блейкни поощрительно дрогнули, и, открыв прикуп, Дадли обнаружил там червового короля. Это был совершенно определенный Знак. Словно в насмешку над его недоверием леди Удача сыпанула ворохом «двоек» и «троек». Римский нос Фоултона подозрительно дернулся, но Дадли уже не видел римского носа. К нему пришло то странное состояние, о котором завзятые игроки слагают легенды, но которое мало кому удавалось испытать на себе. «Тузы» и «короли» шли, словно привязанные, и Питер поймал себя на том, что уже не обдумывает ходы, назначая игру, открывает прикуп без душевного трепета, словно заранее знает, что найдет там все нужные карты. И карты действительно были там.

Оба лорда, забыв о неписаных правилах, обменялись недоуменными взглядами, но тотчас уткнулись каждый в свои карты.

Четвертый игрок, о котором Питер ничего не знал, и знать не хотел, с самого начала игры дисциплинированно и осторожно выбрасывал «семерки» и «восьмерки», и в конце концов на него перестали обращать внимание.

После очередной сдачи Питер, уверенный в благосклонности судьбы, заглянул в свои карты и почти не удивился, увидев почти все пики, начиная с короля.

Он объявил игру ровным голосом и посмотрел на партнеров поверх карточного веера. Усы Блейкни вели себя спокойно, а римский нос был безмятежен. Настолько безмятежен, что сердце Питера тяжело толкнулось в ребра, в предчувствии небывалой удачи.

Внезапно Дадли прошиб холодный пот. Он сообразил, что совершенно не помнит, сколько раз поднимал ставку, и не может даже приблизительно подсчитать, сколько на кону.

Тонкая кисть Фоултона, выглядывающая из белоснежной манжеты, шевельнулась. Питер потерялся, следя за этой рукой. Пламя свечи мигнуло, возвращая его к реальности. В это время римский нос улыбнулся. Непонятно, как он это сделал — губы Фоултона оставались каменно сжатыми, но нос явно улыбнулся.

— Вам сегодня поразительно везет, юноша, — проговорил Фоултон. Он бросил на стол свои карты мастями вверх и с наслаждением откинулся на спинку кресла, — выигрыш ваш.

— Простите, — неожиданно подал голос четвертый джентльмен, тот, что на протяжении всей игры почти не подавал признаков жизни. Питер вздрогнул, словно вдруг вздумал заговорить массивный ореховый стул.

Мужчина поставил бокал шампанского, который держал весь вечер но, как с опозданием осознал Дадли, не осушил и до половины, и неторопливо открыл на столе трефы и черви от туза до десятки, бубновый туз с королем и, с тихим щелчком, словно припечатав, выложил туз пик.

Это был «Большой Шлем»¹⁴.

В глазах у Дадли потемнело, кажется, он даже качнулся, но римский нос неожиданно оказался рядом и поднес спасительный бокал вина. Дадли осушил его залпом. И если бы ему протянули полную бутылку, он и ее опорожнил бы в четыре глотка, как в казарме. Видимо, «нос» прочел его мысли. Он щелкнул пальцами, и услужливый официант со своим подносом вырос, словно из-под земли.

Но Дадли уже справился с собой и решительным движением отвел руку Фоултона.

— Сколько я вам должен? — Питер остановился в затруднении. Он понял, что не знает имени человека, который сейчас держал в руках его честь, а возможно, и жизнь.

— Барон де Сервьер, — отвечал тот, — вы должны мне ровно шесть тысяч фунтов.

¹² Старшие карты.

¹³ Четыре карты одного ранга.

¹⁴ Наивысшая комбинация в покере.

Синие глаза были холодны. А в голосе... С внезапным потрясением Дадли осознал, что весь вечер удивляло его в этом человеке: в его голосе была скука.

— Боюсь, у меня не найдется при себе такой суммы, — произнес Питер, с ужасом вслушиваясь в собственные слова, в их спокойный, ровный тон. При себе не найдется! Такой суммы у него не найдется не только при себе. Он не соберет ее, даже если вдобавок к своему секретеру, обшарит бумажники всех своих друзей.

— Ничего страшного, граф, — тем же скучающим тоном произнес француз. — Мы все — люди чести. Я снимаю дом на Риджент-стрит и по утрам всегда у себя. Ваш посыльный может принести деньги в любой удобный для вас день.

— Благодарю, барон. Я не заставляю вас ждать.

На негнущихся ногах Питер вышел из зала и миновал приемную. Лакей кинулся к дверям, в надежде получить чаевые, и не был обманут. Дадли сунул ему в ладонь какую-то мелочь, потом мрачно рассмеялся и, вытряхнув в руки лакея все портмоне, стремительно шагнул за двери, прочь из этого дома. Лакей, честный малый, не успел его остановить.

Куда его несли ноги, он не сказал бы, даже стоя под планкой виселицы. Даже если б за правильный ответ обещали помилование.

Он то медленно брел, то почти бежал, звонко стуча по мостовой каблуками, и этот стук отчего-то пугал его и вызывал странный, мрачный смех, похожий на смех безумца.

Темными серыми спинами поднимались дома. Тихим, приглушенным и каким-то неприличным, вульгарным хихиканьем вторила Питеру жесткая осенняя листва вязов. Вдруг, неизвестно откуда, прорывался клочок неба, разрезанный островерхой крышей, а в грязной луже, слепя глаза, смеялась нахальная желтая луна.

Дробного стука конских копыт по булыжной мостовой Дадли не услышал. Карета появилась словно ниоткуда, надвинулась темной массой, разом поглотила улицу, кривую крышу, темное небо с рваными серыми облаками, рыжеватую луну. Питер не успел испугаться, только подумал почти весело: «Ну, вот и все. Как просто!».

Потом у самого лица очутилась лошадиная морда с испуганными глазами, и страшный удар опрокинул его навзничь.

* * *

Виконт Каслри, секретарь Лорда Сесила Хей, по распоряжению своего патрона, отдал приказ немедленно перекрыть все дороги, ведущие из Лондона, в том числе и порт на Темзе. Поднятый по тревоге шестой драгунский полк поэскадронно расходился из казарм.

Их красные шлыки на черных меховых шапках развивались на ветру, когда они проносились по пустым улицам Сити. В предрассветный час город еще не проснулся, а посему продвижению эскадронов ничто не мешало. Вскоре красные мундиры драгун исчезли за поворотами дорог на Дувр, Портсмут, Йорк и даже на далекий Кардиф... Преступник мог оказаться кем угодно, он мог избрать любой способ скрыться или покинуть страну. За порты Каслри был спокоен. Курьеры под надежной охраной уже унеслись к комендантам портов, так что Лорд Хей мог быть доволен, ни одна посуда не покинет Англию. Мера была вынужденная, но необходимая, да к тому же весьма действенная — это было известно еще со времен Кромвеля, когда сотни роялистов именно в портах попали в сети республиканцев.

По римской северной дороге ехал всадник в кожаном темно-коричневом колете. Поверх него был накинут черный плащ, а голову прикрывала широкополая шляпа с серым и весьма потрепанным пером. Всадник, казалось, не спешил, но это была скорее вынужденная необходимость. Лошадь устала и жадно хватала воздух ноздрями, с шумом выпуская клубы пара. Человек откинул полу плаща и поправил коричневую перевязь, на которой висела шпага в добротных ножнах.

Солнце поднималось все выше и выше. Всадник тревожно оглядывался по сторонам, время от времени привставая в стременах. Дорога, мощеная камнем, была широка и пустынна, но всадник знал, что вскоре к Лондону потянутся крестьяне, купцы, пилигримы,

паломники...

Человек скривил губы. В сущности, сейчас для него многое было неважно — главное в своей жизни он уже совершил. Его глаза вдруг заблестели вновь, как тогда, в Лондоне, когда он увидел своего врага. Память вернула его на несколько часов назад — та встреча была так внезапна, что Питер Фрай ощутил восторг. Долго, слишком долго он ждал этой встречи. Мсть холодила сердце, травила душу и не давала спокойно жить. О Боже! Питер был счастлив тогда. Его враг не заметил слезки, а он шел за ним с надеждой на мсть. И все остальное, мелочное, померкло, отступило... Питера не остановило даже то, что этот мерзавец вошел в дом самого Лорда Хея...

Он настиг его в саду и дал шанс. Это было бы низко убить втихую. Фрай позволил ему защищаться. Бой был жарким и стремительным, и фортуна на этот раз улыбнулась Питеру. Мсть свершилась, подлец был мертв!

Эти сладкие воспоминания вдруг оборвала острая боль. Рана в бедре, в сущности, была пустячной, но причиняла определенные неудобства. Питер сжал зубы и потуже затянул повязку — слава Богу, кровь перестала течь...

Всадник обернулся и посмотрел в сторону оставшегося позади Лондона. Именно оттуда он ждал неминуемую опасность, но чувства обманули его. Конный разъезд показался впереди, их было пятеро. Бежать на усталом коне было бессмысленно и Питер решил рискнуть. Вряд ли его кто-то видел в саду у Хея, но даже если и видел, словесный портрет не мог так быстро разойтись по патрулям. Хотя...

— Стой! — скомандовал офицер, едущий впереди разъезда. — Кто таков?

— Питер Фрай, — честно признался молодой человек, — из Лестера.

Двое солдат дернули поводьями объехали путника справа и слева.

— Откуда едешь? — продолжил допрос офицер.

— Из Оксфорда.

— Через Лондон...

— Нет, господин офицер... я сразу на Йоркскую дорогу свернул.

— Сэр, — подал голос один из солдат, — у него лошадь в пене, сэр.

— Торопился, стало быть? — прищурился офицер, и Питер заметил, как его рука легла на седельный чехол, откуда торчала рукоять пистолета.

Беглец тут же вспомнил про свой пистоль, который был подвешен под рукой и сейчас был прикрыт плащом.

— Так ночью ехал, сэр... а ночью, сами знаете, не безопасно... всякое может быть, вот и гнал.

И тут проклятая рана резанула по нервам, и лицо Питера исказила гримаса боли. Рука машинально потянулась к бедру.

— Эй! — окликнул солдат. — Что там у тебя?

— У него кровь! — разглядел другой. — Сэр, у него кровь!

— Так ты ранен? — сдвинул брови офицер. — А ну-ка, ребята, берите его и...

Питер не дал ему договорить. Прильнув к шее лошади, он быстрым движением извлек пистолет, взвел курок и нажал на него. Выстрел выбил офицера из седла и окутал место встречи легким дымком. Питер не замедлил воспользоваться пистолетом еще раз. Перехватив его за дуло, он, не раздумывая, ударил ближнего солдата по голове. Вышло не очень, рукоятка лишь скользнула по фетровой шляпе и немного ободрала лицо. Солдат шарахнулся в сторону. А затем Фрай запустил пистолетом в другого солдата. Оружие перевернулось пару раз в воздухе и угодило лошади в ухо. Бедное животное испугалось и, мотнув головой, сорвалась с места.

— Хватай его...

— Руби его...

— Гарри, стреляй!

Питер пришпорил коня, на ходу извлекая шпагу. Всего несколько метров отделяли его от солдата, и Питер, проносясь мимо него, хлестнул всадника по лицу. Клинок шпаги рассек

вояке кожу, тот бросил поводья и, зажав рану обеими руками, взвыл как раненый зверь.

Беглец активно понуждал коня и гнал, гнал... наконец, он через плечо кинул взгляд назад и удивился — погони не было.

«Спасибо, Господи! — воздел он глаза к небу и вновь прищипил коня».

Глава 4

— И все-таки Индия... Пряности? Черное дерево? Слоновая кость? — взглянув на старинного приятеля, Адам Джеймс Бикфорд улыбнулся. — Коммерческая тайна? Я понимаю. И верю вам. Дело, которое начинаете вы, как правило, приносит неплохую прибыль. Но отчего Дэвисон все же отказал в кредите?

Альфред Нортон с досадой поморщился:

Просторный кабинет старшего Бикфорда через распахнутое настежь окно заливали прямые солнечные лучи. У окна стоял молодой человек. Молодой по меркам обоих пожилых джентльменов. Сыну Адама Бикфорда шел уже четвертый десяток.

Приемному сыну. Родные сыновья Бикфорда погибли много лет назад, а потом странная лихорадка унесла жизнь его жены, Алекс. В живых осталась лишь дочка, Эдит. Деловой мир Англии ждал, что Бикфорд снова женится или объявит своим наследником жениха дочери. Но он поступил иначе. В одном из своих плаваний Адам спас юношу. И усыновил его. И сделал наследником, вопреки тому, что Эдит благополучно вышла замуж за весьма достойного джентльмена, и тот, конечно, ждал, что именно ему достанется торговая компания Бикфорда.

Говорили, что разозленный этим обстоятельством супруг стал вымещать свое раздражение на Эдит. И однажды она не выдержала. Что тут было правдой, а что домыслами — неизвестно. Дочь Бикфорда похоронили на кладбище как жертву несчастного случая. Взял ли священник грех на душу, или же в ее смерти не было ничего загадочного, и молодая женщина в самом деле случайно упала в воду и утонула?

Приемыш Бикфорда был хорош собой, умен, богат и холост, что для Адама было причиной постоянного недовольства.

Родерик стоял спиной к гостю, смотрел в окно на залитую солнцем лужайку и, зная себе, помалкивал, хотя по нему не было заметно, что молодой человек скучает или тяготится своим присутствием здесь.

— Это — дело семейное, — неохотно ответил Нортон, — оно не имеет никакого отношения к моей кредитоспособности, даю слово. Если моего слова недостаточно, я готов поклясться на Библии. Я — человек верующий.

— Что скажешь, Родерик? — Бикфорд старший поднял голову от бумаг и взглянул на сына. Словно почувствовав этот взгляд, Родерик обернулся. Жесткое лицо его было бесстрастным, но внимательный наблюдатель заметил бы, что на гостя он старается не смотреть.

Молодой человек невыразительно пожал плечами.

— Клятва на Библии это, конечно, серьезно, — произнес он, — но я бы предпочел ревизию бухгалтерских книг. Впрочем, ваша кредитоспособность, действительно, вне подозрений. Во всяком случае — пока.

— Что вы хотите сказать, мистер Бикфорд? — осторожно поинтересовался Нортон, — ваше «пока» очень красноречиво.

— Пока вы еще здесь, а не в Ньюгейтской тюрьме, и ваше имущество не конфисковано в пользу казны, — все так же ровно ответил младший Бикфорд, глядя мимо гостя.

Тот побледнел.

— Что означают ваши слова? Это оскорбление или?... — Нортон не договорил.

— Объяснись, сын, — мягко потребовал Бикфорд старший.

— Сегодня ночью арестован капитан брига «Синий цветок» Харди Мак-Кент. Бриг принадлежит нашему гостю. Во время ареста был произведен и обыск, но никаких

документов при капитане не нашли. Видимо, тот успел их уничтожить или переправить адресату. Впрочем, мистер Нортон не хуже нас знает содержимое своей переписки.

Без звука Альфред опустился в кресло.

— Харди арестован? Но как?

В темных глазах Бикфорда-старшего мелькнуло недоумение. Он открыл было рот, но тут же закрыл его. А что тут можно было сказать?

— Я допускаю, что вас еще не поставили в известность об этом происшествии, — все тем же скучающим тоном произнес Родерик, — арест был произведен втайне, что уже само по себе говорит о многом.

— Но, если так... откуда об этом стало известно вам? Эти сведения достоверны? — спросил Нортон.

— Как календарь.

— Харди арестован, — растерянно повторил Нортон, — но почему?

— Бог мой, Альфред, неужели твои капитаны промышляют контрабандой? — воскликнул Бикфорд-старший, к которому наконец вернулся дар речи. Нортон заметил, что Адам ни на йоту не усомнился в словах приемного сына.

— Боюсь, отец, дело тут не в контрабанде. — Родерик обвел обоих джентльменов серьезным взглядом. — Контрабандисты не сжигают судовой журнал на глазах у изумленной публики, рискуя вызвать законное любопытство властей. Бриг «Синий цветок» неоднократно совершал рейсы из Англии в Голландию. Конечно, эти рейсы могли быть исключительно коммерческими, но на месте судьи я бы первым делом задал себе вопрос: зачем уничтожать судовой журнал, если тебе нечего скрывать и твой рейс преследовал вполне невинные цели? Думаю, я бы не слишком долго искал ответ.

В молчании, воцарившемся вслед за этими словами, стало слышно, как жужжит большая муха, залетевшая в окно кабинета. Пригретая уходящим теплом она, видимо, решила, что вернулось лето. Нортон смотрел на нее как зачарованный.

— Полагаю, это сообщение ставит крест на вашем «индийском» проекте, — произнес Бикфорд-младший. — Что бы там не произошло с вашим капитаном, до выяснения всех обстоятельств дела ни один ваш корабль не покинет пределов Англии. Это — распоряжение виконта Каслри.

Адам стремительно повернулся к приятелю:

— Во что вы хотели меня впутать, Альфред? — сдавленно спросил он. Глаза его нехорошо сощурились, пряча холодное бешенство.

Нортон ничего не слышал. Он сидел неподвижно, уронив лицо в ладони.

— Я погиб, — едва слышно произнес он, — все кончено.

— Ну, я бы не стал так оценивать ваше положение.

Оба пожилых джентльмена посмотрели на Родерика одновременно и с одинаковым вопросительным выражением в глазах. Как не странен был миг, но Родерик позволил себе улыбнуться.

— Судовой журнал уничтожен, — повторил он, — Мак-Кент будет молчать даже под пыткой. А за домыслы и подозрения у нас, слава Всевышнему, не вешают. Если арестом вашего капитана все закончится, думаю, самая большая неприятность, которая вас ждет, это разорение от приостановки торговых операций. Бедность, конечно, вещь не слишком приятная, но лучше, чем эшафот.

Альфред Нортон поднялся из кресла, повернул голову и встретил тяжелый взгляд Адама.

— Мне не стоило приходить сюда, — тихо проговорил он, — меня извиняет лишь незнание последних событий. Больше я не потревожу вас, Адам. И вас, господин Родерик. Пойду обрадую дочь. Ее свадьба, скорее всего, отменяется.

Нортон не успел сделать и шагу.

— Как? — выстрелил голос Родерика, — разве ваша дочь еще не замужем? Я видел ее на балу у лорда Хэя и решил, поскольку ее сопровождал мужчина, а не компаньонка...

— Ирис — не аристократка. К тому же это был домашний бал Сесила, и мы с милордом Эльсвиком решили, что некоторое нарушение условностей нам простят, — пояснил Нортон, — и... и... я понятия не имел, что вы знакомы с моей дочерью.

Отец и сын переглянулись. Этот обмен взглядами был настолько мимолетным, что гость, погруженный в себя, ничего не заметил.

— У вас есть шанс отправить корабли в Индию, — проговорил Родерик медленно и веско. Впрочем, такой тон был излишен, Нортон и так ловил каждое слово.

— Ваши корабли выйдут в море, подняв личный вымпел семьи Бикфорд... — И, так как гость все еще смотрел на него непонимающим взглядом, Родерик пояснил: — Если ваша дочь станет моей женой. А ваши корабли отойдут к нам, как ее приданое.

Кадык Бикфорда-старшего судорожно дернулся. Он смотрел на сына во все глаза, потрясенный не столько долгожданной женитьбой, сколько бесцеремонностью, с которой приемыш только что за одно мгновение ограбил до нитки его старинного приятеля и увеличил состояние семьи в полтора раза. Пожалуй, с выбором наследника он не ошибся. С ним компании не грозило банкротство. Адам Бикфорд поймал себя на том, что восхищается сыном.

— Девушка помолвлена, — только и нашелся он, — не шокируем ли мы ее таким предложением?

— Девушка будет шокирована больше, если окажется в тюрьме по обвинению в государственной измене, — бросил Родерик, к которому опять вернулся его скучающий тон. — В моих силах избавить от крупных неприятностей ее — и вас, господин Нортон. И если вы боитесь разговора с дочерью, я готов взять эту миссию на себя.

Когда Нортон ушел, в кабинете Бикфорда довольно долго стояло молчание. Бикфорд-старший задумчиво смотрел прямо перед собой. Родерик не шевелился. Потом отец позвонил в колокольчик и приказал принести чай.

— Это большой риск, — заметил он перед чаем, наливая немного молока в большую чашку, чтобы тонкий фарфор не дал трещину. — Ты уверен, что опала, в которую попали Нортон, не распространится на нас?

— Уверен, что распространится, — спокойно произнес Родерик. — Поэтому тебе, отец, нужно на время уехать из страны. Лучше всего — в колонии.

— Не понимаю...

— Ты всегда доверял мне, — напомнил Родерик, — даже тогда, когда я рассказал тебе историю, которой не поверил бы никто другой. Я тогда был потрясен этим. Честно говоря, я до сих пор удивляюсь.

— То, что ты «провалился» сюда из будущего? — переспросил Адам, — Господь может творить чудеса, которые мы не можем не то что повторить, но и осмыслить. Это так. У тебя был прямой и честный взгляд. И потом... ты знал то, чего не может знать никто, и не знал многих вещей, которые обязан был знать любой мальчишка. Я поверил тебе... и верю сейчас. Что ты задумал?

— Там, у себя... я получил хорошее образование. В курс обучения входила история.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Дни Якова Стюарта сочтены. Власть возьмут принц Вильгельм и Мария. И нам нужно подсуетиться, чтобы оказаться на стороне победителей.

— Это невозможно, — в безмерном удивлении проговорил Адам Бикфорд, — ты уверен?

— На сто процентов. Верь мне, отец. Как всегда верил. Ты об этом не пожалеешь, обещаю.

— А как же ты? Ты тоже отправишься в колонии?

— У меня еще есть здесь дела, — уклончиво ответил Родерик, сделав первый глоток из своей чашки.

— Тот странный человек на балу? — догадался Адам. — Сынок... лучше бы тебе с ним больше не встречаться.

— Ты что-то знаешь? — быстро спросил Родерик, внимательно взглянув на приемного отца.

Адам покачал головой.

— Разве что догадываюсь.

— Не поделишься?

— Если б я знал точно... Мои догадки слишком абстрактны, а твоя жизнь и в самом деле в опасности, и это очень конкретно. Прими совет старшего — уезжай. Так будет лучше для всех.

— Уехать — и не узнать, за что меня хотели убить? Шutiшь?

— Отговаривать тебя бесполезно, — вздохнул Адам.

— Вот и не отговаривай. Пей свой чай. Я знаю, что делаю. Не беспокойся обо мне, отец.

* * *

Родерик в задумчивости спускался по лестнице, когда его окликнул знакомый голос:

— Милорд.

Ну вот, подумал Рик, еще на прошлой неделе был просто господин. Герцог и даже король могут пренебречь титулами, но чтобы это сделал лондонский лакей — свет должен перевернуться. Теперь быть ему милордом до страшного суда.

— Я слушаю, Лукас.

— Милорд, — лакей был уже немолод и, как смутно припоминал Рик, служил здесь уже второй десяток лет. Во всяком случае, Лукас появился в этом доме раньше, чем он, — думаю, что я мог бы немного прояснить для вас ситуацию.

— Какую ситуацию? — не понял Рик.

— Тот человек, который пытается вас убить... Он еще сказал, что вы виновны в смерти какой-то женщины.

Рик мгновенно развернулся на три румба. И скучающее выражение лица слетело, и глаза вспыхнули.

— А ты откуда об этом знаешь?

Лакей, казалось, смутился.

— Прислугу обычно не замечают, милорд, — поделился он, — думаю, в тот вечер и ваш отец, и господин министр, лорд Хэй, были абсолютно уверены, что они одни, и их разговора никто не слышит. А чай и сигары появляются в кабинете сами по себе.

Рик усмехнулся.

— Продолжай, — поощрил он лакея и достал пятифунтовый билет. Лукас стрельнул по нему глазами и тут же перевел взгляд на господина Бикфорда. Но заметно приободрился.

— Думаю, речь идет о той девушке, которую повесили лет семь назад... или пять? По доносу вашего отца.

— По доносу Адама? — изумился Рик. — Уверен, что это полнейшая чушь. Зачем отцу писать доносы?

— Чтобы спасти вашу жизнь.

— Постой, — Рик задумался, — женщина... Это, часом, не Мишель Эктон?

— Имени я не знаю, — сказал лакей, — но повесили ее за шпионаж в пользу Франции. Так сказал Сесил.

— Значит, не она. Мишель не повесили, она сбежала...

— Вам сказал об этом отец? — спросил Лукас. — Простите, милорд. Он очень огорчился в тот день, что пришлось впервые в жизни обмануть сына.

...Вот, значит, как. Спасибо, папа. Коммерция и в самом деле жесткая вещь, куда жестче, чем война. И ты хотел уберечь меня от ее самой жесткой и неприглядной стороны. Создать иллюзию, что наше предательство никому не повредило. И все эти годы ты один нес этот груз. Очень великодушно. Я ведь и в самом деле был готов умереть тогда. Не за эту

продувную дамочку, конечно, а просто за то, чтобы остаться порядочным человеком. И вот результат — я стал подлецом, и все равно умру. Может быть, это означает, что Бог все-таки есть?

* * *

Ирис держала перед глазами плотный лист бумаги, принесенный курьером, и внимательно изучала его содержимое.

«...4 бочки говядины, 4 большие бочки свинины, 4 бочонка сала, 12 бушелей крупы, 68 малых бочонков масла, 3 больших бочонка уксуса, 7 больших бочек пива, 6 лошадиных голов, 2 ящика мыла, 12 ящиков свечей, 6 рулонов парусины для подвесных коек, 3 кожаные шкуры...»

— Этого не хватит, — она с досадой отбросила письмо на столик и сцепила руки в замок, — не хватит, тут и думать не о чем. Для продолжительного плавания продовольствия нужно раза в полтора больше, как минимум.

— Прикажете загрузить больше? — спросил молодой человек, почти мальчик, который доставил письмо и теперь переминался с ноги на ногу, не зная, куда себя деть. Паренек был изрядно удивлен тем, что его провели в будуар и что делом снаряжения корабля, на котором он впервые должен был выйти в море, занимается женщина.

— А смысл? Солонина протухнет, а в галетах заведутся долгоносики. Необходимо продумать маршрут так, чтобы «Черная Леди» могла зайти в какой-нибудь дружеский порт для пополнения запасов продовольствия.

— Передать это капитану?

— Что? — удивилась Ирис. — А, нет, Дуглас, не нужно. Я все ему напишу. Ты посиди в холле, конверт тебе принесут.

Она присела к столу, а Дуглас, коротко кивнув головой, немедленно исчез.

Мэри, пристроившаяся в углу с пальцами, старательно накладывала мелкие, ровные стежки. Перед ней в корзинке лежали несколько катушек с розовым, красным, зеленым и белым шелком. Мэри изо всех сил старалась стать незаметной, даже дышать бесшумно. Несколько минут назад в этой комнате гроыхнул грозовой разряд, и отзвукам его предстояло блуждать по бальным залам, кабинетам, будуарам и лакейским еще не одну неделю. Мэри ни за что на свете не согласилась бы пропустить такое!

После года помолвки мисс Нортон решительно отказала в своей руке милорду, графу Эльсвику. Это был грандиозный скандал, и ее отец еще не знал о нем. Расчетливо Ирис выбрала время, когда Альфред уехал в Сити, пригласила Джорджа и в присутствии двух свидетелей, его кузины Мелани и Мэри Мод, объявила о своем решении. Для отца это был удар в спину. Но не Ирис первая начала эту унижительную войну.

— Складывай вещи, Мэри, — приказала хозяйка, спокойная, как мраморная Афродита в холле Нортон-хауса, — мы уезжаем через час.

— В Уэрствуд? — рискнула спросить горничная. Хозяйка медленно покачала головой.

— Немного дальше. Как только будет готов экипаж, скажешь мне.

Ирис взяла второй лист, гораздо более тонкой и дорогой бумаги, обмакнула перо в чернильницу и быстро написала:

«Дорогая Кэти,

Возможно, мне придется уехать, не прощаясь. Я знаю, твое великодушное сердце не будет таить на меня обиды. Ты одна — хранительница моей тайны. Умоляю: отец будет сердиться — молчи! Джордж будет умолять — молчи! Миссис Бэрт будет любопытствовать — молчи! Тебе одной доверен ключ от моей свободы, и я не прошу, если к нему прикоснется другая рука!

Твоя Ирис».

Присыпав письмо песком, девушка написала адрес: Риджент-стрит, собственный дом, баронессе де Сервьер.

За это время Джордж Эльсвик дважды подходил к дверям и требовал объяснений, но Мэри, скрывая за напускным сочувствием преступную радость, неизменно отвечала, что хозяйка не принимает.

Дом покинули два лакея с поручениями от мисс Нортон. Появились дорожные саквояжи.

Чтобы не мешать слугам, Ирис удалилась в спальню и там долго вертела большой глобус, приобретенный в магазине Стокера, куда дамы обычно не заходили. Ирис помнила, как был удивлен приказчик. Она велела позвать хозяина и отдала некоторые дополнительные распоряжения. Мистер Стокер не удивлялся. Его вообще мало что могло удивить в этой жизни. Он давно растерял все иллюзии, что было совершенно понятно из заломленной цены. Ирис заплатила, не торгуясь.

Голубые пятна морей и рыжие точки островов завораживали девушку тайной прелестью диковинных названий и тем, что будили воспоминания, которыми она ни с кем не делилась.

Теперь нужно было дожидаться отца.

Скандала она не боялась. Он был ей нужен, этот скандал. Громкий скандал вокруг ее имени был единственным способом сообщить, что она свободна. Послать весть тому, кто год назад исчез из ее жизни, оставив вместо адреса обещание, что она его больше никогда не увидит.

Она не заметила, когда и как удалилась Мэри. Просто почувствовала, что в комнате что-то изменилось. Ирис подняла голову.

На пороге стоял отец. Он был бледен.

Крупные капли дождя стекали по лицу за ворот камзола.

— Что-то случилось? — испугалась дочь.

— Джордж сообщил мне, что ты расторгла помолвку.

Ирис встала.

— Он сказал правду, и если дело только в этом...

— Проклятье! Об этом кто-нибудь знает, кроме Джорджа и Мэри?

— Мелани Блейкни, а это значит — весь свет и его окрестности, — Ирис пожала плечами, — не вижу смысла это скрывать. Я приняла решение, и менять его не собираюсь.

— Проклятье, — глухо повторил Нортон, — ты поторопилась.

Он выглядел таким потерянным, что Ирис почувствовала себя виноватой.

— Напротив, я слишком долго медлила, — возразила она.

— Если бы ты помедлила еще хотя бы часа два!

— Да что случилось?! — перебила она.

Альфред Нортон опустился на короткий диван.

— Мэри! — крикнул он. Горничная бесшумно выросла на пороге. — Принеси мне снизу бутылку сидра и бокал. И исчезни.

— Я так надеялся на Джорджа Эльсвика, — проговорил он, после довольно долгого молчания, — вы знаете друг друга с детства. Мальчишка, конечно, не подарок, но он благороден, добр и любит тебя. Со временем ты бы привыкла к нему и привязалась, научившись ценить то, что имеешь. Так и совершается большинство браков... И некоторые из них оказываются вполне удачными, ну а другие... Во всяком случае, я бы не боялся за тебя так, как боюсь теперь.

Ирис ждала пояснений, но вместо этого отец вдруг спросил:

— Ты знакома с Родериком Бикфордом?

— Родерик Бикфорд? — Ирис добросовестно перебрала всех знакомых и покачала головой. — Я знаю Адама Бикфорда. Родерик — его родственник?

— Сын, — коротко отозвался отец.

Альфред Нортон сдавленно выругался, наполнил вином высокий бокал и сделал из него

изрядный глоток.

— Если уж выбирать из двух зол, то я бы предпочел Джорджа.

— Так этот Родерик — еще один претендент на мою руку? — поняла Ирис. — Откуда он взялся?

— Этого никто не знает, — последовал странный неуверенный ответ. — Адам усыновил его... несколько лет назад. Я, право, не уверен, что хочу знать, где он его нашел. Может быть, такие выводятся из крокодильих яиц.

Ирис невольно улыбнулась.

— Если ты шутишь, значит, не все так плохо. Скажи же, в какой форме я должна отказать мистеру Бикфорду? Сказать «нет» вежливо или твердо?

— Боюсь, — отец так сцепил кисти рук, что хрустнули пальцы, — тебе придется сказать «да». — И, не дав ей возможности возразить, быстро договорил: — Харди арестован. Торговые операции приостановлены личным распоряжением секретаря министра. Возможно, меня тоже вскоре ждет арест. Королевское правосудие оставит тебя без гроша... это в том случае, если не решит, что ты тоже виновна.

— Успокойся, — резкий тон дочери отрезвил Альфреда.

— Пока ты еще не в Ньюгейте, — произнесла она, — и, даст Бог, так все и останется. Харди будет молчать. А тебе... тебе нужно немедленно исчезнуть.

— Исчезнуть? — Нортон горько рассмеялся. — Предлагаешь спрятаться в Уэрствуде? В Италии? В Вест-Индии? Если я понадоблюсь королевскому правосудию, меня найдут и в Африке.

— Тебе нужно бежать в Голландию, — последовал быстрый и четкий ответ. — Люди принца Оранского тебя никогда не найдут. Потому что искать не будут.

— Но... как, девочка? — воспрянув было духом, отец снова поник. — У меня же нет ни корабля, ни денег.

— У тебя есть и то и другое, — возразила дочь и, загадочно улыбаясь, предложила: — Подойди сюда.

Под изумленным взглядом Альфреда Нортон лопнула кора земли, и глобус распался на две половины.

— Здесь необработанных изумрудов на десять тысяч фунтов, — вполголоса сообщила Ирис. — В Дувре ты найдешь шхуну «Черная Леди». Ты ни с чем ее не спутаешь, она — родная сестра затонувшей «Полярной Звезды». Капитана зовут Гордон. Скажешь ему девичью фамилию Кэти, и он отвезет тебя куда прикажешь. Хоть в преисподнюю.

— Но... это богатство раджи... откуда? — только и смог произнести Альфред, не отрывая взгляда от кучки неровных серых камней.

— Думаю, уже нет смысла скрывать. — Ирис решительно выгребла камни и со стуком захлопнула глобус. — Мы с Кэти готовили мой побег. На тот случай, если ты заупрямишься и решишь тащить меня к венцу силой. А деньги... Это — долгая история. Они принадлежат мне по праву. И если с помощью этих камешков я спасу тебя, это будет самое лучшее вложение капитала.

— Побег из-под венца? — задумчиво повторил Альфред Нортон, медленно поворачивая в коротких пальцах пустой бокал. — Узнай я об этом при других обстоятельствах, ты, моя дорогая, неделю просидела бы на чердаке на хлебе и воде... Но сейчас я могу сказать только одно: у нас с Адамом выросли умные дети.

— Так ты согласен?

Альфред покачал головой, грустно улыбаясь своей чересчур предприимчивой дочери.

— Но почему?!

— По той же причине, что и ты. Есть человек, которому корабль и деньги понадобятся больше, чем нам. Семейю Нортонов никогда не называли образцом добродетели. У нас много недостатков. Но вряд ли кто-нибудь из Нортонов способен оставить друга в беде. Ни ты, ни я не простим себе, если Харди повесят за измену, которой он не совершал.

— Но это значит... — Ирис запнулась.

— Тебе придется принять предложение младшего Бикфорда, — договорил отец, и в его голосе проскользнули знакомые жесткие нотки. — Я же тебе сказал — ты поторопилась. Джоржду Эльвику я бы отдал тебя с легким сердцем.

Ирис еще пыталась осмыслить жестокий удар, когда в комнате, как бесплотная тень, появилась Мэри. И тут же вышла. На серебряном подносе лежало письмо.

Ирис осмотрела его. Печать ей ни о чем не говорила. Она торопливо вскрыла конверт.

«Мисс Нортон, — гласило таинственное послание, — однажды Вы сказали мне, что доверяете слепо и беспредельно. И я ни разу не обманул Вашего доверия.

Возможно, я прошу слишком многого, но я не прошу больше того, что абсолютно необходимо: доверьтесь мне еще раз. Не отвергайте руку Бикфорда. Это рука друга. И — ваш единственный шанс уцелеть.

Искренне Ваш Д. Р.»

Заметив, как побледнела дочь, Нортон потянулся к письму, но Ирис машинально отвела руку.

— Мэри! — крикнула она.

Горничная появилась мгновенно, словно ждала под дверью. Впрочем, скорее всего, так и было.

— Кто доставил письмо?

— Посыльный, — ответила девушка, пряча руки под передник. В доме явно творилось что-то странное. Мэри никак не могла решить для себя, к добру это или к худу, и от этого страшно волновалась.

— Он еще здесь?

— Нет, он ушел. Сказал, что ответ не нужен.

— Как он выглядел?

— Обычный лакей...

— В чьей ливрее, — теряя терпение, крикнула Ирис.

— Да откуда ж я знаю, госпожа? — удивилась Мэри. — На улице-то дождь какой! Он в плаще был, под ним ливреи не видно.

— Тогда почему ты, ослица, решила, что это лакей?

— А кто же еще мог принести письмо, — резонно возразила Мэри, — не епископ же?

— Уйди с глаз долой, — махнула рукой хозяйка и буквально упала на диванчик, который до этого проминал Нортон.

— Что это? — спросил отец, — почему ты так разволновалась?

— Это... Это — в некотором роде мой неоплаченный вексель, — одними губами ответила Ирис, — и сейчас его требуют к оплате. Что ж... Еще никто не сказал, что Нортон забывают свои долги. Я принимаю предложение Родерика Бикфорда и выйду за него замуж в любой день, который он назначит. Но видеть его до свадьбы я не желаю, и это — мое последнее слово!

Едва Альфред Нортон вышел, Ирис снова торопливо развернула письмо, надеясь найти постскриптум или какие-нибудь знаки и указания, которые она в спешке и волнении проглядела. Почерк был определенно тот самый: крупный и четкий, с округлыми буквами и аккуратно расставленными знаками препинания. Ирис насмотрелась на него, разглядывая пометки, сделанные капитаном Риком на карте. А упоминание о том, давнем разговоре, которому не было свидетелей, не оставляло места сомнению. Письмо было и в самом деле от него. Но никаких дополнительных значков девушка не обнаружила.

Он был рядом, следил за ней, знал каждое движение, каждое слово... А ей не удалось заметить его даже мельком.

«Люцифер», — вспомнила Ирис и торопливо перекрестилась.

* * *

Молодой офицер пришел в себя среди ночи.

Первым ощущением была тяжесть во всем теле и неприятная сухость во рту. Осторожно Дадли открыл глаза и в первое мгновение не увидел ничего, кроме плотного темно-синего полога и огонька, слабо желтевшего во тьме.

Питер осторожно осмотрелся. Он лежал на широкой кровати, сделанной, должно быть, во времена Ричарда Третьего, Это громоздкое сооружение оказалось неожиданно удобным. До подбородка граф был укрыт легким, но теплым одеялом. В спальне было довольно прохладно и, видимо, поэтому в ногах Питера лежала бутылка с горячей водой.

Дадли повернул голову. Огонек свечи раздвоился, заплескался, но вскоре вновь обрел привычные очертания.

Свеча в массивном бронзовом подсвечнике стояла на низком круглом столике у кровати. Рядом лежала раскрытая книга... Или, скорее, тетрадь. Потому что, присмотревшись, Дадли заметил, что страницы заложены пером, а рядом стоит пузатая чернильница. А еще — приземистый графин с толстыми стенками. Жидкость в нем была прозрачной и бесцветной.

В изголовье, на стуле, сидела женщина и, опустив голову, дремала.

Дадли невольно поежился. Хорошо, что он увидел сиделку после того, как разобрался со своим состоянием. Иначе Питер неминуемо решил бы, что помер и находится в раю. Поскольку ничем иным кроме ангела эта светловолосая женщина быть не могла. Но Дадли знал ее. Вернее, «знал» — не то слово. Встречал в свете. Эта нежная сифида вместе со своим безобразным старым супругом стали сенсацией сезона.

Дадли попытался встать, но проклятая кровать скрипнула, и женщина тотчас проснулась.

Глаза их встретились.

Дадли показалось, что он заглянул в глубокий темный колодец, в котором отражаются звезды, но не видно дна.

— Как вы себя чувствуете? — тихо спросила женщина. В ее улыбке не хватало тепла, но Дадли этого и не ждал.

— Спасибо, — произнес он не своим, скрипучим голосом, — я чувствую себя вполне хорошо. Только очень хочется пить. Если Ваше Светлейшее Сиятельство не затруднит прислать кого-нибудь...

— Зовите меня Джованна, — мягко перебила его женщина. Невесомая рука легла на лоб Дадли, и Питер подумал, что для живой женщины пальцы ее слишком холодны.

— Вы сможете приподняться? Я подсуну вам под спину еще одну подушку. Уже очень поздно, и я не хочу будить слуг. — В руке княгини появился бокал с водой, и Дадли, потрясенный, сообразил, что она собирается его поить!

— Ради Всевышнего, я справлюсь сам, — он торопливо сел на постели, борясь с головокружением. Предложенную воду Питер выпил двумя торопливыми глотками, но все же успел ощутить какой-то посторонний привкус. Что-то отдаленно похожее на мяту.

Сухость во рту прошла, но головокружение осталось, и, чтобы не смотреть на плывущие перед глазами предметы, Дадли прикрыл глаза.

— Может быть, ляжете? — предложила княгиня.

— Где я? — наконец сообразил спросить Питер. — И что со мной?

— Вы у друзей, — мягко ответила Джованна, осторожно принимая бокал, — в моем доме. У вас была тяжелая лихорадка, и мы опасались за вашу жизнь. Сейчас вы идете на поправку.

— Но как я оказался здесь? — Дадли сделал над собой усилие, открыл глаза, сосредоточился, подождал пока предметы не прекратят свистопляску и оглядел комнату и итальянскую княгиню, которая прекрасно говорила по-английски и сама ухаживала за больным гостем.

На лицо женщины набежала тень.

— Боюсь, это вина моего грума. И отчасти моя. Вас сбили мои лошади. Но, граф, право же, вам следовало быть осмотрительнее. Вы шли точно во сне.

Ее голос, негромкий, мягкий, участливый, накатывал, как морские волны на песчаный пляж, и Питер почувствовал сонливость. Он опустился на подушки и спустя мгновение уже спал. Но сон его был нервным и беспокойным. Несколько раз с губ молодого офицера срывались стоны, слова и целые фразы.

Женщина повела себя несколько странно для сиделки. Едва Питер закрыл глаза, она аккуратно открыла тетрадь и обмакнула перо в чернильницу.

Ближе к утру, когда малиновый отблеск рассвета пробился сквозь плотные шторы и лег на бледные щеки усталой женщины, подарив им нежный румянец, в комнату без стука вошел Лоренцо. Он быстро, но очень внимательно проглядел несколько исписанных страниц, затем вырвал их, скомкал и бросил в камин.

— Ничего нового, — проворчал он скорее себе, чем Джованне, — этот молодой офицер оказался крепче, чем я думал. Придется удвоить дозу.

— Это не убьет юношу?

— Нет, — уверенно отозвался Лоренцо, — во всяком случае, не сразу.

Их тихие голоса не тревожили каменного сна Дадли, одурманенного флорентийскими снадобьями. Но, видимо, кое-что все же проникло сквозь завесу липкого беспамятства. Он тихо застонал и отчетливо произнес:

— Сбежал у поворота на Уилфорд... Ранил солдата... Украл лошадь... Утром следующего дня... Не уверен, но очень похоже на след...

Лоренцо и Джованна переглянулись.

— Это то, чего ты ждал? — тихо спросила женщина.

Глава 5

В дверь осторожно постучали.

— Войдите, — отозвалась девушка. Собственный голос показался ей чужим, настолько отстраненно он звучал. Ирис подивилась его спокойствию. На самом деле ей хотелось рыдать в голос или истерически хохотать. А больше всего — закутаться в плотный темный плащ, тихонько выскользнуть через черный ход и, пробравшись в порт, воспользоваться прощальным подарком Рика. Но это была недостойная мысль. В неписанном своде законов семьи Нортон не было статьи, карающей за трусливый поступок. Нортонь не знали, что такое трусость, а значит, и статья была без надобности.

Дверь лишь слегка приоткрылась, в проеме замаячило обеспокоенное лицо отца. Темный коридор и темный камзол слились в одну бурую полосу, и девушка поспешно ухватила за подлокотник кресла. Она была очень слаба.

Еда вызывала отвращение, сон не шел, и уже третью ночь подряд она лежала с открытыми глазами, даже не пытаясь забыться. Книги были отброшены. Ирис пыталась обрести душевное равновесие и временами ей это почти удавалось. Но приходил вечер, а с ним темнота и плохие мысли, и от обретенного спокойствия оставались только пустые, с детства затверженные фразы, в которых она пыталась прятаться, как заяц в кустах от охотников. Она похудела и подурнела и, глядя на себя в зеркало, втихомолку злорадствовала, представляя испуг и отвращение своего нареченного, неведомого ей Родерика Бикфорда.

Увидеть жениха она так и не пожелала и поэтому не представляла себе, сколько ему лет, умен он или глуп, красив или безобразен — по большому счету ей было все равно. Ирис заранее возненавидела и самого жениха, и всю его семью, и была убеждена, что мнения ее ничто не изменит. Отец не пытался ее разубедить и не мешал ей холить и лелеять свою ненависть, потому что понимал — это единственное, что помогает дочери держаться.

Увидев ее в мягком утреннем свете в белоснежном брачном уборе и веночке из флердоранжа, Альфред Нортон ужаснулся — Ирис была похожа на свою мать в те дни, когда болезнь уже догрызала остатки ее жизни. Он открыл было рот, чтобы вслух посетовать...

— Пора? — спросила Ирис спокойно и кротко, как самая послушная и богобоязненная

дочь. И слова застряли у него в горле. Альфред смог только кивнуть.

Держась за перила, Ирис спустилась вниз. У дверей Мэри заботливо накинула ей на плечи легкий теплый плащ и, не скрываясь, заплакала. Джорджа Эльсвика не было. Ирис его и не ждала. С того дня, как она расторгла помолвку, граф уехал из своего дома и поселился у друзей. Два раза приходил посыльный с письмами от бывшего жениха, но Ирис отослала их назад нераспечатанными, и Джордж отступился.

Экипаж был очень дорогим и красивым, с новыми рессорами, но такими тяжелыми и плотными занавесками, что Ирис невольно подумала — именно так должны перевозить преступников из одной тюрьмы в другую, чтобы не увидели, кого везут, и их товарищи не устроили побег.

Отец помог ей сесть и забрался следом. Грум цокнул языком, и экипаж мягко тронулся с места.

Молчание дочери тяготило Альфреда.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — осторожно поинтересовался он.

— Если я скажу, что умираю, ты отменишь венчание? — спросила Ирис, не поворачивая головы.

Отец крикнул от неожиданности, но спустя мгновение перевел дух с огромным облегчением.

— Ты меня успокоила, — признался он, — я уж было решил, что дела совсем плохи и до церкви я тебя не доведу. Либо ты скончаешься у меня на руках, либо на полдороге экипаж остановят дюжие ребята с пистолетами, и ты объявишь, что передумала выходить замуж, а вместо этого уходишь в разбойники. Каждый раз, когда я видел тебя такой покорной, случалась беда, и я научился бояться твоей сговорчивости. Ты ведь не умеешь сдаваться?

— Не умею, — подтвердила дочь, — но я умею отступать на время. Ты ведь сам учил меня, что коммерсант должен уметь маневрировать. Сейчас самое главное — жизнь Харди. Я понимаю это не хуже тебя, так что можешь не волноваться. На это раз я действительно покорилась.

Отец кивнул, но через некоторое время снова забеспокоился.

— Может быть, стоило захватить с собой нюхательную соль или что-нибудь в этом роде...

— Родерик Бикфорд так безобразен, что можно упасть в обморок от одного его вида? — съязвила дочь и тут же прикусила язык.

Отец широко улыбнулся. Всю неделю Ирис держалась так холодно и невозмутимо что, казалось, она и впрямь презрела все земное. Но любопытство выдало ее с головой.

— Совсем нет, — поспешно произнес Альфред, — Родерику чуть больше тридцати. Он хорош собой и, бесспорно, очень умен. Адам по праву гордится своим наследником, и Родерик...

— И Родерик достаточно влиятелен, чтобы избавить Харди от петли, а тебя от разорения, — перебила Ирис, кляня в душе свою несдержанность, — это все, что я хочу о нем знать. Даю слово, мне абсолютно безразлично, какого он роста и какого цвета его глаза и волосы.

— Роста невысокого, но очень крепок. Волосы светлые, почти как у Мэри, а цвет глаз я не разглядел, — посмеиваясь, сообщил отец.

— Ну хватит! — оборвала дочь. — Ей богу, ты похож на Пруденс Бэрт.

— Твоя мать умерла очень рано, — вздохнул отец, — она не дожила до твоей свадьбы, а девушке в такой день больше нужна мать, чем отец. Я попытался ее заменить, насколько мог.

— У тебя получилось даже слишком хорошо, — прошипела Ирис и отвернулась. Больше за всю дорогу она не проронила ни слова, но Альфреда Нортон ее молчание больше не тревожило. Да и дорога, против ожидания, оказалась совсем короткой.

На Кинг-стрит издавна селились самые знатные и приближенные ко двору фамилии. При короле Карле банкир или торговец, как бы он ни был богат, о доме здесь не мог и

мечтать. А вот сейчас случилось: Адам Джеймс Бикфорд купил дом на королевской улице, и мир не перевернулся.

Небольшая аллея, засаженная розовыми кустами, подходила прямо к высоким дверям в обрамлении восьми колонн. По бокам высились две темно-красные башни, украшенные барельефами, с большими арочными окнами. Дом, скорее его можно было назвать небольшим дворцом, имел всего-то три этажа и чердак, но, казалось, заслонял небо.

Все это Ирис увидела уже после того, как, остановившись на мгновение перед узорной решеткой ворот, экипаж подъехал к дверям, встал и слуга открыл дверцу, помогая девушке выйти.

Рядом с особняком был разбит небольшой, но немного запущенный садик. Он густо зарос боярышником, траву на лужайке не подстригали уже несколько дней. Тропинки, густо выстланные опавшими листьями, разбегались куда ни попадя без особого порядка. Но одна, чуть пошире остальных, вела к укрытой в глубине сада маленькой часовне, тоже красного цвета, вероятно, построенной в один год с домом и тем же мастером.

«...Вот и меня, как Кэти, замуж отдают, точно что-то нехорошее делают, так, чтобы никто не увидел», — подумала Ирис. Подумала без зла и без сожаления. Скорее просто для того, чтобы отвлечься от тянущего душу беспокойства.

Отец покинул экипаж следом за ней. Он о чем-то переговорил со слугой и ласково, но настойчиво подтолкнул ее к дорожке. Значит — пора. Значит, все это — всерьез. Ирис Нортон, пережившая кораблекрушение, испанский плен, жизнь на необитаемом острове в окружении отпетых головорезов, половина из которых мечтала повесить ее на ближайшем дереве, та Ирис, которая презрела мнение света и разорвала помолвку с лордом и будущим пэром королевства, должна была гордо отвести руку отца и спокойно, с высоко поднятой головой, прошеествовать навстречу неизвестному. Но она не могла. Странная слабость, сковавшая ее, позволяла лишь едва переставлять ноги.

День выдался хмурым. Серо-розовое утреннее небо затянули перистые облака. Темный сад казался пустым и холодным. От черной жирной земли на клумбах тянуло сыростью. Перед распахнутыми дверями часовни прохаживалась большая черная галка. Услышав шаги, она взмахнула крыльями и перелетела на старый кривой дуб неподалеку.

Совсем не о такой свадьбе мечтала самая богатая наследница севера Британии. Ни шафера, ни подружки, ни гостей. Впрочем, все правильно. Помолвка с лордом, совместное путешествие, слухи о пленении и гибели, внезапное воскрешение, появление в свете без компаньонки, лишь в обществе жениха, и, наконец, публичный разрыв... Все это можно было описать одним коротким и емким словом — скандал. Если девушка замешана в скандал, будь она хоть сто раз наследница и красавица, она должна молить Бога, чтобы ее вообще хоть кто-нибудь взял замуж, пусть даже нищий эсквайр.

Увидев фигуру священника в белом облачении, а рядом, у алтаря, темный силуэт незнакомца, Ирис перестала замечать все вокруг и сосредоточила силы на том, чтобы не упасть. Слуга освободил ее от плаща, и зябкий сырой воздух, будто только того и ждал, нетерпеливо обнял ее за плечи, пронизывая, казалось, до самого сердца. Даже не пытаясь разглядеть темную фигуру, Ирис Нортон пошла вперед, на свет белых одежд, так, словно шла по льду.

Священник заговорил медленно и торжественно. Сквозь гул в ушах Ирис разобрала: он давал объяснение того, что такое брак, и как мужчина и женщина должны соблюдать данные обеты. Она попыталась сосредоточиться. На один миг перед глазами прояснилось: она увидела тонкие белые пальцы священника, легко скользившие по страницам книги, сонную физиономию причетника и чуть дальше, у самой стены, большое деревянное распятие. «Господи... тебе было куда хуже, чем мне, — честно признала девушка, — прости, что я так раскисла. Ведь этот Бикфорд... не Синяя же Борода в самом-то деле?»

— Согласна ли ты, Ирис, взять в законные мужья присутствующего здесь Родерика и жить с ним в любви и согласии до самой смерти?

Она молчала, уйдя в размышления, и не сразу сообразила, почему в церкви наступила

глубокая тишина.

— Дочка?!

Ирис вздрогнула. Священник, повидавший на своем веку немало невест и прекрасно понимавший состояние молодой девушки, терпеливо, без раздражения, повторил вопрос.

— Да, — едва слышно ответила Ирис.

— Властью, данной мне Господом, объявляю вас мужем и женой, — торжественно произнес священник.

«Это все происходит не со мной. Это с Кэти!» Темный человек рядом шевельнулся, и сердечко Ирис взвыло от внезапного животного ужаса. Она едва не шарахнулась прочь. Но пересилила себя и подняла взгляд на мужа.

В полумраке часовни, близко, совсем рядом, оказались вдруг зеленые, кошачьи глаза пирата Джеймса Рика. В них полыхнули и радость, и беспокойство. Ирис поняла, что спит и видит чудесный сон, и тихо, одними губами, произнесла:

— Я искала тебя... так долго. Я не возвращалась домой... Мы обошли всю Вест-Индию...

— Я знаю, — так же тихо ответил Рик.

— Откуда?

— Я все время был рядом. Следовал за вами. На случай если ты опять попадешь в беду... Цыганка велела мне хранить синий цветок — и я хранил.

Пират обнял девушку, плечи мгновенно вспомнили тяжесть его ладоней. Происходило то, что не должно было, не могло случиться. Рик наклонился к ней, и девушка прильнула к нему, запрокинув голову, и ответила на осторожный поцелуй так горячо, как никогда бы не осмелилась наяву.

Потолок качнулся. Огоньки свечей дрогнули и поплыли.

«Не хочу просыпаться», — подумала Ирис и потеряла сознание.

* * *

Беспамятство нарушили голоса, которые показались ей неестественно громкими.

— Она очень волновалась все последние дни. Ничего не ела и, кажется, совсем не спала...

Голос отца причинял почти физическую боль и страшно раздражал. Кому какое дело до того, сколько она ест и спит?

— Я все понимаю. Вам незачем извиняться, — второй голос прозвучал гораздо тише, и девушка сразу узнала его. Она узнала бы его из тысячи. Так значит, это был не сон? Кровь жаркой волной бросилась в лицо. Она шевельнулась и поняла, что лежит на мягкой постели. Ирис рискнула приоткрыть глаза. Над головой был наполовину задернутый полог. Рядом с кроватью растерянно топтался Альфред Нортон. Ирис слегка повернула голову. Слух не обманул ее. Человек, стоявший у окна и поглядывающий на Нортон с легким нетерпением, был именно тем, кто ровно год назад спас ей жизнь, выслушал сбивчивые признания в невероятном чувстве, предложил бежать с ним и, получив отказ, поклялся исчезнуть из ее жизни.

Он был легендарным корсаром, который наводил ужас на побережье Испанского Мейна, не имел себе равных в поединках и за коварство и дерзость получил от богобоязненных кастильцев прозвище «Люцифер». А еще он был с ней «одной крови», точнее, одного времени. Камзол, высокий галстук и нелепое имя «Родерик» шли ему примерно так же, как волку ошейник. Что он делал здесь?

Глаза их встретились, и девушка почувствовала, что краснеет. Капитан улыбнулся.

Заметив, что она очнулась, отец торопливо шагнул к постели.

— Тебе лучше, дорогая? Ты напугала и меня, и мистера Бикфорда... Такой долгий обморок.

Ирис внимательно посмотрела в бегающие глаза отца и не поверила ни единому слову.

Он беспокоился, конечно, из-за ее обморока, но гораздо больше его терзало любопытство. Еще бы! Сцена, которую устроила в часовне во время венчания его сдержанная дочь, могла бы смутить кого угодно.

— Все хорошо, — тихо отозвалась она и попробовала сесть. Вещи вокруг устроили свистопляску. Она на секунду закрыла глаза, а когда снова открыла их, то увидела Рика. Он протягивал ей высокий бокал с красным вином, налитый едва на треть.

— Выпейте. Это поможет вам справиться со слабостью.

Она покорно глотнула. Вино оказалось терпким и сладким. Не слишком приятным, но, в общем, проглотить его оказалось нетрудно.

— Выпейте все, — тихо, но очень настойчиво произнес Рик, — вам это необходимо.

Не желая спорить из-за пустяка, Ирис подчинилась. Она ждала нового приступа головокружения, но мир успокоился и больше не пытался перевернуться вверх дном.

— Разве так можно, — торопливо заговорил отец, — три дня голодала, да без сна! Тут даже мужчина в полной силе с ног свалится, а ты — девушка!

Ирис поморщилась:

— Не нужно причитать надо мной, как над покойником. Я жива, все в порядке. Подумаешь — обморок.

Она скорее согласилась бы откусить себе язык, чем попросила отца выйти и оставить ее наедине с Риком. Но Альфред Нортон был далеко не глуп. Взгляд его несколько раз переместился с дочери на нового родственника и обратно.

— Ты уверена, что с тобой все хорошо?

— Уверена, — Ирис выпрямилась и опустила ноги на пол.

— Вам нельзя вставать, — негромко предостерег Рик.

— Это приказ, которому я должна подчиниться, иначе вы примените ко мне «право большого пальца»? — холодно спросила девушка. Супруг ее негромко фыркнул. Это было так неожиданно похоже на их частые стычки в прошлом, что Ирис едва поборолла желание рассмеяться. Все-таки это был он! И он ничуть не изменился.

— Ты уверена, что я могу оставить тебя? — спросил отец.

— Со мной все в порядке, — теряя терпение, процедила Ирис, — это пустяковое происшествие, и мы слишком много о нем говорим.

— Я все-таки подожду внизу, пока ты... — Альфред Нортон, недоговорив, шагнул к двери, но перед тем как закрыть ее с другой стороны, одарил долгим и недоумевающим взглядом сначала дочь, а потом зятя.

Ирис осторожно поднялась. Пол из-под ног не убежал. Похоже, вино и впрямь оказалось целебным. Рик наблюдал за ней внимательно, готовый в любую секунду прийти на помощь, но возражать больше не пытался. И на том спасибо. Ирис была сыта по горло мужским деспотизмом. Она вздернула подбородок и заглянула в зеленые, кошачьи глаза.

— Я жду объяснений.

— Вы их получите.

— Когда? — холодно поинтересовалась она.

— Прямо сейчас. Только сначала сядьте.

Рик шагнул к ней, чтобы помочь, но она демонстративно отстранилась. Пират пожал плечами и остался в двух шагах от нее.

— Не смотри на меня зверем, Настя. Может быть, я и действовал несколько вразрез со здешними традициями, но я был уверен, что ты меня поймешь.

Она молчала долго. Впрочем, терпения Рiku было не занимать. Наконец, он снова услышал ее голос.

— Там, дома, тебя тоже разыскивают?

Рик мгновение подумал.

— Наверное, уже нет. Слишком много лет прошло. Но — искали, это точно.

— Почему меня это не удивляет? — фыркнула Ирис. — А как ты осмелился появиться здесь? Ведь правосудие короля уже давно скрутило для тебя петлю. — На последних словах

ее голос дрогнул. Девушка поспешно отвернулась и не видела улыбки супруга.

— Виселица ждет пирата Рика. К баронету Родерику Бикфорду у короны никаких претензий нет.

— Если никто не откроет ей глаза, — возразила Ирис.

— А никто не знает. Кроме тебя и меня.

Девушка покачала головой:

— Ты очень сильно рисковал, спасая нашу семью. Я не представляла, насколько сильно. Иначе...

— Я рисковал не больше, чем просто приехав в Лондон. И не больше, чем в море. Тебе вполне можно доверить любую тайну, ты это доказала. — Он немного помолчал и добавил: — Ты уж прости, Настя, но я знал, что, расстраивая твою свадьбу, я совершаю хорошее дело.

— Слишком много знаешь, — немедленно взъелась супруга, — кажется, я не давала тебе повода!..

— Да правда ли? — широко улыбнулся Рик. И ей немедленно припомнилась та их единственная ночь, сумасшедшая ночь на Карибах... Она почувствовала, что щеки горят, а сердиться совсем не хочется.

— Там, на острове... я была безумна.

— Там, на острове, — передразнил ее пират, — ты в первый раз в жизни повела себя разумно. И я уже начал было надеяться, что ты наконец повзрослела. Но теперь вижу — ошибся. Ладно. Отдыхай, набирайся сил. Тебе принесут чего-нибудь поесть.

Рик вышел, не дожидаясь ответа. Дверью, впрочем, не хлопнул.

* * *

Над городом разгорался туманный и холодный рассвет. Он медленно и неохотно тек по небу от грязных портовых улочек, подбираясь к великолепному Сент-Джеймсу¹⁵. За белой дымкой было не видно солнца тревожного, темно-малинового цвета.

Питер Дадли проснулся с ощущением блаженной легкости во всем теле. Хотелось не просто встать, а вскочить, но, вспомнив липкую тяжесть и головокружения последних дней, Дадли поднялся осторожно. Ничего не произошло. Питер огляделся. Комната, как он и помнил, была большой, торжественной и плохо отапливаемой. Здесь было сыровато. Над кроватью нависал тяжелый темно-красный полог. С вышитым вензелем «NR». Дадли покопался в памяти, но ничего подходящего не вспомнил.

На высоком круглом столике из черного дерева стоял не привычный графин с водой, а красивое блюдо с фруктами. Рядом, на расстоянии вытянутой руки, Дадли увидел серебряный колокольчик. Это выглядело как приглашение. Питер позвонил.

Служанка появилась скоро, ожидание еще не наскучило Дадли. Это оказалась крепко сбитая пожилая неразговорчивая женщина. Она вошла, прижимая к плоской груди его мундир. Он был вычищен и старательно зачинен.

— Положи на кресло, — велел Дадли.

— Милорду что-нибудь угодно? — справилась женщина. Голос у нее оказался под стать лицу и фигуре — грубоватый.

— Спроси у княгини, когда она сможет меня принять, — довольно резко ответил Питер. Служанка ему отчего-то сильно не понравилась.

Бревно в плохо сидящем платье поклонилось и так же молчаливо вышло. Питер вздохнул с облегчением. Он неторопливо оделся. Поверх мундира Дадли нацепил найденную тут же перевязь. Шпаги не было. Это неприятно удивило Дадли, но он рассудил, что заботливая хозяйка, вероятно, убрала оружие, чтобы Питер во время болезни не поранился. Объяснение было притянута за уши, но другого все равно не было, так что пришлось

¹⁵ Сент-Джеймс — королевский парк.

довольствоваться этим. Блестящий офицер чувствовал неловкость. Прошло уже очень много лет с тех пор, как он в последний раз появлялся в обществе без шпаги. Тогда на нем, помнится, был школьный сюртучок.

— Доброе утро.

Питер стремительно обернулся на голос. В распахнутых дверях стоял высокий худой старик. Он немного сутулился, возможно, из-за привычки держать руки за спиной. Питер сразу узнал этого человека — князь Лоренцо да Манчина, и поразился тому, как бесшумно он вошел. Светлые глаза смотрели на офицера со спокойным, оценивающим любопытством.

— Ваше Светлейшее Сиятельство, — Дадли учтиво поклонился, — Простите мне невольное нарушение этикета. Я без шпаги...

— Пустое. — Голос князя был голосом старика, глухим и дребезжащим, но ничего неприятного в нем не было. — Вашу шпагу вы получите после того, как мы закончим разговор. Вам ничего не грозит, — князь демонстративно развел руками, — как видите, я тоже безоружен.

Дадли слегка растерялся:

— Вы говорите так, словно мы с вами враги.

— Мы не враги, — согласился старик и после едва заметной паузы добавил: — пока. Но можно предположить, что к концу разговора нам захочется перерезать друг другу глотки. В подобных случаях Господь советует не вводить ближнего во искушение, — князь доброжелательно улыбнулся.

— Я не понимаю вас, — признался Дадли, — мы едва знаем друг друга. Если только милосердный поступок княгини...

Старик с глухим стуком захлопнул двери.

— Вы самоуверенны, — спокойно сообщил он смущенному Дадли, — Вы молоды и красивы, но не соперник князю да Манчина.

— Тогда я совсем не понимаю Ваше Сиятельство.

— Сейчас поймете, — пообещал князь. Он подошел к креслам. Взглядом предложил Дадли садиться. Питер предпочел бы постоять, раз уж начался такой интересный разговор, но послушаться было почему-то совершенно невозможно.

— Я не любитель долгих разговоров, — произнес князь, буравя молодого офицера пристальным взглядом светлых глаз, — вы четыре дня были в жестокой горячке. Это тяжелое испытание не только для телесного, но и для душевного здоровья. Скажите, вы помните, как попали в мой дом?

— Княгиня сказала, что меня сбили ее лошади, — недоуменно ответил Дадли. Эти воспоминания его почему-то тревожили. Вернее, не сами воспоминания, а их отсутствие. А если совсем честно, Дадли смутно опасался, что воспоминания вернуться, и с ними всплывет нечто такое, чему лучше бы не всплывать. Старик прекрасно понимал его состояние.

— Хорошо, я помогу вам, — произнес он. — Барон де Сервьер...

Если бы рядом разорвалось пушечное ядро, шок был бы меньше. Перед глазами завертелась бешеная карусель: лица, масти, монеты, стылая вода Темзы, несущиеся навстречу лошади. И спокойный, даже чуточку ленивый голос, который с настоящим, не наигранным равнодушием произнес: «Вы должны мне ровно шесть тысяч фунтов».

Дадли схватился за голову и глухо застонал.

Лоренцо смотрел на молодого офицера внимательно, но без сочувствия. Ему не нравилось, что Дадли оказался таким впечатлительным. А на вид — такой хладнокровный и умный... Впрочем, сумма, на которую его обыграл Этьенн, могла сбить дыхание кому угодно.

Когда Дадли справился с собой и отнял руки от лица, первое, что он заметил — небольшой, но вместительный коричневый кожаный саквояж с аккуратными замочками. Саквояж был приоткрыт. А внутри... Дадли даже глаза потер, настолько необычным показалось ему увиденное: внутри саквояжа лежали толстые пачки банковских билетов, для верности перевязанные лентами посередине.

— Здесь ровно шесть тысяч фунтов, — подтвердил его догадку князь Лоренцо. — Они ваши. И я не требую никаких расписок.

Наконец Питер уразумел, что странный старик и гора денег — это не мираж, а самая что ни на есть реальная жизнь. А в реальной жизни такие деньги просто так, за красивые глаза, не дарят.

— Это большая сумма, — осторожно сказал он.

— Верно, — кивнул старик. — Услуга, которая от вас потребуется, тоже не мелкая.

— Услуга? — удивился Дадли. — Смею вас уверить, я не вхож к королю, не имею никакого влияния при дворе и не распределяю должности.

— Я знаю. Поверьте, я знаю о вас достаточно и я не принимаю вас за кого-то, кем вы не являетесь. Вы действительно не вхожи ко двору. И вряд ли когда-нибудь туда попадете. Дуэль, да? Маленькая неосторожность, которая стоила вам карьеры. Его Величество был очень зол и не повесил вас лишь по настоятельной просьбе вашего родственника, министра Сесила. Он ваш...

— Дядя. По материнской линии. Но какое это отношение имеет к моему долгу и вашему предложению? Кстати, я пока так и не понял, в чем оно заключается? — Дадли удалось довольно быстро взять себя в руки. Он сидел в кресле, откинувшись на спинку и положив ногу на ногу. И смотрел на князя да Манчина выжидающе. Лоренцо одобрительно кивнул. Со спокойным и уравновешенным противником было гораздо легче, чем с истериком, потерявшим голову от страха. Не говоря уже о том, что это было гораздо приятнее.

— Отношение самое прямое. А предложение мое простое, проще некуда, — улыбнулся Лоренцо, и Дадли невольно подумал, что еще ни разу в жизни не видел более открытой и доброжелательной улыбки. — Ваш дядя — министр Сесил. И его хобби.

— Не понимаю. На что вы намекаете?

— Не намекаю, — поправил князь. — Наше дело слишком серьезное, чтобы позволить себе роскошь плохо понять друг друга. Или не понять вообще. Так что никаких намеков: я говорю предельно прямо. В доме вашего дяди «Запечатанный узел», заговор против короля и католической веры, возрожденный спустя сорок лет. И вы — один из его активных участников.

Губы Питера свело мертвой улыбкой, похожей на гримасу.

— Вы... я право не знаю, кто наболтал вам все эти глупости, — выдавил он.

— Некий Питер Дадли, — невозмутимо ответил старик, — я, кажется, уже имел честь сообщить вам, что вы четыре дня метались в горячке. В горячке, молодой человек, люди иногда бредят и не контролируют свои речи. Я понятно изъясняюсь?

Дадли порывисто вскочил. Рука машинально метнулась к бедру, но, не обнаружив шпаги, сжалась в кулак. Питер сдавленно выругался.

— Вот поэтому я и распорядился пока разоружить вас, молодой человек, — кивнул князь, поднимаясь с кресла. — Как видите, я оказался прав. В серьезном разговоре оружие — не помощник, а лишь причина для запоздалых сожалений. А теперь сядьте... или, если хотите, можете остаться стоять, но выслушайте меня до конца.

— Вы ошиблись, — решительно сказал Дадли, — мне очень жаль. Спасибо за гостеприимство, разрешите откланяться, надеюсь, мы больше никогда не увидимся...

Надеясь на свою молодость и ловкость, Дадли шагнул вперед, прямо на старика, отводя руку для классического удара в челюсть. Неуловимым движением Лоренцо уклонился, удар прошел по касательной, и Питер по инерции влетел лицом в массивную деревянную дверь. Князь Манчина переместился за спину Дадли, сцепил руки в замок и обрушил тяжелый удар на основание его шеи. Питер со стоном рухнул под ноги старику. Сознание не оставило его... Мысли гвардейского офицера лихорадочно бегали, ища выход, спасение... Он резко вскочил. Князь стоял в пол-оборота к нему... Молниеносный удар в бок пошатнул Лоренцо, но на ногах он устоял. Питер больше не раздумывал ни секунды. Он стремительно кинулся к окну, отдернул массивную портьеру, дневной свет ударил в глаза... Дадли уже занес ногу,

чтобы вскочить на подоконник, но тут же получил удар. Стул с тонкими резными ножками разлетелся о крепкую спину гвардейца.

— Вы наивны, сударь... — со вздохом вымолвил князь, отбрасывая в сторону остатки стула, — но и прытки без меры...

Удар был хорош, и теперь Питер, неуклюже растянувшись подле окна, пытался перевернуться и сесть. В это время распахнулись двери. Сначала появились два пистолетных ствола, а потом в комнату широко, по-мужски, шагнула служанка.

— Мальчишка, — Лоренцо выпрямился, растирая кисти, — брат Джакомо, свяжите его. Так будет лучше. Для него...

Питер застонал и приподнял голову.

— Дворец Джезо? — пробормотал он. — Венецианская разведка?

— Вы умны, — признал князь, — побольше благоразумия, и цены вам не будет.

Пока он говорил, лжеслужанка, оказавшаяся монахом, ловко скрутила Питера веревкой от портьера, оставив возможность только дышать и говорить.

— Отлично, — оценил Лоренцо, — а теперь, молодой человек, все же сядьте и выслушайте меня. Сопротивляться глупо. Либо вы выйдете отсюда нашим другом, либо человеком, лишенным чести. У вас, к сожалению или к счастью, только две возможности.

— Есть и третья, — скрипнул зубами Дадли, — отсюда могут вынести мой труп.

— Едва ли, — качнул головой старик, — я уже говорил, вы склонны переоценивать себя. Человек, попавший в поле зрения ордена, умирает лишь по приказу его магистра, и никогда — по своему собственному желанию... Джакомо, запри дверь.

* * *

В соседней комнате за происходившим внимательно наблюдала Джованна. Когда мизансцена со скручиванием бедного офицера была доиграна до конца, она закрыла слуховое отверстие и аккуратно расставила бронзовые статуэтки на столике в прежнем порядке.

Женщина вздрогнула от неожиданно раздавшихся за ее спиной шагов. Джованна обернулась, ожидая увидеть Джакомо. Но глаза ее уперлись в грудь Этьенна де Сервьера, обтянутую темно-красным камзолом.

— Вы очень аккуратны, — голос его прозвучал глухо, и Джованне отчего-то сделалось неуютно. Как, впрочем, всегда в присутствии этого мнимого французского аристократа. Этьенн шагнул к ней, и женщине пришлось сделать над собой усилие, чтобы остаться на месте.

— Аккуратность — это первое, чему учат в монастыре, — спокойно ответила она.

Барон на нее не смотрел. Он вертел в руках небольшую статуэтку обнаженной женщины, короткие пальцы касались изгибов бронзового тела медленно, мягко, чувственно. Было в этом что-то такое... Джованна поймала себя на том, что хочет отвернуться. Но поступить так значило признать, что она уловила тайный смысл этих движений.

— В монастыре? — переспросил Этьенн, не прерывая своего занятия, — с трудом могу поверить.

— Отчего? Я недостаточно набожна?

— Вы слишком красивы для того, чтобы быть христовой невестой. — Пристальный взгляд барона остановился на лице Джованны, пытаясь поймать ее взгляд. — Что заставило вас принять такое решение, несправедливое для вас и слишком жестокое для любого, кто хотя бы раз смог увидеть вас так близко. Вам не везло с мужчинами?

— Вы не верите, что это было искреннее желание служить Богу? — удивилась Джованна, — Отчего? Разве я дала вам повод подозревать меня в лицемерии?

— Я не слежу за вами.

— Нет? — перебила Джованна, — тогда, позвольте спросить, как иначе называется то, что вы делаете постоянно, с тех пор как мы поселились в этом доме?

— Что же я такое делаю? — Удивление Этьенн разыграл мастерски. Джованна пожала плечами, взяла фигурку атланта и повернула ее так, что он уставился на статуэтку обнаженной наяды круглыми и пустыми глазами.

Тихий смех, прозвучавший в комнате, заставил мужчину заметно вздрогнуть, а женщину облегченно вздохнуть. Джованна ничуть не боялась жуира¹⁶, но ссориться не любила.

В комнату вошел хозяин. Глаза Лоренцо быстро обежали комнату и остановились на скульптурной группе. Он прекрасно помнил, что раньше фигурки располагались не так, и уж ему-то не нужно было растолковывать скрытое значение символов.

— Барон любовался, — предположил он, — не так ли, ваша милость?

— Безусловно, — поспешно кивнул Этьенн. Холодная ирония монаха, бесшумные движения и внимательный взгляд напоминали ему болотную змею. Этьенн, конечно, тоже не боялся Лоренцо. Вообще, в особнячке на Риджент-стрит компания собралась не пугливая. Но лишние дуэли были сейчас весьма некстати, и поэтому Этьенн поспешил оправдаться: — Я не имел в виду ничего...

— Мирского, — подсказал Лоренцо, — надеюсь, что так. Позволь напомнить тебе, брат по оружию, что из всех мужчин сестра Кармела избрала Христа, и мы с тобой должны уважать ее выбор.

Эта выволочка, сделанная небрежным, покровительственным тоном, пришлась не по душе барону. С нарастающим волнением Джованна наблюдала, как Этьенн комкает манжет. Но в тот миг, когда он уже был готов взорваться, Лоренцо неожиданно спросил:

— Вы бываете у Каслри?

Все еще борясь с раздражением, Этьенн через силу кивнул.

— И что поучительного вы вынесли из этих застольных бесед?

— Об убийстве в саду министра ничего не слышно. Видимо, Сесил хорошо замел следы.

— Но не сам же он избавлялся от тела? — удивился Лоренцо — Насколько я знаю этих аристократов, они скорее замерзнут насмерть, чем сами подбросят дров в камин.

— У него преданные слуги, — заметил барон.

— Чушь, — отрезал монах, — не существует такого понятия, как безусловная преданность. Выясни, насколько слуги преданы Сесилу. Другими словами, сколько им нужно заплатить, чтобы они сдали своего хозяина с потрохами.

— И сколько можно обещать?

— Сколько сочтешь нужным.

— Орден так богат? — удивился Этьенн.

— Все богатства у Бога, барон. Надеюсь, это вы не станете оспаривать?

— Ни в коем случае. — Этьенн поклонился и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Хорошо, что он ушел, — произнесла Джованна, едва шаги барона стихли, — неприятный человек. Он задавал странные вопросы...

— Я слышал, — кивнул Лоренцо, наблюдая в окно за тем, как мнимый барон пересекает двор, садится в экипаж, грум щелкает кнутом, а проворный мальчик-слуга торопливо отпирает ворота, надеясь на небольшое вознаграждение. — Станные вопросы — часть нашей жизни, голубка. Научись давать на них странные ответы, и все будет в порядке.

Джованна вздохнула:

— Отец мой, простите, ибо я согрешила. Примите мою исповедь.

Лоренцо внимательно взглянул на точеный профиль женщины и медную корону волос. Взгляд больших глаз мягкий и кроткий, но таит в себе пламя, заставляющее щеки алеть, а тонкие ноздри едва заметно трепетать. Джованна была чем-то взволнована. Не встревожена, а именно взволнована.

¹⁶ Жуир — (фр.) весело и беззаботно живущий человек, ищущий в жизни только удовольствий.

— Хорошо, дочь моя. Если тебе это необходимо, возьму грех на душу.

— Грех? Ведь ты же священник, и тебе уже не раз приходилось принимать исповедь.

— Приходилось, — кивнул Лоренцо. — Священник — это рука Господа, Его любовь и прощение. Исповедь — святое таинство, личным чувствам и мыслям здесь делать нечего, ты согласна? Наверное, я был хорошим священником, потому что мне всегда были глубоко безразличны мои прихожане. И, от души презирая их беды, я умел дать понять, насколько они ничтожны. И люди верили мне. И благодарили за утешение. Но ты — особенный случай.

— Почему? — тихо спросила Джованна. Очень тихо, почти беззвучно. Но Лоренцо услышал.

— С тобой я не могу быть бесстрастным и отрешенным от мира. Мне слишком хочется знать все твои тайны. Хочется знать для себя. А не для Господа. И даже не для тебя.

Джованна встрепенулась. В карих глазах монах прочел тысячу вопросов. Но он не дал ей говорить.

— Сдается мне, мы больны одной и той же болезнью, — его улыбка показалась Джованне строгой и печальной. — Тебе тоже слишком хочется знать мои тайны. Имей терпенье. Нет ничего тайного, что не стало бы явным в свой час. Дождемся своего часа, моя голубка.

Они стояли у окна, совсем рядом. Их руки лежали на подоконнике в полудюйме друг от друга, но не соприкасались. Джованна чувствовала тепло его тела. Все было привычно, но все было иначе. Десять лет они бродили по всему свету бок обок, деля последний кусок хлеба, последний глоток, единственный шерстяной плащ, не раз могли разделить смерть, но все же Джованна считала, что путешествует одна. Со слугой. И вдруг все переменялось. Слуга оказался господином, занимающим высокий пост в той структуре, которая приютила Джованну, воспитала ее и отковала из женщины стальной клинок для защиты истинной веры.

— Кто ты? Как зовут тебя? Сколько тебе лет? Есть ли у тебя родные? Где та земля, которую ты называешь отчиной? Почему ты был со мной рядом все эти годы? Только ли для того, чтобы сберечь клад Ферье для католической церкви? Или была другая причина? О чем ты умалчиваешь, когда говоришь со мной, и о чем ты говоришь своим молчанием? Кто ты, Лоренцо да Манчина, брат, человек с отстреленным ухом?

Они стояли в темноте «красной» гостиной, не соприкасаясь даже рукавами, близкие и бесконечно далекие. Потом Лоренцо отошел, кощунственно насвистывая «В руки твои, Господи». Джованна должна была возмутиться. Но гнев молчал, впервые за много лет. Молчала и гордость.

* * *

— Так... — Рик оглядел себя с ног до головы. Все было в полном порядке. Кожаный колет облегал плотно, перевязь со шпагой подогнана так, чтобы не болталась, за поясом пара барабанных шестизарядных пистолетов, которые он уже про себя прозвал револьверами. Однако он не спешил заявить миру о своем изобретении. Ну не совсем его. Хвала мастеру Багги, трудившемуся во благо и процветание компании Рика. Одним словом, за патентом он не пошел. Арсенал был не полон без главного...

Две ручные бомбы! Незаменимый аргумент при любом деле, и отчего тут же вспомнились российские революционеры начала двадцатого века, которые раскидывали эти адские машинки направо и налево. На свои бомбах Рик заботливо делал насечки для увеличения осколочного поражения противника. Эти адские «машинки» не раз выручали его на Карибах. Вот и теперь...

— Так-так, — Рик надел черную без лишних украшений шляпу, натянул перчатки из тонкой кожи. «Можно», — сказал он себе и вышел во двор. Покосившийся домик стоял на окраине городских трущоб, полуистлевший забор не скрывал от посторонних глаз крохотный внутренний дворик. Собственно посторонних глаз было не так уж и много, да и

то они были в стельку пьяны.

— Наш славный Джордж пошел в поход... — нестройная, но веселая песенка, затянутая двумя прохожими, никого не удивила.

Рик оглядел компанию, собравшуюся во дворе и ожидающую его слова.

— Парни, — бодро начал молодой человек, — нам предстоит ответственный шаг, и все будет зависеть от вашей решимости. Надеюсь, все готовы?

— О!

— Да, сэр!

— Конечно...

— Сэр...

Нестройный ответ порадовал Рика — по глазам было видно, что парни были готовы на все сто, но все же он решил добавить:

— Напомню еще раз, господа, что после удачного завершения нашего мероприятия всех вас ждет щедрая награда.

— Мы готовы, сэр! — ответил за всех здоровенный детина со шрамом на лбу.

Рик еще раз оглядел присутствующих. Десять крепких ребят стояли, гордо выпятив грудь, почти как братья-близнецы, ну почти... Все в коричневых кожаных колетах, в черных шляпах и плащах, а под плащами... Рик снарядил их должным образом, и короткими абордажными саблями, и пистолетами. «Ну и рожи... отменные рожи, эти уж точно готовы на все», — подумалось молодому человеку, и он хитро прищурил глаза. В сущности, кто-то из них мог и не дожить до сегодняшнего вечера, но это мало заботило Рика. Они заведомо шли на риск, а риск, как известно, может и по башке долбануть.

— Тогда с Богом, джентльмены. Вперед! — и Рик накинул плащ, дабы до поры скрыть весь богатый арсенал.

Примерно через час отряд Рика занял исходную позицию на углу Инсит-роуд и Флит-стрит. И если тесная Флит-стрит не позволяла Рiku должным образом рассредоточить своих бойцов, то более широкая Инсит-роуд имела множество преимуществ. Во всяком случае, там было где спрятать бойцов. План Рика был прост, как бамбуковая трость. Бойцов он разместил справа и слева по Инсит-роуд, сам же занял позицию за углом церкви Святого Петра и Павла и был готов первым вступить в дело. Ждали часа два, и они не обошлись без приключений. Двое крепко подвыпивших парней пристали к одному из отряда Рика. Что у них там произошло, Рик толком и не увидел. А когда услышал, было уже поздно. Пьяниц отмутузили и быстро затащили в какой-то подвал. Дело могло кончиться плохо, ведь наверняка найдется законопослушный зевака, который кинется к городской страже. Рик уже хотел было спешно менять дислокацию и отходить дальше по Инсит-роуд до пересечения со Стоун-стрит, но стук десятков копыт заставил его насторожиться.

Еще минута — и на мощенной дороге показались драгуны, аж три пары. За ними «гроб на колесах», для перевозки особо опасных преступников, на козлах двое стражников. Замыкали шествие еще три пары драгун.

Рик пересчитал всех и уже был готов действовать, но тут кавалькаду обогнали два всадника. Оба в красных мундирах с ярко-желтыми шарфами, на головах красовались богатые шляпы с цветными перьями и серебряными бляхами.

— Вот и господа офицеры... — процедил сквозь зубы Рик. — И где только их носило?

Фантазию развивать не имело смысла, и Рик шагнул вперед. Запалы обоих гранат уже дымились — первую он метнул под ноги офицерам, а вторую под четверку, впряженную в «гроб на колесах». Лошади шарахнулись, одна поднялась на дыбы...

— Один, два, три, четыре... — громко считал Рик. Подле церкви удачно росли несколько тополей, за которые молодой человек едва успел забежать.

Два мощных взрыва прогремели один за другим. Даже находясь в укрытии, Рик ощутил ударную волну, а в следующий миг несколько осколков впились в деревянную ограду церкви.

— Многовато заложил... — машинально изрек Рик и, выхватив оба револьвера, вышел

из-за деревьев.

Дикое ржание и возгласы ужаса встретили его. И было непонятно, кто кричит громче, люди или кони. Дыма было не так много, и Рик прекрасно видел, что офицеры погребены под разорванными телами своих лошадей. Передняя шестерка драгун была тоже повержена вместе с конями... хотя нет, двое, кажется, стали приподниматься.

Рик ускорился, но успел выстрелить только в одного, второго добил кто-то из подоспевших бойцов. Один из возничих был жив и даже успел выхватить пистолет, но его тело тут же рухнуло на мостовую, пробитое сразу тремя пулями. «Гроб» значительно пострадал, у него были оторваны два передних колеса...

Основную проблему составили арьергардные драгуны. Шесть молодцов с седла сделали залп и уколошили трех самых ретивых парней Рика. Джеймс от удивления аж присвистнул. Он прыгнул на разбитую повозку и стал играть в ковбоя. Да, именно так ему почему-то мерещилось. И он также быстро взводил ударник, который методично хлопал по капсюлям, и ствол стремительно извергал смерть. Шесть пуль — два трупа, не так уж и плохо в такой суете.

Второй револьвер он пустить в ход не успел. Его парни накинулись на оставшихся драгун, и завертелась карусель. Конвой пытался стоптать конями нападавших. Драгуны крутились на месте, отбивали удары и сами активно работали холодным оружием. Один ловкий краснофланник умудрился проткнуть одного. Его-то Рик и взял на мушку — хлоп! Драгун замер. Но лишь на секунду. А затем вновь перешел в атаку.

— Настырный малый... — Джеймс выстрелил еще раз. На сей раз драгун выпал из седла. — Заканчивайте! — громко скомандовал Рик, разряжая второй револьвер в еще одного не в меру активного противника.

Нет, он оставил один патрон для замка.

— Харди? Мак-Кент — живой?!

— Твоими молитвами... — отозвался глухой голос из-за двери. — Открывай поскорей...

— Один момент.

Рик выстрелил, но это было не кино — замок лишь качнулся, но устоял. Джеймс отчаянно сплюнул и попробовал на прочность петли — впустую.

— Харди, пробуй изнутри! Упрись ногами. Давай!

Рик обернулся. С драгунами было покончено.

— Лошадей! Лошадей держите! Харди — давай! Еще... еще!

— Не выходит...

— Поддается! — заверил его Рик. — Давай!

Джеймс и сам видел, что замок и петли были на удивление крепки.

— Отойди! — крикнул он Мак-Кенту, а сам насыпал в замок пороху. Немного утрамбовал его в отверстии, затем заложил пыж и короткий имени себя шнур¹⁷. Поджог. И взрыв. Замок разлетелся, и справа от Рика кто-то охнул.

— Сэр? — изумленно протянул чей-то голос, когда тело шумно бухнулось на мостовую. — Вы убили Бобби?!

В эту же секунду дверь вылетела от мощного удара, и в проеме появилась взъерошенная рыжая шевелюра шотландца.

— Пора убираться, — заявил Харди, спрыгивая на мостовую.

— М-да... — в ответ Рик лишь покачал головой. Его взор был устремлен на бедного Бобби, которому осколок замка так неудачно прилетел аккурат в висок.

— Уходим, парни! Харди, в седло!

— Оплата, сэр? — осмелился напомнить здоровяк Уилл.

— Ах да. Вот, держи! — Джеймс вытянул из-за пазухи увесистый кошель и бросил

¹⁷ Бикфордов шнур.

Уиллу. — Благодарю вас, джентльмены. Надеюсь, вы не забудете семьи погибших товарищей.

Последнюю фразу он произнес уже с высоты седла.

Уилл взвесил в руке кошель и, довольно крикнув, спрятал награду.

— Сэр, если еще будет нужна...

— Еще раз благодарю вас, джентльмены, — перебил его Рик и каблуками ударил в бока лошади.

Они с шотландцем неслись по Инсит-роуд, насколько позволяла ширина дороги. Благо еще, что звуки взрывов и стрельбы разнеслись далеко, и прохожие предусмотрительно жались вдоль стен домов, а многие и вовсе поспешили свернуть на более тихие улочки. Так что дорога было совершенно пуста.

— Ты ранен? — изумился Харди, заметив кровь на руке Джеймса.

— Пустяки — царапина, — ответил Рик, каблуками понуждая лошадь к еще более быстрому темпу.

Глава 6

Часы пробили полночь. Двенадцать глухих ударов, которые она отсчитала машинально. Непроглядная темнота за окном навевала мрачные мысли. Ирис рывком задернула штору. Торопливо, роняя рукавами роскошного пеньюара разные мелочи с круглых высоких столиков итальянской работы, зажгла еще шесть свечей. В большой спальне, отделанной в светло-коричневых тонах, стало светло, как в балном зале. Она опустилась на кровать. На подушке лежала книжка в красном бархатном переплете, заложенная на странице, где красивая гравюра изображала трех волхвов, явившихся поклониться младенцу Иисусу. Но Ирис взглянула на книжку лишь мельком, читать она не могла.

Рик ушел еще утром.

Она узнала об этом совершенно случайно, когда на конюшне попросила Пита оседлать ей черного жеребца для прогулки. Ездить верхом она уже давно научилась и даже полюбила. Эти прогулки случились пару раз, когда Ирис просыпалась в плохом настроении и искала способ развеяться. Потом пейзажи вокруг загородного дома Бикфордов — аллеи, густо заросшие шиповником, небольшая дубовая роща с ее темной прохладой, глубокий овраг, пересекающий поле с люцерной и аккуратные, чистенькие домики арендаторов — заворожили девушку, и утренние верховые прогулки стали традицией.

Рик не возражал. С того дня, как супруги поссорились в очередной раз, они вообще мало разговаривали, да и встречались крайне редко и всегда случайно. Поместье Бикфордов не было огромным, но если кто-то хотел избежать встречи с кем-то, возможностей для этого была масса. Например, из роскошно отделанной спальни Ирис вели две двери: одна в соседнюю комнату, которая напрямую соединялась со спальней Рика, другая в коридор. А оттуда можно было пройти как в зал, так и черным ходом к конюшням. Ирис в последнее время предпочитала именно этот путь.

— ...А Гранда взял господин Родерик, — ответил деревенский парень, служивший при конюшнях, и простодушно добавил: — Я еще подумал, что он, верно, не знает, что этот жеребец ваш любимец.

Ирис насторожилась:

— А какую лошадь обычно берет господин Родерик?

— Камелию, — Пит кивнул на стойло, где нервно переступала с ноги на ногу рыжая кобыла с белоснежной полосой через всю морду, — она хорошая девочка, хозяина любит. Видите, как расстроилась, что он взял не ее, а Гранда? До сих пор фыркает. Да не фыркай, не фыркай, — Пит ласково потрепал кобылу по холке, — господин Родерик тебя любит. Просто уж видно очень торопился он. Гранд — самый быстрый, в нашем графстве его ни один конь не догонит. Да и во всей Англии, наверное, таких найдется от силы пара... Хотите я оседлаю для вас Юпитера? Он уже не молодой, конечно, носиться сломя голову, как вы, уж простите

меня, госпожа, привыкли, да через овраги скакать на нем нельзя. Да и не станет он скакать. Но зато он спокойный и надежный, как деревянные башмаки, без всяких там фокусов. И с удовольствием вас покатает. Правда, старичок?

Серый в яблоках конь с большими умными глазами доверчиво потянулся к девушке мягкими губами, и это решило дело. Она приказала седлать ей старенького Юпитера, и на прогулку, щадя его годы, отправилась не своим обычным сумасшедшим маршрутом, через овраг, а по самой кромке поля.

Утро выдалось неярким и ощутимо прохладным, как часто случается в этой части Англии в самом начале осени. Ирис зябко повела плечами. Оделась она как обычно. Во время сумасшедшей скачки, которую устраивали они с Грандом, погода их как-то не очень волновала, гораздо больше занимали старые раны земли да новые поваленные деревья... Юпитер оказался действительно очень спокойным, умным конем. Но он имел твердые взгляды на верховые прогулки, и заключались они в следующем: рысь, рысь и еще раз рысь. Никакого галопа. Если кто-то очень хочет свернуть себе шею, то пожалуйста, может сделать это, но в другое время, в другом месте и на другой лошади.

Подчиняясь даже не коню, а своему настроению, Ирис свернула на одну из тропинок, ведущих вглубь дубовой рощи. Сквозь плотные кроны солнечные лучи проникали скупой, девушка замерзла, начала дрожать и даже икать. Это было очень неприятно. Старый конь, словно почувствовав ее настроение, повернул к Ирис морду, вздохнул и немного прибавил ход.

Деревья расступились внезапно, открылась небольшая круглая полянка, щедро залитая солнцем. Ирис мягко потянула повод. Юпитер остановился. Девушка спрыгнула с коня и пошла вперед, махая руками, чтобы согреться.

Она внимательно смотрела под ноги, чтобы не угодить в кроличью нору и не покалечиться, и потому заметила, что в некоторых местах трава примята, несмотря на ранний час, да не одной лошадью. Было их тут несколько. Вот отпечатались каблук всадника.

Ирис оглянулась. Юпитер щипал траву на краю поляны и не выражал ни малейшего нетерпения. Успокоившись, что непривязанный конь никуда не сбежит, Ирис двинулась по следам, отмечая, что чем дальше, тем более примятой становилась трава. Один раз она наткнулась на целую проплешину, словно кто-то грузный спал тут. В другой раз ей на глаза попались кусок веревки и зерна просыпанного пороха.

Совсем интересно! Ведь сезон охоты на лис еще не наступил, а больше в этих местах ни на кого не охотились.

Ирис присела, подобрала несколько крупинки, покатала их в пальцах, приблизила к глазам. Она не ошиблась, то был именно порох. Здесь заряжали оружие.

Верховые, с оружием, на полянке, укрытой от посторонних взглядов, один или несколько человек явно тут ночевали... — все это опасно напоминало сбор разбойничьей шайки. И в границах владений Бикфордов. Неприятно.

Девушка попыталась успокоить себя мыслью, что это могли быть всего лишь браконьеры, но попытка была так себе. Браконьер с оружием? Крестьянин, которому захотелось крольчатины или дичи из владений лорда, воспользуется силком, а ружья и порох — игрушки дорогие, да и шумные.

Внезапно Ирис пришло в голову, что если этот дубовый лесок и впрямь хитрое место, то не следует ей бродить здесь в полном одиночестве.

Помня о тех же кроличьих норах, Ирис не стала подзывать коня, а сама направилась к нему, невольно оглядываясь и прислушиваясь. Но утренний лес дышал тишиной.

Вернувшись домой и поручив Юпитера заботам конюха, она немедленно отыскала управляющего и сообщила ему об увиденном. Вопреки ее опасениям, пожилой Уилфрид Соммерс не стал отмахиваться от странных следов на траве и глупых подозрений госпожи. Подробно расспросив ее и уяснив расположение полянки, он кивнул и принялся отдавать распоряжения, собирая слуг, в основном молодых и крепких мужчин. Вскоре из окна

гостиной Ирис увидела, что в сторону леса направляется небольшой отряд. У некоторых молодых людей, а может быть, и у всех, были ружья.

Вернулись они к обеду. Дубовая роща была прочесана вдоль и поперек, и ничего незаконного в ней не обнаружилось. Может быть, действительно, какие-то лихие люди ночевали на поляне, но давно снялись и исчезли в неизвестном направлении.

Привезенные новости должны были успокоить Ирис. Выслушав их, она кивнула, поблагодарила Соммерса и сделала вид, что так оно и случилось. Но в глубине души зародилась тревога. Как-то очень хорошо увязались между собой таинственные люди с ружьями, ночевавшие в лесу Бикфорда и исчезнувшие еще до рассвета неизвестно куда, и еще до рассвета и тоже неизвестно куда исчезнувший Бикфорд. Взявший, кстати, самого быстрого коня.

Слуги могли думать что угодно, считать хозяина образцовым и законопослушным джентльменом их сам Бог обязал. Но Ирис не заблуждалась на его счет. Если в границах владений Бикфорда и впрямь творилось что-то незаконное, то, вполне вероятно, с прямого благословения хозяина.

Ирис решила дожидаться своего номинального мужа и любым способом, хоть угрозами, хоть слезами, хоть истерикой, но вытрясти из него правду. Но время шло, а его все не было. Большие напольные часы в холле пробили полночь.

Девушка поймала себя на том, что не просто озадачена, а взволнована и даже напугана.

Внизу подали голос собаки, гавкнули коротко и сразу же замолчали, словно появился кто-то хорошо знакомый. Ирис встрепелась, привстала, напряженно вслушиваясь в нервную тишину большого старинного особняка. Как будто бы хлопнула дверь. Но это могло и показаться. Ирис торопливо набросила шаль, схватила свечу и, выскользнув за дверь, бесшумно и стремительно спустилась по лестнице вниз. У самых дверей в холл она, не отдавая себе отчета в том, что делает, замедлила шаг, стараясь ступать как можно тише. Дело облегчал большой и плотный ковер на полу. Услышав голоса, доносившиеся из-за приоткрытой двери, она задула свечу, подкралась ближе и прислушалась.

— Повалиться мне на этом месте, капитан, это была отчаянная попытка. Или мне следует называть вас «баронет»?

— Зовите как хотите, хоть кочергой, но сегодня, еще до рассвета, вы должны отплыть. Мне жаль, что я не могу предложить вам сытного обеда, придется немного подтянуть ремень, — стукнула дверца шкафчика, звякнуло стекло, — единственное, чем я могу вам помочь, это предложить пару стаканчиков кларета с бисквитами.

— Помилуйте, Рик, я же не барышня, — человек рассмеялся, и девушка с изумлением поняла, что это Харди. Капитан Харди Мак-Кент, угодивший в Ньюгейт по обвинению в заговоре и дожидавшийся там суда и казни. Видимо, не дождался. Скучно, должно быть, стало.

— Тогда, может быть, рома?

— Вот это наш ветер. Доставайте ваш ром, Рик, посмотрим, что за дрянь вам всучили местные поставщики. Ставлю тельца против яйца, он хуже, чем тот, что мы с вами пили на Ямайке.

— Да уж конечно, — согласился Рик с улыбкой, которую Ирис услышала в его голосе, — но он довольно крепок, а вам еще скакать полночи...

— Кстати, где вы достали таких дьяволов, как ваш черный Гранд и этот, саловый?

Разговор перешел на лошадей, заводчиков, скачки и цены на породистых жеребцов, и Ирис, потеряв к нему интерес, глубоко задумалась. Настолько глубоко, что не заметила, как голоса за дверью смолкли. Государственный преступник Мак-Кент покинул особняк баронета Бикфорда, придворного поставщика и, как поговаривали, чуть ли не личного друга короля Джеймса. Насколько у короля могли быть личные друзья.

Из глубокой задумчивости, похожей на дрему, ее вывел знакомый голос.

— Что ты здесь делаешь? — Рик стоял в дверном проеме и с любопытством смотрел на жену, с потушенной свечой свернувшуюся у замочной скважины.

— А разве не понятно? — огрызнулась Ирис.

— В общем и целом понятно... Вина? Харди отказался, а графинчик я все равно уже достал... Не ставить же обратно так и не откупоренным. Отметим счастливое избавление от петли вашего капитана. И то, что я выполнил последнее условие нашего брачного контракта. — С этими словами Бикфорд подал Ирис руку.

— Когда я просила помочь Харди, я имела в виду не это, — взволнованно заговорила Ирис, едва сладкое вино согрело желудок, — я думала, что ты, как человек, близкий ко двору, просто попросишь для Харди помилование... ну, или что-нибудь в этом роде. Но ведь случилось другое, я права? Эти люди в лесу, оружие, порох... Была стычка! Ты во что-то впутался, и это что-то здорово пахнет государственной изменой, тюрьмой и виселицей.

— Вот если бы я испросил у Джеймса помилование, тогда бы запахло виселицей. — Бикфорд щедро плеснул себе охаянного Харди рома. — Просить короля пощадить человека, который участвовал в заговоре против него... Ты представляешь, как примет такую просьбу наш венценосный параноик? Да я бы мгновенно оказался в соседней камере. Стали бы перестукиваться через стенку. Пришлось бы ради такого случая «изобрести» азбуку Морзе на два века раньше.

Джеймс костяшками пальцев отстукал по полированной крышке секретера сигнал, известный каждому моряку... вернее, сигнал, который будет известен. Когда-нибудь. Ирис его не слушала. Она внимательно смотрела на левое плечо Бикфорда, небрежно прикрытое рукавом сюртука.

— Ты ранен, — сказала она, не спрашивая, а утверждая.

— Да, зацепили, — не стал скрывать он, — и опять левую. Видимо, с этой стороны оборона у меня слабее.

— Покажи.

— История повторяется, — улыбнулся Бикфорд, — декорации другие, но действующие лица те же. Не беспокойся, рану мне обработал лекарь, очень качественно. Через пару недель я забуду об этой дырке... А если дела и дальше пойдут так же интересно, то и раньше.

— Что значит «интересно»? — Чуткое ухо Ирис мгновенно уловило нечто важное в «салонной» болтовне мужа.

Он понял, что увлекся. Замолчал. Пожал плечами и тут же поморщился.

— Ну вот, ты снова взялась подслушивать под дверями, вместо того чтобы спокойно спать в своей постели, — проговорил он, внимательно глядя на Ирис, — уже интересно. Зачем тебе это понадобилось?

— Тебя не было...

— И ты беспокоилась? Или... Неужели ты скучала без меня, Настя?

— Скучала, — бросила она, — примерно так же, как скучает собака по цепи.

Девушка развернулась, чтобы уйти... и почувствовала его руку на своем плече. Она обернулась.

— Ты сердишься? — непривычно тихо и непривычно серьезно спросил Бикфорд, вглядываясь в ее лицо с напряженным вниманием. — Почему ты все время сердишься на меня? Неужели я так невыносим?

— Невыносим? — Ирис растерялась. — Нет конечно. Почему... Я вовсе не сержусь. Я... просто испугалась за тебя, вот и все.

— Тогда почему ты уходишь?

— А... что я должна делать? Ведь ночь...

— Что делать? Ну, у меня есть пара идей. Например, мы можем допить вино. А потом подняться наверх. Вместе. Ты никогда не думала о такой возможности, жена?

Девушка молчала. Это не было растерянностью или возмущением. Может быть, она ждала? Рик правильно оценил это молчание и крепко прижал ее к себе здоровой рукой. Она не сделала ни малейшей попытки освободиться, даже символической.

Юная баронесса де Сервьер, громко напевая мотив из нашумевшей итальянской оперы, кружилась по комнате, то прикладывая к себе очередное платье, то отбрасывая его на подвернувшееся кресло или короткий диванчик, а то и просто на пол. Предстоял не бал, не прием и даже не визит, а всего лишь прогулка по магазинам, но Кэти никогда не отказывала себе в удовольствии выглядеть настолько прелестно, насколько это было возможно. Раз уж она волей судьбы получила такую возможность, так почему бы не использовать ее на все сто?

Просто удивительно, как быстро дочка судьи впитала в себя все привычки высшего сословия. Не самые лучшие привычки. Прислуга Кэти едва терпела, именно за множество лишней работы, которую она создавала, даже не отдавая себе отчета в том, что творит, да и не особо задумываясь об этом.

...В понедельник музыкальный вечер у графини... графини... Ей прислали приглашение только потому, что у Сесила она набралась смелости и попросила об этом саму графиню, чье имя она сейчас мучительно пыталась вспомнить. Дама была так потрясена ее «очаровательной непосредственностью», что пообещала прислать ей билет. И в самом деле прислала. Причем не на бал, куда получали приглашения все, кого хозяева могли вспомнить и кто в последнее время не был замечен в каком-нибудь скандале, а на узкий, почти семейный прием, всего на пятьдесят человек: только близкие друзья и еще самые-самые сливки общества. И Кэти. Как же все-таки зовут графиню? Вот досада!

— Клер! Клер! — пронзительно закричала Кэти.

Горничная средних лет немедленно возникла на пороге комнаты. Окинула ее взглядом, отметила, что порядок, наведенный всего час назад, уже нарушен. Поджала губы.

— Да, госпожа?

— Где приглашение на понедельник?

— От графини Шеклфорд? В вашей шкатулке для приглашений, госпожа.

— Так и есть, Шеклфорд! — Кэти топнула ногой, досадуя на себя за то, что не вспомнила такую простую фамилию. — А где моя шкатулка для приглашений?

— На туалетном столике, госпожа, — ответила Клер и невозмутимо добавила: — туалетный столик прямо за вами.

Кэти обернулась. Может быть, когда-то здесь и был туалетный столик, но сейчас его надежно скрывал Монблан из платьев, шляпок, перчаток и шалей.

— Ты видишь, какой здесь беспорядок? — строго спросила Кэти. — Разбери сейчас же, а то мне не добраться до важных бумаг!

— Да, госпожа, — кивнула горничная и направилась к столику, который она привела в порядок не далее чем сегодня утром.

«Шеклфорд, — продолжала размышлять Кэти, — Что надеть? Графиня, конечно, будет в черном, она вдова... уже десять лет вдова и десять лет носит черное».

Это значит что ей, Кэти, черное надевать нельзя, моветон. Тогда что? Белое — цвет дебютантки, а она уже замужняя дама и как-никак баронесса. Пусть и не английская, что автоматически ставило ее на ступень ниже Шеклфордов, но все же аристократка. Голубое? Уже надевала к Литтлам. Литтлы тоже приглашены к графине, и если она появится в голубом, будет скандал. Темно-синее?

— Клер, где мое темно-синее платье?!

— У меня в руках, госпожа, — храня поистине английское спокойствие, ответила горничная.

— Дай сюда! Господи, но почему оно такое мягкое? Оборки вообще никуда не годятся! Немедленно приведи его в порядок!

— Да, госпожа, — кивнула Клер, продолжая разбирать стол.

Некоторое время Кэти наблюдала за горничной сощуренными глазами.

— Интересно, почему господина барона все слушаются с первого раза, а мне все приходится повторять трижды, — бросила она в сторону.

— Да, госпожа? — Женщина встряхнула последнее платье, внимательно осмотрела его, поправила завернувшуюся складку и поместила его в шкаф.

Кэти хотела было вспылить, но новая мысль захватила ее.

— Клер, а господин пойдет на вечер к Шеклфордам в мундире?

Горничная в немом удивлении повернулась к хозяйке.

— Госпожа?

— Ой, Клер! Ну как я могу планировать свой туалет, если я не знаю, в чем будет муж?

Женщина кивнула, улыбаясь про себя.

— Думаю, вы можете выяснить этот вопрос у Джеймса, — подумав, сказала она.

— Спасибо, Клер. — Кэти поспешила к дверям. Горничная уже облегченно вздохнула, когда госпожа вдруг остановилась. — А если он будет в темно-красном сюртуке? Знаешь, Клер, ты на всякий случай приготовь еще розовое платье и... то, которое из лимонного шелка, парижское. Оно, наверное, тоже подойдет. Я еще подумаю.

Слабые ростки симпатии, которые было проклюнулись в сердце Клер после небрежно брошенного госпожой «спасибо», немедленно зачахли. Три платья к одному вечеру! А еще три шляпки, три пары перчаток, три пары туфель, три комплекта драгоценностей... И всю эту прорву работы она должна делать всего за девять фунтов!

Покои барона де Сервьер находились на том же этаже, но дальше по коридору. Сначала Кэти удивило такое разделение мужа и жены, но барон объяснил ей, что это обычай высшего света, и Кэти даже начала втихомолку гордиться тем, что чаще всего ночи она проводит в одиночестве. Это было аристократично. К тому же, наедине с собой Кэти могла признать честно: супружеская постель ее совершенно разочаровала. Готовя дочь к венцу, мама кое-что рассказала ей: и о неизбежной боли, и, гораздо более скупое и сдержанное — о неземном блаженстве, которое должно прийти потом. Ну что ж. Боли Кэти дождалась, а вот с неземным блаженством как-то не получилось. Хуже всего было то, что и спросить-то толком было некого. Мама и замужние сестры далеко, Ирис отбыла в поместье Бикфордов и, по слухам, не собиралась возвращаться. Вот глупая! Кто же уезжает в деревню в самом начале сезона? А с прислугой о таком не поболтаешь. Кэти уже поняла, что самые сокровенные тайны господ — любимая тема для сплетен за столом в кухне.

Впрочем, сейчас ее волновало другое.

Джеймса, личного слуги барона, конечно, не оказалось. Вероятно, отбыл с господином. Как всегда.

Кэти с любопытством огляделась. Муж призывал ее нечасто, и, в основном, вечерами, когда апартаменты освещались всего парой свечей, так что Кэти их никогда толком и не видела.

И, собственно, ничего не потеряла, сделала вывод юная баронесса. Типичные английские комнаты. Мебель из темного дерева с позолоченными ручками, большой тяжелый ковер на полу. Двери. Одна вела в спальню. Вторая, видимо, в кабинет. Где располагалась гардеробная, Кэти не знала, но предположила, что, видимо, за спальней. Где же ей еще быть, не в кухне же?

Придя логическим путем к такому решению, Кэти, как и любая женщина, поступила прямо противоположным образом: потянула на себя ручку двери в кабинет. Дверь оказалась запертой. Кэти задумалась, но всего на минуту. Апартаменты барона располагались напротив ее комнат, а поскольку снаружи оба крыла выглядели совершенно одинаково, то можно предположить, что в расположении комнат особой разницы не будет. А это значит, что в кабинет можно пройти через зал.

Кэти решительно толкнула двери в спальню, они-то оказались не заперты, не удостоив даже беглого взгляда супружеское ложе, прошла в гардеробную и распахнула первый шкаф. Камзолы, сшитые по последней парижской моде, были аккуратно развешены — все, ничто не указывало на тот, который барон собирался надеть на вечер к графине Шеклфорд.

Ну и как ей быть? Дождаться Джеймса? Но это выше ее сил!

Кэти потянулась к одежде мужа, провела рукой по темно-синему сукну. Из кармана

камзола торчал уголок сложенной бумаги.

«Аристократы так не поступают, — подумала Кэти, — слава Богу, я-то не аристократка!»

«Барон де Сервьер, — прочла она, — рост средний, коренастый, волосы темные, глаза черные, на левом плече шрам... путешествует с супругой...»

То, что к ней в руки попал паспорт, к которым ее супруг пересекал границу Англии, она поняла сразу. Но остальное...

— С какой еще супругой? — озадачилась Кэти, — У Этьена не было жены!

Не сомневаясь более, она вытащила камзол мужа и тщательно встряхнула. Легкое шуршание указало на то, что догадалась она правильно. Еще одна бумага обнаружилась во внутреннем кармане. И... снова паспорт.

«Отец Петр Монсальви, — изумляясь все больше и больше, прочла Кэти, — рост средний, коренастый... на левом плече шрам...».

Оказывается, Этьенн не только вдовец, но и имеет брата-священника? И у него тоже шрам на левом плече? Как все это прикажете понимать?

Кэти была порядком озадачена, но вовсе не напугана. Поэтому, вернув паспорта на место, один в накладной карман, другой во внутренний, она вышла из гардеробной, закрыла за собой дверь и бросилась через зал к дверям, которые, предположительно, вели в кабинет барона.

Двери обнаружились сразу. Но сколько Кэти их не дергала — безрезультатно. Черный ход оказался заперт на щеколду изнутри.

Любопытство одинаково свойственно кошкам, детям и молоденьким женщинам, мающим от безделья в удачном, но скучном браке.

Удивляясь собственному поступку, Кэти встала на подоконник приоткрытого по случаю теплой погоды окна. Примерно в полуфуте под ним, вдоль всего дома шел довольно широкий карниз. И, самое главное, окно неприступного кабинета тоже было не заперто. Вероятно, это сделал Джеймс по личному приказу Этьенна. Муж когда-то был морским офицером и с той поры навсегда полюбил свежесть ветра: окна в доме постоянно оставались приоткрытыми, без сомнения, вводя в искушение всех лондонских воров.

— В общем-то, это совсем не сложно, — пробормотала женщина, осторожно ставя на карниз ножку в мягкой домашней туфельке, — довольно широко. Если не смотреть вниз, то ничего плохого не случится.

О том, что скажет муж, если вдруг прознает об ее вылазке, Кэти старалась вообще не думать. Ну... А откуда он узнает? Джеймс уехал вместе с ним, а остальная прислуга, вышколенная как в Букингемском дворце, в его личные покои без прямого приказа ни за что не сунется.

Рассуждая таким образом, Кэти без особого труда добралась до окна кабинета, кошкой проскользнула внутрь и с большим облегчением спрыгнула на пол.

После всех трудов, которые она приложила, чтобы сюда попасть, Кэти ожидала увидеть пещеру Али-Бабы... Ну, положим, сундуки, набитые алмазами, для обычного лондонского дома — это немного слишком, но хоть что-то необычное здесь должно быть? Иначе, зачем так тщательно запирают самую обычную комнату.

Личный кабинет Этьенна как две капли воды походил на личный кабинет ее отца, судьи Бэрта: большой письменный стол у окна, где больше света, пара стульев — кресел здесь не водилось по определению, — небольшой и не слишком удобный диванчик у стены, вероятно, чтобы визитеры не рассиживались и не мешали хозяину работать. Пара глухих шкафчиков без стекол.

Кэти прошла по плотному ковру, совершенно глушившему шаги, попыталась сунуть любопытный нос в один из шкафчиков — он оказался заперт! Закрыт на ключ, который, скорее всего, Этьенн носил где-то у сердца. С ящиком письменного стола дело обстояло так же безнадежно.

Кэти совсем было пала духом. Загадка двух паспортов, таинственной жены и брата-

священника со шрамом на левом плече грозила так и остаться неразгаданной и испортить ей настроение на весь день. Даже поездка по модным лавкам, о которой она думала совсем недавно с таким удовольствием, как-то сразу померкла.

Единственным доступным предметом оказалась все та же шкатулка для приглашений. Кэти двумя руками открыла тяжелую крышку.

На самом верху лежал длинный конверт из плотной белой бумаги: приглашение на «мальчишник» к младшему сыну виконта Уэсберри, затем шла запись какой-то карточной партии, счет от портного, письмо, пространно повествующее о шансах некой кобылы Леды в дерби, чрезвычайно вежливое напоминание о проигранном пари, снова приглашения на какие-то сугубо мужские сборища... Снова счет, на этот раз от каретника... Еще одно письмо...

«Милостивые государи, — прочла Кэти, — понимая всю трудность и деликатность положения, в котором вы оказались из чувства глубокого патриотизма и любви к Великой Британии...»

Карие глаза Кэти от удивления стали в два раза больше. «Любовь к Великой Британии» у француза?! Она быстро просмотрела все письмо до конца: содержание его было вполне безобидным и состояло в основном из общих фраз, уверения в неизменном уважении и благодарности и прочего словесного мусора, которым так богат эпистолярный жанр.

Нижний край письма был оборван. Вернее, неровно отрезан.

Внезапно в коридоре послышались шаги. Кэти замерла. Шаги на полминуты стихли, послышался голос, отдающий кому-то распоряжение... Это был голос Этьенна, барона де Сервьер... с которым Кэти никак не хотела столкнуться в помещении, так тщательно запертом.

Шаги возобновились. Не было никаких сомнений в том, что он шел сюда. Куда ж ему еще идти, не в кладовые же?

В панике Кэти захлопнула шкатулку и ланью метнулась к окну. Обратный путь она проделала втрое быстрее, даже не задумываясь о двадцати футах, отделяющих ее от земли. И лишь оказавшись в относительной безопасности, в общем зале, Кэти поняла, что нечаянно утащила у мужа странное письмо. Спасаясь из кабинета, она машинально сунула лист бумаги за манжету, и теперь он торчал оттуда, напоминая ей о неподобающем поведении. Кэти быстро затолкала его поглубже, пообещав себе, что вернет на место при первой же возможности, бросила взгляд на большие напольные часы и заторопилась. Поездка по магазинам была слишком важным предприятием, чтобы откладывать ее из-за пустякового, в сущности, происшествия.

Глава 7

— Обед подан, господин.

Питер Дадли, с трудом вынырнув из невеселых мыслей, поднял глаза. В дверях стоял тот самый монах, которого он вначале принял за некрасивую девицу. В женском платье брат Джакомо был неуклюж, в рясе производил впечатление головореза, который эту рясу украл, а праведного монаха, который ее носил... зарезал, конечно, что же еще. Да и закопал. Или того хуже — утопил...

Нынешний наряд — ливрея слуги — шел ему примерно так же, как корове седло.

— Спасибо, Джон, — кивнул Питер. Именно так монах велел себя называть. Хотя англичанин из него был еще тот, конечно. Еще хуже, чем женщина. Как этих горе-шпионов до сих пор не переловили с такой-то маскировкой?

— Прикажете подать сюда? — осведомился слуга.

Питер огляделся. Забавное место для приема пищи, тем более — обеда. Его окружали огромные, в два обхвата толщиной, вязы, стена, отделявшая его от остального мира, была сплетена из узорного чугунного кружева, а вместо неба был шестигранный свод летней беседки. Интересно, можно приказать монаху, чтобы он в одиночку сервировал здесь

полный обед? До дома не меньше семидесяти ярдов... Сколько раз монах будет вынужден проделать этот путь вместе с супницей, тарелками, вторым блюдом, десертными ножами и вилками, крахмальными салфетками, бокалами для воды и вина и прочим?

— Не стоит, Джон. Прикажи накрывать в столовой. Я сейчас буду.

Издевательство над мнимым Джоном привело к тому, что Питер ел бы совершенно остывший обед. Слишком дорогая цена за несколько минут удовольствия. Тем более это все равно не решало вопроса: что, собственно, сделать с монахом.

Вручив Питеру в личное пользование сундучок с шестью тысячами, князь не потребовал с него никакой расписки: ни кровью, ни чернилами. Уходя из «гостеприимного» дома на Риджент-стрит, Дадли сгоряча решил, что дело, в общем, в шляпе. Долг французу он вернет, обещание, данное под принуждением, не обещание вовсе, на ближайшей исповеди он расскажет об этом, и священник-протестант охотно отпустит ему грех обмана троих католиков. Как пастор договорится с Господом — его заботы. А с клубком змей, обитавших в тихом домике, стоило поступить еще проще: сдать всю компанию властям. Питера не мучила совесть. Король Яков снисходителен к собратьям по вере, и единственное, что грозило тощему одноухому сиятельству, его пленительной супруге и переодетому монаху — это высылка из Англии на первом же корабле.

Когда следующим утром завтрак прибыл вместе с Джакомо, одетым в ливрею, Питер опешил. Он точно знал, что за ним не следили: несколько раз проверил. Он не давал никому из компании своего адреса. Его холостяцкое жилье было неизвестно даже родителям, любимая женщина предпочитала принимать офицера в своем будуаре в отсутствие мужа... Как Джакомо отпер двери? И куда, черт возьми, подевались остальные слуги?

Этим трюком князь давал ему понять, что жизнь Дадли на ладони ордена, и в любой момент офицер может быть прихлопнут как муха. Если немедленно не начнет доказывать, что он — очень полезная муха.

Первое движение души Дадли не было оригинальным. Эта мысль ему уже однажды приходила в голову, и тогда... капитан сорвался со стула, как ядро из карронады, и в один прыжок оказался подле лжемонаха. Но силы небесные, как этот Джакомо оказался проворен. Он ловко ушел с линии атаки, а серебряный, надраенный до блеска поднос превратился в прекрасный щит. Именно в этот щит звонко ударил кулак Дадли. Нет, он не почувствовал боли, он ударил еще раз, и с тем же успехом. Он решил было пустить в ход ноги, но в ту же секунду сверкающий поднос подарил ему необычайно красивые и разноцветные круги в глазах. Удар по голове эхом отразился в бедном мозгу капитана, и там, казалось, запели райские птицы. Фиаско было полным — позор всеобъемлющим.

На топорную попытку убийства монах отреагировал на диво спокойно: собрал битую посуду, присыпал солью пятно на скатерти и невозмутимо поинтересовался, не желает ли господин повторить завтрак. Господин, лежавший в углу дивана, и связанный обеденной салфеткой, смог только прорычать что-то неразборчивое. Монах истолковал это как отказ. В общем-то, не ошибся. Аппетит у Дадли начисто пропал.

Дадли до сих пор, вспоминая об этом, испытывал смущение. Но он был настойчив и, пожалуй, упрям.

Он предпринял еще две попытки: пытался устроить дуэль на шпагах, которую Джакомо превратил в разминочный матч и с оскорбительной легкостью выиграл. Последний раз он пытался пристрелить монаха из засады. Но это привело лишь к тому, что он остался без ужина. Брат Джакомо не получил ни царапины и даже не отобрал у Дадли оружие, что молодой офицер воспринял как ничем не прикрытое издевательство.

Теперь, куда бы ни шел Дадли, монах тенью следовал за ним. Он не был навязчив, пару раз Дадли даже решил было что его «хвост» отстал, но Джакомо свое дело знал.

Сегодня вечером истекал срок возврата долга, который Дадли установил себе сам. Две недели — вполне достаточно, чтобы собрать такую большую сумму. Барон не должен быть уж слишком сильно удивлен, а значит — лишних разговоров не будет.

Дадли задумчиво прищурился. Что если случится так, что по дороге на него нападут

представители лондонского «дна»? Сундучок с деньгами ордена пропадет пропадом, монах погибнет, а долг... Ну, на крайний случай есть еще друзья-банкиры, повязанные с ним общей тайной.

* * *

— Извозчика?

— Нет, Джон. Здесь недалеко. Пройдемся...

Монах промолчал. Хотя «недалеко» включало в себя порядочное расстояние, чуть ли не в треть Лондона, уже стемнело, и, вдобавок ко всему, сгустился туман. А довольно тяжелый сундучок нести предстояло именно ему. Но, видимо, было прямое указание с Дадли по мелочам не спорить, и поэтому брат Джакомо согласно кивнул.

Узкие, кривые улочки, которыми они шли, так же напоминали фасады дворцов на Стрэнде, как сношенная домашняя туфля — сапог для верховой езды. Вроде бы на одну ногу, и форма похожа, а все же совсем разные вещи.

Домики здесь были все больше одноэтажные, редко с надстроенными чердаками. Лавочки, чьи двери выходили в проулок, имели неяркие, грубо намалеванные вывески, либо вовсе обходились без них, предполагалось, что если ты живешь поблизости, то и так знаешь, где табачный магазинчик, а где ссудная касса. А чужие здесь не ходят.

Вскоре они свернули в район доков, который и днем-то посещать рекомендовалось, сунув за пояс пару пистолетов. Жалкие лачуги дремали, укрывшись туманом, который здесь был достаточно густ. Темные деревья выступали из белого марева, как страшные тролли из сказок для особо непослушных детей.

Послышался шорох. Дадли, хоть и был готов к неожиданностям, вздрогнул. Но это оказалась всего лишь большая серо-бурая крыса. Она деловито и нагло пробежала чуть не по ногам офицера, обратив на него не больше внимания, чем на какой-нибудь столб. Питер содрогнулся от отвращения. Заметив его реакцию, монах сделал движение кистью и мерзкая тварь, словно споткнувшись на бегу, упала и ткнулась носом в землю. Джакомо подошел и нагнулся над ней... Дадли решил, что тот хочет рассмотреть получше свою добычу и, брезгливо морщась, сделал шаг назад. Но монах лишь подобрал что-то с земли, а мертвое животное пинком откинул к ближайшей сточной канаве.

Увлеченный, помимо воли, этой сценой, Дадли ничего не заметил. Когда он оторвался от монаха и крысы, то почувствовал, как вдоль спины его скользит противная холодная змейка. Они были не одни. Офицера и монаха взяли в кольцо. Рассмотреть в темноте лица было трудно, но судя по ширине плеч, небрежно прикрытых лохмотьями, это была какая-то местная банда. Фигур было пять... если Дадли не обсчитался и не принял за одну из них дерево.

Офицер потянулся к шпаге.

— Нет необходимости, господин, — негромко бросил Джакомо, — это друзья.

— Друзья? — изумился Дадли. — Кому — друзья?

— В данном случае нам, господин, — ответил монах, — они проводят нас до места и проследят, чтобы с нами ничего не случилось.

Джакомо подошел к одной из фигур, видимо, предводителю банды, и, негромко переговорив с ним, похлопал его по плечу. Внушительной упитанности кошелек перекачывал из-под полы Джакомо в широкую ладонь лондонского головореза. Тот кивнул, и фигуры отступили на пару шагов. Далеко они, впрочем, не ушли.

И всю дорогу до дома французского барона Дадли слышал за спиной их шаги и ломал себе голову, как Джакомо, или князь, или кто там еще, догадался, что Питер собирается идти именно этой дорогой. Только у самых дверей француза молодой офицер сообразил: было лишь две дороги: через доки и через рынок. И, скорее всего, в районе рынка ждала вторая банда. Люди, которые совершенно спокойно могут расстаться с шестью тысячами фунтов, вполне могут себе позволить сколько угодно бандитов на жаловании.

Оказалось, что французский барон имеет, или снимает в столице прекрасный двухэтажный особняк, окруженный небольшим, но ухоженным садом. В двух окнах нижнего этажа горел свет, вероятно, прислуга заканчивала кухонные дела.

Джакомо взял бронзовый молоток и несколько раз ударил в диск.

Не открывали им довольно долго, а когда в массивных дубовых дверях, изукрашенных резьбой, появилась узкая щель, в нее высунулась остроносая морда самого что ни на есть прохиндейского вида:

— Кого несет в такой час? — недружелюбно буркнула морда.

Дадли хотел было возмутиться и прочесть этому нахалу лекцию о правилах хорошего тона, но Джакомо опередил его.

— Мы к хозяину. Долг принесли, так что буди.

— О, это завсегда пожалуйста, — немедленно сменила морда гнев на милость. — Для такого дела хозяин завсегда встанет, даже и посреди ночи. Порядочные люди в наше время — такая редкость, чего бы ради них и не встать? — И двери немедленно распахнулись на всю ширину створок.

С последним утверждением Дадли был полностью согласен. Интересно, себя эта прохиндейская морда считает человеком порядочным? Если да, то слуга француза себе явно льстит.

— А чего на ночь глядя? — меж тем любопытствовала морда. — Грабили кого?

Дадли задохнулся от возмущения и уже хотел познакомить зарвавшегося слугу с хорошим джентльменским ударом справа.

— Заткнись, — дружелюбно посоветовал Джакомо, и странный слуга заторопился, посвечивая себе и гостям огарком.

После путешествия по широкой лестнице они оказались в холле. Он был несколько меньше, чем во дворце герцога Уилсборо, но все же впечатлял. Камин был темным, но от него ощутимо тянуло теплом, так что Дадли с удовольствием потянул к голландским изразцам озябшие руки.

Кутаясь в халат и позевывая, спустился французский барон.

Лицо его было абсолютно бесстрастным, словно все земное перестало его волновать еще в пеленках. Увидев сундучок, полный банковских билетов, барон не изменил себе. Он кивнул Дадли, благодаря его за пунктуальность, потом аккуратно пересчитал пачки, кивнул еще раз.

— Мы в расчете? — нетерпеливо поинтересовался Дадли.

— Одну минуту, молодой человек, — барон аккуратно достал один банковский билет и, послушав палец, с силой потер его.

— Что вы делаете? — изумился и возмутился Дадли. — Вы что же, считаете меня мошенником?

— А вы что же, считаете меня глупцом, которого так легко обмануть? — Барон поднял на Дадли светлые, невыразительные глаза. — Банкноты фальшивые. Извольте посмотреть сами.

Питер шагнул к массивному столику на резных ножках. При свете свечи было ясно видно, что краска на билете размазалась.

— Мерзавцы, — сквозь зубы процедил Дадли, оглядываясь на Джакомо. Но на месте, где обычно тенью маячил монах, никого не было. Страж Питера исчез.

— Совершенно с вами согласен, молодой человек, — кивнул барон, — вопрос только в том — кто? Я вижу перед собой лишь одного мерзавца, который в уплату карточного долга притащил в мой дом целый сундук раскрашенной бумаги...

— Но я... Поверьте, барон, я... — Дадли до хруста сжал руки. — Что вы намерены предпринять? — спросил он, с трудом овладев собой.

— Сдать вас властям, разумеется, — ответил барон, — подделка денег — серьезное преступление. У нас за это заковывают в кандалы и отправляют в каменоломню лет на десять. А в Англии, насколько я знаю, фальшивомонетчиков вешают.

— Барон, я не виноват, — со всей искренностью произнес Дадли, — видите ли... эти деньги дали мне друзья.

— Весьма интересные у вас друзья, — усмехнулся барон.

— Вернее, я думал, что они друзья, — поправился Дадли.

— Молодой человек, — барон со вздохом опустился в кресло и жестом предложил Дадли сделать то же самое, — ваша история очень плохо пахнет. И если вы хотите, чтобы я не стал звать караул... Вы ведь этого хотите? — Дадли кивнул, кляня себя за глупость. — У вас есть единственный выход: рассказать мне все. Так подробно, чтобы я поверил. Иначе вы выйдете из моего дома лишь под конвоем. Предупреждаю, здесь много слуг, и все они спят на первом этаже, и довольно чутко. Стоит мне позвонить, и через минуту здесь окажутся шесть дюжих молодцев.

— Барон, меня обманули. — Дадли сцепил руки в крепчайший замок и, глядя в пламя свечи, начал рассказывать: — Когда я возвращался от Каслри, меня сбила лошадь. Очнулся я в незнакомом доме...

Французский аристократ и по совместительству кредитор Питера, слушать умел внимательно. Он не перебивал молодого офицера, лишь изредка позволяя себе задавать уточняющие вопросы, которые не позволяли Питеру отклониться от фактов в область домыслов и переживаний. Когда Питер закончил, Этьенн де Сервьер молча достал табакерку, взглядам предложил Дадли и, получив отказ, втянул носом отличную смесь.

— Из всего, что я услышал, молодой человек, я делаю два вывода. Первый — против вас и в самом деле сработали настоящие профессионалы, и вернее всего, нити тянутся во дворец Джезо. Тут я склонен с вами согласиться. А второй вывод, который я делаю: если орден в кого-то так вцепился, то не выпустит. Я не знаю и не хочу знать, почему это произошло, и какой именно документ из канцелярии министра им понадобился. Чем ближе к власти — тем ближе к дьяволу, чем ближе к политике, тем ближе к эшафоту — так говорят у нас, во Франции...

— Это правда, — вздохнул Дадли, — но что же мне теперь делать?

— Ваш план с самого начала был наивен. — Барон откинулся в кресле и поправил полы халата. — И, скорее всего, ваш противник о нем догадался.

— Но я ни одним словом не давал ему понять, что хочу сдать их компанию властям! — воскликнул Дадли.

— Вам не стоит играть в покер. Это мой добрый совет вам на будущее. Не садитесь за карточный стол, по крайней мере, до тех пор, пока не научитесь контролировать выражение своего лица... Я читал в нем так же ясно, как в раскрытой книге, написанной на моем родном языке. Для князя ваши мысли тоже не остались тайной. Поэтому вам и подстроили эту ловушку с фальшивыми деньгами.

— Не понимаю, — признался Дадли.

— Очень просто: кому поверит королевское правосудие — князю да Манчина или пойманному за руку фальшивомонетчику?

— Но меня же не поймали? — возразил Дадли.

— Это временно, — «успокоил» его барон, — далеко ваш страж не ушел. Держу пари на тысячу британских фунтов, что сейчас он околачивается где-то поблизости и ждет, что из этого дома выйдет слуга... И тогда он пойдет за ним.

— Все равно не понимаю, — признался Дадли, — если я буду сидеть в тюрьме, то каким образом я смогу быть полезен ордену?

— Вы серьезно? — барон пожал плечами. — Вы человек чести, офицер и дворянин, — при этих словах Дадли невольно выпрямился, — вы благородны и невольно приписываете эти же качества всем вокруг. Мир далеко не так чист. Любая ищейка за пять фунтов наличными охотно забудет эту историю с фальшивыми билетами. А еще за пять снова вспомнит тогда, когда это понадобится вашему противнику. Этот дом обыщут сверху донизу, допросят всех, и некий Питер Дадли отправится в Ньюгейт. Князь уверен, что посадил вас на прочный крючок. Когда он поймет, что никакого крючка не было, он будет

изрядно удивлен.

— Как мне благодарить вас? — проговорил Дадли, безуспешно пытаясь справиться с сильным потрясением.

— Погодите с благодарностью, — поморщился француз, — я дал вам лишь небольшой выигрыш во времени. Как вы намерены его использовать?

— Уеду на континент?

— О да. Блестящая мысль... Если я правильно вас понял, переодетый монах провел в вашем доме несколько суток. Причем, у него были ключи от всех замков. Вы уверены, что пара пачек таких же фальшивок не запрятана где-нибудь между стеной кухни и буфетом? Вы уверены, что в порту вас не будут ждать, чтобы арестовать потомка знатного рода на глазах у публики?

— Нет, — потерянно согласился Дадли. Он чувствовал себя зажатым стальным капканом.

— Ну-ну, не падайте духом, — барон позволил себе слегка улыбнуться, — разве я сказал, что не вижу выхода?

— А вы его видите? — Дадли вскинул голову.

— Первым делом, друг мой, растопите камин. Не будем будить слуг, нам ни к чему лишние глаза.

— Камин? — удивился Дадли.

— Эти плохо сделанные фальшивые бумаги лучше немедленно сжечь, — пояснил барон.

Сообразив, Дадли торопливо принялся за работу. Барон наблюдал за ним со своим обычным, бесстрастным выражением лица, но когда из дрожащих от возбуждения рук Дадли выпало несколько билетов, он нагнулся и подбросил их в огонь. Когда пламя доело последние остатки невольного преступления молодого офицера, и пепел был тщательно разворошен кочергой, Дадли вернулся в кресло напротив. Теперь он глядел на барона с восторгом и щенячьей преданностью.

— Что дальше?

— А дальше, молодой человек, самое сложное. Бренди?

— Да, пожалуй, — кивнул Дадли.

— Сделайте одолжение, обслужите себя сами. Графин в буфете. Мне на два пальца... Как я уже сказал, орден вцепился в вас и вряд ли отстанет так просто. Вы ему очень нужны. Значит...

— Они должны исчезнуть! — осенило Дадли.

Неподвижное лицо французского дрогнуло в улыбке. Обладай он чуть более живым характером, свойственным его соплеменникам, он бы расхохотался в голос.

— Браво, молодой человек. Вы делаете успехи на стезе преступности. Сначала — фальшивые билеты, потом убийство... Убийство женщины... Фу, как низко. Да и вряд ли выполнимо. Если я правильно услышал вашу историю, этот монах, Джакомо, серьезный малый, и если дело дойдет до вооруженной стычки, даст фору и вам, и еще паре-тройке ваших приятелей-оболтусов.

— Но что же делать?

— То, что вы собирались сделать с самого начала! Вам пришла в голову прекрасная и честная мысль — сдать всю шайку властям, и пусть с ней разбирается королевский прокурор.

— Но... вы же сами предостерегали... — растерялся Дадли.

— Просто донести на них — глупо, — кивнул барон, — донос рикошетом ударит по вам. Нужно, чтобы их взяли с поличным, на месте преступления, — веско произнес барон и выжидающе уставился на Дадли. Питер ошеломленно молчал.

— Да... но как это сделать? — наконец выдавил он.

— Технически — думаю, довольно просто. Но это требует определенной смелости и твердости. Хватит ли у вас пороху?

— А у меня есть возможность праздновать труса? — невесело усмехнулся Дадли. — Похоже, я влип дальше некуда, и любой шанс выбраться для меня просто подарок судьбы.

— Прекрасно сказано, молодой человек. А теперь слушайте меня очень внимательно. Сейчас вы пойдете домой и ляжете спать. А с утра начнете вести свой обычный образ жизни. В ближайшие дни вы увидите с вашим дядей. Вы ведь с ним видите довольно часто?

— Откуда вы знаете? — насторожился Дадли.

— Я не знаю, я просто предположил.

— Да... довольно часто.

— Попробуйте добыть эту бумагу.

— Что?! — Питер даже привстал в кресле.

— И когда объявится кто-нибудь из этой теплой компании и потребует свою законную добычу, пришлите гонца ко мне. Я довольно близок к Каслри, и сумею сделать так, чтобы их взяли сразу же, как они ее получают. Таким образом, вы, молодой человек, останетесь в стороне.

— Рискованно, — возразил Дадли, — может быть, имеет смысл взять у Сесиля какую-нибудь безобидную бумагу?

— Счет от башмачника? — хмыкнул барон. — У министра не бывает безобидных бумаг. Любое вполне невинное послание может перевернуть судьбы Европы. Лучше не рисковать и дать им то, что они хотят.

— Но, наверное, лучше будет мне самому поговорить с Каслри?

— Ни в коем случае! — барон покачал головой, словно сетуя на непроходимую тупость собеседника. — То, что за вами не следят открыто, не означает, что вас пустили гулять без присмотра. Ваш страж не исчез, он просто отошел на некоторое расстояние. Будет лучше, если власти предупредят я.

— Барон... — Дадли смутился, — а вам-то какая выгода в том, что вы делаете для меня?

— Браво, молодой человек, — де Сервьер одобрительно кивнул, — вы становитесь умнее и даже протянутую вам навстречу дружескую руку проверяете на предмет зажатого в ней стилета...

— Простите.

— Не стоит извиняться за абсолютно правильный поступок. Если вы не поняли, это был комплимент. И в качестве поощрения я скажу вам правду о своих мотивах. Я родом из Беарна. Мы — гугеноты. Наша семья борется с Папой и его солдатами уже более двухсот лет. Вот и ответ на ваш вопрос.

Едва за Дадли закрылась дверь, в зале появился худой и длинный «князь да Манчина».

— Браво и вам, Этьенн, — одобрительно проговорил он, — весьма уверенно проведенный разговор. Я отмечу это в своем донесении.

— Не понимаю, зачем было разводить эти туры на колесах. — Этьенн щедрой рукой плеснул себе еще бренди. — Неужели недостаточно было угрозы тюрьмы за сбыт фальшивок и бесчестья за не возврат долга?

— Никогда нельзя загонять человека в угол, — наставительно произнес Лоренцо, — он становится непредсказуем. Этот мальчик должен видеть хотя бы призрачный свет надежды. Иначе он просто застрелится, и нам придется искать другого мальчика. Это хлопотно и долго, а времени уже мало.

— Вам виднее, — пожал плечами Этьенн и длинно зевнул.

* * *

Ирис проснулась необыкновенно поздно для себя. Прямые солнечные лучи уже давно щекотали щеки и веки, и, значит, было уже никак не меньше десяти. Ужас! Обычно в шесть утра она, съев легкий завтрак из одного яйца, двух ложек овсянки и булочки с джемом, полностью одетая и причесанная, выезжала на верховую прогулку.

Подобно истинным детям этой туманной страны, Ирис полагала, что сад должен быть слегка запущен, а день в меру упорядочен. Сегодня Гранд ее так и не дождался.

Причина была весомой: уснула Ирис лишь под утро, когда внизу засуетились слуги, от конюшен стало доноситься нетерпеливое ржание проснувшихся лошадей, а в комнате вполне можно было читать, не тревожа огня.

Ирис сладко потянулась... И вспомнила, что пребывание в постели, когда на тебе нет толстых панталон с завязками и длинной широкой ночной рубашки до пят — может быть необыкновенно приятным делом, таким, которое не хочется прерывать даже ради верховой прогулки.

— Доброе утро, Ириска... Какая ты у меня красивая, с ума сойти.

Ирис лениво и сонно повернула голову и наконец соизволила открыть глаза.

Комната была полностью залита солнцем. Кто-то — сам Бикфорд, кто же еще — позаботился о том, чтобы раздернуть шторы.

Муж смотрел на нее с удивленной улыбкой, словно видел впервые.

Ирис обнаружила, что не чувствует ни малейшей неловкости под откровенным взглядом Бикфорда и без капли смущения ответила ему тем же. В прошлый раз она его рассмотреть не успела и поспешила восполнить пробел.

Сложен он был великолепно. Впрочем, об этом она и раньше знала, а теперь еще и почувствовала...

— Как ты назвал меня? — переспросила она.

— Ириска, — с удовольствием повторил Бикфорд.

— Так значит, это правда... Ты такой же, как и я...

— Хроноэмигрант, — кивнул муж, — правда, невольный.

— И ты не знаешь, как это получилось? — Он с той же улыбкой покачал головой. — И тоже не можешь вернуться?

— Нет. Мы же с тобой уже это обсуждали.

— Да-да, — рассеянно повторила она, — и все же...

— Знаешь, Ириска, чем больше проходит времени, тем меньше я об этом жалею. Единственное, что меня мучает — мама. Она, наверное, сошла с ума от беспокойства, когда я вдруг пропал... Или сойдет? В общем, не сладко ей будет.

Ирис села, обхватив колени руками.

— Знаешь, если ты так беспокоишься о ней, почему не дашь знать, что ты жив?

— Если бы это было возможно!

— Не вижу ничего невозможного, — мотнула растрепанной головой Ирис, — и даже ничего сложного. Вот если бы ты пришел из прошлого...

— Что ты имеешь в виду?

— Напиши ей письмо, расскажи, что с тобой все в порядке. И оставь в банке с поручением переслать госпоже такой-то в две тысячи восьмом году. Ты даже можешь оставить ей деньги, чтобы она не нуждалась. За триста лет набегут очень солидные проценты.

— Ты сошла с ума? И банк примет такое идиотское поручение?

— Если оно будет составлено правильно и нотариально заверено, то, безусловно, примет. Почему бы нет? Это часть банковской работы.

— Но как я объясню им свою уверенность в том, что через триста лет будет существовать некая Алиса Рикович...

— Никак, — спокойно отозвалась Ирис, — клиент ничего не обязан объяснять, пока он исправно платит по счетам. В крайнем случае, скажешь, что у тебя было озарение.

— Швейцарский банк точно существует и в мое время. — Рик тоже сел. — Нью-Йорк банк... но он еще не основан... Французский национальный банк... Но я не уверен, что поручения сохранятся после Великой Французской революции. Пожалуй, Швейцарский банк — самое верное решение. Но почему же я сам не додумался до такой простой вещи?

— Потому что ты — пират, — безапелляционно заявила Ирис, — и не привык иметь

дела с банками.

Рик рассмеялся и с удовольствием обнял жену.

— Я тебе обязан...

— Ловлю на слове, — довольно мурлыкнула она, — можешь начинать гасить долги по обязательствам прямо сейчас, пока не набежали пени.

— С удовольствием, — заверил Рик, покрывая ее шею поцелуями.

— Вообще-то я имела в виду другое. — Ирис, смеясь, отстранилась и слегка задумалась, — Как у тебя было с историей? У меня никак, всегда больше любила алгебру и английский.

— А я с историей дружил, — признался Рик.

— Значит, должен знать: Яков и вправду был любовником леди Мильтон?

Рик слегка смутился.

— Боюсь, эта деталь мне неизвестна. Хотя... Знаешь, есть один эпизод, и вполне интригующий. В твоём духе.

— М-м?

— Ты можешь себе представить, что нынешний Римский Папа — женщина?¹⁸

— Врешь, — звонко рассмеялась Ирис, — этого просто не может быть.

— Ах так! Ты мне не веришь?

— Нет!

— Ты подвергаешь сомнению слова своего законного супруга и повелителя?

— Еще как!

— Ты будешь сурово наказана!

С этими словами Рик повалил Ирис на шелковые простыни, а она, смеясь, запустила в него подушечкой.

Утро супругов прошло в полном согласии.

* * *

Небольшой крытый экипаж остановился в кривом и узком переулке, у которого было как минимум два крупных плюса. Он был малонаселен, и большей частью людьми, которые за особое достоинство почитали умение не лезть в чужие дела. Второй плюс было в том, что дворами с него можно было напрямик выйти на зады огромного парка, окружавшего роскошный дворец Сесила.

Сказав Джеймсу, в этот раз сидящему на козлах, чтобы ожидал и на всякий случай держал пистолеты под рукой, Лоренцо и Этьенн углубились в слегка прореженные и весьма небрежно подстриженные заросли боярышника, и, по очереди перемахнув через довольно высокий забор, очутились в парке министра, прямо напротив небольшой закрытой беседки, стоявшей в самом конце тисовой аллеи.

— Ты сказал, что она придет к полудню, — заметил Лоренцо, внимательно оглядывая окрестности.

— Значит, что-то ее задержало, — пожал плечами Этьенн, — хорошие хозяева всегда найдут, чем озадачить слуг. А вот и она.

По аллее, явно торопясь и поминутно оглядываясь, к беседке спешила женщина. Она была уже не юной, лет двадцати шести, если не больше, но довольно милой. Из-под чепца выбивались пушистые темно-русые волосы. Черты лица были, пожалуй, несколько грубоваты, но их смягчали большие карие глаза. Сейчас в них светилось любопытство и некоторое беспокойство.

— Здравствуй, Дженет, — Этьенн доброжелательно улыбнулся, — я вижу, тебе удалось

¹⁸ Спорный исторический факт, что существовала женщина, сделавшая такую необычную карьеру. Но это было в IX веке, здесь авторы допустили некоторую вольность.

улизнуть от госпожи.

— Только на четверть часа, — женщина, или, вернее, девушка поправила фартук, — добрый день, господин Смит. Добрый день и вам, господин Джонс. Не знаю, как зовут вас на самом деле, да мне это и не интересно. Как говаривала моя покойная маменька: чем меньше знаешь, тем крепче засыпаешь...

— Ваша маменька была весьма мудрой женщиной, — признал Лоренцо, — она дала вам отличный совет. Следуйте ему, и избежите большой беды. И как раз сейчас вы видите перед собой двух людей, которые готовы избавить вас от лишнего знания, а взамен вручить пять полновесных английских фунтов.

Дженет выразительно посмотрела на руки Лоренцо.

— Говорите, — поторопил он, — у меня нет привычки обманывать людей без крайней необходимости. А сейчас я такой необходимости не усматриваю. То, что вам известно, без сомнения, стоит пяти фунтов, они у меня есть, и я охотно заплачу.

— На прошлой неделе у господина был большой бал, — начала Дженет. Девушка немного нервничала и поминутно оглядывалась, не покажется ли кто на повороте аллеи, но говорила довольно связно и толково, — гости съезжались в основном к парадным воротам, а некоторые — по реке. Прислуга сбилась с ног, работы было очень много. Поэтому, когда, ближе к полуночи, все немного успокоилось, я потихоньку вышла к этой беседке, чтобы хоть чуть-чуть передохнуть.

Лоренцо с Этьенном понимающе переглянулись. Было ясно как день, что у этой оборотистой девицы, скорее всего, было назначено свидание с кем-нибудь из окрестных лавочников. Но перебивать ее мужчины не стали.

— Я сидела тут, в аккурат на этой скамье, отдыхала... Как вдруг раздался какой-то шум. Как будто кто-то пытался перелезть через ограду. Я, признаться, слегка испугалась. Сами знаете, какие сейчас времена... — Этьенн и Лоренцо согласно кивнули, признавая, что времена сейчас беспокойные. Ободренная девица продолжила, уже не оглядываясь через плечо: — Конечно, странно, что воры полезли во дворец, когда там так много народу, но, с другой стороны, честным людям через забор лезть вроде бы незачем.

— И что вы сделали? — поинтересовался Лоренцо.

— Видите вот эту скамейку? Тут кругом плющ. Я зашла за нее и присела. Вот так, — Дженет проворно опустила на корточки, пригнув голову.

— И не испугались? — удивился Этьенн.

— Испугалась, конечно. Как не испугаться. Да только маменька покойная мне всегда наказывала: как чего испугаешься, первым делом подумай как следует, а уж потом беги сломя голову, если будет от чего.

— Продолжайте, — кивнул Лоренцо.

— Через забор перелез молодой человек. Он был один и совсем не похож на вора. Хорошо одет, хотя, видно, что был в дороге. И в шляпе. Где вы видели вора в шляпе? Но саквояж у него был. Небольшой такой, вроде как у доктора. Если бы этот мужчина подошел к парадным воротам, его бы, возможно, пропустили.

— Но он предпочел задворки, — отметил Лоренцо, — а скажите, Дженет, не показалось ли вам, что молодой человек вел себя странно? Не подавал ли он каких-нибудь сигналов?

Девушка с изумлением уставилась на Лоренцо.

— Так вы все знаете? Зачем же тогда меня расспрашиваете?

— Он, действительно, подавал сигналы?

— Сначала я не поняла, что он делал, — пожала плечами Дженет, — долго смотрел на окна дворца. Потом присел, вынул из своего саквояжа небольшой такой фонарь. Станный фонарь, скажу я вам, господа. Я, как его увидела, так сразу опять передумала, и решила, что он все-таки вор. Хоть и в шляпе. Фонарь-то у него с трех сторон заклеен, а с одной — только шторка. И как начал он этой шторкой работать... то откроет, то закроет, то подольше посветит, то совсем коротко.

— И что вы об этом думаете, Дженет? — спросил Лоренцо.

Девушка пожала плечами.

— Что тут думать? Ясно как день — задумал он господ обчистить. А кто-то из слуг с ним в сговоре. Фонарем-то этим он явно кому-то светил. А тот ему ответил, причем из господских покоев.

Внезапно Дженет, до того общительная, вдруг замолчала. В карих глазах девушки отразились сомнения. Правильно истолковав этот взгляд, Лоренцо вынул из кошелька приготовленные пять фунтов.

— Так что же было дальше, Дженет? — мягко подтолкнул он.

Неизвестно, что оказалось более действенным, его отеческий тон или деньги, перекочевавшие, наконец, к девушке, но, спрятав их, она заметно успокоилась.

— А дальше молодца этого убили, вот как, — произнесла она.

— Убили? Кто?

— Он не представился, — фыркнула Дженет, — сиганул через ограду, ровно конь, увидел этого красавчика в шляпе, не говоря ни слова подскочил — и ножиком его. Я даже ничего сообразить не успела, быстро так все! Красавчик повалился, а тот, другой, сорвал у него с головы шляпу, опять через забор — и был таков. Вот так все оно и было! Шляпа та — хорошая, ничего не скажу, но чтобы из-за нее жизни лишать...

— Странная история, — вставил Этьенн.

— А того парня, который пырнул красавчика ножом — вы разглядели?

— Да что вы! — всплеснула руками девушка, — все это так быстро случилось. Да еще в темноте. Испугалась я сильно, не разглядела толком... разве что... Нет, не вспомню.

— Может быть, это вам поможет? — спросил Лоренцо, выуживая из кошелька несколько монет. Мельком взглянув на них, Дженет поправила чепчик и на одном дыхании выпалила:

— Деревенский он. Не из Лондона и не из предместий.

— Почему вы так думаете? — удивился Этьенн.

— Да тут думать-то особо нечего. Одет он в штаны, башмаки деревянные, рубаху бумажную да кафтан старый, в каком за лошадьми ходят. И пахло от него так... ну, словно бы в только что скошенном сене спал.

— Что было дальше, — потребовал Лоренцо, и служанка, уже без возражений, выложила ему остаток истории:

— Пришли господа, осмотрели красавчика без шляпы, страшно удивились. О чем говорили — не слышала, я еще глубже в кусты забралась. Решила — застанут меня тут, если и ничего худого не подумают, все равно рассчитают, чтоб от беды подальше. Ничего они не решили, взяли его за руки да за ноги и унесли с собой. А куда — не знаю. Знаю лишь, что дальше вам слуг расспрашивать бесполезно. Среди тех, кто красавчика уносил, ни одного слуги не было, все господа.

Глава 8

— Я без доклада. — Родерик обвел глазами не слишком просторный, но довольно уютный кабинет Каслри. Насколько он успел заметить, с прошлого раза ничего особенно не переменилось, разве что в вазе на круглом столике стояли свежие цветы. Эту маленькую тайну он знал благодаря приступу внезапной откровенности Каслри: цветы в его кабинете появлялись регулярно, их присылала некая таинственная незнакомка, которая никогда не оставляла карточки. Виконт и сам терялся в догадках — это какая-то чересчур терпеливая и робкая воздыхательница или же оставленная возлюбленная, которая таким, на его взгляд, слишком затейливым способом пыталась вернуть себе расположение виконта. На сей раз это были крупные красно-желтые георгины.

— Заходи, — бросил Каслри, не отрывая взгляда от письма.

Родерик привычно разместился в низком кресле у окна. Секретарь министра дочитал,

аккуратно сложил лист, бросил в ящик стола и запер на два оборота. Все это он проделал явно машинально.

— Ты, конечно, по делу, — добавил он. — Никто не навещает меня просто так, потому что соскучился.

— Это минусы твоей должности, — пожал плечами Родерик, — за столько лет мог бы и привыкнуть.

— Да я, в общем, и привык, — не стал отпираться Каслри, — но поворчать-то можно?

— Святое дело, — кивнул Родерик, улыбаясь приятелю.

— Я весь — твой. В чем заключается дело?

— «Весь» — это «мой кошелек, моя шпага и моя кровь», — процитировал Родерик.

— Ну, кошелек мой тебя вряд ли прельстит, да и вряд ли понадобится, — усмехнулся Каслри, — шпага — пожалуй, если это не противоречит интересам короны. А вот кровь — сколько угодно. Ее все, кому не лень, пьют ведрами, так что еще бокал-другой погоды не сделают.

— Бокал-другой? — переспросил Бикфорд, — интересное предложение...

Виконт позвонил в бронзовый колокольчик и отдал распоряжение вошедшему слуге:

— Гордон, меня ни для кого нет, кроме курьера от Его Величества.

Слуга понятиливо кивнул и вышел так же бесшумно, как и появился.

Потягивая вино, Бикфорд внимательно разглядывал секретаря министра: уже немолод, коренаст. Лицо его, вытянутое, было бы идеальным, если бы большая часть материала не пошла на нос, напоминающий формой клубень картофеля. Небольшие, очень внимательные карие глаза довершали портрет человека, сделавшего отличную карьеру, ничуть того не желая. Бикфорд знал, что подлинной страстью виконта была охота на лис, а политика — лишь хобби.

— Тот молодой человек, которого я у тебя в прошлый раз видел, — наконец произнес Бикфорд, — граф Шрусбери... что ты знаешь о нем?

— Все, — последовал немедленный ответ.

— Довольно смелое заявление... Скажи, Руперт, граф богат?

— Он много тебе проиграл? — немедленно заинтересовался виконт.

— Не мне. Но порядочно. Шесть тысяч фунтов. Это обсуждали его партнеры. Только не говори, что не знаешь об этом. Насколько я помню, к каждому столику здесь приколочено твое ухо.

— Выходит, у меня восемь ушей, — хмуро отозвался виконт, — да, я знаю об этом. Молодой Дадли проиграл французу. У него нет ни малейших шансов отдать этот долг. Имение разорено еще в прошлом поколении и не приносит дохода. Арендаторы сами едва сводят концы с концами. Дом в Лондоне... Он не может его продать и даже заложить, так как это — приданое его сестры Вивиан, а та уже помолвлена, и свадьба через полторы недели.

— Будущий жених или тесть не могут ссудить Дадли деньгами?

— Исключено, — мотнул головой Каслри, — они довольно состоятельны, но такой огромной суммы у них не будет. Боюсь, Питер даже не посмеет просить о займе, Дадли и так попотели, устраивая эту свадьбу. Жених-то не горел желанием.

Бикфорд вопросительно приподнял левую бровь, и Каслри пояснил:

— Девушке скоро тридцать... так что, сам понимаешь, выбирать ей не приходится.

— Она так страшна?

— Не знаю. Я никогда ее не видел... Хотя... Постой, лет десять назад, или даже двенадцать, на балу у герцога Уинтерингема... Такое бесцветное личико, впрочем, кажется, довольно милое. Совсем нет тела... Мы, кажется, даже танцевали с ней один раз, бедняжку никто не хотел приглашать, до того она была невзрачна. Я пожалел ее.

— Понятно...

— Хочешь ссудить Дадли?

— Если он ко мне обратится, может быть. Почему бы нет? В конце концов, все люди

братья, а шесть тысяч фунтов огромная сумма, но не для Бикфордов. Ты можешь сказать ему об этом?

— В этом и заключается «дело»? — удивился Каслри. — Ты меня удивил. До сих пор за тобой не водилось столь пылкой страсти к спасению ближнего из ямы, куда он сам себя закопал.

— Считаю, что это мой добрый поступок недели. Ты сделаешь это?

— Почему бы нет, — Каслри пожал плечами, — правда, в последнее время он здесь не появляется, и это неудивительно, после такого-то проигрыша. Но я вполне могу нанести ему визит по пути домой. Это все?

— Все, — улыбнулся Родерик.

Каслри, казалось, слегка растерялся.

— Прости, я думал... Ты как-то обмолвился, что побудешь моим флюгером и подскажешь направление ветра. Я решил, что твой визит...

— Правильно решил, — кивнул Родерик, — именно это я и делаю.

— Тогда, может быть, чуть больше ясности? — подобрался виконт, — во имя старой дружбы?

— От этого я бы и сам не отказался. Но мой барометр показывает примерно то же, что и твой.

— Однако ты, похоже, как-то ориентируешься в лондонском тумане...

— На ощупь, Руперт, исключительно на ощупь, — заверил Родерик, допивая вино. — Поговори с Дадли. Передай ему мое предложение. Поставь меня в известность, как он ответит. Возможно, это даст нам обоим ту толику ясности, которую мы ищем. Не обязательно. Но возможно.

Он уже встал и пошел к дверям, не дожидаясь, пока виконт поднимется из-за стола. Но вдруг остановился и обернулся.

— И еще... Руперт, на твоём месте я бы отдал приказ «пощупать» этого французского барона. Шесть тысяч фунтов — очень приличная сумма. Ты уверен, что он не шулер?

— Разумеется, нет. Как в этом можно быть уверенным, если никто его за руку не поймал? Но он подданный Луи, так что я не могу просто так, по подозрению, бросить его в Ньюгейт и спокойно разобраться, что он за птица и не передергивает ли карты. Одна жалоба королю, и я лишусь места.

— Значит, нужно постараться сделать это так, чтобы у него не было повода для жалоб, — сказал Родерик, коротко кивнул и вышел, оставив Каслри в некотором раздумье.

* * *

К небольшому особнячку на окраине Лондона карета виконта подъехала уже в сумерках. Привыкший обращать внимание на детали виконт сразу же заметил, что он не первый, кто прибыл сюда с визитом. Ворота недавно открывали, въехал экипаж, тяжело нагруженный. Об этом можно было догадаться по четким следам, оставшимся на дорожке.

У массивных дубовых дверей ему пришлось ждать довольно долго. Должно быть, немногочисленная прислуга графа в конец замоталась с приездом сестры Шрусбери. Наконец, двери приоткрылись, и в образовавшуюся щель просунулась странная физиономия, больше похожая на неаполитанского бандита, чем на честного английского лакея.

— Что вам угодно, сэр? — буркнула физиономия, уставившись на виконта в упор темными внимательными глазами, напоминающими два буравчика.

— Видеть хозяина, разумеется, — невозмутимо ответил Каслри, который на своем веку повидал немало разных физиономий.

— Назначено?

— Разумеется. Еще две недели назад.

— Как о вас доложить?

— Можете передать графу, что его хочет видеть Руперт, — посмеиваясь, сказал

Каслри, проходя в просторный холл, а оттуда, повинаясь жесту странного слуги, в библиотеку. Внезапно в спину ему ударил возглас, полный паники:

— Элен, а где коробка с красной шляпкой?

Все так же улыбаясь, Каслри обернулся.

На лестнице, ведущей наверх, стояла... стояла... Каслри почувствовал, что у него в прямом смысле перехватило дыхание. Молодая девушка в красном домашнем платье, со слегка растрепанной прической, перехваченной лентой, нетерпеливо пританцовывала на верхних ступенях, кусая губы, такие же алые, как и лента. Цвет лица незнакомки... наверное, можно сказать прекрасной незнакомки, поправил сам себя Каслри, ничем не напоминал «интересную бледность» с оттенком зелени, сопровождающую болезненных лондонских красавиц. Щеки девушки горели здоровым деревенским румянцем, каштановые волосы блестели в свете рожков... Следуя моде, на взгляд Каслри, совершенно дурацкой, ее тело было немилосердно затянуто в тугий корсет, но если хоть чуть-чуть отпустить шнуровку... она будет греческой богиней, это виконт разглядел сразу.

Увидев его, девушка страшно смутилась, покраснела и торопливо шагнула назад... почему-то не отрывая от виконта сияющего взгляда.

— Простите, сэр, — проговорила она, делая торопливый, но изящный реверанс, — мне не доложили, что у нас гости... Мы только что прибыли, и поэтому здесь все пока в некотором беспорядке... Еще раз извините меня, господин виконт. Вам что-нибудь подать?

— Я потрясен, — Каслри склонил голову, — и ни за что бы не узнал вас, встретить в другом месте, мисс Дадли. Деревенский воздух пошел вам на пользу. Вы стали потрясающей красавицей.

Розовый румянец сменился алым. Казалось, она бы охотно убежала в любом направлении, если бы не этикет и обязанности хозяйки. Но что могло ее так смутить? Каслри никогда бы не поверил, что ТАКОЙ девушке никогда раньше не говорили комплиментов. Пришлось бы признать, что все мужчины в Англии либо ослы, либо безнадежно слепы. Впрочем, кого она могла встретить там, в своем Шрусбери, скрытом в глубине знаменитых голубых шропширских холмов? Разве что арендаторов, которые почтительно снимали шляпу и, следуя деревенской традиции, звали молодую госпожу не мисс Дадли, а мисс Вивиян. В этом графстве, как немедленно припомнил секретарь министра, самая низкая плотность населения в Англии, и, как следствие, самые тощие налоговые сборы. Конечно, она растерялась...

— Распорядитесь насчет бренди, мисс Дадли, и не беспокойтесь по поводу моего визита, — успокаивающе улыбнулся Каслри, — он неофициальный и долго не продлится.

Увидев его в дверях, Питер привстал, обозначив почтение к старшему по возрасту, и снова опустился в глубокое кресло.

— Прошу простить мне мое внезапное вторжение, — произнес Каслри, устраиваясь напротив, и, машинально отмечая, что извиняется за недостаток манер уже второй раз за четверть часа. Хотя как раз его манеры были безупречны, в отличие от хозяйских.

— Станный визит, Руперт, — произнес Дадли, демонстрируя свое знаменитое отстраненное спокойствие, — насколько я помню, в последний раз ты был гостем в этом доме лет шесть назад... когда еще был жив отец. Мне оказана честь, или... впрочем, в любом случае мне оказана честь. Прошу... — Дадли указал жестом на изящный столик из черного дерева, который странный слуга, больше смахивающий на разбойника, сервировал весьма умело.

Бренди у графа Шрусбери был превосходным. Каслри охотно отдал ему должное, тем более что разговор, похоже, предстоял трудный. Молодой Дадли был явно не в духе. Впрочем, проигрыш шести тысяч фунтов без малейшей надежды погасить долг пусть даже в отдаленном будущем — веская причина для сплина. Но, как хороший дипломат, Каслри не собирался действовать «в лоб».

— Я встретил мисс Дадли, — осторожно произнес он, — девушка изумительно выглядит. Это пребывание на природе или долгожданная помолвка?

Услышав такое вступление, Питер заметно расслабился и в первый раз открыто взглянул на виконта.

— Сомневаюсь, чтобы этот брак был таким уж счастьем для Вивиан, — заметил он, — его устроил дядя. Она согласилась — а что ей было делать? Двадцать девять, сидит в глуши, из общества — одни крестьяне и их овцы, и еще неизвестно, кто из них больше достоин называться обществом. При таком раскладе любое предложение — дар небес. Но — младший сын, чуть меньше пятидесяти фунтов годового дохода... Не совсем то, чего я хотел бы для сестры. Впрочем, как говорится, чья бы корова мычала... Мое положение сейчас тоже далеко не радужное.

Оговорка? Или намек?

— Ты испытываешь серьезные затруднения? — еще более осторожно спросил Каслри, — прости, если лезу не в свое дело, но...

— Я испытываю серьезные затруднения уже пять лет, — Дадли пожал плечами, — с тех пор, как принял после отца полностью разоренное хозяйство и кучу долгов. Только не говори мне, Руперт, что для тебя это новость.

— Долги бывают разные, — с предельной осторожностью заметил Каслри, — есть те, которые могут ждать годами, есть и такие, которые ждут поколениями...

— И все равно однажды их предъявляют к оплате, — хмыкнул Дадли. — А еще есть долги, которые можно погасить свинцом вместо золота... загнав себе хорошую круглую пулю между глаз.

В первый раз за весь вечер виконт встревожился. Молодой граф Шрусбери не шутил. А если и шутил, то как-то уж чересчур мрачно. От такой шутки до фамильного склепа гораздо ближе, чем до клуба... или даже до буфета с выпивкой.

— Есть долг чести, — так же меланхолично продолжил Питер, не обращая внимания на лицо виконта, которое все больше вытягивалось, — не заплатить его — такой же позор, как не явиться на дуэль...

— Сынок, — Каслри покачал головой, — есть долги, платить которые такая же глупость, как являться на некоторые дуэли...

— О-о-у! Я и в самом деле слышу дворянина?

— Ты слышишь потомка портного, который пришел в Лондон пешком, имея за плечами котомку со сменой белья, ножницами и полутора фунтами, завернутыми в тряпочку. Поверь мне, я знаю, что такое тяжелые времена. Все Каслри это знают. Но в тяжелые времена всегда находятся хорошие друзья. Иногда там, где ты их совсем не ждал.

— «Мой кошелек, моя шпага и моя кровь...» — процитировал Дадли. Второй раз за день Руперту напоминали старый девиз его рода. — И что из всего этого ты готов предложить своему заблудшему другу?

— То, в чем ты нуждаешься, — твердо сказал Каслри и встретился глазами с молодым графом, — тебе стоит только попросить. Ломать гордость не нужно, не тот случай, мы ведь старые друзья. Только сказать, что ты решил.

Питер кивнул. Взгляд его был серьезен.

— Спасибо, Руперт. Я это запомню, и, может быть, даже воспользуюсь твоим предложением. Когда и в самом деле что-то решу.

— Питер... Я не звездочет, но у любого, кто часто бывает при дворе, со временем вырабатывается что-то вроде чутья на опасность. Это такое легкое покалывание между лопатками. Я хорошо знаю это ощущение, и привык ему доверять. Послушай меня — не тяни с решением. Я спиной чую начало большой игры, в которой пешкой можешь оказаться не только ты, но и я. А ты не хуже меня знаешь, для чего существуют пешки...

Глаза их встретились. На секунду Каслри показалось, что молодой граф сейчас расскажет все. Но секунда прошла. Питер моргнул, наклонил голову, и Руперт понял, что визит окончен. Ничего он не узнает. Капкан, в который попал его приятель, зажат гораздо крепче, чем думали он и Бикфорд.

Садясь в экипаж, виконт был мрачен. Почуввав его настроение, кучер тронул с места как

можно мягче и, не торопясь, покатыл вдоль Бедкейдж-уок. Но сразу за поворотом экипаж неожиданно дернулся и остановился.

— Что случилось? — недовольно спросил Каслри.

— Простите, ваша милость, но она просто бросилась под колеса!

— Она? — переспросил виконт, уверенный, что неловкий кучер переехал бродячую собаку.

— Простите меня, я... — голос пресекся, девушка тяжело дышала.

Корсет не предназначен для бега, снова подумалось Каслри, да и вообще, зачем нужно женщине это орудие пытки?

— Что случилось, мисс Дадли? — мягко спросил он, приоткрывая дверцу. Торопливо оглядываясь, девушка рыбкой нырнула внутрь. Это было вопиющим нарушением всех приличий.

— Я знала, что вы поедете этой дорогой, и так бежала, чтобы успеть вас перехватить, — все еще задыхаясь, проговорила Вивиан Дадли, — у меня очень мало времени. Мое отсутствие могут заметить.

— Что-то случилось? Впрочем, что я спрашиваю. Конечно случилось. Иначе благородная девушка не стала бы бежать через весь парк сломя голову, чтобы перехватить карету старого помощника министра.

— Вы совсем не старый, — нелогично запротестовала красавица и снова смутилась.

— Но я помощник министра, этот факт вы оспаривать не будете? Нет? Тогда поделитесь своими опасениями. Вы ведь чего-то опасаетесь, я не ошибся? — Вивиан торопливо кивнула. — У меня большие возможности. Уверен, что смогу вам помочь, что бы с вами не случилось. Вам угрожают?

— Не мне, — помотала головой девушка, — Питеру. Брату.

— Кто?

— Этот новый слуга. Честно сказать, я и сама его побаиваюсь. Какой-то он странный... Понимаю, что это звучит невероятно...

— Не так уж невероятно, мне случалось слышать истории и позаковыристее, — поощрил девушку Каслри, — продолжайте же. Итак, вы услышали, как слуга угрожает графу?

— Я не подслушивала! Просто в том месте раньше была дверь, потом ее просто заставили шкафом, а заделывать не стали... ну, и все слышно. Я никогда бы не позволила себе лезть в дела брата, но этот странный слуга... Когда вы ушли, он вошел к Питеру, просто вошел, без звонка... — Каслри кивнул. — Ну и сказал ему, что если Питер еще раз хотя бы словом перекинется с вами или с кем-то из вашего окружения, то весь Лондон немедленно узнает о том, что он не смог отдать долг. Двери клуба закроются перед ним. А моя свадьба окажется под угрозой.

Вивиан мучительно покраснела и попыталась спрятать лицо в облаке каштановых кудряшек.

— А для вас так важна свадьба?

— Репутация брата важнее, — без колебаний ответила Вивиан, — мне кажется, этот новый слуга что-то знает о Питере. Но... я хорошо знаю своего брата, он не мог сделать ничего... бесчестного. И я не понимаю, откуда взялась эта странная власть.

— Нам нужно поговорить, — принял решение Каслри, — подробно. Не здесь и не сейчас, — добавил он, заметив, что девушка напряглась. — Вы катаетесь верхом? Хотя о чем я, конечно, катаетесь. Чем еще можно заниматься в деревне. У вас есть свой конь?

— Да, конечно, — кивнула Вивиан, — вороной жеребец.

— Он здесь, в Лондоне?

— Я привезла его с собой.

— В таком случае завтра, в пять утра, в центре Сент-Джеймс парка, у моста. Это не слишком рано для вас?

— В самый раз для верховой прогулки, — проговорила Вивиан и в первый раз за весь

разговор улынулась.

* * *

Утро выдалось на редкость хмурым, знаменитый лондонский туман как будто решил установить рекорд десятилетия. В пяти шагах уже трудно было различить очертания предметов, а дальше мир вообще пропадал в холодном густом «молоке». Зато звуки вели себя совсем по-иному. Вивиан отчетливо слышала, как служанка из дома напротив ругается с зеленщиком из-за подпорченной моркови, а между тем, лавка находилась почти в квартале от особняка Дадли.

Большой черный жеребец, любимец Вивиан по кличке Ветерок, неуверенно переступал с ноги на ногу. Ему туман тоже не нравился. Мысленно девушка с ним согласилась: погода для ранней верховой прогулки была самая, что ни на есть, неподходящая, и Гарри, седлавший ей коня, косился на госпожу с тем же недоумением, что и Ветерок. Но новости были не из тех, которые можно отложить на неопределенный срок, поэтому...

— Давай потихоньку вперед, милый, — ласково проговорила девушка и, осторожно встряхнув поводом, чуть-чуть стукнула каблучком по гладкому боку коня. Умный Ветерок понял это правильно и двинулся вперед медленным шагом.

Через четверть часа то ли ветер слегка разогнал туман, то ли взошедшее солнце, но двигаться стало намного легче. Сквозь заметно истончившуюся белую завесу проступили контуры зданий и даже показалась зеленая громада Сент-Джеймс парка. Вивиан пока никуда не опаздывала: сказала деревенская привычка вставать рано, и еще одна, очень полезная привычка, унаследованная от матери — всякому делу отводить времени с запасом, чтобы наверняка хватило.

Во времена своего детства, как ей казалось теперь, очень далекого, Вивиан любила этот обширный, слегка запущенный парк. Здесь водились серые лондонские белки, любопытные создания, которые совершенно не боялись людей и охотно брали лакомство из рук. Лебеди и черные гуси не обращали никакого внимания на людей, бродили где хотели и чувствовали себя полными хозяевами положения. Как-то раз особенно нахальный лебедь с маниакальным упорством пытался лишиться маленькую Вивиан ее завтрака, он ходил за ней по пятам, вытянув шею и рассерженно шипя, пока, наконец, не получил булочку. Няня, да и сама Вивиан долго смеялись над выходкой упрямой птицы.

Здесь водились кролики, которые рыли под дубами целые сети и могли подпустить человека довольно близко, и постоянно жили лисы, целыми семьями. Ничего удивительного, ведь когда-то именно на этом месте располагались охотничьи угодья Генриха Восьмого.

К условленному месту Вивиан подъехала до срока и снова легонько потянула за повод, приказывая Ветерку остановиться. Туман к тому времени почти рассеялся, и по одну сторону моста были видны резные башни Букингемского дворца, а по другую просматривался Уайтхолл. Со всех сторон пруд обступали могучие старые деревья. На мелководье дремала небольшая стая пеликанов.

Виконт оказался по-королевски пунктуален. Увидев на противоположной стороне моста знакомый широкоплечий силуэт, девушка почувствовала, как жаркая волна прокатилась от пяток до макушки. Щеки, наверное, горели, как у молочницы... Десять лет прошло с их первого, памятного танца на балу в день ее неудачного дебюта. Десять лет они не виделись даже мельком! За это время виконт... конечно не постарел, даже в мыслях влюбленная девушка не допускала такого, но как-то погрузнел. Возле глаз резче обозначились морщины, плечи слегка ссутулились, а во взгляде яснее проступила усталость. Тем не менее, Вивиан все еще бросало в краску от одной мысли о нем. А уж от его появления во плоти... Пудреница? Конечно, она ее с собой не взяла, зачем? Да и не успела бы. Ничего, румянец можно списать на прогулку, слишком частое дыхание на волнение от принесенных новостей, а сияющие глаза... Поздно.

— Мисс Дадли... — Он подошел совсем близко, церемонно поцеловал поданную руку

в дюйме над перчаткой и помог спешиться. Видимо, секретарь министра приехал в экипаже, так как коня поблизости не было. — Вы замерзли? — слегка удивился он.

— Нет. С чего бы? Утро теплое.

— Дрожите, — пояснил Каслри.

— Я взволнована, — пояснила Вивиан, стараясь смотреть в сторону.

— Что-то случилось?

— Думаю — да. Я, конечно, всего лишь девушка, которая последние годы провела в глуши, и не могу знать, как мужчины делают политику. Но мне все же кажется странным, когда Питер, собираясь нанести визит министру, подробно обсуждает это со слугой. С этим непонятным не то цыганом, не то бандитом, у которого манеры вышколенного дворецкого, а глаза настоящего мошенника.

— А можно подробнее? Настолько подробно, насколько вы можете вспомнить. — Взяв девушку под руку, виконт медленно повел ее к пруду, под сенью огромных дубов. Девушка была очень напряжена, держалась подчеркнуто прямо и не смотрела в лицо собеседнику. Плотный шерстяной жакет туго обтягивал ее тело, и Каслри поймал себя на том, что косится на девушку с неуместным восторгом. Красавица... какая же все-таки красавица. Где были его глаза десять лет назад? Впрочем, уже тогда было поздно. Она, конечно, слишком молода для него. С некоторым трудом ему все же удалось повернуть мысли в нужное русло.

— Так что же там произошло, мисс Дадли?

— Брат приглашен к Сесилу, — выпалила она, — сегодня в шесть. Насколько я поняла, небольшой частный обед для узкого круга.

— Любопытно, — буркнул Каслри, у которого это сообщение вмиг вымело из головы все мысли о юной богине, шагавшей рядом. — Кто еще приглашен?

— Этого я не знаю. Но Питер и этот слуга говорили о какой-то одежде... я плохо поняла. Кажется, это одежда какого-то курьера, который то ли пропал, то ли погиб. Вроде бы в этой одежде должно быть что-то спрятано. Во всяком случае, так они предполагают.

— И что должен сделать Дадли?

— Подменить одежду. Вчера в доме был портной. Его привел этот Джон... Питер подробно рассказал, какой должен быть сюртук и перчатки, и портной обязался сделать все к сегодняшнему дню. Он получил задаток и полтора фунта отдельно. Я так поняла, что за молчание.

— Очень любопытно, — повторил Каслри, — а что Питер должен сделать с сюртуком и перчатками курьера?

— Принести домой и отдать слуге. После этого Джон или как его там... он сказал, что уйдет, и Питера больше не побеспокоят.

— А долг?

— Питер тоже спросил об этом. Долг будет погашен, так сказал этот слуга. Питер уточнил: «Настоящими банкнотами, или как в прошлый раз?»

— И что ответил Джон?

— Золотом, — выдохнула Вивиан и в первый раз подняла на виконта испуганный взгляд. — Боже мой, что же все это значит? Во что ввязался Питер и что ему грозит?

Руперт молчал долго. Настолько долго, что блестящие глаза успела затопить настоящая паника. Виконт очень осторожно, отеческим движением обнял девушку за плечи.

— Вам понадобится все ваше мужество, мисс Дадли, — сказал он, наконец, — думаю, ваш брат попал в очень хитрую ловушку, и чтобы выбраться оттуда, ему понадобится наша помощь.

— Наша? — переспросила она.

— Ваша и моя.

— Я сделаю все, что необходимо, — горячо пообещала девушка, — Скажите только, что.

— Одежда курьера. Вы знаете, как она выглядела? Можете рассказать мне?

Обратно на гравиевую дорожку, где остался заскукавший уже Ветерок, Вивиан

выбиралась не столько напуганная, сколько озадаченная. Каслри провожать ее не стал, заметив, что будет лучше, если их не увидят вместе, и, подумав, Вивиан с этим согласилась. Политика — политикой, но и о помолвке забывать нельзя. Хотя с тех пор, как она снова увидела помощника министра, милый, но ничем не выдающийся образ жениха как-то потускнел в ее воображении.

Поглощенная невеселыми мыслями, Вивиан взялась за повод. И вдруг остатки тумана обрушили на нее тревожные звуки. Каприз природы позволил ей очень отчетливо различить глухой удар, сдавленный вскрик и затем звуки борьбы. Казалось, это происходит совсем рядом. Девушка тревожно оглянулась — вокруг никого не было. Утренний парк был совершенно пуст, именно поэтому Каслри и выбрал его для тайной встречи. Позвать на помощь было совершенно некого. Но ошибиться она не могла — туман отчетливо донес до нее стон виконта.

Приказав Ветерку ждать, Вивиан подхватила подол шерстяной юбки и сломя голову бросилась туда, куда несколько минут назад ушел Каслри.

Взгляду Вивиан открылась небольшая круглая поляна, посреди которой лежала, на первый взгляд, куча старого тряпья. Она бросилась туда и чуть не сломала ногу, угодив в кроличью нору. Употребив слово, которое совсем не полагается знать благородной леди, Вивиан стала осторожнее.

Подойдя ближе, девушка едва не отпрянула. Каслри лежал на спине, без звука и движения. Глаза его были закрыты, лицо заливала бледность, даже с отливом в синеву. Парик слетел, и Вивиан впервые заметила, что каштановые волосы виконта наполовину седые. Она упала на колени и, сдернув перчатку, прижала пальцы к шее Каслри. Пульс прощупывался, но еле-еле. Рука оказалась в чем-то липком, и, поднеся ее к лицу, девушка с ужасом уставилась на густую красную кровь. Ее было много. Слишком много.

— Помогите, — прошептала она, едва разжимая губы.

Тишину парка разорвал выстрел. Он прозвучал оглушительно. Горячим воздухом девушке обожгло щеку, маленькая аккуратная шляпка с круглыми полями, специально для верховой прогулки, слетела. Девушка инстинктивно пригнулась. Спустя мгновение она поняла, что чудом осталась жива. Кто-то стрелял в нее. Кто-то, кто напал на секретаря министра. И этот кто-то все еще рядом, и может закончить дело. Впрочем, ему еще нужно перезарядить оружие. А караулы совсем рядом.

Девушка вскочила и, сложив ладони рупором, звонко закричала:

— Помогите! Скорее помогите! Человек ранен!

Каслри зашевелился и приоткрыл глаза.

— Чего орешь? — тихо спросил он, — испугалась?

Вивиан опустилась рядом.

— Вы живы? Господи, какое счастье...

— Он сильно меня?

— Н...не знаю...

— Прижми что-нибудь к ране и держи крепче, как сможешь. Иначе... будет плохо.

Вивиан закрутила головой.

— Ваш парик? Годится?

— Все что угодно, только держи крепче. Я слишком быстро теряю силы. Запомни, все, о чем мы с тобой говорили, нужно повторить еще одному человеку. Ему можно доверять.

— Какому человеку? — нервно спросила Вивиан. — Я собираюсь отвезти вас к доктору, и не хочу знать ни о каких людях!

— А ваш брат? — напомнил Каслри. — Он по-прежнему в опасности.

— Что за человек? — процедила Вивиан сквозь сжатые зубы, изо всех сил прижимая к спине виконта намочший от крови парик.

— Баронет Родерик Джеймс Бикфорд. Загородное поместье Бикфорд-Корт по западной дороге. Запомнила? Родерик Бикфорд. Найди его, как только придет помощь. Не медли ни мгновения. До врача меня довезут и без тебя... или не довезут, как Господь сподобит. Но ты

поторопись, иначе потеряешь брата. Ты поняла меня? — Вивиан кивнула. — Обещаешь? У тебя все получится. Только не медли.

На краю поляны послышались голоса. Вивиан подняла голову.

— Сюда, скорее! Человек ранен!

* * *

Баронет Родерик Джеймс Бикфорд спокойно наслаждался утренним сном в постели с любимой супругой, у которой неожиданно оказался сумасшедший южный темперамент. Честно сказать, этой ночью она вымотала его до потери сил, так что в сон он провалился в полной уверенности, что утром не встанет. Впрочем, такую «пытку» он готов был терпеть до конца жизни. Рик спал и улыбался во сне, а рука его, сильная рука моряка и воина, нежно гладила тонкое плечо женщины, обретенной так неожиданно в чужой стране, чужом времени. Его единственной женщины.

Стук в дверь грубо разрушил идиллию. Он был настойчив, и спустя некоторое время Рик понял, что тот, кто ТАК ломится поутру в хозяйскую спальню, наверное, принес какие-то важные новости. А уже из этого следовал неизбежный вывод, что просто так он не уйдет, и нужно вставать.

— Что случилось? — сонно пробормотала Ирис.

— Пока не знаю, — буркнул Рик, торопливо одеваясь, — надеюсь, что просто пожар или лошадей увели.

Услышав это, супруга мгновенно проснулась и села.

— Ты шутишь?

— Ну да. Моя любимая шутка — приказать слуге в шесть утра разбудить нас этим пушечным салютом. Особенно смешно после такой ночи. Когда мы уснули, помнишь?

— Часов в пять, не раньше, — Ирис зевнула, — ну и что? В этом есть что-то предосудительное? Мне больше так не делать?

Рик почувствовал, как помимо воли губы расплываются в довольной улыбке. Он сгреб Ирис вместе с одеялом и нежно поцеловал в кончик носа.

— Только попробуй перестать. Не прошу... Да сейчас иду я, одеваюсь, — рявкнул он, — двери пожалейте.

— Ты мне расскажешь, что случилось? — встревожено спросила Ирис.

— Обязательно и всенепременно. И подробно. Иначе ты начнешь выяснять сама, а это мы уже проходили, и я не собираюсь второй раз наступать на те же грабли. — Ирис, успокоенная обещанием, снова зарылась в подушки.

— Что произошло? — спросил Рик у слуги, терпеливо дожидającegoся под дверью. — Лучше бы это было что-то важное, иначе я за себя не ручаюсь.

— Простите, ваша милость, но это леди... и она очень настаивала на встрече именно с вами. Сказала, что промедление смерти подобно. Это ее собственные слова, — подчеркнул дисциплинированный слуга.

— Хм... — Рик почесал кончик носа. Никаких леди он не ждал. Особенно к раннему завтраку.

Увидев в холле молодую женщину, он сначала усомнился, что перед ним и в самом деле леди. Вид у нее был еще тот: жакет и юбка испачканы в земле и чем-то темном, перчаток нет, волосы растрепаны. Шляпка... шляпки тоже не было. Полный скандал! Условности здешнего общества до сих пор смешили Рика, несмотря на прожитые здесь... сколько? Больше десяти лет. Неужели так долго?

Гостя была ему незнакома. Рик обладал хорошей памятью на лица, а такое лицо забыть было трудно, девушка оказалась очень хорошенькой. Не по стандартам бомонда, но мужчины на нее наверняка заглядывались. Ее волнение бросалось в глаза.

— Приветствую вас, мисс?..

— Дадли, — выпалила она, — Вивиан Дадли... Мы не представлены, ваша милость, и

мое вторжение непростительно, но ваш друг, Руперт Каслри... — Ее голос вдруг пресекся, и девушка, всхлипнув, ткнулась в ладони. — Простите, — глухо донеслось до бывшего пирата.

Рик шагнул к столику, где стоял графинчик с кларетом, но на полпути передумал, отомкнул шкаф, достал бренди и, щедро плеснув в пузатый бокал, почти силой влил огненную жидкость в свою раннюю гостью. Ее щеки мгновенно порозовели.

— Простите, — еще раз произнесла она.

— Присядьте и расскажите, наконец, что случилось? Руперт жив?

— Когда его увозил экипаж, он был жив, но быстро терял кровь, и я не знаю...

— Стоп, — приказал Рик, — еще бренди? Или возьмете себя в руки?

— Наверное, возьму, — пробормотала Вивиан, — но бренди тоже не помешает.

Через некоторое время Рик все же удалось вытянуть из Вивиан все, что она знала. Девушка оказалась довольно толковой и наблюдательной, но пережитый ужас здорово мешал ей блеснуть этими качествами. Она то и дело принималась дрожать, рыдать и извиняться, а Рик, чтобы десять раз не вставать, переставил бренди на столик поближе. Наконец, выложив все, что знала, она замолчала и положила голову на жесткий валик дивана.

— Значит, Дадли на крючке у дворца Джезо, — пробормотал Рик, ни к кому не обращаясь. В некотором смысле, оно было и правильно. Вивиан крепко спала и, покосившись на изрядно опустевшую бутылку, Рик подумал, что гостью в ближайшие три часа пушками не поднимешь.

— Питер, — позвал он. В дверях бесшумно возник слуга, — принеси плед и распорядись, чтобы седлали коня.

— Прогулка, или?

— Или. Я еду в Лондон по срочному делу.

— Что сказать миссис Бикфорд, когда она проснется?

— Я поговорю с ней сам.

— Благодарю вас, ваша милость, — с искренним облегчением ответил Питер. Рик невольно улыбнулся. Похоже, никто кроме него не находил характер Ирис милым и забавным. Что ж, тем лучше. Меньше поводов для ревности.

Глава 9

Подъезжая к особняку министра на Стрэнде, Дадли почти не испытывал угрызений совести или чего-то подобного. Ночь, когда посланец принца нашел свой безвременный и определенно странный конец, до сих пор стояла перед его глазами, словно наяву. Он отчетливо помнил, как, когда посланец не появился после сигнала, поданного Кроушем, Питер спустился по плохо освещенной лестнице вниз и, воспользовавшись черным ходом, покинул особняк. Дадли углубился в сад и через некоторое время почти уткнулся в высокий забор. Неподалеку стояла очень уединенная беседка, вся в зарослях плюща, а вдоль дорожки густо разросся шиповник. Сюда почти не доходил свет фонаря, но Питер сразу увидел его. Упавшее навзничь, неподвижное тело: светлые волосы, не прикрытые париком, простой, но добротный дорожный плащ, из тех, что не бросаются в глаза, и торчавшие из-под него сапоги. Ни сумки, ни шляпы при курьере не было, это Дадли тоже помнил очень отчетливо. Потому что первым делом подумал о послании. Быстро, но очень внимательно он осмотрел все вокруг на несколько ярдов от мертвого тела, но пропавшие вещи так и не обнаружили. Что случилось с посланцем принца, гадать не приходилось: аккуратная рана на спине, в точности под левой лопаткой, давала исчерпывающий ответ на этот вопрос — курьера убили.

Скорее всего, убийца попал в сад Сесила тем же путем, что и курьер, через забор. И, сделав дело, так же исчез. Гравиевая дорожка не сохранила никаких следов. У самого забора должны были сохраниться вмятины от каблуков, но в темноте искать их было несподручно, а потом все просто об этом забыли.

Растерянность своих «товарищей по эшафоту» Дадли тоже помнил отчетливо. Кроуш поминутно крутил усы и даже пытался грызть ногти, когда думал, что его никто не видит. Выглядело это противно, но забавно. Лорд-хранитель печати был полностью сбит с толку и даже не скрывал этого. Как ни странно, лучше всех на случившееся отреагировал банкир Присби: именно он посоветовал снять с курьера всю одежду и как следует обыскать, перед тем как избавиться от тела.

Плащ они отбросили сразу, он был пошит слишком просто, чтобы что-то спрятать. Сапоги, напротив, заняли их надолго... но и их в конце концов пришлось отбросить. А вернее, кинуть в спешно разожженный камин: зрелище дорогой обуви, буквально изрезанной на лоскуты, могло навести слуг на определенные мысли. Туда же отправилась тонкая батистовая сорочка, развязанный галстук, панталоны со вспоротым поясом. Остались лишь сюртук и перчатки. Их тоже тщательно обыскали, прощупали все швы, вспороли воротник, но ничего не нашли. Кроуш хотел было и эти, последние вещи бросить в огонь, но Сесил неожиданно запретил.

Министр собственноручно убрал и то и другое в большой платяной шкаф. Объяснил он это довольно невнятно: дескать, вдруг понадобится предъявить доказательство, что курьер принца и вправду был убит по дороге, ударом в спину, кинжалом, следовательно, ни один из благородных джентльменов к убийству непричастен... Прозвучало это довольно глупо, но спорить с Сесилом не стали. Им предстояла самая неприятная часть: тайно вынести и спрятать тело. Поручить эту миссию слугам было нельзя, так что ссориться никто не хотел.

Дадли был уверен, что злосчастный сюртук до сих пор пылится в шкафу в дальней комнате особняка министра, никто его с тех пор в руки не брал. А еще он был убежден, что документ, если он действительно был, находился где угодно, только не в сюртуке — уж если не доверять своим собственным глазам и пальцам, так кому же, черт возьми, верить?

Поэтому совесть его не мучила. Избавить Сесила от старого хлама казалось скорее благом делом, чем государственной изменой.

Выглядел лорд Хэй плохо: цвет лица его стал землистым, щеки и подбородок заметно обвисли, а движения стали излишне суетливыми.

Порог кабинета Питер переступил, все еще не испытывая никаких дурных предчувствий и ожидая обычного частного разговора.

Присутствие Кроуша стало шоком. А когда он перевел взгляд на кожаный диван и заметил сухую фигуру Присби, то едва совладал с желанием попятиться.

— Милорд?! — все же воскликнул он.

— Вот именно, — буркнул Кроуш.

Сесил переводил взгляд с одного на другого.

Общее мнение собравшихся озвучил Присби:

— Господа хотят сказать, — буркнул он, покручивая неизменную тонкую трость, — что снова собирать нас здесь, в том же месте и... э... э... э... в том же составе как минимум неосторожно. Вы, как видно, в грош не ставите тайную службу короля. А между тем, они работают, и, смею вас заверить, работают неплохо. Была ли в этом такая уж необходимость?

— К сожалению, да, джентльмены, — кивнул Сесил. Он тяжело опирался на стол, и Питер впервые подумал, что семьдесят три года это, пожалуй, многовато для государственного деятеля. Пора бы и на покой. Но додумать эту мысль он не успел, следующая фраза министра буквально выбила его из колеи.

— Дело в том, что той памятной ночью, кроме убийства посланца и пропажи послания случилась еще одна неприятная вещь. — Чтобы говорить связно и спокойно, Сесилу явно пришлось сделать над собой усилие. — Вы помните первого курьера?

— Молодой граф Эльсвик, — с недоумением произнес Кроуш, — но он вполне справился, доставил молитвенник, мы прочли послание, узнали руку принца... К сожалению, там не было никаких гарантий, и вы предположили, что существует вторая часть.

— Все верно, — кивнул лорд Хэй, — дело в том, что эта, первая часть тоже пропала.

— Как, пропала? — Кроуш подался вперед. — Вы что, шутите, милорд?

— Увы, — Сесил развел руками, — для меня это было пугающей неожиданностью.

— К черту ваш испуг, — рыкнул Кроуш, — в конце концов, это мы, а не вы, рискуем головами! Как вы умудрились потерять послание?

— Хладнокровнее, Эдди, — бросил Присби, — все же вы говорите с министром. Я бы рекомендовал вам принести извинения... а лорду-хранителю печати посвятить нас в подробности этой странной случайности.

— В том-то и дело, что нет никаких подробностей, — отозвался министр, — письмо лежало на столе, когда мы вышли в сад. Потом нам было немного не до того. А когда я ночью спохватился и решил переложить его в ящик, письмо пропало.

— Кабинет все это время был закрыт?

— О да! Конечно. На ключ, это я отлично помню. Я всегда закрываю кабинет на ключ, это бессознательное действие...

— В том то и беда, что бессознательное, — фыркнул Присби, — если бы вы это делали сознательно, то сейчас смогли бы точно вспомнить, в какой момент кабинет оставался открытым.

Сесил выглядел так, словно его публично высекли. В определенном смысле так оно и было. Питеру стало жаль старика.

— У кого-нибудь из слуг есть второй ключ? — спросил он.

— Нет! — горячо запротестовал министр, — и быть не может! Этот замок изготавливали по специальному заказу в Амстердаме, в обстановке совершенной секретности. Ключ от него предполагался только один.

— И он никогда не терялся?

— Он и сейчас на месте. Я всегда ношу его с собой.

— А когда вы спите?

— Я и сплю с ним! Нужно быть фокусником, чтобы незаметно снять его у меня с шеи, сделать дубликат и повесить обратно, и чтобы я ничего не заметил.

— Ну, фокусников в этом мире хватает, — философски заметил Присби. — А не могло случиться так, что вы просто переложили документ, а потом, во всеобщей суете, просто позабыли об этом?

— Вы намекаете на то, что у меня начинается старческое слабоумие? — вспыхнул Сесил. — НЕТ!!! Письмо оставалось на столе, когда мы все вышли в сад. Это я помню точно. И после я его не видел.

— Что ж, — Присби снова покрутил трость, — тогда остается выяснить, кто из нас покинул кабинет последним.

Повисла тяжелая тишина, в которой было отчетливо слышно, как тикают большие напольные часы.

— То есть? — нарушил молчание Кроуш. — Вы хотите сказать, что письмо взял кто-то из нас?

— Пока я просто не вижу иной возможности, — развел руками флегматичный банкир, — укажите мне ее, дорогой Кроуш, и я с радостью переменю мнение.

— У дворянина на это может быть только один ответ, — со сдавленной яростью произнес Кроуш, — дуэль!

— Я не дворянин, — пожал плечами Присби, — и ваше возмущение в данных обстоятельствах считаю неуместным. Если только оно не призвано, чтобы отвлечь нас от главного — поисков пропавшего документа.

— Не собираюсь стоять здесь, как школяр, и выслушивать намеки ростовщика! — Кроуш шагнул к выходу.

— Задержите его! — воскликнул Сесил, хватаясь за колокольчик.

— Пусть уходит, — пожал плечами банкир, — совершенно ясно, что господин Кроуш не в том состоянии духа, чтобы мыслить здраво. А неврастеники, помешанные на собственной чести, нам здесь не нужны. Он либо не знает ничего, тогда ничего не скажет, либо знает все... тогда тем более будет помалкивать.

— Но документ?

— А вот документ надо найти. Вернемся к этому, господа. Кто-нибудь может абсолютно точно вспомнить, кто покидал кабинет последним?

— Боюсь, что это был я, — сокрушенно произнес Сесил.

Внеплановая встреча заговорщиков затянулась далеко за полночь. Дадли угрюмо слушал рассуждения Присби, от души сочувствовал старику Хэю, послушно отвечал на вопросы, добросовестно напрягая память... И при этом не мог отделаться от мысли, что прекрасно знает, кто именно взял письмо. Цепкий взгляд итальянского князя, усталая улыбка его жены, мнимой или настоящей... Эта парочка была на балу, и Дадли без колебаний положил бы голову на плаху, ручаясь, что без них это дело не обошлось. Впрочем, его голова и так лежала на плахе, над которой было занесено сразу два топора. Есть ли надежда, что они столкнутся в воздухе и сломаются?

Осуществить подмену удалось незадолго до того, как два самозванных сыщика наконец выдохлись и признали бесплодность своих усилий. Усталый и опустошенный, Питер ехал назад, довольный уже тем, что хотя бы эта грязная история с долгом закончилась. Впервые он разрешил себе подумать о матери. Завтра же следует ее навестить... Уже неделю он не появлялся, мама, конечно, беспокоилась. Ни разу он не оставлял ее так надолго. Но пока Питер «висел на крючке», он просто не мог смотреть в ее глаза.

Риджент-стрит была по дороге. Дадли приказал кучеру править к особняку француза, своего не в меру великодушного кредитора. Часы пробили уже три пополночи, но Питер помнил, что барон велел ему приезжать в любое время. Каким образом господин де Сервьер планирует поймать за руку венецианскую разведку, едва ли не лучшую в мире? Впрочем, он говорил об этом так уверенно, словно барону уже случалось проделывать что-то в этом роде. Кто знает? Фокус с фальшивыми банкнотами он раскусил быстро.

* * *

Когда в тишине уснувшего Лондона, за окном, совсем близко послышались стук копыт и мягкое поскрипывание рессор, а затем грубоватый голос кучера скомандовал: «Тпру!», двое, коротавшие досуг за шахматной доской в гостиной, понимающе переглянулись.

— С вас полфунта, господин барон, — отметил Ухо, — я же говорил, что он приедет.

— Не скучно это, все время оказываться правым? — кисло проговорил Этьенн, развязывая кошелек.

— Согласно постулату, непогрешим лишь Его Святейшество Папа... да и то лишь пока он отправляет службу. Во все иные моменты мы все, в том числе и Первый Пастырь, всего лишь люди, способные ошибаться. Я — не исключение.

— И что дальше? — прервал Этьенн его тираду.

— Дальше — молодой человек становится слишком опасным. Нить, привязавшая его к вам, натянулась до предела. Через секунду она лопнет: тем или иным способом, но ее не станет.

— Значит?

— Скажите сами. Если вы и в самом деле готовы занять мое место в следующей группе.

— Он не должен отсюда уйти, — кивнул Этьенн, — Кинжал? Вербка?

— На ваше усмотрение.

— Тогда — яд, — решил Этьенн, — это самое простое. Он мне доверяет и не откажется от рюмочки чего-нибудь подкрепляющего.

— Не много ли чести? — усомнился Ухо.

— Ну, надо же испытать тот порошок, который прислал координатор. Если что-то пойдет не так, доделаем сталью.

Одобрительно кивнув, Ухо смел деревянные фигуры в ящик и встал, готовясь скрыться за дверью.

— А партия? — возмутился Этьенн, — кажется, впервые я был так близок к тому, чтобы выиграть у вас!

— Не беспокойтесь, я помню расположение фигур.

* * *

Прильнув к замочной скважине, Кэти напряженно следила за пантомимой, которая разыгрывалась в гостиной, и от души жалела, что к дверной щели нельзя одновременно прижать и ухо, и глаз. Либо подслушивать, либо подглядывать. Молодой офицер дружески раскланялся с ее мужем и передал ему какой-то плотный сверток. Мельком глянув туда, Этьенн кивнул, улыбнулся и, похоже, предложил выпить.

Кэти вполне отдавала себе отчет, что слежка за мужем не совсем то, что одобрила бы ее матушка, но загадка двух паспортов на одно и то же лицо не давала ей покоя. Что-то тут было нечисто.

Офицер пригубил бокал, одобрительно кивнул, одним глотком осушил остатки и уже собрался опуститься в предложенное кресло. Внезапно лицо его словно свело судорогой, он схватился за воротник и... навзничь рухнул на толстый ковер. Кэти едва сдержала первый порыв — кинуться на помощь. Что же это, спаси Господь? Сердечный приступ? У такого молодого?

Этьенн опустил на колени, попытался нащупать пульс.

В эту минуту молодая женщина с ужасом ощутила, что кто-то крепко взял ее за предплечье.

— Разве матушка вам в детстве не объяснила, что подслушивать нехорошо?

Кэти обернулась и отпрянула с такой силой, что едва не вышибла дверь спиной. Рядом с ней стоял самый ужасный и уродливый человек из всех, кого она когда-либо видела: худой как жердь, сутулый, с руками длинными, как у обезьяны. Лицо в морщинах, а безобразные седые космы почти не скрывали то, что осталось от левого уха.

— Ему, кажется, плохо, — пролепетала Кэти, — возможно, я смогу помочь. Я немного умею лечить.

Старик криво усмехнулся:

— Уверю вас, в том нет необходимости. Вашему гостю уже хорошо.

— Вы уверены? — усомнилась Кэти, подавляя намерение снова прильнуть к скважине.

— Вне всяких сомнений, — заверил старик, — он уже забыл все, что тяготило его в этой жизни, и наслаждается пением ангелов.

— Вы хотите казать, что Этьенн... мой супруг его...

Не отвечая, Ухо распахнул дверь и Кэти, потеряв опору, спиной влетела в гостиную. Барон обернулся на звук и, увидев его лицо, Кэти немедленно согласилась с мамой: подслушивать и подглядывать очень недостойное занятие. И к тому же опасное.

— Проклятье, — выругался Этьенн, — это именно то, чего мне так не хватало для полного счастья. Много она успела увидеть?

— Достаточно, — кивнул Ухо. Он прошел вперед и с интересом уставился на семейную пару.

Кэти не отрывала глаз от мертвого тела на полу.

— Похоже, что я слегка поторопился с нашим другом, — флегматично заметил Этьенн, — можно было испытать порошок на более подходящем объекте. Теперь все будет грубо и грязно. А жаль. Я симпатизировал этой девочке.

— И вы способны перерезать горло женщине, с которой вы венчались в храме? — Ухо удивился, или сделал вид, что удивлен.

Этот момент был самым подходящим, чтобы грохнуться в обморок и предоставить ангелу-хранителю карт-бланш. К сожалению, в родословной Кэти было слишком мало рафинированных леди. До сих пор сознание она теряла лишь раз, когда, прыгая с детьми арендаторов с мельничного колеса, крепко приложилась спиной о землю. Корсета она тоже

не носила.

— Что вы имеете в виду? — требовательно спросила она, обращаясь к Уху. Именно в нем девушка почуяла главного, — вы убили его, а теперь намерены убить меня?

— Боюсь, у нас нет другого выхода, — Ухо развел руками, от души забавляясь досадой партнера.

— Ну, я могу пообещать молчать, — попробовала Кэти.

— И сдержите слово?

— Да, — без колебаний солгала она, — могу поклясться на Библии.

— Однако! У девушки неплохие задатки. При должном старании из нее могла бы получиться одна из нас. Закваска у нее правильная. Жаль, что уже нет времени, скоро рассвет.

— Кинжал или веревка? — хмуро спросил Этьенн.

— Думаю, было бы слишком расточительно уничтожать такой перспективный материал, — задумчиво проговорил Ухо, — пожалуй, я могу предложить способ, который уберет нас от любопытства юной дамы.

— Какой способ? — немедленно встряла Кэти.

— Вам он не понравится, — признал Ухо, — но это будет лучше, чем веревка или кинжал. Следуйте за мной.

Подхватив сверток, он направился вверх по лестнице, ничуть не сомневаясь, что Кэти пойдет за ним. И он оказался прав. Ни за что в жизни она не осталась бы наедине с супругом, который наводил на нее суеверный ужас.

Юную баронессу заперли в апартаментах мужа. Туда же старик небрежно бросил таинственный сверток. Перед тем, как закрыть дверь, Ухо внимательно посмотрел ей в глаза. И вдруг подмигнул:

— Вам предстоят тяжелые времена. Но я почти уверен, что вы справитесь. Могу даже побиться об заклад, а я азартен и не люблю проигрывать. Думаю, мы с вами еще встретимся. И когда это произойдет, не забудьте о том, кто сегодня спас вам жизнь.

— Хотите сказать, что за мной должок? — буркнула Кэти.

— Вы все понимаете исключительно правильно, — кивнул старик без уха и закрыл дверь. Ключ повернулся в замке два раза.

Оставшись одна, Кэти первым делом дала волю слезам. Испортив два носовых платка, она почувствовала, что снова может жить. Толку, впрочем, от этого... Комната была надежно заперта, дубовые двери не выломать не только ей, но и полудюжине крепких мужчин. Единственное окно надежно забрано фигурной решеткой. Выхода не было.

* * *

— Господин виконт еще плохо себя чувствует, так что, прошу вас, не утомляйте его. — Полный седоватый джентльмен, на вид типичный стряпчий, а на самом деле один из лучших лондонских врачей, обеспокоенно проводил взглядом невысокого коренастого мужчину в безупречно пошитом костюме, но без парика.

— Не переживайте, я буду краток.

После сумбурного рассказа Вивиан, Рик ожидал увидеть старого приятеля при смерти, это как минимум. Он опасался застать выходящего из комнаты священника. К счастью, все оказалось не так плохо. Руперт полулежал на подушках и, судя по толстому тому на коленях, даже пытался читать. Его голову украшали несколько витков бинта, цвет лица был землистым, но взгляд вполне осмысленным и цепким. Известие о его смерти оказалось сильно преувеличенным.

— Вот... пытался полистать беллетристику, раз уж так не повезло, — виновато произнес Каслри, — но не могу читать.

— Буквы расплываются? — посочувствовал Рик.

— Да нет. Просто неинтересно почему-то. А ведь эту книгу хвалили в свете.

— А что за книга? — улыбаясь, Рик придвинул тяжелый стул из темного дерева к изголовью пострадавшего и протянул руку за светской новинкой.

— Сэр Арчибальд Локк, «Страдания юного Персиваля от неразделенной любви к гордой и прекрасной Клодии»... — прочел он и, помимо воли, прыснул: — Господи, и здесь мексиканские сериалы!

— Прости, что? — изумился Каслри.

— Ничего. Выбрось это в камин и вымой руки. Нормальные люди такое не читают.

— Так то, что мне книга не понравилось, означает, что я — нормален? — переспросил Руперт, разом повеселев.

— Абсолютно, — заверил Рик, — а позволь узнать, кто сосватал тебе эту пакость?

— Одна совершенно прелестная девушка... Богиня! — Руперт мечтательно прикрыл глаза, но тут же снова распахнул их. — Знаешь, она говорила, что книга хорошая.

— Женщины... — Рик пожал плечами. — У них совершенно по-другому устроены мозги. Ты можешь представить себя у модистки, два часа решающим, какую ленту крепить на шляпку?

— Отчего нет, — пожал плечами виконт, — если в этой шляпке я должна в первый раз предстать перед женихом...

— Ну, тогда с этой прелестной девушкой вы поладите, — заверил Рик, — вы прекрасно понимаете друг друга.

— Если бы, — виконт вздохнул, — к сожалению, она помолвлена...

Видно, удар по голове в Сент-Джеймс парке оказался не таким уж безобидным, как Рик подумал в начале. Что-то в его приятеле здорово изменилось, и теперь он еще целый час будет рассуждать о книгах, девушках, шляпках... Прости, Господи! Сообразив это, Рик решил рискнуть.

— Но, как я понял, это не ревнивый жених устроил тебе встречу с доктором?

Руперт заметно помрачнел, словно тень набежала на лицо.

— Увы...

Рик терпеливо ждал. Наконец приятель, видимо, решился.

— Скажи... ты получил титул баронета из рук короля... — Рик кивнул, — и многие годы род Бикфордов был вполне лоялен к трону...

— Твоя канцелярия меня в чем-то подозревает? — шевельнул бровью Рик, как никто знающий, что подозревать его очень даже можно. Во многом. И все подозрения будут отнюдь не беспочвенными. Вряд ли Каслри совсем ничего об этом не знал.

— Скажи, как ты относишься к королю?

Рик пожал плечами.

— Слава богу, я почти никак к нему не отношусь. Я не бываю при дворе, лишь веду дела компании своего отца, оставляя политику и интриги в его умелых и опытных руках.

— Король Яков талантливый полководец. Во время войны с Голландией он выиграл несколько морских сражений. Он настоящий рыцарь, верен слову, данному в юности, и не забывает давних друзей.

— Все так, — кивнул Рик, умалчивая о том, что врагов Яков тоже не забывал, отличаясь долгой памятью и редкой мстительностью, — но при чем тут я?

— Можно ли доверить тебе тайну, которая, возможно, очень важна для судьбы нашего несчастного короля? В тех ли руках она окажется? Родерик, если ты придержишься других политических убеждений, умоляю, скажи об этом. И тогда я просто промолчу.

Рик задумался. Врать ему не хотелось, а говорить правду не имело смысла. С таким же успехом он мог остаться у себя в поместье кататься на лошади и пить чай с законной супругой.

— Я бы пальцем о палец не ударил ради короля, — сказал он, наконец, — и сделал бы еще меньше ради принца Оранского, если ты именно это имеешь в виду. Я абсолютный космополит в вопросах веры, и по мне — пусть будет хоть король мусульманин или огнепоклонник, лишь бы пошрины не поднимал.

— А наша дружба? Она значит для тебя так же мало?

— С этого и следовало начинать, а не пудрить мне мозги военными талантами Якова, — фыркнул Рик, — если тебе нужна помощь, я помогу. Ну, говори же, не тяни, иначе сейчас сюда войдет твой доктор и выгонит меня к черту.

Виконт привстал, устраиваясь поудобнее, и Рик поправил ему подушки.

— Я мало что понял из рассказа мисс Дадли, — начал он, — молодая леди наблюдательна, но плохо делает выводы.

— Ничего, главное, чтоб она хорошо готовила чай, — подначил Рик.

— Я не знаю, что там за дела у Сесиля, и какую рыбу он ловит в мутной воде, — продолжил Руперт, не обращая внимания на подначку, — но тот курьер, которого они принимали так скрытно... он был одет в сюртук, пошитый в Голландии. Это единственная подробность, в которой уверена мисс Дадли. Несмотря на проживание в деревне, она хорошо разбирается в моде.

— Намек я понял, — кивнул Рик, — но что ты хочешь от меня? Чтобы я разгадал этот ребус?

— И принес разгадку мне. Это очень важно. Обещай, Родерик... обещай мне это, или... обещай вообще не впутываться в это дело.

Рик внимательно посмотрел на старого приятеля. Его глаза из-под белых повязок смотрели очень серьезно.

— А если не дам ни одного из обещаний? Тогда я не выйду из твоего дома живым?

— Из дома ты выйдешь. Но вряд ли пройдешь полквартала, — тихо сказал Каслри, — как видишь, я с тобой предельно честен. Как и положено другу.

— Спасибо, — без обычной иронии поблагодарил Рик, — я клянусь честью, что стану лояльным подданным до тех пор, пока разгадка пропавшего курьера не ляжет на твой стол. Но после ты должен освободить меня от любых обещаний. Это — личное дело. История, на которую ты случайно вышел — грязнее, чем сточная канава, и не последнюю роль играет в ней человек, который считает меня виновным в смерти своей сестры Мишель. Он поклялся меня убить. Мне придется сделать это первым, просто чтобы не сыграть в ящик. И я сделаю это, даже если мне понадобится сначала вышибить королевский стул из-под его величества и пристроить твою пробитую голову под топор палача в Ньюгейте. Как видишь, я тоже предельно честен. Как и полагается старому другу.

* * *

Огромный особняк на Риджент-стрит опустел. Кэти чувствовала это, несмотря на то, что весь ее мир был ограничен небольшой комнатой, запертой на ключ. Есть что-то трудноуловимое, что безошибочно отличает сонную тишину от мертвой. Эта тишина была именно мертвой. Откуда-то Кэти совершенно точно знала, что и загадочный старик без уха, и ее супруг исчезли, а вместе с ними пропали и слуги, которых всегда было слишком мало для такого большого дома.

Что имел в виду старик, когда сказал, что ее ждут тяжелые времена? Ее выгонят на улицу? Но тогда она сразу же обратится к прокурору, и всю эту теплую компанию арестуют. Кэти была дочерью судьи и прекрасно понимала, что то, что они сотворили, вполне тянет на пеньковый галстук.

...Кстати о галстуках. Этот тюк, который принес убитый офицер... Он поплатился за это жизнью, значит, эти тряпки были важными. Хотя, как рваные тряпки могут быть важными?

Кэти присела, распустила тюк и медленно, внимательно осмотрела и сюртук, и коричневые перчатки из тонкой кожи. Она никуда не торопилась. Проснувшаяся внезапно интуиция подсказывала ей, что она одна и это надолго. Внезапно ее осенило: тряпки не рваные, а разорванные. Даже не так: распоротые и разрезанные. И важны они не сами по себе. В них что-то искали. Нашли? Если нашли, тогда зачем офицер принес их сюда? А если

не нашли... то было ли здесь что-нибудь?

Мысли Кэти скакали с пятого на десятое, а руки меж тем внимательно ощупывали каждый шов, каждую деталь. Что бы здесь не искали, делали это очень тщательно, но неумело. Портных среди них не было, Кэти поняла это, когда добралась до шлицы. Сукно оторвали от подклада, но никому не пришло в голову, что для дополнительной жесткости подклад здесь двойной.

Кэти не стала искать ножницы, а подцепила нитки зубами, распустила шов и запустила два пальца в образовавшееся отверстие. И была вознаграждена. В шлицу был вшит тонкий лист бумаги, сложенный в несколько раз. Вытянув его, девушка обрела письмо. Самое странное из всех виденных в жизни. Оно начиналось без обращения, сразу с текста, словно обрыв в пустоту:

«...Поэтому, мои благородные друзья, я, Божией милостью принц Оранский решил дать согласие...»

Глава 10

— Дело ваше, но я искренне советую вам выпить это.

— Ага, а потом я очнусь и сделаю реверанс перед архангелом Михаилом, — огрызнулась Кэти, с подозрением рассматривая легчайшую чашку майсенского фарфора, которую протягивал ей старик без уха. На первый взгляд там был чай. Но после случая с офицером Кэти с подозрением смотрела на все напитки, которые подавались в этом доме.

— Здесь нет яда.

— Хотите, чтобы я вам просто поверила?

— Не верьте, — пожал плечами старик, оставляя чашку, — здесь сильное снотворное. Не хотите пить — придется обездвигить вас другим способом.

— Например? — подозрительно спросила Кэти.

— Например — ударом по голове. Не очень красиво, но зато очень надежно.

Молодая женщина пожала плечами и, понюхав напиток, осторожно глотнула.

— Я не чувствую никакого постороннего привкуса, — заметила она, — по-моему, это обычный фруктовый чай.

— Так и должно быть, — кивнул старик, — большинство наших клиентов мы не ставим в известность, что именно они пьют. Вы — редкое исключение.

— Хм...

— Вы вообще редкое исключение, — продолжал старик, внимательно наблюдая, как убывает чай в чашке, — вы живете с открытыми глазами, видите жизнь такой, какая она есть, не сочиняете себе сказок. Кроме того, вы предприимчивы, находчивы и никогда не теряете присутствия духа. Это как раз те качества, которые очень ценит в своих людях одна очень серьезная организация.

— Так вы из какой-то банды? — скривилась Кэти.

— А вот внимания вам пока недостает. Я же сказал — серьезная организация.

— Хорошо, серьезная организация, — кивнула Кэти, — и что вы можете?

— Почти все, — скромно ответил старик.

— Если так, вы должны работать на Господа Бога, — съязвила Кэти.

— Ну... в некотором смысле так оно и есть.

Кэти почувствовала легкое головокружение и, не желая этого показать, выпрямилась на подушках.

— И что дает членство в этой вашей организации?

— Как и в любой армии: генералу власть, деньги, исполнение желаний. А рядовому — возможность умереть за то, во что он верит.

— Звучит не слишком заманчиво, — произнесла Кэти и неожиданно для себя зевнула.

— Не сопротивляйтесь, — посоветовал старик, — тогда пробуждение будет легким. Если будете бороться со сном, то, когда проснетесь, почувствуете головную боль, схожую с

похмельем. И запомните, Кэти, в нашей организации любой солдат может стать генералом.

— Если до этого не выпьет бренди... с добавками.

— Все возможно, — серьезно сказал старик, — но, как правило, без особой необходимости мы своих не бросаем. На всякий случай запомните слова: «Во имя Господа я поражу дьявола». Если будет слишком туго, скажите их любому священнику католической церкви. Он будет обязан помочь. А если случайно попадете на солдата Ордена, он ответит «Да будет благодать его на моем клинке». Того, кто скажет это, можете просить о чем угодно. Вы запомнили?

Кэти кивнула, еще раз сладко зевнула и опустила на подушки. Она крепко спала.

* * *

Было уже часа два пополудни, когда Бикфорд в присутствии констебля подъехал к особняку на Риджент-стрит. Уже у самых ворот он понял, что безнадежно опоздал. Клетка опустела и птички упорхнули. На воротах насмешкой красовался огромный навесной замок. Рик цветисто выругался.

— Кого это вы так... цветисто, милорд? — добродушно спросил крепкий, высокий констебль, которого Рик выделили с большим трудом, после часа пререканий.

На доблестных лондонских стражей порядка ни его фамилия, ни титул не произвели никакого впечатления. Вот когда Рик остро пожалел об отсутствии в этом времени мобильной связи, все же насколько она облегчала жизнь! Сейчас бы позвонил Руперту... Пришлось прибегнуть к кошельку. Тактика оказалась правильной, и уже спустя три минуты они катили в экипаже к особняку, который снимал мнимый французский граф.

Жалел Рик и о том, что не оказался в Лондоне времен Шерлока Холмса и канонизированного в мировой литературе Скотланд-Ярда, пусть даже с инспектором Лестрейдом. Лучше уж Лестрейд, чем престарелые инвалиды-«сторожа», которых больше никто не брал на работу, да караульные, именно они и составляли все полицейские силы в Англии этого времени. Более неэффективную систему трудно было представить. Но до образования знаменитой лондонской полиции оставалось еще почти полвека, так что приходилось пользоваться тем, что есть.

— Да бюрократов обложил, — пояснил он причину своего раздражения. — Прибудь мы сюда утром, был бы шанс накрыть всю шайку, а так...

— Ну, раз уж мы приехали, давайте хотя бы осмотрим дом, — рассудительно произнес констебль. Выпустив баронета, он нырнул в недра экипажа и, спустя мгновение, вынырнул с чем-то похожим на небольшой аккуратный ломик. Внушительный на вид замок сопротивлялся меньше минуты.

— Прошу вас, милорд, — констебль вежливо пригласил Рика на территорию сада.

Большой двухэтажный дом был пуст и нем, окна закрыты ставнями, массивные дубовые двери держали оборону против непрошенных визитеров.

— С этими так просто не справишься, — заметил констебль, — попробуем поискать черный ход.

В особняк они вошли через кухонные двери. Здесь, как и в саду, было пусто. Не пылал очаг, не пахло бараньей похлебкой, не суетились слуги.

— Какой-то, мать его, заколдованный замок, — буркнул Рик, пинком открывая дверь на господскую половину.

— Святой Петр! — констебль склонился над чем-то в глубине полутемного холла, но почти сразу же выпрямился, — вы были правы, ваша милость. Здесь нечисто.

— Что там? — крикнул Рик, входя в холл.

— Покойник. Офицер. Молодой совсем.

— Проклятье, — Рик уставился в остекленевшие глаза Питера Дадли так, словно и в самом деле надеялся увидеть там его последние минуты.

— Вы знаете, кто это?

— Нет, но догадываюсь. Судя по всему, это и есть граф Шрусбери.

— Нужно известить родных. — Констебль еще раз наклонился над молодым человеком, сложил ему руки на груди и пальцами закрыл глаза. — Упокой Господь его душу, — пробормотал он и широко перекрестился.

«Вот и все полицейское расследование», — с горечью подумал Рик. Но, как оказалось, ошибся. Констебль свое дело знал.

— Надо осмотреть особняк сверху донизу, милорд. Если найдем кого живого, за воротник — и в тюрьму, там разберутся, что за птица.

* * *

Кэти пришла в себя от того, что ее легко, но ощутимо покачивало. В первую секунду она здорово испугалась: вместо привычного темно-красного балдахина и шелковых простыней узкая койка, низкий потолок и крашеная дверь напротив. Но уже в следующую секунду она все вспомнила: ее муж отравил офицера, она оказалась свидетелем, а потом... Старик без уха. Серьезная организация. Фруктовый чай...

Голова у нее не болела, это была хорошая новость. Кэти села и быстро осмотрела себя: она была в том же платье и чулках, сняли с нее лишь накидку, туфельки и шляпку. Она быстро сунула руку за корсет — еще одна хорошая новость: таинственный листок бумаги оказался при ней. Стало быть, похитители, кем бы они ни были, не догадались ее обыскать. Что это было за письмо, кому адресовано, кто и от кого так хитро спрятал его, Кэти не знала и даже не догадывалась. Но смутно чувствовала, что этот смятый листок очень важен, а значит... Ну, прежде всего это значит, что она должна о нем помалкивать и не потерять, а дальше будет видно. Снятые с нее вещи лежали тут же, и это была еще одна хорошая новость. Кэти торопливо сунула ноги в туфли, встала, чуть покачнувшись, и в два шага преодолев расстояние, отделявшее ее небольшого окна, заглянула в него.

От края до края, насколько хватало глаз, была вода.

В страшном волнении она опустила обратно на койку. Вода... Море... Она еще никогда не покидала острова. В отличие от Ирис, обошедшей на кораблях весь белый свет, Кэти до своего злосчастливого замужества даже в соседний городок на ярмарку выезжала лишь дважды, и оба раза в детстве.

Рассказы подруги вдруг вспомнились очень ярко. Пиратские шлюпы, сундуки с золотом, страшный шторм, разбивший корабль у самых берегов Золотого острова... Морская болезнь.

Корабль покачивало, но никаких неприятностей ни с желудком, ни с головой Кэти не ощущала. Слава Господу. Значит, она относится к тем редким счастливчикам, которые не подвержены этой напасти.

Потянув дверь на себя, Кэти с удивлением обнаружила, что никто и не подумал ее запереть. Странно. Она же вроде пленница. Или как?

Молодая женщина оказалась на палубе небольшой караки. Вечерело. Золотой отблеск заката лежал на воде. Стояла удивительно тихая погода. Море неторопливо катило свои волны, которые показались Кэти очень тяжелыми. Кое-где можно было заметить пенные барашки. Если бы на ее месте была Ирис, она бы почувствовала признаки надвигающегося шторма, но невольная пассажирка не обратила на них никакого внимания. Ее больше интересовали люди. А именно — капитан этой посуды. Очень хотелось знать, куда же ее все-таки везут и намерены ли посадить на берег хоть где-нибудь, или все проще: отвезут подальше, сунут в какой-нибудь мешок и утопят, как нежеланных в хозяйстве котят.

Кэти понятия не имела, где можно найти капитана, а спросить, как назло, было не у кого, злосчастливая карака была совершенно пуста, словно двигалась в открытом море сама по себе. На мгновение Кэти стало по-настоящему страшно, припомнились истории о «Летучем Голландце», чумных кораблях и прочих зловещих призраках моря. Но тут, на счастье, ее окликнули. Самый обычный человеческий голос, ничего замогильного:

— Я вижу, вы уже проснулись?

Кэти подняла голову. По узкой лестнице к ней спускался мужчина средних лет в коричневом костюме и высоких сапогах, с непокрытой головой. Он смотрел на нее серыми, чуть сощуренными глазами, не улыбался, но и не хмурился. Кэти взбодрилась.

— Вы — капитан этого... корабля?

— Точно так, мисс, — мужчина кивнул, — хотя обычно мои пассажиры называют «Крошку Сью» корытом или как-нибудь похуже. Я — капитан, это верно. Обычно у меня пара помощников, для караки этого вполне достаточно. Но старина Джефф заболел, так что сейчас мы здесь вдвоем с Питом, он сменился с вахты и спит. Вы, наверное, голодны?

Кэти была приятно удивлена.

— Простите, я невольно оскорбила вас. В мыслях, — пояснила она, — я подумала, что вы какие-то бандиты, и вас наняли, чтобы утопить меня в море.

— Как можно, мисс? — капитан едва руками не всплеснул, — я не бандит... хотя, «Крошке» случалось брать на борт груз, не облагаемый налогом, но убийство в открытом море — это не ко мне. Я семейный человек и не хочу закончить жизнь на виселице.

— Но, в таком случае, может быть, вы скажете мне, куда направляется ваш корабль... и как далеко мы от Англии?

— Да уже довольно далеко. Вы проспали больше суток, а «Крошка» при хорошем ветре может держать восемнадцать узлов.

— Я в этом ничего не понимаю, — призналась Кэти, — мне просто хотелось бы знать, как скоро я могу попасть домой. Конечно, ваше гостеприимство будет оплачено, — торопливо добавила она, увидев, что капитан смутился.

— Может быть, вы сначала поедите? У меня готова отличная мясная похлебка. Здесь нет кока, так что мы с Питом готовим сами, по очереди.

Кэти насторожилась. Похоже, капитан увиливал от ответа. Но желудок предательски заурчал, и скрепя сердце она кивнула. Хорошо, пусть сначала будет ужин, а уже потом подробное дознание. Может быть, на сытый желудок капитан будет более откровенен. А если нет, возможно, удастся разговорить его помощника, когда он проснется.

* * *

Уже порядком стемнело, когда Рик вместе с констеблем и парой его приятелей, нанятых за деньги милорда «для хорошего дела», подошли к небольшому домику, спрятанному в густой листве дубов, росших здесь в изобилии.

— Ваша милость, я так и не понял, почему мы должны караулить здесь? — спросил констебль, опытным взглядом окидывая территорию и намечая места для «секретов».

— У них большая форa во времени, — пояснил Рик, — закрывать Лондон уже поздно. Если они покинули город, то могут быть очень далеко. Закрывать нужно порты, но с этим Каслри справится и без нас, приказ уже отдан. Если только они не опередят курьеров Его Величества и не скроются раньше, их задержат.

— Тогда что мы делаем у дома господина виконта?

— Если это те люди, о которых я думаю, — терпеливо пояснил Рик, — они просто обязаны появиться здесь. На виконта было совершено покушение. Неудачно. Сработали грязно, а эта организация не любит оставлять за собой таких «хвостов».

— Хотите сказать, они попытаются «доделать» работу?

— Обязаны попытаться, иначе — виселица.

Расставив людей по периметру, Рик оправил констебля к калитке, ведущей в парк. Он сам остался у заднего фасада дома, резонно полагая, что изобретательность противника приведет их именно сюда. Ну в самом деле, не будут же они ломиться через парадный вход.

Минуты тянулись занудно, и с таким же занудным постоянством складывались в часы долгого ожидания.

— Скоро рассвет... — еле слышно прошептал Рик, когда за оградой раздался легкий

шелест.

Джеймс моментально напрягся и сосредоточился. Ответственная минута... и вот на ограде показалась тень. Она ловко соскочила на землю. Распрямяться незнакомец не спешил. Лишь убедившись, что видимая часть парка безопасна, тень махнула крылом плаща. Следом ограду перемахнул еще один гость.

Рик, стараясь быть бесшумным, извлек из-за пояса револьвер. Тени сделали всего несколько шагов и затаились за дубом. Всего с десятков метров отделяло их от укрытия Джеймса. Он практически перестал дышать, выжидая дальнейших действий непрошенных визитеров.

Но действие развернулось совсем не там, где ожидал Рик. За спиной, словно издеваясь над безмолвной округой, противно скрипнула калитка. Раздался звук шагов...

— Ой, — пискнул чей-то голос... похожий на женский. — Вы кто?

Рик невольно отвлекся. С его позиции тропинка, ведущая от калитки к дому, была хорошо видна. На ней стояла еще одна тень. Женщина?

— Вы напугали меня, господа... — громко запричитала дама, хотя Рик показалось, что в ее голосе не было ни малейшего страха.

— Вы кто такая? — вступил в дело констебль.

— Служанка.

— Чья? — полицейский сделал шаг вперед.

— Известно чья. Господина Каслри.

— Не поздновато ли, миссис...

— Мисс Дейл, — тут же поправила она его.

— Так откуда же вы так поздно, мисс Дейл? — повторил констебль свой вопрос.

— Я выполняла поручение мистера Каслри.

— Вот как? — удивился констебль. — И какое?

Рик увидел, что двое помощников полицейского явно заинтересовавшиеся беседой подтянулись поближе, напрочь позабыв про свои посты.

— Идиоты... — процедил Джеймс сквозь зубы и выглянул из-за ствола. Две тени осторожно двинулись вперед. — Ловушка...

— Вы с ума сошли? — женщина всплеснула руками так быстро, что поля ее плаща закинулись на плечи.

Выстрел заставил Рика вздрогнуть, но оборачиваться он не стал. Позади кто-то ойкнул и как будто упал. Раздался еще один выстрел, затем другой... дикий крик полный боли и отчаянья.

А две тени уже спешили вдоль дома, и Рик, вскинув револьвер, открыл огонь. Он бил на опережение двух фигур, и весьма удачно. Бежавшего первым откинуло на стену здания, и Рик показалось, что он так и прилип к штукатурке. Зато вторая тень, пораженная огневой мощью неведомого стрелка, мгновенно упала на землю. Убит?

Рик только сейчас, когда кончились патроны и возникла необходимость перезаряжаться, позволил себе посмотреть в сторону тропинки. Там шла драка. Двое помощников, кажется, уже убитого констебля, наседали на псевдомисс. Сомнений больше не осталось. Мисс ловко орудовала двумя пистолетами, схватив их за стволы и размахивая ими, как миниатюрными булавами.

Краем глаза Рик уловил движение.

— Черт!

Человек вскочил и метнулся к ограде, отступая тем же путем, которым и пришел. Щелкнул барабан. Рик согнул левую руку, взяв упор для револьвера, тщательно прицелился и спустил скобу. Но как это было возможно! Незнакомец упал за секунду до выстрела и отчаянно пополз к ограде.

— Стой! — Рик рванул вперед. — Стой! Убью, скотина!

И отчего-то именно сейчас он представил себя в роли праведного мента из... да-да, из того самого сериала.

— Стой! — Выстрел.

Джеймс специально промазал, но это не возымело результатов. Тень вскочила и в два прыжка достигла ограды.

— Надоел, зараза! — Рик задержал дыхание...

Грохот чужого выстрела почти оглушил его. Он резко ушел вправо, упал, перевернулся на мокрой от росы траве и почти не глядя выстрелил в невесту откуда появившегося за спиной противника. Тело, и до того неровно стоявшее на ногах, выронило пистолет, подломилось и упало на траву.

Рик встал. Ограда была пуста. Тень успела перемахнуть и исчезнуть. Он прислушался. Шума борьбы с тропинки уже было не слышно.

— Вот ведь... — сплюнул Рик. — Не добил.

Как тот, первый, подстреленный им у дома, смог проделать такой путь в целых три десятка шагов с двумя дырками в животе?

Джеймс наклонился над убитым.

— Этьенн? Нет, не он...

Скрываться больше смысла не имело, и Рик громко спросил:

— Френк, Уилл что там у вас?

— Два трупа, сэр.

— Констебль?

— Да, сэр. И он...

— Я иду.

* * *

Часы пробили одиннадцать, когда в двери библиотеки, где Ирис коротала ожидание, тихонько поскреблась служанка.

— Миссис Бикфорд, записка от хозяина.

— Записка? Но я ждала его самого! — Впрочем, кому она это говорила? Девушка уже исчезла. Ирис торопливо вскрыла конверт.

«...Этьенн снова сбежал, — прочла она, — пропала твоя подруга. Пытаюсь ее найти. Надеюсь быть к утру. Ложись спать и ни о чем не беспокойся...»

Ирис торопливо повернула письмо обратной стороной, убедилась, что она пуста и растерянно уставилась на свои руки. «То есть как — исчезла? Куда исчезла? При чем тут вообще Кэти? — Ирис поднесла письмо к глазам и еще раз внимательно перечитала, — А где ее муж, этот француз? Мужчины, — фыркнула Ирис, — в этом они все. Ничего толком не объяснят, а потом — ложись спокойно спать! Как будто я смогу уснуть!»

Еще минут пять прошло в нервном напряжении. Ирис пыталась вернуть себе недавнее спокойствие. Наконец, поняв бесплодность этих попыток, она отбросила книгу и поспешила на конюшню.

Ей стоило большого труда добудиться конюха. Питер вставал в четыре утра, поэтому ложился вместе с курами, и сон его был по-крестьянски крепок. Требование немедленно заложить коляску привело его в ступор.

— Господь с вами, сударыня, — пробормотал он, пытаясь наскоро пригладить волосы пятерней, — полночь скоро. По такой дороге, да в темноте лошади все ноги переломают, да и коляску разобьете.

— А фонари на что? — уперлась Ирис. — Я не требую, чтобы лошадей гнали как на пожар, но мне нужно быть в Лондоне как можно скорее. Какое слово из тех, что я произнесла, ты не понял?

— Да вроде все понятно... — Питер пожал плечами. — А господин знает?

— Я еду к нему, — коротко отозвалась Ирис.

— Так, может, лучше подождать его здесь?

— Питер, мне самой запрягать? — спросила хозяйка, зловеще понизив голос.

— Не извольте беспокоиться, все будет сделано в лучшем виде, — Питер сделал неловкую попытку вытянуться во фронт. — Коляска будет у ворот через несколько минут.

— Для твоей же пользы, лучше чтобы это так и было, — прошептала Ирис и бросилась наверх, одеваться.

Всю дорогу до Лондона она не находила себе места, в десятый раз перечитывая записку и пытаясь вникнуть в ее смысл. «Этьенн снова сбежал...» Что значит снова? Насколько она знала, Этьенном звали этого подозрительного мужа Кэти, которому вздумалось что-то выпытывать у подруги про нее, да еще в день свадьбы! Не мог хотя бы неделю подождать, олух. Но откуда он сбежал? Из тюрьмы? Там, конечно, ему самое место, но куда, ради Господа, могла надеваться Кэти? Ведь это именно о Кэти говорилось в письме, у Ирис не было другой близкой подруги.

Вконец измучив себя бесплодными размышлениями, Ирис задремала, и это было к лучшему, Питер уже устал делать вид, что погоняет лошадей.

На въезде в город их остановил караул, но сообразительный слуга выкрутился, соврав, что везет блудную дочку хозяина, которую выловил на почтовой станции по пути в Шотландию, где она собиралась тайно повенчаться с каким-то проходимцем. Солдаты понимающе покивали, без слов пропустили экипаж и даже посочувствовали несчастному отцу. Ирис, уютно свернувшись клубком, они даже будить не стали.

Светало, когда, стуча по мостовой, экипаж подъехал к особняку на Риджент-стрит, который в последнее время пользовался небывалой популярностью, особенно в плане визитов в неурочное время.

— Хозяйка, — Питер легонько потряс Ирис за плечо, — мы приехали.

С трудом сбросив с себя дрему, Ирис сладко потянулась. Мелькнула мысль о чашечке бодрящего чая, но тут же пропала, вытесненная страхом за Кэти.

К воротам они подошли вместе, и сердце Ирис упало. Она всю дорогу надеялась, что ошиблась, не так поняла записку мужа, и Кэти сейчас мирно спит в своей постели. Но грубо взломанный замок и распахнутые настежь ворота яснее всяких слов сказали — в доме подруги случилась беда.

Ирис решительно взялась за створку ворот.

— Госпожа, может быть, лучше позвать кого-нибудь... сторожа или караульного? — попытался остановить ее Питер. — Не ровен час нас с вами за воров примут, да добро, если только арестуют, хозяин нас вытащит. А если сразу пальнут? Дырку в животе так просто не заштопаешь.

— Кому в нас стрелять? — удивилась Ирис. — Четвертый час, все спят как младенцы.

— А если собаки?

— Нет здесь собак. Были бы, давно бы на нас выскочили... Питер, если мы будем стоять тут, рядом со сломанными воротами, и рассуждать о смысле жизни и природе души, нас точно арестуют. Я иду туда. Ты, если хочешь, можешь остаться.

— Скажете тоже! Если хозяин узнает, что я вас одну пустил, так голову мне на спину отвернет, как куренку.

— Значит, выбор у тебя между арестом и потерей места, — с этими словами Ирис скользнула на территорию чужой частной собственности, отстраненно удивляясь, как легко, при первом же ветре, слетел с нее лоск светской дамы и вернулись кое-какие старые привычки.

Взломанный черный ход первым углядел Питер. Все больше тревожась, Ирис ступила в дом, куда ее ни разу не приглашали... несмотря на близкую дружбу с хозяйкой. И с первых шагов едва не рассталась с жизнью, споткнувшись о слишком высокий порог.

— Нужен фонарь, — решил Питер, — вы обождите, госпожа, я мигом. С коляски сниму.

Ирис кивнула. Бродить по чужому дому в полной темноте было явным безумием. А в том, что дом пуст и брошен, сомневаться не приходилось.

Питер, действительно, вернулся очень быстро. С фонарем дело пошло веселей. Они

прошли сквозь большую, очень чистую кухню, оказались в узком коридоре, миновали ряды кладовок. У лестницы, ведущей на второй этаж, Ирис на мгновение заколебалась. В большинстве английских домов наверху располагались хозяйские спальни и гардеробные. Когда пропали Кэти и ее муж? Если их похитили среди ночи, то именно там нужно искать следы борьбы.

— Не мог написать поточнее, — буркнула она и все же свернула вправо, в просторный холл. И немедленно наткнулась на мертвое тело, которое, конечно, никто и не подумал убрать.

— Господи! — вырвалось у нее, — а это еще кто такой? Явно не муж Кэти, если только он не нашел ведьму с колдовскими зельями и не помолодел лет на двадцать... И не прислуга, он в мундире офицера.

— Пойдемте отсюда, хозяйка, — пробормотал Питер, — в чужом доме, да еще с покойничком... совсем беда, если застукают. Тут каторгой не отделаемся, это виселицей пахнет.

— Чем, говоришь, пахнет? — переспросила Ирис, которую живо заинтересовал бокал с остатками вина на узорном шахматном столике, — а вот это ничем не пахнет? Как, потвоему?

— Бренди, — ответил конюх, — хорошее.

— Видно, не слишком, — возразила хозяйка, — раз он глотнул его и сразу умер. Но миндалем не пахнет. Это не цианид. Какой-то редкий яд?

Питер уже давно глядел на свою хозяйку глазами, круглыми от изумления. Все, что он знал о ней: госпожа носится на лошади как сумасшедшая, не слишком слушает мужа и под настроение гоняет прислугу, как горгона. Теперь к этому списку прибавилось кое-что еще: госпожа не боится ни темноты, ни воров, ни покойников, ни суда Его Величества... Похоже, она вообще ничего не боится. Либо глупа, как пробка, либо чересчур умна. В том и в другом случае хозяину с такой женой ничего хорошего не светило.

Движимый чувством долга и боязнью увольнения без рекомендации, Питер обошел за Ирис весь первый этаж, стараясь светить фонарем так, чтобы луч не проник сквозь ставни. Не обнаружив больше ни единого человека, ни живого, ни мертвого, они поднялись наверх. Как Ирис и ожидала, здесь было две господские спальни, пара гардеробных, четыре небольшие комнаты для прислуги и большой кабинет.

Кабинет оказался самым интересным местом в доме, потому что единственный из всех носил следы то ли разгрома, то ли обыска, то ли просто поспешных сборов. Интересные это были следы: все ящики письменного стола и секретера были вывернуты и тут же брошены. А бумаги их них, вероятно, вывалили в камин и подожгли.

Отобрав у Питера фонарь, Ирис и туда сунула свой любопытный нос, но удача ей не улыбнулась: после аутодафе, совершенном над бумагами, кто-то очень тщательно перемешал всю золу, ничего целого не осталось.

Из кабинета вела еще одна дверь, небольшая и поначалу незаметная. Она, единственная из всех, оказалась запертой, но ключ торчал прямо в замке. Заглянув туда, Ирис издала сдавленный взглас.

— Что случилось, госпожа? — Питер поспешил следом.

— Перчатка, — проговорила Ирис, — перчатка Кэти.

— Ну и что, — удивился тот, — если госпожа здесь жила? Мы видели много ее вещей.

— Питер, ты дружишь с кем-нибудь из домашних слуг? — вкрадчиво спросила Ирис.

— Ну да. С Джулией, — конюх смутился и, кажется, покраснел. Впрочем, в неверном свете фонаря ничего нельзя было сказать наверняка.

— Спроси у нее как-нибудь, часто ли она видит меня в кабинете мужа.

— Хотите сказать?... — протянул сообразительный слуга.

— Вот именно! Это территория, которую мужчины считают своей собственностью, и женщины на нее, как правило, не допускаются.

— Может, у этой семейной пары были другие правила.

— Даже если так — где вторая перчатка?

Питер не нашелся, что на это ответить. А хозяйка удивила его еще раз, шагнув в комнату и уверенно пошарив за притолокой.

— Ага! Я так и думала, что кроме меня этого никто не найдет! Кэти так в детстве ключи всегда прятала, потому что постоянно их теряла, — пояснила хозяйка, разворачивая туго скрученную записку, — кроме меня об этом никто не знал. Почерк ее. Посвети-ка мне, ничего не видно.

«Ирис, — торопливые строчки прыгали в спешке, — мой муж совершил убийство. Я это видела собственными глазами и могу свидетельствовать в суде, хотя жена и не должна показывать против мужа. Мне грозит опасность, но пока не знаю, какого рода. Этьенн хотел и меня убить, но высокий старик без уха приказал ему меня не трогать и заверил, что я никому из них не причиню вреда. Что он хотел сказать и что задумал, Господи? Я не знаю. Заперта здесь, жду решения своей участи. Пожалуйста, помоги мне, ты ведь такая смелая! Обязательно сообщи о смерти молодого офицера!

Надеюсь на тебя. Кэти».

Приписка, сделанная позже, мелким почерком, была странной:

«Надеюсь, весточка от меня обрадует тебя больше, чем письмо от принца».

— Какого принца? — озадаченно протянула Ирис. — И куда, Боже меня просвети, ее могли спрятать? Как думаешь, куда можно деть человека, чтобы он замолчал навсегда?

Питер пожал плечами. С другой женщиной он бы поостерегся, но с этой, похоже, можно было не церемониться.

— Мест немного: кладбище, монастырь, тюрьма или бедлам.

Вцепившись в перчатку Кэти так, словно та могла ей что-то сказать, Ирис наконец-таки согласилась покинуть дом, к большому облегчению Питера. Шел пятый час, и Лондон уже начинал просыпаться.

Ирис шла, настолько погрузившись в свои мысли, что пару раз чуть не упала, спотыкаясь о высокие пороги.

Старик без уха, это, конечно, Тот Самый Старик, тут думать не о чем. И раз уж он появился в Англии, можно было ждать чего угодно. Ирис не заблуждалась на счет мнимой старости и слабости Уха, доведись им сойтись на шпагах с Риком, она бы, пожалуй, при всей своей любви и преданности, не рискнула поставить на мужа. А уж в искусстве строить козни он мог поучить не только бывшего короля пиратов, но и тех, кто в свое время учил короля. Ухо был опасен, как ядовитая змея, молния и тайный донос вместе взятые. И с его дороги нужно было уходить немедленно. Ни секунды не раздумывая, Ирис так бы и поступила: плевать против ветра глупо, унижительно, но вполне безопасно, а против урагана... это уже ощутимо отдавало безумием.

Но записка Кэти была криком о помощи!

— Значит, плевать не будем, — решила Ирис, — будем действовать предельно вежливо и дипломатично.

— Что? — переспросил Питер.

— Ничего. Так, мысли вслух.

— Домой?

Хозяйка решительно мотнула головой.

— В порт.

— Зачем? — изумился Питер.

— За информацией, — исчерпывающе ответила миссис Бикфорд. Ухо, каким бы дьяволом не был, по воздушным путям сюда не прилетел. Он приплыл на корабле. И корабль это был, вероятнее всего, либо французский, либо итальянский.

— Может быть, лучше вначале дождаться хозяина?

— Нет времени, — возразила Ирис, — я и так потеряла его слишком много. В порт.

Глава 11

В порт прибыли уже после полудня. Там царила обычная деловая сутолока: у причала разгружали большую голландскую шхуну, судя по характеру упаковки груза, это была отличная шерсть, сделанная на заказ мебель, особому досмотру подверглось холодное оружие — привезенные на продажу или, скорее, на заказ легкие фехтовальные сабли. Хмурый чиновник министерства очень внимательно осмотрел и пересчитал деликатный груз и, не переставая ворчать, явно нехотя, поставил подпись под разрешительным документом. У капитана-голландца все было в полном порядке. Отдельно снесли и сразу же погрузили в экипаж несколько тюков с сорочками английских джентльменов, которые, не доверяя искусству отечественных прачек, отправляли стирать свое белье в Голландию.

Два матроса-немца возвращались с ранней ревизии английских кабачков, поддерживая друг друга и изобретательно ругаясь на родном языке, подходящем для этого как ни один другой.

Пять больших, вместительных парусников лениво покачивались на волнах. Вахтенные матросы изредка перекрикивались друг с другом, чтобы развеять монотонность и скуку вахты в совершенно безопасном порту, и старательно делали вид, что бдят. А в доках, расположенных чуть левее и западнее, стучали топоры плотников и слышалась бойкая разноязыкая речь.

«Синий цветок» был пришвартован в самом конце порта, у дальнего причала. Сюда уже почти не доносился ни стук топоров, ни разноголосица улиц, ни голоса моряков и чиновников. На ветру, поскрипывая, качался единственный фонарь. Что он тут мог осветить, разве что привидений поугаать... Ирис это порядком удивило и озадачило.

— Эй, на корабле? — зычно крикнул Питер.

С дисциплиной на «Цветке» оказалось все в порядке. Вахтенный матрос не спал и, перегнувшись через борт, не слишком дружелюбно спросил:

— Чего нужно?

— Спустите трап, хозяйка приехала, — объяснил Питер и с чувством исполненного долга отступил в тень.

Последовала короткая и донельзя деловая беготня на палубе, после чего к ногам Ирис был спущен узкий носовой трап.

— Что они себе позволяют? — возмутился Питер. — Как для матроса!

— Это знак уважения, — улыбнулась Ирис.

Делегация встречающих состояла всего из одного человека, и, увидев его, Ирис едва удержалась от того, чтобы с радостным визгом не броситься ему на шею. По правде говоря, остановили ее не столько требования этикета, сколько рост встречавшего. Штурман Дик Вольнер был ниже Питера на добрые две головы, это делало его совершенно неподходящей «вешалкой».

— Каким ветром? — Дик широко улыбался, но в глубине пронзительно-синих глаз пряталась тревога. Неожиданный визит хозяйки явно не был увеселительным.

— Не слишком счастливым, — подтвердила Ирис, — нам нужно место, чтобы поговорить.

— Тогда пройдемте в мою каюту. Распорядиться, чтобы подали шерри?

— Если можно, крепкий чай и что-нибудь к чаю. — Ирис виновато улыбнулась. — Мы не спали всю ночь, и если я сейчас немедленно не выпью чего-нибудь бодрящего, то усну стоя, как лошадь.

— Тогда, может быть, кофе? Я знаю, что вы его не пьете, но, поверьте, для бодрости — самое то. Мне даже не придется никого беспокоить, я варю его сам, по турецкому рецепту. Очень помогает стоять «собачью вахту».

— Хорошо, уговорил, пусть будет кофе, — кивнула Ирис, — только мы все равно голодные, и с этим ничего не поделаешь.

— Это поправимо, — заверил Дик.

В каюте Дика, небольшой, но уютной и какой-то домашней, они расположились со

всеми удобствами. Аромат свежесваренного кофе приятно щекотал ноздри. Ирис не любила сам напиток, он казался ей слишком горьким, но с удовольствием вдыхала его запах, похоже, он сам по себе бодрил. Кофе Дик подавал с холодной водой, как это принято в Турции, а к нему прилагались бисквиты, как это принято в Англии, и несколько солидных кусков бекона. Это было не принято нигде, но голодные гости охотно простили штурману нарушение этикета и сразу после кофе набросились на мясо.

— Я вас слушаю, — напомнил Дик.

Ирис облокотилась на спинку стула, борясь с желанием уснуть. Несмотря на заверения Дика, кофе ей не слишком помог.

— Нужно по возможности аккуратно организовать поиск одного человека, — сказала хозяйка, — распространить слух среди матросов, грузчиков, местных нищих, что мы обещаем хорошую награду тому, кто доставит нам сведения о высоком, тощем и немного сутулом старике без одного уха.

Маленький штурман немедленно подобрался.

— Речь идет о Том Самом старике без уха? — тихо и очень серьезно спросил он. Ирис кивнула. — Тогда, хозяйка, хорошую награду заслужил я.

— Ты его видел — восторгалась Ирис.

— Так же, как вас.

— Ошибка исключена?

Дик покачал головой.

— У меня хорошая память. И потом, Ухо — не тот тип, которого можно легко забыть. Это был он.

— Когда ты его видел?

— Вчера. Под утро. Как раз светало. Я стоял «собаку», пил кофе, чтобы не уснуть, и от нечего делать глазел по сторонам. Тут неподалеку стояла на якоре посудина Томаса Свифта, карака «Красотка Сью»... Во времена нормандского завоевания была еще почти как новенькая. Свифт всегда швартуется здесь, подальше от посторонних глаз, похоже, промышляет контрабандой. Ближе к утру сюда подкатила коляска с зашторенными окнами. Оттуда вышел дюжий малый в английском костюме, но с итальянской мордой, и стал будить старину Тома. Нелегкое это оказалось дело, но все же он своего добился. Капитан спустился к нему, сел в коляску, и некоторое время пробыл там. Потом вылез, и вид у него был довольный и в то же время встревоженный. Следом показался тот самый малый. Я, как вы понимаете, уже смотрел во все глаза, не часто такое представление увидишь, но позаботился, чтобы они меня не заметили. Вот тогда я его и засек. Очень любопытный тип...

— Они уплыли на караке? — не выдержала Ирис.

— Нет... Они — нет. Они вынесли из коляски большой темный мешок и поволокли его на борт. Том прыгал вокруг так, словно грузили золото.

— Мешок?!

— Да, и мне показалось... Я не хочу ничего утверждать, но утром, по воде, да в здешней тишине звуки расходятся далеко. Мне показалось, что из мешка донесся слабый стон.

— Стон? — привстала Ирис.

— Женский, — очень тихо добавил маленький штурман, — я не знаю, что это было, но, похоже, что-то не слишком законное.

Ирис и Питер понимающе переглянулись.

— Думаете, это была она? — спросил слуга.

— Не вижу никаких причин думать иначе.

— И что, по-вашему, с ней сделают? Утопят?

Ирис заметно побледнела.

— Позвольте сказать, — вмешался Дик, — я не знаю, о чем вы говорите, но я немного знаю Тома Свифта. Он славный малый, контрабандист, конечно, как без этого, но не убийца.

— За хорошие деньги, — начал было Питер, но маленький штурман его перебил:

— Ты убьешь за деньги? Даже за очень хорошие?
— Господь с вами! — Слугу передернуло. — Грех на душу брать!
— Вот и Том такой же. Поверьте, это не убийство.
— Но как еще в море можно спрятать женщину, чтобы ее никто не нашел и чтобы она никогда ничего и никому не сказала? — озадаченно спросила Ирис то ли мужчин, то ли саму себя.
— Не в море, — Дик пожал плечами, — на суше.
— Увезти в другую страну? Но это ничего не гарантирует. Кэти — подданная короля, а в любой стране есть посольство Британии, — заспорила Ирис.
Едва заметно штурман покачал головой:
— Тунис, Алжир, Турция, Ливия... везде, где женщина должна носить чадру и не смеет без разрешения мужчины открыть рот, можно надежно спрятать любую тайну. Она молода? Хороша?
— Ей восемнадцать лет, и она очень красива, — тихо проговорила Ирис, глядя в пол.
— Тогда ее постараются спрятать в гареме какого-нибудь паши.
Ирис схватила за голову. В серых глазах была паника.
— «Синий цветок» может догнать караку? — спросила она через несколько минут, когда первый приступ ужаса прошел.
— Если снимемся с якоря прямо сейчас, не теряя ни минуты, — ответил Дик Вольнер, испытующе глядя на хозяйку, — и если мы верно угадали направление. «Цветок» к выходу в море готов.

* * *

К тому времени, когда помощник капитана наконец выспался, а, сказать вернее, проспался и вылез на палубу, ночь успела миновать, а ветер ощутимо посвежел, и Кэти пришлось покрепче привязать шляпку лентами. Бурунчики на волнах стали чаще и крупнее, а сами волны приобрели характерный металлический цвет.

Вместо того чтобы занять место на койке, которую, насколько поняла Кэти, капитан и помощник делили на двоих, добрый дядюшка Том остался на палубе. Он был чем-то всерьез обеспокоен, и Кэти поняла, что причиной тому служит не ее присутствие и не ее настойчивые расспросы, которые, кстати, так и остались без ответов. Моряков тревожило другое. Больше часа они бегали по палубе и деловито привязывали все, что, по их мнению, плохо держалось и могло оторваться. Качка усилилась, и до Кэти, наконец, дошло, чего именно опасается экипаж.

Коротким кивком капитан подтвердил ее догадку.

— Будет шторм.

— Но разве штормы в море — не обычное дело? Подруга рассказывала мне, что пережила не один шторм, по ее словам, обычно корабли их выдерживают.

— Да, но не всегда. Этот шторм будет сильным, а «Красотка» уже не молода.

— Тогда, может быть, облегчите душу и все же скажете, куда вы меня везете? — снова насела Кэти.

— Не раньше, чем «Красотка» начнет распадаться на части, — рявкнул выведенный из себя «дядюшка Томас», — именно за это я получил от старика двести фунтов.

— Двести фунтов? — ахнула Кэти, — за эти деньги можно купить новый корабль. Наверное...

— Пятимачтовую шхуну вряд ли, а небольшой крепкий шлюп — вполне, — подтвердил капитан, — так что можете быть уверены, за вашу жизнь я буду бороться как лев. Она стоит гораздо дороже, чем моя собственная шкура и даже «Красотка» с полным грузом.

«Ничего не понимаю, — призналась себе Кэти, — если старику так важно было спасти меня от Этьенна, почему он просто не отпустил меня домой?»

В этот момент тяжелая волна ударила в борт «Красотки» с такой силой, что Кэти не удержалась на ногах и покатила по палубе, остановившись только у борта.

— Шли бы вы в каюту и покрепче держались за койку, — буркнул капитан, — не ровен час побьетесь, красоту попортите. А то и вовсе покалечитесь.

Кэти подняла голову. Небо быстро темнело, приобретая насыщенный сине-серый цвет. Стало по-настоящему холодно. Капитан и его помощник старались развернуть караку носом к волне, но та, похоже, слушалась плохо, и очередной удар снова усадил Кэти на палубу. Увидев это, Томас бросил ей толстую веревку.

— Не хотите слушать умных советов, хотя бы привяжитесь покрепче.

— К чему? — растерялась Кэти.

— К тому, что покажется вам самым крепким. — Теперь шум ветра так усилился, что приходилось кричать. — Только не к мачте.

— Почему?

— А вырвет ее, — рывкнул Томас, — она еще с прошлого раза скрипела.

— Что же вы ее не укрепили? — крикнула Кэти, отчаянно сражаясь с веревкой.

— Пьян был, — откровенно признался Томас и, цепляясь за все, что торчало и не грозило оторваться, быстро пошел к корме.

— Ох, говорила моя маменька, что пьянство до добра не доводит, — пробормотала Кэти себе под нос, — только не сказала, что бутылка может погубить и непьющего...

Послышался оглушительный треск, и тяжелая мачта медленно повалилась на палубу, слава Всевышнему, в противоположную сторону. Кэти крепко зажмурилась. Караку завалило на бок, она черпнула соленой воды, и женщину обдало ледяным душем.

— Господь всемогущий, я согласна, чтобы было страшно, но почему же так холодно-то? — простонала она, — неужели я так грешна, что не заслужила милости утонуть в теплой воде?

Крен усиливался и, приглядевшись, Кэти поняла, что упавшая мачта выломала часть борта, и теперь небольшое судно захлестывает вода. Капитан и его помощник, привязанные толстыми канатами, быстро работали ведрами, вычерпывая воду, но это было все равно, что пытаться перегородить реку шлабгаумом. Внезапно Кэти рвануло вверх, в какой-то момент она повисла на веревке, жестоко врезавшейся ей подмышки, вода показалась такой далекой, а небеса обетованные — такими близкими. Еще мгновение, и она бы услышала пение ангелов. Но тут старая посуда решила отомстить капитану за многолетнее пренебрежение. Палуба начала лопаться со звуком, похожим на пушечные залпы, а потом Кэти почувствовала, что летит в бездну. В следующее мгновение ее с головой накрыла ледяная вода.

«Неужели все? — в панике подумала она, — совсем все? Господи, да чем же я это заслужила? Неужели только тем, что подслушивала под дверь? Так в библии не сказано, что за это положена смерть!»

Потерять сознание она не успела. Рядом, в воде, показалась какая-то тень и, спустя мгновение, она опознала капитана Томаса с ножом в зубах. Уцепившись за веревки и поминутно ругаясь, он начал пилить мокрую пеньку. Нож он, видно, не наточил по той же самой уважительной причине. Наконец, веревка поддалась, и Кэти, цепляясь за капитана, наполовину поплыла, наполовину поползла к свету. Хотя какой свет? Темно было, как в бочке.

Втыкая нож в скользкие доски и цепляясь за все что попало, Томасу Свифту удалось вскарабкаться наверх, на воздух, и втащить за собой полумертвую Кэти. То, что осталось от «Красотки» болталось на волнах как пробка, килем вверх.

— Что дальше? — спросила Кэти, откашливаясь и отплевываясь от соленой воды.

— Дальше? Молитесь, чтобы нас не смыло в море. Умеете молиться?

— О, да! — кивнула Кэти, — вполне. А вы уверены, что этого достаточно? Может быть, можно сделать что-то еще?

Капитан внимательно посмотрел на нее.

— Вообще-то можно. Вы умеете петь?
— Вы с ума сошли? — опешила Кэти.
— Есть старинное морское предание о том, что пока звучит песня, смерть ждет.
— Это правда?
— Не знаю. Но попробовать можно. Вы много песен знаете?
— Вообще-то не слишком. Но я знаю одну очень длинную. Про сотню католиков, которые пошли купаться в море.
— И тонули по очереди? — скривился капитан. — Клянусь моими сапогами, сейчас только такие песни и петь.
— А вы что, католик?
— Нет, хвала Всевышнему!
— Я тоже, — крикнула Кэти и, покрепче вцепившись в доски, затанула: — Ровно сто католиков пошли купаться в море. Один из них утонул, и Господь его не спас. Помолится за душу его богу протестантов!!!
— Это безумие, — пробормотал Томас и, стараясь перекрыть бурю, хрипло проорал: — Десятью девять католиков пошли купаться в море. Один из них утонул, и Господь его не спас. Помолится за душу его богу протестантов!!!
— Десятью восемь католиков пошли купаться в море... — с непонятным самой себе воодушевлением подхватила Кэти.
Шторм, казалось, прислушивался к их песне. И настолько внимательно, что начал потихоньку затихать. На востоке показался краешек чистого неба.

* * *

Джованна сидела у пылающего камина и, не отрываясь, смотрела на пляшущие языки пламени. Ее тонкие, но сильные руки, умеющие все на свете, ловко управлялись с небольшим ножичком, а груда лоскутов в корзине у ног постепенно росла. Ухо знал, кому поручить работу, требующую внимания и терпения: Джованна не оставила без внимания ни один шов, длиной не больше полудюйма: каждый был с предельной аккуратностью распорот и прошит длинными музыкальными пальцами.

Глаза для этой работы были не нужны, поэтому женщина любовалась огнем, а мысли ее текли спокойно и плавно, как широкая равнинная река с пологими берегами. Джованна и ощущала себя этой рекой: спокойной, неторопливой, сильной и не знающей ничего, способного помешать ей найти свой путь к морю. Размеренные движения ножа заменяли ей традиционные четки. Женщина беззвучно молилась, почти отрешившись от действительности. Напольные часы пробили полдень, но она их не услышала. Под окнами появился точильщик и принялся бойко расхваливать свой круг, но его крики не нарушили сосредоточенности женщины. Однако когда, почти неслышно, отворилась дубовая дверь, и в комнату вошел человек, Джованна подняла голову. И улыбнулась.

— Как успехи? — спросил вошедший, отвечая на улыбку Джованны. Его движения были плавны и бесшумны, как у большой кошки, и одновременно очень точны. Он аккуратно придвинул второе кресло к камину и опустился рядом. Сейчас Ухо был без грима, и Джованна с удовольствием смотрела на его темное лицо с резкими чертами и глубоко посаженными глазами. Время, конечно, оставило на нем свои следы, как без этого? Но они и в половину не были так глубоки, как морщины князя да Манчина. Сейчас никому и в голову бы не пришло назвать Ухо стариком, уж скорее зрелым мужчиной в расцвете сил. Красивым мужчиной... несмотря на отсутствие уха, которое мог скрыть лишь парик.

Про себя Джованна изумилась: мысль о том, что спутник ее красив, пришла к ней впервые. До сих пор это были лишь смутные ощущения — ей нравилось на него смотреть, но женщина приписывала тепло, рождающееся в груди, приятному чувству защищенности, которое Ухо распространял вокруг нее. Но сейчас эта мысль вдруг пронеслась так отчетливо, а привычное тепло от сердца разлилось по всему телу, отозвалось в каждой клеточке и

легкой краской бросилось в лицо. Она поспешно опустила голову.

— Пока ничего.

— С перчатками ты уже закончила?

— Да, они в корзине. Вернее, то, что от них осталось. Хочешь посмотреть? — она наклонилась над корзиной, но Ухо удержал ее.

— Я вполне доверяю тебе, голубка. Я же знаю, как ты дотошна. Там ничего нет.

Джованна покачала головой.

— Ну что ж... Заканчивай с сюртуком — и в камин эти обрывки. Приходится признать, что мы в этот раз ошиблись.

— Посланник ничего не вез? — удивилась Джованна. — Но как такое может быть? Зачем же он тогда вообще рисковал, пересекая границы? Ты думаешь, послание было на словах?

— Нет, — Ухо покачал головой, — уж если в заговор вовлечен министр, то никаких посланий на словах быть не может. Солдаты и офицеры просто рискуют жизнью, что с того? Они делают это каждый день. Любой из них может не вернуться с очередной войны или получить пять дюймов стали в грудь на дуэли. Для них риск — дело привычное, поэтому они могут поверить на слово даже принцу. Им нечего терять. Сесил — дело другое. У него власть, деньги, карьера. Он рискует гораздо большим, чем жизнь — положением в обществе. — Ухо жестко усмехнулся. — Он не поверит на слово даже ангелу, принесшему благую весть, и потребует письменного подтверждения, заверенного персональной печатью Господа.

Джованна невольно рассмеялась.

— Так что же? — спросила она, — где послание? Вернее, его вторая часть. Если допустить, что она и вправду есть?

— Она есть, — уверенно кивнул Ухо, — но вот где?..

— Возможно, Сесил ее все-таки нашел, просто Дадли об этом не знал?

— Если бы нашел, так не ходил бы квелий, как отравленная лошадь. Да и его кошелек. Присби, не был бы так осторожен в своих финансовых аферах. Поверь мне, голубка, эта компания в такой же растерянности, как и мы.

— Думаешь, тот таинственный убийца?..

— Шляпа и сумка гонца куда-то пропали. — Ухо пожал плечами. — Пока твои нежные и внимательные пальчики не перетрясут это тряпье до нитки, я не буду уверен ни в чем. Нужно выяснить, кто был этот загадочный тип, откуда и куда скрылся с недостающими предметами гардероба. Я принял решение послать Этьенна по следу. Но как плохо, что Джакомо больше нет.

— Ты думаешь, он не справится один? — удивилась Джованна.

— В том, что Этьенн справится, я не сомневаюсь ни минуты. Если письмом и в самом деле завладел убийца, наш князь его найдет. Вопрос в том, кому он его принесет. Этьенн — змея с двумя головами, и пока одна ищет путь к кошельку, другая пробирается к шее... — Ухо замолчал. Он, похоже, не знал, как продолжить. Такая нерешительность была совершенно несвойственна тому, кто на равных беседовал с Генералом Ордена и уверенно жонглировал головами министров и принцев, прикидывая, как перекрыть карту Европы к вящей выгоде католической церкви.

Последний лоскут сюртука голландского покроя упал в корзину. Джованна выпрямилась и одним движением опрокинула ее в камин.

— Ты считаешь, что я должна поехать с ним и смотреть ему на пальцы? — спокойно спросила она. — Хорошо. Это разумно. Я поеду. Но мне понадобится другой паспорт. Французский барон и итальянская княгиня не могут путешествовать вместе, не вызывая подозрений, а на дорогах неспокойно. Документы у нас проверят не раз, особенно если придется садиться на корабль и пересекать границу.

— С этим как раз проблемы нет, — Ухо снова откинулся в кресле, наблюдая, как догорают в камине обрывки ткани и кожи. — Я не зря велел Этьенну жениться. В его

паспорте записано: «путешествует с супругой». Ты на время превратишься в Кэти. Не забудь только, что тебе нужно отзывать на другое имя и вести себя с Этьенном свободно.

— Но если его ищут по подозрению в убийстве офицера?..

— Его не ищут. С барона полностью сняты все подозрения. Убийца офицера найден. К сожалению, понести справедливое наказание он не может, потому что прибывает вне юрисдикции земного суда.

— Брат Джакомо? — вскрикнула Джована. Ухо кивнул, — Но... как же так?! Он был хорошим сыном церкви, он погиб, выполняя долг. Он достоин погребения в своем монастыре и молитв братьев, а вместо этого его закопают как собаку во дворе английской тюрьмы и забудут, как звали!

— Это очень важное условие нашей работы, моя голубка, — серьезно кивнул Ухо, — чтобы непременно забыли, как звали. Принося обет служения, мы отказываемся не только от мирских благ, но и от доброй памяти. Наш саван — молчание, и чем оно плотнее, тем лучше солдат Ордена исполнил свой долг. А наша смерть, как и наша жизнь, служит лишь одному — благу церкви.

— Я понимаю, — торопливо кивнула женщина, — но это... тяжело.

Ухо осторожно взял ее пальцы в свои ладони.

— Если твой крест кажется тебе слишком тяжелым, значит, твоя вера недостаточно сильна.

Не отнимая рук, женщина в упор поглядела в сощуренные, серьезные глаза Уха.

— Если ты так веришь, тогда что же тебя беспокоит? Почему, отправляя меня на это задание, ты беспокоишься, как купец, у которого в тюках полно контрабанды?

— Верно подмечено, — рассмеялся Ухо. — Я беспокоюсь. Этьенн не привык обуздывать свои желания. Он понятия не имеет, зачем это нужно. А ты, моя голубка, — он нежно погладил ее пальцы своей шершавой ладонью, — к несчастью, слишком красива. Он желает тебя, и это желание становится все сильнее.

— Если это все, что тебя беспокоит, то твое волнение напрасно! — Женщина холодно улыбнулась. — Я — не Кэти. И даже не Ирис Нортон. Я — клинок ордена, выкованный Мастером для защиты веры. Я сумею за себя постоять.

— Ты уверена в этом?

— Вполне.

Внезапно выражение лица Уха изменилось. Миг назад такое теплое, оно вдруг превратилось в маску. Рука, нежно поглаживающая запястье женщины, перехватила его и с силой потянула на себя. От неожиданности Джованна поддалась. И тут же оказалась плотно прижатой к красному ковру худым, но тяжелым телом Уха. Лицо обдало горячим дыханием, а завязки корсажа треснули, ладонь мэтра и наставника оказалась в пугающей близости от обнаженной груди.

В пугающей? Если что-то и напугало Джованну, то собственная реакция. Она вся, словно подсолнух к свету, вдруг потянулась к этой руке, этому теплу. Отчаянно, до боли, до судорог ей захотелось, чтобы это не было игрой, испытанием... чтобы игра стала явью, чтобы это случилось прямо сейчас. И будь что будет...

Джованна расслабилась, сладко выдохнула, прикрыв глаза... вытянула руки. И точным, безупречно рассчитанным движением ткнула большим пальцем в шею Уха, туда, где проходил родник жизни. Он всхлипнул и обмяк.

Ухо пришел в себя от пары крепких пощечин. Голова кружилась. Во всем теле ощущалась слабость. Увидев над собой встревоженное лицо женщины, он улыбнулся. Он и вправду был доволен.

— Убедила, — тяжело дыша, проговорил он, — клянусь тонзурой Папы, ты меня убедила. Пожалуй, мне, скорее, стоит беспокоиться за Этьенна. Но я не буду этого делать. С этим он прекрасно справляется сам.

— Когда отправиться? — сухо спросила Джованна, приводя одежду в порядок.

— Завтра. На рассвете. Я помогу тебе собраться и провожу до заставы.

* * *

Солнце немилосердно поливало жаром с голубых, отвратительно чистых небес. Сначала Кэти, промерзшая в воде и продрогшая на ветру, бездумно радовалась этому и грелась, как кошка, расправляя складки сырого платья и только что не мурлыча. От платья шел пар, и сердце молодой женщины наполнялось благодарностью к создателю за тепло, свет и береженную жизнь. Но потом ей захотелось пить.

— Увы, — развел руками в ответ на ее просьбу старый моряк.

— Но неужели у вас с собой нет хотя бы фляги с чем-нибудь...

— Фляга есть. В ней пара глотков крепчайшего бренди.

— Годится, — кивнула Кэти.

— А раньше вы когда-нибудь пили бренди?

— Нет конечно, — возмутилась она, — за кого вы меня принимаете?

— Хорошо, — кивнул Свифт, — пара глотков меня все равно не спасут. Но я предупреждаю, что после этого пить вам захочется еще сильнее.

— Сильнее — невозможно, — безапелляционно заявила Кэти. Она храбро приложила к предложенной фляге, осушила содержимое одним большим глотком и чуть не задохнулась: — А-а-а! О-о-х... Воды... — простонала она, едва обрела способность дышать. В ответ Томас красноречиво указал на синюю шелковую гладь, плавно покачивающую останки караки.

— Но неужели ее совсем нельзя пить? — проговорила Кэти, чувствуя, как тяжелеет голова, и руки становятся вялыми, — может быть, хоть глоточек? Она и впрямь такая соленая?

— Хотите поспорить со мной еще раз?

— Нет, — вздохнула Кэти. Ей было плохо, но не настолько, чтобы потерять остатки разума. — Скажите, Томас, а как велики шансы, что нас скоро найдут?

— Видите это? — бывший капитан указал широкой, как лопата, рукой сначала на чистый горизонт, а потом на спокойное море. Кэти пожала плечами. Она ничего не понимала, а после двух глотков бренди, первых в жизни, разгадывать загадки было сложно.

— Штиль, — пояснил моряк, — полный штиль. Все спасители, если только они есть поблизости, точно так же болтаются посреди моря, и паруса их висят, как простыни и наволочки на веревках голландских прачек.

— Мы умрем? — спросила Кэти.

Томас пожал плечами.

Солнце поднималось все выше.

— Оторви оборку от платья и прикрой голову, — посоветовал Томас.

Совет показался хорошим. Кэти привстала, собираясь подтянуть подол. И тут, несмотря на жару, ее обдало морозом. Рядом с каракой из воды торчало лицо. Мертвенно-спокойное человеческое лицо с вытаращенными глазами, которые смотрели прямо на солнце и не щурились.

— А-а-а! — заорала она и ткнулась лицом в колени.

— Что случилось? — не понял Томас. — А, старина Питер всплыл. Да, не повезло парню. Или повезло, как посмотреть.

— И что, он теперь так и будет здесь болтаться, — нервно спросила Кэти. От ужаса она даже слегка протрезвела.

— Штиль, — снова пожал плечами Томас, — куда ему деваться?

— Почему он не тонет?

— Потому что мертвый, — пояснил капитан, — был бы жив, утонул бы за милую душу. Но потом бы все равно всплыл. Покойнички, они всегда всплывают.

— Ужас! — передернуло Кэти, — что же нам теперь так и любоваться на него, упокой Господь его душу? На такой жаре еще пахнуть начнет.

— Это полбеда, — вздохнул Томас, — хуже другое. Он может приманить акул.

— Акул? — Выросшая у холодного моря, Кэти никогда не видела морских бестий, но слышала о них достаточно, чтобы снова испугаться. — Они опасны?

— Вообще-то нет. Если ты на борту крепкой трехмачтовой шхуны с высокими бортами. Но у нас с тобой могут быть неприятности.

Томас замолчал, что-то соображая про себя. А потом вдруг начал расстегивать камзол.

— Что вы собираетесь делать? — подозрительно спросила Кэти.

— Поскучаешь тут одна. И придержи мою одежду, чтобы не свалилась, — с этими словами моряк вытащил из за пояса нож, взял его в зубы и, соскользнув с остатков караки, погрузился в воду. Кэти и ахнуть не успела.

Ей показалось, что Свифта нет целую вечность. Наконец, мотая головой и отфыркиваясь, он всплыл и, ощутимо качнув остатки караки, забрался назад. За его пояс была заткнута веревка, другой конец уходил куда-то в воду.

— Тебе придется помочь, — проговорил Томас, сплевывая соленую воду, — сейчас я нырну, подтащу сюда Питера, а ты обвяжешь его этой веревкой.

— Нет! — решительно запротестовала Кэти, — зачем?

— А я думал, ты против соседства со стариной Питером — ухмыльнулся Томас, — если нет, то как хочешь. Мне-то что. Мы уже давно плаваем вместе, поплаваем еще чуток. Тем более что он и при жизни был не больно-то разговорчив, так что ничего особо не изменилось.

— А акулы?

— Помогать будешь? — вместо ответа спросил Томас.

Кэти кивнула и вцепилась в веревку. Растянувшись на животе и изо всех сил стараясь не упасть, Кэти с закрытыми глазами подползла к краю перевернутого судна.

— Обвязывай!

Вблизи, как ни странно, помощник капитана уже не казался ей таким страшным — скорее внушающим острую жалость. Кэти пропустила протянутый ей конец веревки подмышками утопленника, крепко завязала и провела ладонью по его лицу, закрыв глаза. Томас одобрительно кивнул.

— Сейчас я снова нырну, — предупредил он, — я привязал другой конец веревки к ящику с гвоздями. Он чертовски тяжелый, и застрял там. Попытаюсь его выбить. Если получится, Питер уйдет на дно.

Кэти кивнула и с облегчением отползла назад, читая про себя короткую успокоительную молитву. К ее несказанному облегчению, покойник через минуту ушел в глубину, а ее товарищ по несчастью всплыл, цепляясь за борт. Лишившись ящика с гвоздями, остатки караки еще чуть-чуть поднялись над водой.

— Бренди? — предложил бывший капитан, показывая спасенный трофей.

— Нет, — решительно отказалась Кэти, — если только совсем умирать буду.

— К тому времени, когда ты соберешься умирать, в бутылке уже не останется ни капли, — честно предупредил Томас.

— Да и хвала Господу!

Некоторое время они молчали. Томас сосредоточенно прихлебывал из бутылки, созерцая неподвижный горизонт.

— Мистер Свифт, — позвала вдруг Кэти, — вы обещали мне сказать, куда меня везете, не раньше, чем начнет трещать палуба. Палуба уже треснула, так что ваш зарок соблюден. Думаю, теперь вы можете открыть мне эту тайну.

— Почему бы нет, — пожал плечами Свифт. — Одноухий заплатил мне, чтобы я отвез тебя в Алжир или Тунис, и там, прямо в порту, продал в гарем какого-нибудь мелкого паши.

— Почему мелкого? — обиделась Кэти.

— Потому что ты — не девственница, — откровенно объяснил Томас, — султану такие не нужны.

— Дай бренди, — попросила женщина и решительно приложила к горлышку

бутылки. Горизонт качался у нее перед глазами. Через секунду милосердное забытье погасило для нее солнце.

Глава 12

Возвращение в сознание было мучительным и напоминало... Наверное, так выныривают на поверхность с большой глубины. Мышцы болели. Руки и ноги казались тяжелыми и непослушными. Молодая женщина попробовала открыть глаза и тут же пожалела об этом: яркий солнечный свет немилосердно стегнул по векам. Она зажмурилась и невольно застонала. Немедленно рядом возникло какое-то движение, и высокий мелодичный голос спросил о чем-то. Она не поняла ни слова. Сделав над собой усилие, женщина снова открыла глаза. На этот раз свет почти не причинил боли, его источник заслоняло склонившееся над ней лицо. Определенно женское. Не слишком молодое, смуглое, с огромными, сильно подведенными глазами. Лицо, словно в рамку, было заключено в красный шелк, серебряные украшения были на лбу, в ушах, даже в носу. Полные губы шевельнулись, и на этот раз Кэти смогла разобрать:

— *Comment vous sentez se?* — «Как вы себя чувствуете?» — перевела Кэти. В доме виконта Ченнефильда, где ее принимали, она научилась хорошо понимать французский язык и бегло говорить на нем, хотя от британского акцента так и не избавилась, трудные носовые звуки ей никак не давались.

— Голова болит, — проговорила она, с трудом разлепляя губы, — и пить хочется.

Дефекты произношения озадачили незнакомку лишь на одно мгновение. Лицо ее озарилось улыбкой, она кивнула, исчезла, заставив Кэти снова зажмуриться от брызнувшего в глаза солнца, и вскоре появилась с неглубокой миской... или просто очень широкой и плоской чашкой.

— Я помогу, — незнакомка наклонилась над Кэти, обдав ее терпким ароматом мускуса, и, подхватив подмышки, помогла привстать. Только сейчас Кэти разглядела, что лежит на чем-то вроде круглого дивана, обитого нежным шелком персикового оттенка. Нзнакомка, которая так любезно ухаживала за ней, была облачена в легкий корсаж, ничего не скрывающий от взгляда, и что-то, что сначала показалось Кэти широкой юбкой из легкого газового полотна, но незнакомка шагнула, и Кэти с изумлением поняла, что это... в общем, не юбка. Скорее очень широкие и очень длинные панталоны с разрезами по бокам, в которых мелькало смуглое тело. Дружелюбная незнакомка была боса, но ее сильные руки с запястий и до самых предплечий украшали широкие кованые браслеты, а с шеи свешивался целый водопад замысловатых украшений.

В чашке оказалась жидкость желтого цвета с сильным цитрусовым ароматом.

— Это лимонный шербет, — по-французски пояснила хозяйка, — он горьковат на вкус, но хорошо утоляет жажду. — Она грациозно присела прямо на ковер. — Меня зовут Лайла, я — старшая жена хозяина корабля, который подобрал тебя в море.

— Старшая жена? — переспросила Кэти, от изумления едва не подавившись первым глотком напитка. Лимонный шербет и в самом деле оказался горьким, уголки губ защипало, но жажда прошла мгновенно.

— У господина Мехраба есть еще две жены, — с улыбкой пояснила Лайла, — но они так и не смогли родить сыновей, поэтому я — старшая. Мой сын — Хамид, наследник господина.

— Сколько же вообще бывает жен? — с любопытством спросила Кэти.

— Аллах позволяет иметь четырех, — ответила Лейла и вдруг лукаво улыбнулась, — но наложниц может быть сколько угодно.

— Хм... А женщина тоже может иметь несколько мужей?

Улыбчивая Лайла в притворном ужасе закрыла глаза рукой:

— Что ты, девочка! Что с ними делать? Одного бывает больше чем достаточно.

Кэти зажмурилась и покрутила головой. Похоже, она оказалась в каком-то другом

мире.

— А ты? Как тебя зовут?

— Кэтрин... — Кэти на мгновение замялась. Как представиться: баронессой де Сервьер или Кэти Бэрт?

— Ты не француженка. Англичанка? — догадалась Лайла, — я сразу так и подумала, ведь второй человек, мужчина, был англичанином.

— Второй человек? Капитан Томас Свифт, — сообразила Кэти, — а где он? Он жив?

— Он — твой муж? — вместо ответа спросила Лайла.

— Нет, хвала Господу! — открестилась Кэти, — я... наверное, можно сказать, что я — вдова.

— Такая молоденькая! — воскликнула Лайла, — какое несчастье. И давно это случилось?

Врать при необходимости Кэти умела, но не любила.

— Я не хочу об этом говорить, — сказала она.

Хозяйка с готовностью покивала. Ее переполняло сочувствие и почти материнская забота.

— Ты голодна? Сейчас принесут еду, и тебе, конечно, нужно переодеться.

— Лайла, ты не ответила, что с капитаном Свифтом, — напомнила Кэти.

Смуглое лицо, казалось, слегка потемнело.

— Он... повел себя неправильно, — густые брови хозяйки сошлись на переносице.

Кэти вздрогнула:

— Он жив?

— Да... но тебе лучше не пытаться с ним увидеться. И не хлопотать о нем.

— Почему?

— Ты — гостя. Он — пленник. Он посмел оскорбить господина Мехраба.

— И... что с ним стало?

— Получил пять плетей и место на скамье для гребцов, — Лайла поджала губы, — мой муж — хороший господин, но он не терпит трех вещей: хулы Аллаха, пьянства и неповиновения.

Кэти невольно поежилась. В том, как это было сказано, ей почудился скрытый намек. Или же совсем не скрытый. Кто она такая, эта дружелюбная Лайла, почему так добра к незнакомке?

В любом случае, хулить неведомого ей Аллаха Кэти не собиралась, пока еще он не сделал ей ничего плохого. В отношении пьянства была вполне согласна с мужем доброй госпожи, а на счет неповиновения... Пока от нее, кажется, ничего не требовали. А потом — посмотрим.

Без всяких возражений она позволила Лайле снять с нее платье, безнадежно испорченное морской водой, но когда дело дошло до белья, попыталась воспротивиться.

— Но, девочка моя, на тебе же все пропиталось солью, — Лайла укоризненно покачала головой, словно имела дело с неразумным ребенком, — тебя нужно немедленно обтереть пресной водой, смазать ароматическим маслом и переодеть, иначе твое тело покроется язвами. Они очень плохо заживают и потом на теле остаются безобразные рубцы. Ты ведь не хочешь потерять свою красоту?

— Пожалуй, нет, — согласилась Кэти, — хорошо. Только я сама, можно?

— Я же не мужчина? — удивилась Лайла. — Впрочем, как хочешь. Но одеться я тебе помогу, ты ведь сама не справишься.

Кэти кивнула, опустив глаза. Чем дальше, тем подозрительнее ей казалась эта забота. Что-то тут было явно не так. Поэтому, едва добрая хозяйка отвернулась, Кэти быстро вытащила из корсета драгоценное письмо и сунула в складки дивана. Что-то ей подсказывало, что Лайла — не тот человек, с которым нужно делиться всеми секретами.

Пока шел долгий процесс омовения, протирания пахучим маслом и облачения в почти невесомые одежды, Кэти рассматривала каюту корабля и про себя дивилась. Она была

небольшой и, кроме дивана, здесь была еще овальная кровать под пышным балдахином из шелка цвета слоновой кости, низкий столик с замысловатой инкрустацией, большое зеркало в тяжелой раме. Пара сундуков и бесчисленное множество разбросанных там и тут подушек: видно, стулья у хозяйки были не в чести, сидеть она предпочитала прямо на толстом ковре или же на подушках.

Улучив момент, Кэти снова завладела письмом и сунула его в лиф нового, непривычного одеяния. Похоже, Лайла ничего не заметила.

«Руки трясутся, словно кур воровала» — подумала Кэти.

— Ай, волосы хорошо не промыть, воды мало, — посетовала Лайла, — но ничего. Придем в Кудшасы, там мы это исправим. Посмотри на себя, какая красавица. Просто цветок!

Кэти с любопытством заглянула в серебряную глубину зеркала.

— Это не я!

На нее смотрела то ли цыганка, то ли одна из маленьких подданных королевы Меб, не хватало только полупрозрачных крыльев за спиной.

Чужой наряд шел ей, с этим и захочешь, да не поспоришь. Он был почти полной копией хозяйского, только цвет был не бледный, персиковый, а насыщенный розовый. Да с украшениями хозяйка не усердствовала, что Кэти только порадовало. Освободившись от плотных нижних юбок, из-за которых она недавно чуть не утонула, женщина дышала гораздо свободнее и не горела желанием навешивать на себя по шесть фунтов серебра. Может, оно и красиво, да только уж слишком тяжело.

Лайла торопливо набросила на себя плотную накидку, почти скрывшую лицо,крепила что-то вроде прозрачной фаты на голове Кэти и хлопнула в ладоши.

Двое слуг словно ждали этого сигнала и немедленно внесли подносы с едой и напитками. Подчиняясь не столько словам, сколько жестам хозяйки, они расставили яства на небольшом столике. Кэти почувствовала аромат мяса с приправами, узнала кое-какие фрукты. В основном, блюда были ей незнакомы, и, что самое странное, слуги не принесли ничего, даже отдаленно напоминающего привычные столовые приборы. Едва слуги скрылись, Лайла немедленно освободилась от своей накидки и присела к столу, жестам приглашая Кэти сделать то же самое.

— Зачем это? — с любопытством спросила гостя, головой указывая на странный предмет туалета.

— Лицо замужней женщины может видеть только ее супруг. Так повелел Аллах, чтобы не вводить иных мужчин в искушение.

— И что, вы так всю жизнь в этих мешках и ходите? — изумилась Кэти.

Есть полагалось руками. Аллах, видите ли, запретил осквернять пищу железом. Кэти подумала, что предупреждение Лайлы оказалось как нельзя кстати, ее знакомство с Аллахом пока было очень поверхностным, но он ей уже не нравился. Мясо, впрочем, оказалось вкусным, хотя и несколько острым. К трапезе подали шербет, на этот раз из лепестков роз, он был сладким и немного терпким.

После еды Кэти неожиданно потянуло в сон.

— Отдохни, — посоветовала Лайла, — когда проснешься, с тобой поговорит господин Мехраб.

— Твой муж? — сонно спросила Кэти.

— Мой муж, отец моего сына. Постарайся с ним не спорить. Быть гостей на «Звезде Мерсина» приятно. Быть пленницей плохо и иногда очень опасно.

С этими словами, больше похожими на завуалированную угрозу, добрая госпожа скрылась за маленькой дверцей, которая была спрятана в драпировках так искусно, что Кэти ее даже не заметила.

* * *

Судно, которое волей судьбы подобрало потерпевших крушение англичан, оказалось одой из последних гребных галер, построенных в Турции. Не новая, но прочная «Звезда Мерсина» была торговым кораблем с вместительными трюмами, сейчас почти наполовину заполненными французской мебелью с потайными ящичками и встроенными зеркалами, французскими пистолетами, гасконскими винами, которые хозяин приказал грузить с брезгливой grimасой на лице, но с тайным удовольствием — товаром они были весьма выгодным, и французскими романами, которые, как ни странно, тоже пользовались спросом среди некоторых подданных султана. Товар весил немного, но стоил дорого, и рейс был весьма выгодным.

Конечно, как это было принято, «Звезда» не гнушалась мелким морским разбоем, оказанием помощи за деньги, мародерством и прочими деяниями, угодными Аллаху, если они направлены против неверных. Галера правоверных, при желании, способна была догнать любого врага, имея четырнадцать весел с борта, каждое из которых вращали сразу три гребца. Куршейная тридцатидвухфунтовая пушка могла поубавить прыти крутобокому торговцу, а если тот оказывался несговорчивым, то четыре восемнадцатифунтовых пушки вторгались в разговор, как не менее весомый аргумент, и это не считая шести фальконет.

Ну и, конечно, краса и гордость капитана, его абордажная команда — три десятка отважных рубак, да дюжина крепких матросов. А чего стоил надсмотрщик Али с двумя помощниками, от чьих бицепсов отлетали даже венецианские пули...

Впрочем, английскому джентльмену, в недавнем прошлом капитану погибшей «Красотки Сю», Томасу Свифту это было глубоко все равно. В настоящий момент он, проклиная свою несчастливую звезду, протирал единственные штаны на скамье для гребцов. Справа от него сидел грязный и вонючий итальянец, слева такой же вонючий немец, неведомо как занесенный в эти воды. И посередине он — англичанин, который, вне всяких сомнений, скоро станет таким же вонючим. Бани для рабов на галере не было.

Когда турецкий корабль под зеленым знаменем Пророка подошел к разбитой «Красотке», Томас несколько мгновений серьезно размышлял, помахать руками или же сделать вид, что живых на борту не осталось. Если бы не пересохшее горло, если бы в бутылке оставалась хотя бы пара глотков бренди, если бы он был малость поумнее... Свифт решил, что турки все же немного лучше, чем рыбы. И оказался в корне не прав.

Впрочем, это был поистине несчастный день. По незнанию, едва взойдя на борт турецкого судна, бывший капитан умудрился сделать три непростительных ошибки: во-первых, попросил выпить, а во-вторых и в-третьих, когда ему вежливо предложили опуститься на колени и немедленно признать веру Пророка, он попытался увильнуть. И оказался виновен сразу и в богохульстве и в непокорности. И, конечно, в пьянстве, до кучи.

Обычно первые дни самые тяжелые для новичков. Тут либо ты ломаешься от невыносимых нагрузок и тебя, полуживого или уже мертвого, без всяких церемоний, даже без короткой молитвы, выбрасывают за борт. Либо ты обретаешь крепость железа и терпение философа-стойка. Томас Свифт как раз гадал, что случится с ним. На скамье он сидел всего часа два, но за это время плеть надсмотрщика уже успела прогуляться по его спине, напоминая, что труд — источник всех добродетелей. Томас выругался сквозь зубы, что-то на счет ада и Сатаны, но недостаточно тихо, и получил во второй раз.

— Рот не открывать! — рявкнул надсмотрщик на диковинной смеси французского, английского и арабского. — Рыба влетит.

— Да пошел ты... — буркнул Свифт, но на этот раз даже не вполголоса, а почти про себя. Урок был усвоен. Ночь казалась такой же далекой, как райские куши.

Солнце медленно опускалось в воду, шелковые волны переливались всеми оттенками красного: от нежно-розового до пунцового. Кое-где проглядывали темно-синие, золотые, угольно-черные и даже изумрудные участки. «Солнце купается» — говорили моряки. Этот предзакатный час был поистине волшебным для всех. Даже для семи дюжин страдальцев, прикованных к тяжелым веслам. Едва истаял последний луч заката, и небеса из ультрамариновых шелковых сделались черными и бархатными, а над палубой зажглись

близкие звезды, барабан, подгонявший гребцов, смолк. Они получили передышку вместе с миской неаппетитной баланды из моллюсков и черствым сухарем.

Томас Свифт работал челюстями, прислушиваясь к тому, как волна тяжело ударяет в борт. Размышления его были невеселыми. Двести фунтов, которые ему заплатил старик за похищение молодой женщины, он оставил жене, рассчитывая, вернувшись, купить себе новый крепкий шлюп и поправить свои дела. Что будет делать Мэгги, когда поймет, что муж больше не придет с моря? На эти деньги она и дети смогут жить безбедно, по крайней мере, пока старшие мальчики не начнут работать. Но когда он вернется в Англию, если он вообще когда-нибудь вернется, с ремеслом моряка придется покончить. Второй раз судьба ему так не улыбнется.

Внезапно он почувствовал легкий толчок в бок и повернул голову. Его сосед по скамье, итальянец, сосредоточенно ел и казался безучастным ко всему, кроме ужина. Томас опустил глаза. Между ними на скамье лежала тонкая стальная полоска. Пилка!!! Как итальянец ее добыл?

Не задавая лишних вопросов, Томас быстро прибрал пилку, спрятав ее в своей, еще относительно целой одежде. Итальянского он не знал, а сосед его не мог объяснить по-английски, но все было ясно и без слов: готовился бунт. Прошлой ночью несколько гребцов по очереди перепилили свои кандалы, оставив лишь тоненькую перемычку, которую можно было сломать в любой момент. Едва выглянул месяц, итальянец, стрельнув глазами в надсмотрщика, показал Томасу, как глубоко должны быть подпилены браслеты. Английский моряк понимающе кивнул. Едва над палубой прокатились первые рулады громкого храпа надсмотрщика, Томас, зажав пилку большим и указательным пальцами, принялся аккуратно водить ею, вгрызаясь в стальную плоть кандалов.

Пилка, сработанная опытным мастером, ходила почти бесшумно. Но немец, прикованный слева, услышал возню и подозрительно обернулся. Томас замер. Светлые глаза северянина мгновенно узрели, что происходит. Лицо его, обычно хмурое, пересекла кривая улыбка.

— Serh gut, — буркнул он и, демонстративно отвернувшись, принялся похрапывать, заглушая едва слышное повизгивание пилы.

Прошло, наверное, часа полтора, когда Томас, натерев болезненные, водянистые мозоли на обеих руках, подпилит кандалы и осторожно толкнул пилку немцу. Теперь настала очередь англичанина похрапывать и одновременно зорко посматривать по сторонам, наблюдая за сладко спящим надсмотрщиком, занавесью, ведущей в помещение, где спала abordжная команда, и скамьями с невольниками: вдруг кому-то из товарищей по несчастью придет охота облегчить свою участь, выдав хозяевам готовящийся бунт?

Немец, видно, был сильнее или привычнее к работе с железом. Со своими кандалами он справился почти вдвое быстрее Томаса. Зажав пилку между пальцами ноги, он вытянул ее в сторону соседней скамьи и легонько толкнул сидящего впереди дюжего грека. Тот был уже наготове. Видно, он догадался о пилке еще в прошлую ночь, когда со своими кандалами справлялся итальянец.

С рассветом снова ударил барабан, и гребцы дружно взялись за весла. В этот раз грести пришлось против ветра, сила волны, давящей на тяжелую лопасть весла, была такой, что у Томаса не осталось ни сил, ни желания думать о чем-то, кроме звучащего в ушах ритма. В редкие минуты, когда пытливый разум брал верх над животной усталостью, он пытался подсчитать, сколько невольников успеют перепилить кандалы в следующую ночь. Освободиться должны две трети гребцов, иначе нет смысла что-то затевать: abordжная команда, вооруженная ятаганами, в момент покрошит их в начинку для кулебяки. По всему выходило, что грести ему полные сутки, а то и все двое.

* * *

Утром Кэти проснулась отлично отдохнувшей и, как ни странно, в прекрасном

настроении. Она с удовольствием умылась ароматной розовой водой. На завтрак подали пресные лепешки, которые следовало макать в хуммус — густой соус, который, как объяснила Лайла, готовился из нута (турецкого гороха) и молотого кунжута, приправленных ореховым маслом, чесноком, жгучим перцем и лимонным соком; и баба-гануш — пюре из баклажанов и того же молотого кунжута, приправленное все теми же оливковым маслом, жгучим перцем и чесноком. С непривычки Кэти показалось, что она наглоталась огня и ее внутренности горят, но мягкий шербет успокоил огонь, а сладкий десерт вполне примирил ее с жизнью.

После завтрака Лайла присела на ковре, скрестив ноги. Такая поза не вызывала у нее никакого неудобства. Вчера Кэти из любопытства попробовала посидеть так же и через несколько минут взвыла от мучительных судорог.

С загадочным видом Лайла пригласила гостью присоединиться к ней. Кэти подошла, скрывая нахлынувшее беспокойство. Лайла явно что-то задумала. Турчанка (Турчанка ли? Чем больше Кэти смотрела на женщину, тем больше сомневалась в ее происхождении. Да и по-французски она говорила не хуже, чем «дорогой супруг» Этьенн) поставила на пол между собой и Кэти резную шкатулку из ореха и достала оттуда небольшую миниатюру на эмали. На ней был изображен мужчина: молодой, в непривычной одежде. У него было приятное, тонкое лицо, глубокие темные глаза, напоминающие глаза Лайлы, прямой нос и твердый, слегка раздвоенный подбородок.

— Это мой сын, Хамид, — с гордостью проговорила женщина, — он — меч в руке Аллаха. Скажи, разве он не красив?

— Красив, — согласилась Кэти, ничуть не погрешив против истины, молодой человек был и впрямь хорош.

— Он не только красив, но и умен: говорит и пишет на трех языках, играет в шахматы. В поединке на саблях ему нет равных. Этой осенью Хамид был принят во дворце султана и в знак высочайшей милости получил перстень с его руки.

Кэти кивала, соображая про себя: этот поток восхвалений — обычные материнские восторги, или он что-то значит? Оказалось — значит. Дверь в каюту отворилась, но Лайла не кинулась за своим черным мешком, чтобы успеть закутаться до самых глаз, а спокойно повернулась к вошедшему.

Это был уже глубокий старик. Его длинная, снежно-белая борода — первое, что бросилось в глаза Кэти. Второе, что притянуло ее взгляд — карие глаза. Они смотрели из-под низко надвинутого головного убора, формой напоминающего скрученное полотенце, и, казалось, видели Кэти насквозь. Увидев эти глаза, Кэти немедленно изменила мнение насчет возраста почтенного господина Мехраба (а перед кем еще Лайла могла оставаться с открытым лицом?). Пожалуй, ему не семьдесят и тем более не сто, как она решила вначале. Лет пятьдесят, не больше. О том же говорили стройность и молодая гибкость в теле, облаченном в ярко-зеленый... камзол? Больше всего это одеяние напоминало купальный халат, перепоясанный длинным алым кушаком, с которого свисала кривая сабля, а за него была заткнута пара дорогих пистолетов. Ниже были узкие... панталоны? Лишь одну деталь туалета господина Мехраба Кэти смогла назвать уверенно: обут он был в сапоги, отличные сапоги из тонкой кожи с великолепным тиснением. Весь его облик был полон такого достоинства, что Кэти машинально сделала реверанс. Турку это понравилось. Он что-то сказал на своем языке, Лайла кивнула и живо повернулась к гостье.

— Господин Мехраб очень доволен тем, что ты знаешь, что такое почтение к старшим. Правда, у нас принято немного другое приветствие. Но мы с тобой еще всему научимся.

Как оказалось, с французским, также как и с английским, турок был не в ладах. Как он в таком случае умудрялся вести торговлю, было совершенно непонятно, но Кэти решила отложить выяснение этого вопроса на потом. Сейчас ее больше интересовало другое: что означала фраза Лайлы, что они, дескать, всему научатся. Ее визит будет долгим?

Турок заговорил быстро, напористо, старшая жена слушала внимательно и кивала, запоминая сказанное. Когда он замолчал, его пронзительные глаза буквально вцепились в

лицо Кэти так, что ей немедленно захотелось спрятаться хоть за чем-нибудь, даже, может быть, набросить на себя черный мешок Лайлы.

— Господин хочет, чтобы ты ответила на его вопросы. И будет лучше, если ты ответишь правду, — перевела Лайла, — ты — англичанка? Твой отец и мать — оба англичане?

— Уже в седьмом поколении, — удивленно ответила Кэти.

Выслушав перевод, турок довольно кивнул и снова задал вопрос.

— Кто твой отец? — донесла до нее Лайла. — Какое положение в обществе он занимает?

— Он судья, — сказала Кэти и снова отметила, как при этих словах лицо турка осветилось глубочайшим удовлетворением.

— Он уважаемый человек, — повторила Лайла, — это очень хорошо. Но ты сказала, что вдова. Как давно умер твой муж? Носишь ли ты траур? Твое платье не было платьем скорби? Значит ли это, что со дня смерти твоего супруга уже прошел год?

Кэти Бэрт всегда отличалась умением соображать быстро, в этом она на голову превосходила не только свою высоконравственную матушку, но и предприимчивую подружку Ирис.

— Я не ношу траура, — уверенно сказала она, — такова была последняя воля моего дорогого Этьенна. Он считал, что мне не идет черный цвет.

Супруги обменялись несколькими быстрыми фразами.

— Твой супруг был французом? — с легким удивлением переспросила Лайла. — А можно узнать твое полное имя?

— Кэтрин Соврези, баронесса де Сервьер. В девичестве — Бэрт.

— Значит, ты — знатная дама?

— Выходит, так, — пожала плечами Кэти.

Допрос продолжался.

— У тебя есть дети?

— Мы с мужем прожили меньше двух месяцев, — с должной долей печали в голосе проговорила Кэти, — нет, детей у нас не было.

— А братья и сестры? Сколько детей родила твоя мать?

— Семерых, но двое умерли еще младенцами, — ответила Кэти, недоумевающая, с какой радости состав ее семьи интересует турка.

— От чего умер твой муж? Не была ли это заразная болезнь?

— Он погиб. Это была дуэль, — невозмутимо, с полным самообладанием соврала Кэти, слава Господу, это она успела продумать заранее.

— Остались ли у твоего мужа родственники в Англии или во Франции?

— Возможно, — осторожно ответила Кэти, — Этьенн не успел познакомить меня со всей своей семьей. Мы планировали посетить Францию летом, после окончания сезона в Лондоне. Этьенн надеялся, что мы получим приглашение ко двору и будем представлены Его Величеству.

Выдавая эту полуправду-полуложь, Кэти преследовала вполне конкретную цель: дать понять господину Мехрабу, что она — не последний человек в Британской империи, ее исчезновение просто так не пройдет, и попытка удержать ее силой может закончиться дипломатическим скандалом.

Кэти от всей души надеялась, что ее блеф сработает. И он сработал. Только как-то странно, не совсем так, как она планировала. Она поняла это по лицам супругов, которые стали уж больно довольными. Казалось, своими ответами Кэти доставила им несказанную радость и подтвердила их самые смелые надежды. Тоненький ручеек беспокойства вот-вот грозил превратиться в водопад: Кэти поняла, что выбрала не ту линию поведения. Но менять ее было уже поздно.

В разговоре супругов несколько раз проскользнуло слово «игнлез» — англичанка, и то, как его произносили оба, сказало Кэти, что почему-то ее английское происхождение

чрезвычайно важно. Даже важнее, чем предполагаемая знатность и так и не состоявшийся визит во дворец. Наконец, турок жестом велел жене замолчать и произнес длинную фразу. Он говорил медленно и веско, словно судья, зачитывающий приговор какому-нибудь мошеннику или браконьеру. Кэти немедленно прониклась важностью момента и навестила уши.

— Ты — вдова, знатная дама и англичанка, — перевела Лайла, — ты молода и здорова, и твоя фигура говорит о том, что ты можешь родить много детей. Ты будешь подходящей женой для нашего сына — Хамида. Свадьба состоится, как только мы прибудем в Мерсин...

«Ну ничего себе, молоко с пенкой! — едва не вырвалось у непосредственной Кэти, — а говорят, что у женщины не может быть гарема...»

Наблюдая за ее ошеломленным лицом, турок уронил несколько быстрых фраз.

— Ты молчишь? Это значит, что тебе что-то не по нраву. Ты видела портрет Хамида — неужели он не показался тебе достойным мужчиной?

Переводя это, Лайла едва заметно вздрогнула, и Кэти поняла, что вляпалась по самые уши. И от того, что она сейчас скажет, зависит, сойдет ли она с борта «Звезды» в порту как почетная гостья, или же покинет гостеприимную галеру прямо сейчас, посреди моря, зашита в крепкий мешок. Немедленно припомнилось предупреждение Лайлы, что ее супруг и повелитель не терпит непокорности.

— Я польщена, — медленно и тщательно подбирая слова, проговорила Кэти, — но обычаи моей родины запрещают играть свадьбы так скоро. Венчанию должна предшествовать помолвка, по крайней мере — полгода. И, в любом случае, жених и невеста вначале должны познакомиться.

Выслушав этот лепет, турок снисходительно улыбнулся в бороду, кивнул жене, бросил ей очередную короткую фразу и, не прощаясь, вышел.

— Что он сказал? — спросила Кэти, пытаясь скрыть испуг.

— Он сказал, чтобы ты как можно скорее забыла обычаи своей родины и усвоила наши, — мягко проговорила Лайла. — Все решено, в Англию ты не вернешься. Ты хорошо говорила с моим мужем, — добавила она, — не спорила. Теперь тебе осталось поладить с нашим сыном, и жизнь твоя станет волшебной сказкой.

«Пока она больше напоминает кошмар, — подумала Кэти. — Неужели придется второй раз за полгода венчаться «на скорую руку, да на долгую муку», как говаривала моя маменька».

Глава 13

Новая баронесса де Сервьер оказалась пунктуальной по-королевски. Ровно в пять утра на аллее, ведущей к Вестминстерскому аббатству, показалась прекрасная амазонка на вороном коне, ноги которого облегали искусно сотканые белоснежные чулки. Конь был так хорош, что некоторое время Этьенн мог думать только о нем, почти не обращая внимания на всадницу.

Где, черт возьми, этот безухий умудрился раздобыть в Лондоне за одну ночь такого изумительного коня? Впрочем, раз женщина — жена Этьенна, значит, и конь принадлежит ему. С этой утешительной мыслью мужчина полностью переключился на Джованну. Облаченная в плотный серый жакет и такую же шерстяную юбку с разрезом, в шелковом салатном платке, трепетавшим на груди, и в маленькой шляпке, которая держалась неизвестно каким образом, женщина выглядела вызывающе элегантно. Огненно-рыжие волосы были заплетены в косу и стянуты такой же салатной лентой. Умело управляя норовистым конем, Джованна неторопливо подъехала к Этьенну, восседавшему на лошади саловой масти. Животные деловито обнюхались и, похоже, признали друг друга.

— Мы поедем верхом? — удивился Этьенн, — я думал...

— Наши сундуки отправят в экипаже следом за нами. А нам потребуется свобода маневра, — Джованна тронула повод и направила коня к набережной. Этьенн последовал за

ней, неохотно принимая роль ведомого.

— Найти убийцу курьера спустя столько дней... ничего себе задача. Особенно, когда неизвестно кто он и откуда. — Этьенн покачал головой. — След уже остыл. Мэтр, конечно, прав, эту линию нужно отработать, но возможно ли это?

— Если Господь велит, для солдата ордена нет ничего невозможного, — невозмутимо отозвалась Джованна, но, взглянув на вытянувшееся лицо спутника, добавила: — В архивах министерства мэтр нашел любопытную запись. Доклад одного из караульных с заставы по Юго-Западной дороге. Как раз в тот день, вернее, в ту ночь, когда был убит курьер принца, на заставе произошла стычка. Караул пытался задержать подозрительного молодого человека, то ли мелкого наследника, то ли просто деревенского парня. Шпага у него была, но махал он ею как конюх. Впрочем, мерзавец оказался шустрым: убил одного, ранил другого, украл лошадь и ушел от погони лесом.

Второй укол самолюбия за одно утро был еще более болезненным. Уху удалось добраться до архивов министерства! Более того, он заметил именно этот доклад, который, черт возьми, действительно мог оказаться следом.

— Слабовато, — буркнул он, — парень из какой-то деревни исчез где-то в лесу...

— Украденная лошадь имела клеймо. Она была продана в Бристоле, — добавила Джованна, — имя и адрес продавца у нас есть. Такой след тебя устроит, брат? Или же нужно непременно изловить этого парня для тебя, а, желательно, вытрясти из него все, что он знает, и представить тебе в письменном виде?

Глубоко уязвленный отповедью, Этьенн сделал вид, что принял ее за шутку, и деланно рассмеялся. Но охота беседовать с красавицей у него пропала, и путь до постоянного двора они проделали в полном молчании.

Постоялые, или, по-иному, гостинные дворы появились в Британии еще во времена рыцарей, и с тех пор мало изменились. Они представляли собой большие, довольно уродливые бревенчатые, реже каменные строения, расположенные вдоль крупных дорог, обнесенные, либо не обнесенные забором высотой в два этажа, с крепкой дверью, которую не вдруг вышибешь даже ударом лошадиного копыта, с толстыми ставнями и вечным дымком из трубы. На первом этаже располагались кухня и большой обеденный зал, на втором — несколько спален. При дворе, как правило, были небольшой каретный сарай и конюшня, сзади — птичник. Корову обычно не держали, предпочитая брать молоко и говядину в деревнях. Обычно на крыльце, в плохую погоду, постоянно дежурил шустрый мальчишка — сын или племянник хозяев, всегда готовый оказать мелкие услуги: распрячь и почистить лошадей, помочь занести вещи и сбегать в ближайшую деревню за доктором, кузнецом, священником или нотариусом. Иногда за свои услуги мальчишки получали пару монет, чаще обходились даже без «спасибо», но все равно работали старательно, с младых ногтей вникая во все тонкости семейного дела и готовясь со временем стать хозяевами двора.

Такой мальчишка нашелся и здесь: лет десяти, с неприлично отросшими белобрысыми волосами, спрятанными под шерстяную шапочку, в добротной городской одежде, пошитой бережливой матерью явно «на вырост», он сидел на перилах крыльца, как петух на насесте, ожидая очередного заработка. Едва мужчина и женщина подъехали, он спрыгнул и хозяйски подхватил под уздцы сразу обеих лошадей.

— Доброе утро, милорд, миледи, — благовоспитанно кивнул он, демонстрируя почти безупречный выговор, чем позабавил Этьенна. Большинство лондонских мальчишек говорили на таком жаргоне, что понять их было трудно, а уж чем дальше от столицы, тем более странным становился английский язык, — ваши лошади, кажется, не голодны. Желаете, чтобы я их устроил на конюшне?

— Не стоит, — ответил Этьенн, — мы только пообедаем, ночевать не будем. Привяжи их тут и посторожи, если тебе не трудно. — С этими словами Этьенн бросил мальчику монетку и, спешившись, помог женщине сойти с коня.

В этот, еще довольно ранний час в зале было пусто. Полная женщина в переднике протирала длинные столы, меняла свечи в тяжелых деревянных подсвечниках, поправляла

криво стоявшие скамьи и стулья. Несколько ламп, висевших под потолком, были порядком закопченные, и женщина время от времени поглядывала на них, прикидывая, стоит ли их снять и протереть, или же пусть еще повисят. Увидев, что на пороге появились люди, она с большим облегчением отвлеклась от ламп и поспешила навстречу посетителям.

— Милорд, миледи, желаете завтракать или обедать? — еще издали крикнула она.

— Мы хотим поесть плотно и сытно, — ответил Этьенн, — дорога дальняя, а мы торопимся и до вечера больше останавливаться не будем. Что вы можете предложить?

Хозяйка расплылась в улыбке:

— Прямо сейчас я подам вам прекрасный суп из черных бобов и тыквенное пюре с луком, а пока вы перекусываете, очень быстро зажарю курицу. Вам покрупнее?

— Да, если можно, — кивнул Этьенн, — и немного провизии мы возьмем с собой.

— Тогда вам понадобится корзинка и несколько салфеток, — решила хозяйка. — Присаживайтесь, где удобнее, я обо всем позабочусь. Кларет? У нас отличный кларет, мой муж получает его из столицы.

Вино и в самом деле оказалось превосходным, ничуть не уступающим тому, что подавалось в Лондоне, а суп и тыква заставили привередливого Этьенна восхищенно прикрыть глаза. Наблюдавшая за ними краем глаза хозяйка успокоилась и исчезла в недрах просторной кухни, откуда вскоре поплыл аппетитный аромат жареной курицы.

Джованна ела быстро, но очень аккуратно, ловко управляясь с простыми столовыми приборами. Про себя Этьенн отметил, что женщина явно не понаслышке знала, что такое голод и лишения. Довольно щедрую порцию она подобрала всю, не откидывая ни лук, ни даже горошины перца. С удовольствием полакомилась тыквой и супом, подчистив тарелку, доела хлеб, не уронив ни крошки, но к вину почти не притронулась и от своей порции жаркого отказалась, заявив, что вполне сыта, и попросила хозяйку упаковать мясо в корзину.

Довольная хозяйка одарила гостью ласковой улыбкой.

— У вас прелестная супруга, милорд, — сказала она, меняя тарелки.

Этьенн кивнул и, встав из-за стола, поманил хозяйку за собой.

— Скажите, — вполголоса произнес он, — не осталось ли у вас глазированных груш? Кэти их обожает, а мне бы хотелось сделать ей приятный сюрприз. Ее сейчас просто необходимо чем-то подбодрить после такого потрясения... Естественно, я хорошо заплачу.

— Потрясения? — хозяйка мгновенно наострила уши, — груши у меня найдутся, какие пустяки. Посетители их так редко спрашивают, что я не готовлю много, только для детей, но эти оглоеды вполне обойдутся. А что случилось с вашей женой? Она не выглядит больной.

— О нет, — вздохнул Этьенн, — слава Богу, она вполне здорова. Понимаете, мы женаты совсем недавно. Когда я увидел Кэти, был настолько очарован, что сделал предложение, даже не позаботившись узнать хоть что-то о ее семье. Понимаете, это было как удар молнии...

— Вполне вас понимаю, — кивнула хозяйка, — миледи очень красива. А что может быть не так с ее семьей?

— О, это все Тимми... ее беспутный племянник. Понимаете, младший сын в семье, никто не обращал на него внимания. Мальчишка вырос без твердой руки и умудрился связаться с плохой компанией.

— Надеюсь, мальчик не угодил в тюрьму, или что-то в этом роде? — поинтересовалась хозяйка, которую обуревали и сочувствие и любопытство.

— Пока нет, но... мы ждем этого со дня на день, — Этьенн покачал головой. — Бедная Кэти вся извелась, хоть и старается этого не показывать. Знаете, ее воспитывали в строгости, и то, что устроил этот молодой негодяй — просто шок для жены. Она до сих пор не может поверить, что именно Тимми устроил весь этот переполох на заставе, в кого-то стрелял, украл лошадь! И теперь где-то скрывается. Она говорит, что его оклеветали, на самом деле там был кто-то другой. А мальчишка сбежал, потому что испугался. Может быть, конечно, и так. Я плохо знал племянника.

На лице хозяйки отразилась целая гамма чувств, от изумления до понимания. Уже в середине рассказа она стала кивать головой и даже нетерпеливо притоптывать ногой, обутой в грубоватый башмак.

— Ваша милость говорит о заварушке, которая произошла на здешней заставе в начале месяца?

— А вы что-то знаете об этом? — Этьенн запустил руку в карман камзола и красноречиво позвенел кошельком с монетами. От хозяйки не укрылись ни движение заботливого мужа, ни заманчивой звук.

— Еще бы мне не знать, — доверительно сказала она, склоняясь к посетителю, — той ночью мы долго не могли лечь спать. Была большая компания студентов, им все время требовалось то вино, то пиво, то бренди... Шумели они сильно, но, хвала Господу, ничего не разбили, кроме пары бокалов. А когда все наконец успокоилось и я уже подумывала о праведном сне, в дверь вдруг резко постучали. Знаете, милорд, я всю жизнь живу тут, у дороги, этот постоянный двор принадлежал моим родителям, так что я всякого тут наслушалась. В этот раз в дверь стучали так, словно случилась беда. Открыл муж, он всегда открывает ночью. В зал буквально ворвались несколько мужчин. Они несли на носилках солдата, истекающего кровью, — в этом месте хозяйка понизила голос и покосилась на Джованну, мирно глядевшую в окно, — он был бледен. Люди потребовали коня, чтобы немедленно привести из деревни доктора... но, знаете, милорд, было видно, что торопиться-то некуда. Скорее бедняге нужен был священник. Он отходил. Пуля попала прямо в грудь, вот сюда, — хозяйка ткнула себя куда-то чуть ниже ленты корсажа. — Я принесла старую простынь на бинты и попыталась остановить кровь, но это было бесполезно. Мужчины, которые принесли солдата, не обращали на меня никакого внимания, так что я слышала их разговор. Весь их разговор... — Она замолчала, еще раз взглянула на Джованну и, понизив голос до шепота, спросила: — Сколько лет племяннику вашей супруги, милорд?

— О, он совсем еще мальчишка. Пятнадцать или вроде того.

— Тогда у меня хорошие новости для вашей милой Кэти, — женщина выжидающе смолкла.

Правильно истолковав ее молчание, Этьенн развязал завязки кошелька и отсчитал пару английских фунтов. Брови хозяйки взлетели под самый чепец. Она явно не рассчитывала на такую щедрость постояльца.

— Так что же за новости? — поторопил Этьенн.

— Тот негодяй, который убил солдата и украл лошадь, был намного старше вашего Тимми. Как говорили люди, которые принесли раненого, это был парень лет двадцати, если не больше, невысокий, но широкий в плечах, похожий на подручного кузнеца, с длинными темными волосами, стянутыми ремешком, в простой дешевой одежде. Он говорил и вел себя как настоящая деревенщина, хотя был при шпаге.

— Это правда?

— Истинный крест, — поклялась хозяйка, — видно, мальчика и впрямь оклеветали. Вам непременно нужно найти его, и как можно скорее, пока он не удрал на каком-нибудь корабле в колонии. Идите же, успокойте жену, а я упакую вашу провизию и положу в корзину самые лучшие груши. Миледи будет довольна.

— У нас есть приметы, — сообщил Этьенн небрежным тоном.

Лошади были уже напоены и вычищены, корзина упакована.

Сцепив ладони замком, он галантно подставил их, помогая Джованне сесть в седло.

— Приметы... Да, безусловно, будет довольно легко найти в Англии парня крепкого сложения с темными волосами, одетого в штаны и рубаху. Таких тут, конечно, немного, — произнесла Джованна с явной насмешкой. Этьенн, который в глубине души ожидал похвалы за свою ловкость, немедленно ошетинился:

— А вы можете предложить что-то лучшее?

— Думаю, нам больше помогли бы приметы лошади, которую украл этот несчастный.

— Но... мы не можем возвратиться на заставу, это вызовет подозрения.

— Не думаю, Вы сплели отличную историю. Теперь обезумевшая от горя тетушка и ее верный супруг могут носиться по всему острову и задавать любые глупые вопросы, нам будут только сочувствовать.

— Откуда вы... Ах, да! Вы же были певицей. Должно быть, у вас необыкновенно тонкий слух. Нужно это учитывать, — последнюю часть фразы Этьенн пробормотал даже не вполголоса, а практически про себя.

Парочка развернула коней и бодрой рысью направилась к заставе.

* * *

Рик попытался как можно точнее вспомнить, что именно он чиркнул в том злополучном письме. Могла ли Ирис знать о Этьенне де Сервер что-то такое, чего не знал он? Что-то, что позволило ей догадаться, куда исчезла эта змея? Вряд ли. Но куда-то же она направилась?

Рик в сотый раз мерил комнату шагами, когда за окнами послышался характерный стук. Он вскинул голову: так и есть, к поместью Бикфордов приближался экипаж. Тот самый. Бывшего пирата «отпустило» мгновенно. Он и не догадывался, в каком напряжении был, пока не увидел знакомых лошадей здесь, дома... ну, почти дома.

После того, что устроила Ирис, следовало на недельку посадить ее в чулан, на хлеб и воду. Вот только Рик точно знал, что не сможет удерживать на лице маску строгости больше двух секунд. Слишком дорог ему был этот взбалмошный ребенок. Но от того, чтобы с воплями выскочить на дорогу, Рик все же удержался.

Стук в дверь прозвучал как-то излишне робко.

— Входите, — бросил Рик, пытаясь придать лицу строгое выражение.

Выражение пригодились: на пороге стоял Питер. Конюх был смущен, растерян и, пожалуй, даже напуган.

— В чем дело? — спросил Рик, внутренне холодея от неприятного предчувствия.

— Госпожа... — Питер с несвойственной ему робостью сделал несколько шагов, — она просила передать...

— Что значит «передать»? А сама она почему не вошла?

— Ее здесь нет.

— То есть как — нет? Где же она?

— Сейчас уже на полпути в Турцию, — пожал плечами Питер.

— Куда? — свистящим шепотом переспросил Рик. Одним прыжком он подскочил к конюху и встряхнул его за плечи так, что у дюжего парня клацнула челюсть.

— На полпути в Турцию, — повторил Питер, старательно пряча глаза, — здесь все сказано. — Порывшись за пазухой, Питер достал изрядно помятый лист бумаги. — Я ничего не смог сделать. Простите, хозяин. Но госпожа... вы ведь ее знаете? Ей невозможно сказать «нет».

Рик его уже не слышал. Фразы, написанные твердым, крупным почерком, немного поплясав, сложились в слова.

«Кэти похищена. Увезена из Англии на карике «Красотка Сью». Видимо, в Алжир или Турцию. Преследую ее на «Синем цветке», надеюсь догнать. Не сердись...»

— «На зеркале записка: «Сережа, ты свинья».

И две машины в брызги, одна из них моя.

На завтрак банка пива с отломанным ключом.

Она живет красиво. А я-то тут при чем?..» — пропел себе под нос Рик. Старый хит рок-группы «Банзай» оказался как никогда в тему.

Питер еще пытался объяснять, как старательно он отговаривал госпожу от этой затеи. Рик прервал его речь коротким жестом и отослал прочь.

Он напряженно размышлял о том, какой из семи кораблей компании Бикфордов сейчас в порту и готов выйти в море. По всему выходило — ни один. Как минимум — сутки на

подготовку.

За это время и «Цветок», и «Красотка», у которой фора во времени, будут уже очень далеко. Значит?... Значит, хватать первое попавшееся корыто, чтобы только кое-как на воде держалось, не имеет смысла. Если все благополучно, а иных известий не поступало, сегодня — завтра из Греции должен возвратиться бриг, в котором он полностью уверен. И в корабле, и в команде, и в капитане. Который охотно уступит ему на один рейс капитанский мостик. Бриг этот, элегантно-черного цвета, носил зловещее имя «Немезида». Впрочем, камуфляж вряд ли обманул бы кого-нибудь из тех, кто сталкивался с этим кораблем раньше. Особенно в бою. Потому что «Немезида» была ничем иным, как перекрашенной и по всем морским обычаям «перекрещенной» «Фортуной», которой, с ее сомнительной славой, конечно, нечего было делать под респектабельным флагом торговой компании Бикфордов.

Поднявшись к себе, Рик подвинул к себе большой морской сундучок со старыми картами. Развернул одну из них, прижав концы подсвечником и тяжелым ножом для разрезания бумаги.

...Бискайский залив. Если расчеты верны, они сейчас где-то здесь. Место, где чуть не круглый год свирепствуют жестокие шторма, которые в прошлом здорово потрепали Непобедимую Армаду.

Но не это беспокоило Рика больше всего. Он знал, что «Немезида» и ее экипаж вполне справятся со всем, что может преподнести стихия. Хуже было другое. Если просчитывать маршруты — от мыса Пенмарк до острова Иль-д'Йе, от порта Бермео до маяка Льянес, от полуострова Гавр до залива Морбиан с островом Бель-Иль, от гавани Навало до порта Ле-Круазик, от острова Буа д до бухты Конча-де-Луарка — слишком много и процветающих портов, и просто укромных местечек, где может бросить якорь небольшой корабль, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия. Отыскать в этом Вавилоне «Красотку Сью» будет непросто.

И потом... все равно придется заходить в испанские воды, бросать якорь на испанской земле... другого пути нет, если, конечно, не предпочесть путь через Ла-Манш и дальше по суше. И в любом испанском порту может встретиться кто-то, кому покажутся знакомыми элегантные обводы судна и лицо капитана. Слишком много осталось свидетелей с тех времен, когда пират Джеймс Рик потрошил сеньоров... Он никогда не прятал лица, не считал нужным. Как оказалось — напрасно. Достаточно одного взгляда и одного письма — и Рик вместе с экипажем окажется в руках алькада или святой Инквизиции. Если только.... Да, это вполне может получиться...

Его мысли прервал тихий, но решительный стук в дверь.

— Войдите, — крикнул Рик, не отрываясь от карты.

— Милорд?..

На пороге стояла невысокая светловолосая девушка в шерстяном платье, белоснежном переднике и безупречно накрахмаленном чепце. Личная горничная госпожи. Мэри. Та самая. Рик хорошо ее знал, но с того момента, как они переехали в поместье, не перекинулся с ней и парой слов. Мэри как будто избегала его, а он был слишком занят, чтобы думать о настроении горничной.

— В чем дело? — спросил он.

— Я бы хотела попросить расчет, — решительно сказала Мэри.

— Вы чем-то недовольны? — удивился Рик, — до сих пор вы как будто не жаловались.

— Я довольна всем, — покачала головой Мэри, — но мне хотелось бы оставить службу по... личным причинам.

— Объяснитесь, — коротко потребовал Рик. Его светлые брови сошлись у переносицы.

— Если ваша милость позволит, я бы не хотела об этом говорить.

— Значит, расчет будет без рекомендаций, — холодно бросил Рик.

Мэри опустила голову. Эти слова стали для нее очень неприятной неожиданностью.

— Я служила хозяйке больше трех лет, — произнесла она.

— И теперь, когда она так странно пропала, вы хотите покинуть дом, который может

быть затронут скандалом?

— Нет! — ахнула Мэри. — Господи, конечно нет. Хозяйка спасла мне жизнь, и я готова отстаивать ее доброе имя даже ценой своего.

— Тогда в чем дело? — Рик заметно смягчился и взглянул на Мэри со своим обычным любопытством. — Какое неотложное дело вдруг заставило вас сорваться с насиженного места?

— Мне бы не хотелось об этом говорить, — упрямо повторила Мэри.

— Но, возможно, вам понадобится помощь.

Мэри покачала головой:

— Разве что... экипаж. Который я потом отправлю назад.

Несколько мгновений Рик испытующе смотрел на Мэри.

— Хорошо, — сказал он, наконец, — расчет будет через час, а экипаж — по первому требованию. Это все?

— Да. Благодарю вас, — Мэри присела в реверансе и, пятясь, исчезла в дверях.

Рик пожал плечами и вернулся к разложенным на столе картам. План, который складывался у него в голове, был, пожалуй, излишне сложен... но другого-то все равно не было.

Вечером экипаж, увозивший Мэри, покинул дом Бикфордов. Девушка так и не сказала никому, кроме кучера, куда она направляется, да и с того взяла слово молчать. Дональд-корт. Так звучал этот таинственный адрес. Родовое гнездо милорда, графа Эльсвика. Джорджа. О том, примет ли ее граф, захочет ли выслушать сбивчивые признания, ответит ли на ее давнее чувство, Мэри старалась не думать. Она и так думала слишком долго и ничего путного ей в голову не пришло. Значит, пришла пора действовать. А там — посмотрим.

* * *

Подпиленная цепь, упав, звякнула о доски — не удержал. Звук был не громким, все же цепь сначала скользнула по ногам, но сейчас он показался зловеще-звонким. Раб прислушался — в чреве галеры было по-прежнему тихо, если не считать десятка храпящих морд.

— Давай... — прошептал итальянец, — следующий...

Если бы они пилили только в эту ночь, то вряд ли успели все. Но хитрость умножила труд, и, хвала Богу, они догадались заняться этим раньше.

Миг, шорох — и они затихли. Толстый Хаиб, поигрывая плетью, важно прошествовал по палубе. Они проводили его злобными взглядами. Хаиб поднялся по трапу на верхнюю палубу.

— Тихо, — Николо приложил палец к губам, — давай теперь этих...

Спешили как могли, соблюдая осторожность. Оковы, такие ненавистные за эти долгие месяцы, а у кого и года, теперь заботливо придерживали рукой. Чтоб не упали, не выдали звуком. И главное: теперь это не просто цепи. Теперь это их оружие, их пропуск домой... или куда они там все стремились? Кто куда. К своим родным местам или иллюзиям...

— Передай пилку... помоги.

Ах, что это была за ночь. Пьянящая свободой и отмщением. Да еще и безлунная, как по заказу.

— Пили, чего уставился? Немного осталось.

— Братцы, меня не забудьте.

— Пили!

Томас Свифт, освободившись одним из первых, намотал на руку часть цепи и поспешил к трапу, по которому поднялся Хаиб. Он все правильно рассчитал, это жирная морда делала обход каждые полчаса... если не ленилась. Свифт кивком подозвал к себе еще троих освободившихся.

— Он сейчас спустится, — едва слышно прошептал Свифт, — надо принять. Только

тихо.

В ответ ему молча кивнули.

— Быстрее...

— Цепь... ай, руку зажало...

Люди спешили, и в этой спешке невозможно было избежать лишнего шума. Доски над головой скрипнули от тяжелой поступи. Свифт приложил палец к губам. Не сразу, но его жест заметили. Рабы притихли.

Огромные ступни в сандалиях спустились на три ступени. Показались колени... еще две ступени, и Свифт жадно вцепился в ноги надсмотрщика руками. Еще три пары рук мгновенно поддержали маневр, и Хаиба буквально сдернули вниз.

— Ай... а... — это все что он успел выжать из себя, и ему тут же заткнули пасть какой-то грязной тряпкой.

Кто-то врезал кулаком по морде, кто-то отчаянно начал пинать, отчего объемное пузо турка ходило ходуном. Лишь Свифт действовал прагматично. Он накинул надсмотрщику на горло цепь и стал его душить. Дело оказалось непростым, и у Свифта ушло не меньше минуты на то чтобы толстяк перестал сучить ногами.

— Все, — устало выдохнул Свифт, — готов! И перестаньте его пинать! Говорю вам: он сдох.

— Тьфу, падаль! — кажется это грек смачно сплюнул на труп и добавил что-то на языке родных с далекого Олимпа.

— Да тише вы. Угмонитесь! — Свифт обвел всех жестким взглядом. — Помогите освободить остальных.

Распорядившись, Свифт извлек из-за пояса убиенного турка пистолет и ятаган.

— Gib mir¹⁹, — попросил немец, протягивая руку.

Томас колебался всего секунду, а затем протянул Альберту пистолет.

— Danke, — немец осмотрел оружие, — Gut.

Еще несколько минут пришлось ждать, пока наконец все рабы не освободились от своих оков.

Томас выставил караул у обоих трапов и собрал всех в центре нижнего дека.

— Нас больше, — прошептал он, — и у нас внезапность...

— У них оружие... — перебил кто-то.

— Можешь остаться тут, — резонно заметил Свифт. — Выходим сразу по двум трапам. Там должно быть три... ну пять часовых. Надо постараться убрать их по-тихому.

Томас горько улыбнулся. Не все понимали английский...

* * *

Не всегда боги на стороне слабых и обиженных, а следовательно, не всегда они правы. Боги способны ошибаться. Вот и сейчас...

Двух часовых им удалось снять тихо и также беззвучно забрать их оружие, а вот с третьим вышла неувязка. Он почувал опасность и резко развернулся, когда Альберт и еще двое крались к нему. Мгновенно лягнул ятаган, покидающий ножны, и нервы немца не выдержали. Он с такой силой приложил турка рукояткой пистолета, что тот, выронив оружие, грохнулся на палубу, сотрясая доски. Четвертый часовой услышал шум, обернулся, заметил полуголых рабов на палубе и заверещал как резаный.

— Тревога! Тревога! — в его руке появился пистолет. Раздался выстрел, окончательно переполюшив все судно. Пуля сразила одного из рабов, но и Альберт был начеку. Его выстрел тоже оказался точным.

Свифт, больше не таясь, ринулся вместе с рабами в помещение для абордажной

¹⁹ Дай мне. (нем.)

команды. А люк уже открывался, и оттуда показалась голова в чалме. Томас рубанул что было сил и злости, расколов череп турка, словно спелый арбуз. Телу не дали упасть, подхватили и втянули на палубу. Арсенал атакующих пополнился еще одним ятаганом и пистолетом. Свифт первым дотянулся до «огнестрела», взвел курок — и вовремя. Внизу за поручни трапа уже ухватился еще один турок... и получил пулю между глаз.

— За мной! — дико проорал Томас и скатился вниз.

Объятая жаждой мщения толпа рабов кинулась следом. И уже через секунду внизу кипела отчаянная схватка. Несколько светильников горели в специальных металлических подставках, прикрепленных к вертикальным балкам. Света было немного, но противники хоть как-то могли видеть друг друга.

Поначалу застигнутые врасплох абордажники понесли некоторые потери, но затем, быстро оправившись от шока, сплотились и сами перешли в контратаку.

— Алла! — их ятаганы и топоры, мелькали в воздухе, круша неопытных в таком деле рабов.

— Алла!

— Бей неверных!

— Господи... а-а-а!

Крики смешались с лязгом оружия. Люди падали и убитые, и раненые. В тесном пространстве у раненых не было шансов — их просто затапывали.

Рабы орудовали цепями, но что такое цепь против острого ятагана? Цепью не размахнешься. И оттого рабы отчаянно кидались вперед и восторженно оглашали галеру возгласами, когда им удавалось отбить удар клинка и накинуть цепь на шею врага. С убитых турок тут же снимали оружие: ножи, ятаганы и, о счастье — пистолеты, — все сразу шло в ход. И если руки убитого раба выпускали оружие из рук, его без задержки подхватывал следующий в строю.

И все же рабы теснили турок. Еще один нажим — и оставшийся десяток абордажников оказался прижат к стене. Томас заметил одного турка, сразу определив в нем командира. Тот, голый по пояс и уже весь в порезах и в крови, отбивался сразу двумя ятаганами. Свифт видел, как он ловко орудовал обеими руками, отчего уже не один несчастный лишился головы. Томас спешно перезарядил пистолет и выстрелил. Не совсем удачно, попал в плечо, но главный турок покачнулся.

— Вперед! — рывкнул Свифт и в азарте метнул пистолет в противника. Рукоятка удачно вцепилась одному из турок в глаз, и тот отшатнулся.

Рабы усилили натиск и наконец сломили сопротивление. Трое уцелевших турок разом бросили оружие. Это было ошибкой с их стороны, или они надеялись... Их тут же растерзали озлобленные рабы.

Томас обвел поле боя усталым взглядом. Он хотел было уже присесть на скамью, но, вспомнив о втором отряде, пулей помчался к выходу.

— За мной! — обернулся он у самого трапа.

За ним последовали почти все...

Но его опасения были напрасны. Второй отряд отлично справился с задачей. Да и повезло им куда больше. Матросы почти не оказали сопротивления.

— Вот только Али — мразь! — сплюнул на палубу Николо. — Двоих наших зарубил.

Томас понимающе кивнул. Здоровяк Али мог бы устроить и не такое...

— Вы его?

— Да вот, — обернулся Николо, — спасибо Христопулус сообразил. Бросил в его морду светильник с маслом... ну и мы уж не сплеховали, пока он крутился, как угорь на сковороде.

— Отлично. А капитан? — спросил Томас.

— Шлюпка! Они уходят... — прокричал кто-то, стоящий у борта.

Все кинулись на голос. Один из рабов перегнувшись через борт, указывал рукой во мрак ночи.

— Какая шлюпка?
— Я вам точно говорю! Вон-вон...
— Ничего не видно.
— Тихо! Заткнитесь все!
— Да. Слышу — уключины.
— Капитана нет. — Это вернулся Николо. Видать, успел сбегать и проверить. — И его жены нет и той женщины тоже...
— Вот черт, — Томас крепко приложился кулаком к борту судна.

* * *

Бывшие рабы, завладевшие кораблем, встретили рассвет на верхней палубе в жарких дискуссиях. Вопрос на повестке дня стоял всего один, но зато жизненно важный — куда плыть?

Вернее, изначально вопросов было два. Но первый, кто будет капитаном, решился почти моментально. Поскольку никто кроме Томаса Свифта не разбирался в навигации, то остальные кандидатуры даже не выдвигались. Вернее, была одна — голландец Питер, но после того, как Альберт показал ему свой увесистый кулак, кандидатура взяла самоотвод. На что немец коротко заметил:

— Gut, — и очень по-доброму посмотрел на голландца.

Жаркие споры разгорелись именно из-за пункта назначения. Команда подобралась самая что ни на есть интернациональная и, разумеется, тут же образовались союзы именно по этому признаку. Французы, англичане, голландцы, немцы, итальянцы почти из всех королевств полуострова, несколько греков и испанцев, тройка славян, парочка арабов и даже один африканец — все они мечтали поскорее вернуться домой. И непременно к родным берегам. Горше всех пришлось африканцу и арабам, ибо их дом хоть и был рядом, но они, увы, находились в подавляющем меньшинстве. И при любом раскладе их голоса ничего не значили. И выбор у них был небогатый. Или со всеми, или домой вплавь. Но плавать бедолаги не умели, посему, организовав мусульманский клан, они уселись у мачты и с интересом наблюдали, куда их занесет причуда судьбы. Или, если верить Корану — воля Всевышнего. Пребывая в меньшинстве, они с детской наивностью прислушивались к ругани на палубе, ибо из всего сказанного сами не понимали ни слова. Они могли только догадываться о смысле сказанного, хотя это не мешало им время от времени делиться друг с другом какими-то замечаниями. Надо отметить, что языковой барьер возник не только у них. Многие не понимали своих оппонентов, или понимали от силы наполовину. Нашелся кое-кто способный перевести с одного языка на другой. Но пока он пытался донести до товарищей суть сказанного, речь уже шла о другом или третьем. Все это совершеннейшим образом запутывало ситуацию. И в довершении всего, этот чисто географический спор перешел границы разумного и неожиданно уткнулся в непробиваемую стену религиозных противоречий. Протестанты и иже с ними, коих принято было именовать еретиками, ни в какую не желали высаживаться на католические берега. А если принять во внимание, что почти все досягаемые берега находились в лоне Святой Римской Католической Церкви, то выбор казался очевидным. Но это только на первый взгляд, ибо католиков и еретиков оказалось почти поровну. Спор уже грозил перерасти в вооруженный конфликт, и тут слово взял Томас Свифт. Вернее сказать — потребовал. Он разрядил в воздух сразу два пистолета, вскочил на три ступени вверх по трапу и произнес:

— Послушайте, что я вам скажу. Мы кинем жребий!

Глава 14

— Подумать только, я почти забыла, как это может быть чудесно, — Ирис стояла на верхней палубе «Синего цветка», рассекавшего мощным форштевнем шелковую

поверхность воды, и глубоко, с наслаждением, дышала. Небо было изумительно ясным, несмотря на зловещую репутацию этих мест. От Дика Ирис уже знала, что моряки не любят эти воды именно потому, что здешней погоде нельзя доверять: в одно мгновение легкий попутный бриз мог смениться жестокой бурей, и предугадать ее не было никакой возможности.

Впрочем, для рыбаков здесь был истинный рай. С незапамятных времен в этих водах промыслили анчоусами и камбалой, добывали сельдевых акул. Рыбный промысел был самым стабильным источником дохода — и самым опасным. Бывало в охоте за «живым серебром» гибли целые флотилии рыбацких лодок.

Нелегко приходилось и торговцам. Но тех, кроме вошедших в страшные легенды штормов, подстерегала иная опасность. Порты христианского мира были закрыты для мусульман, и это вызывало вполне законную неприязнь беев и деев. Выражалось это не слишком светлое, но обоюдное чувство преимущественно в пиратстве. Берберы славились своей способностью появляться где угодно. Обычно они пренебрегали пушечной дуэлью, так как в вооружении легкие шекки не могли соперничать с тяжелыми испанскими галеонами. Но их необыкновенная маневренность, а так же многочисленность абордажных команд и дикая их ярость, помноженная на религиозный фанатизм и пренебрежение к смерти, — все это не сулило ничего хорошего христианскому кораблю, отбившемуся от каравана. А это случалось довольно часто именно потому, что шторма были делом обычным.

Как правило, берберы не покушались на сами корабли. После короткой, но кровопролитной схватки, если Аллах был к ним милостив и даровал победу, они опустошали трюмы от груза: сколько могли принять, сгоняли оставшихся в живых матросов и, учинив им беглый осмотр, самых сильных тотчас забивали в колодки. Им предстояло до самой смерти гнуть спины либо на веслах, либо где-нибудь в поле. Оставшихся предоставляли их судьбе, и, пробив днище захваченного корабля для верности в нескольких местах, удирали так стремительно, как это и подобает шакалам.

Подобное положение могло бы задушить коммерцию в этих водах: конвой был ненадежен, риск велик, цена товаров росла пропорционально риску, а значит, торговля становилась невыгодной. Но нет такой напасти, которую бы не преодолел цепкий ум коммерсанта в погоне за лишней монетой. Через некоторое время выход был найден. Торговцы, объединенные в крупные компании, заключали договора с берберскими пиратами и, уплатив им дань (как говорили беи), или компенсацию за охрану (как предпочитали выражаться торговцы), получали охранный «фирман» с печатью либо самого султана, либо одного из высокопоставленных чиновников. Печать гарантировала им неприкосновенность и даже некоторую защиту «законопослушных» пиратов против тех, для кого никакие законы были не писаны, в том числе и арабской вязью, а таких вполне хватало и среди подданных султана.

«Синий цветок» принадлежал к могущественной торговой компании и, конечно, имел на борту «фирман» с печатью — так, на всякий случай. А еще он имел двадцать пушек и достаточно полновесных ядер к ним и команду, прошедшую огонь, воду, медные трубы и чертовы зубы: команду, прекрасно знающую, сколько весит весло на галере, как «ласково» гладит спину кнут надсмотрщика и готовую драться до победы или до смерти.

— Море у вас в крови, — улыбнулся Дик Вольнер, стоявший рядом с Ирис, — я был уверен, что оно вас не отпустит. Рано или поздно это должно было случиться. Жаль только, что при таких обстоятельствах.

— При мысли, что может случиться с Кэти, я схожу с ума, — призналась Ирис, стискивая перила. — Она... совсем не готова к такому повороту. Дочка судьи, тихая жизнь в деревне... Она ничего не знает ни о море, ни о... людях, которых здесь можно встретить. Понятия не имеет, как с ними нужно держаться.

Дик пожал плечами.

— Судя по тому, что вы рассказывали о своей подруге, все не так безнадежно. Я представил себе женщину разумную и достаточно гибкую. А то, что хорошо гнется, как

правило, редко ломается.

— Ваши бы слова да Богу в уши, — покачала головой Ирис, — говорят, мужчина лучше всего дерется шпагой, а женщина — половником. Но я не могу себе представить бой с пиратами, выигранный при помощи кухонной поварешки.

— Ну... я бы мог себе представить даже несколько вариантов, — задумчиво протянул Дик, — поварешка — штука сильная.

Сообразив, что маленький штурман просто пытается ее отвлечь и успокоить, Ирис постаралась переменить тему.

— Вы ведь не в первый раз идете этим курсом?

— О нет! Бискайский залив скоро будет мне сниться в самых любимых кошмарах, а Средиземное море — являться наяву. Погода там, правда, что надо. Шторма — бури в стакане, выдержит даже лохань, в которой миссис Вольнер стирает мои рубашки. Но вот обстановка... Даже не знаю, чего стоит опасаться больше — зеленого знамени или ключей святого Петра. Ревностные католики как оголодавшие волки рыщут в поисках заблудших душ, которые можно вернуть на путь истины с помощью колодок, дыбы и огня. Хуже всего то, что они не собирают сокровищ на земле, а собирают их на небе. Купить солдат ордена невозможно.

— А убедить?

— Шутите? Кто может переспорить фанатика?

— Вы говорите так, словно уже сталкивались с ними? — догадалась Ирис.

— Да. «Синий цветок» пару раз заходил на Сицилию и Корсику. Сейчас придется сделать то же самое.

— Пряности?

— Нет, не покупать. Продавать.

— Что можно купить в Англии и продать на Сицилии? — по-настоящему удивилась Ирис. — Ведь там любой товар стоит в три раза меньше, чем у нас.

— Не любой, — возразил Дик. И замолчал. По выражению его лица хозяйка поняла, что ей предложен экзамен.

— Оружие, — тихо выдохнула она после минутного раздумья, — ножи, пистолеты...

— Причем, с любым клеймом, — кивнул маленький штурман, подтверждая ее невероятную догадку, — после того как товар исчезнет среди цветущих оливковых рощ, никто уже не отследит пути прославленного толедского или дамасского кинжала. Мирные земледельцы, повязанные жесткой круговой порукой, умеют не оставлять следов.

— Капитан торгует ворованным оружием с итальянскими разбойниками? — переспросила Ирис, думая, что ослышалась.

— Именно так. Только не капитан.

— А кто?.. Подожди, ничего не говори. Сама скажу. Это Рик?! Мой муж...

— Это очень доходное дело, — снова пожал плечами Дик, — и оно не более безнравственно, чем торговля людьми. Иногда мне даже кажется, что есть что-то справедливое в том, чтобы дать крестьянам в руки оружие, которым они могут защитить себя, свои дома и семьи. Если уж этого не в состоянии сделать закон.

— Забавно, — проговорила Ирис, вглядываясь в сине-зеленые волны, — почему-то я совсем не удивлена.

— Чему тут удивляться? — хмыкнул Дик. — Мы живем в мире, где человек человеку — волк.

— Не оскорбляйте животных, — бросила Ирис. От ее радужного настроения не осталось и следа.

* * *

Лицо обдувал приятный легкий ветер. Кэти догадывалась, что к полудню тут начнется настоящее пекло, но сейчас, в тени оливковой рощи, было довольно приятно. Особенно

приятно было растянуться на твердой земле, после того, как ненадежные воды носили их шлюпку несколько дней и берег то появлялся, то исчезал, а у них с Лайлой никак не получалось выгresti против волны. Господин Мехраб как получил обрывком цепи по голове, так и не приходил в себя. Правда, больным он был тихим и воду пил исправно, а с утра даже проглотил несколько раздавленных оливок, и это внушило Лайле надежду. На взгляд Кэти — совершенно необоснованную. Турок больше напоминал покойника, чем живого человека. Впрочем, цвет его лица как будто и вправду улучшился. Если перемена синеватого на зеленоватый могла быть хорошим признаком.

Это был их первых рассвет на незнакомой земле. Вчера, уже ближе к вечеру, им все же удалось пристать к берегу и вытащить из лодки бесчувственное тело турка. Саму лодку спасти не удалось. Пока возились с господином Мехрабом, оттаскивая его подальше от полосы прилива, хищная волна слизнула шлюпку — как будто той и не было. Ловить ее и пытаться вернуть женщины даже не пробовали. Лайла шумно расстраивалась, в потоке ее быстрой речи Кэти уловила, что крепкую лодку можно было продать, и на эти деньги купить лошадь или пару ослов. Усмехнувшись про себя, Кэти подумала, что пара ослов тут точно уже есть. Проглядеть бунт на собственном корабле!

Поток ее мыслей прервал быстрый говор турчанки.

— Что? — переспросила Кэти.

— Я должна оставить вас ненадолго. Присмотри за господином, — повторила женщина.

— Оставить? — Кэти испуганно привстала. — Куда ты? Зачем?

— Попытаюсь добыть нам какую-нибудь еду и, может быть, одежду.

— Добыть... то есть украсть? — снова переспросила Кэти.

Лайла пожала плечами:

— Предпочитаешь умереть с голоду?

— Но... может быть, можно попросить.

— Может быть, так и придется сделать. Но потом. Не сейчас. Пока на нас эта одежда, нам нельзя никому попадаться на глаза.

— А... что случится? — изумилась Кэти.

— Посмотри вокруг, глупая девочка, — Лайла повела рукой, — что ты видишь?

— Деревья, — все еще не понимая, ответила Кэти, — и что?

— А за деревьями?

Кэти посмотрела в том направлении, куда указывала сильная, загорелая рука Лайлы, униженная браслетами. И ахнула с невольным восхищением. На горизонте вздымались свои вершины величественные горные громады. Кэти, выросшая на северном побережье Англии, никогда не видела, как земля тянется к небу. Самые высокие пики были белы от снега, а внизу зеленели оливковые и апельсиновые рощи.

— Какая красота, — шепотом произнесла она.

— Да... красота, — повторила Лайла с насмешкой в голосе, — ты, видно, никогда здесь не была.

— А что здесь такое? По твоему лицу можно подумать, что в этих горах живет дракон.

— Если бы, — вздохнула Лайла. — Случись выбирать, мы бы выбрали дракона, пусть даже семиглавого и огнедышащего ... Это Пиренейские горы. За ними лежит Франция, где мы могли бы найти приют, пищу и помощь. Думаю, там до сих пор живут мои родители.

— Твои родители? — поразились Кэти. — Так ты не турчанка?

— Я родом из Оша. Мой отец — портной. У меня пятеро братьев и две сестры. Но я уже давно ничего о них не слышала.

— Не понимаю...

— Все просто. Я была очень красива. Очень. Отец надеялся, что меня посватает какой-нибудь богатый горожанин, но Бог распорядился иначе. Меня украли разбойники и продали пиратам. Потом я оказалась на невольничьем рынке, и меня купил господин Мехраб, — Лайла бросила в сторону супруга взгляд, полный нежности. — Он оказался хорошим

господином. Я ни в чем не знала нужды. А когда я родила сына и стала первой женой... — она вздохнула, — до сих пор содрогаюсь при мысли, что могло быть иначе. Трех девушек, которых везли на одном корабле со мной, купил старый мерзавец Камал, который уже ничего не мог... Конечно, они не сумели оживить его мужскую суть, ведь ему было уже лет сто! В наказание за то, что они не угодили господину, он замучил их насмерть.

— Какой ужас, — ахнула Кэти, — но куда же смотрел судья?

— Судья? — горько переспросила Лайла. — Раб — собственность господина. Он может сделать с ним все, что захочет. Закон будет на его стороне.

— Значит, это неправильный закон!

— Только не скажи этого при господине, — предостерегла Лайла, — впрочем, даже если скажешь, он не поймет. Он так и не сумел выучить язык моей родины.

После недолгого молчания Кэти подняла на Лайлу внимательные глаза.

— Значит, у тебя было другое имя?

— Ах, да... И, похоже, настало время его вспомнить. Его и многое другое. Нам повезло, что ты так хорошо говоришь по-французски. Только некоторые звуки произносишь не совсем правильно... но я с тобой позанимаюсь, и все получится. Ты — Китти, здесь ничего менять не нужно, хорошее имя для француженки. Тебя называли в честь святой Катерины. Я — Николь. Он — Жан-Пьер. Мы — твои родители, понятно?

— Понятно, — кивнула Кэти, — чего тут непонятного. Только как Жан-Пьер умудрился родиться и вырасти во Франции, не зная французского?

— Господь в своей неизреченной милости отнял у моего супруга и твоего отца дар слуха и речи, — с напускным благочестием проговорила Лайла-Николь, опустив глаза долу.

— Умно, — кивнула Кэти, — но зачем все это? Почему не сказать все как есть? Мы ведь всего-навсего жертвы.

— Это Испания, — произнесла Лайла таким тоном, словно объяснила все сразу.

— И что? — не поняла Кэти.

— Здесь не стоит быть ни мусульманином, ни протестантом. Таких, как мы, тут жгут на кострах. Любая ошибка может стоить нам жизни. Так что, прошу тебя — не ошибайся.

Лайла... вернее, Николь направилась в сторону оливковой рощи, оставив Кэти в тяжелых раздумьях. Господин Мехраб спокойно спал, и Кэти невольно позавидовала ему. «Сжигают на кострах», надо же... Впрочем, чему удивляться?

Бросив напоследок беспокойный взгляд на мужа и ободряющий — на Кэти, Лайла с грацией дикой кошки поспешила по тропе, ведущей вверх, вдоль зеленых стен, что террасами забирались в гору. Вскоре даже ее яркое одеяние перестало мелькать в густой листве. А шаги женщины Кэти перестала слышать гораздо раньше.

Она осталась одна. Господин Мехраб не в счет, даже если он придет в себя. Все равно они с турком не понимали друг друга.

Напившись воды из родника, Кэти почувствовала голод и с сожалением вспомнила все те незнакомые, острые яства, которые так упорно отталкивала на корабле. Сейчас бы ей сюда одно из тех аппетитно пахнущих блюд, она бы умяла его за обе щеки и даже не спросила из чего оно сделано... не говоря уже о том, чтобы протестовать против отсутствия вилки. Зачем вилка, когда есть пальцы?

Одежда... Ну, одеждой это можно было назвать весьма условно, даже когда оно было новым и целым. Свободный корсаж, не стягивающий грудь, но не оставляющий ни малейшего шанса фантазии — все на виду, и легкие, почти невесомые широкие «шальвары», созданные скорее чтобы показать ноги, чем чтобы их укрыть. Будто мало этого — еще и с разрезами по бокам, чтобы уж совсем не приходилось ни о чем догадываться. Так сказать: товар — лицом. А поверх всего этого — черная плотная накидка, через которую не проникали даже лучи солнца, не то что нескромные взгляды. Ночью в ней было холодно, а днем — нестерпимо душно.

Мягкие остроносые тапочки без задников, очень удобные для ходьбы по коврам, во время их сумасшедшего бегства, конечно, пропали.

Кэти с сомнением оглядела свои ступни. Так она далеко не уйдет. Да и на лошади ехать не сможет. Невелико удовольствие — босая нога в стремях.

Уйдя в размышления, девушка не заметила, как задремала, разморенная благодатным теплом.

Проснувшись она внезапно, словно ее толкнули, и несколько мгновений не могла понять, откуда взялся этот внезапный страх, почти паника. Наконец сознание скинуло дрему, и Кэти сообразила, что слышит голоса. Совсем рядом. Грубые мужские голоса, низкий смех — их было много, и они приближались.

«Таких, как мы, здесь жгут на кострах...»

Кэти вскочила и торопливо огляделась. Тропинка уходила вниз и, круто поворачивая, терялась в зарослях тамариска. Не помня себя от страха, она неловко подхватила турка под мышки и поволокла прочь, не слишком заботясь об удобстве раненого. В другое время она бы в одиночку, наверное, даже не смогла приподнять крупного, тяжелого мужчину. Даже вдвоем с Лайлой это было нелегко. Но тут ужас упятерил ее силы, и Кэти почти кувырком скатилась вниз, в кусты, последним судорожным усилием подтягивая турка. Успеет ли подняться трава?

К счастью, мужчин задержал прохладный родник. Пока они утоляли жажду, Кэти успела не только спрятаться поглубже, но и подтянуть за собой турка, скрыв торчавшие ноги в сапогах. И даже устроить его поудобнее, подложив под голову свою накидку. Замерев, словно перед змеей, она напряженно вслушивалась в голоса наверху, ожидая, когда мужчины пройдут мимо.

Но, похоже, удобная полянка приманила не только потерпевших кораблекрушение. Напившись, мужчины стали располагаться на отдых, перебрасываясь короткими фразами. Кэти старательно вслушивалась, но суть разговора ускользала от нее. Похоже, Лайла оказалась права — говорили эти люди не по-французски, речь была медленнее, некоторые звуки словно «сглатывались», а иные, наоборот, звучали четче. И несмотря на то, что несколько похоже звучащих слов она услышала, смысл разговора остался темным. Этого языка Кэти не знала.

Внезапно господин Мехраб глухо застонал. В панике Кэти попыталась зажать его рот ладонью, но тот вырвался с неожиданной силой, приоткрыл глаза, поддернутые мутией, что-то буркнул и снова потерял сознание. Кэти приподняла его, с силой прижала лицом к своему плечу и, укачивая его, словно младенца, тихо, успокаивающе забормотала в самое ухо какую-то чушь.

Поняв, что турок успокоился, Кэти снова прислушалась к неясным голосам наверху. Похоже, их не слышали. Мужчины продолжали говорить, как ни в чем не бывало. Голоса стали громче, более страстными и напористыми. Похоже, по кругу прошла бутылка вина... Ноздри защекотал запах свежего, острого сыра и лука. Кэти непроизвольно сглотнула слюну. Пошли уже вторые сутки, как она ничего не ела. Может быть, закончив трапезу, эти люди что-нибудь оставят?

Набравшись смелости, Кэти осторожно высунула нос из своего укрытия. Густые заросли олив скрывали ее от сидящих на поляне кругом, но сама она могла их видеть достаточно близко.

Мужчин было пятеро. Все — разного возраста. Один — убеленный сединами старец с благодатной снежной бородой и круглой плешью во все темечко, похожей на папскую тонзуру, двое — безусые юнцы, еще двое были, что называется, «в расцвете сил». Одеты они были все примерно одинаково: серые бумажные рубашки, потертые жилеты или колеты, панталоны, подвязанные под коленями шнурками, толстые шерстяные чулки и грубые башмаки. Круглые шляпы они держали в руках, а котомки бросили рядом. Посреди полянки был расстелен плащ и, рассмотрев то, что на нем разложено, Кэти почувствовала настоящую муку: большой хлеб с золотистой, поджаристой корочкой, полкруга сыра, пять или шесть луковок, большой шмат жирной ветчины, гроздь спелого, впитавшего солнце винограда и большая, оплетенная лозой, бутылка, видимо, с вином. В желудке у девушки предательски

заурчало, и она поспешила вжаться в землю так, словно это могло чем-нибудь помочь.

В голосах незнакомцев звучали то азарт, то злость, то насмешка. Кэти скоро наскучило вслушиваться в непонятную речь, и она принялась разглядывать мужчин, рассеявшихся на поляне. Ближе всех к ней оказался сухощавый человек лет сорока. Голос он подавал редко, но говорил веско. Когда он поднимал руку, все почтительно замолкали. Вот на эту руку Кэти и уставилась во все глаза, потому что лица его разглядеть не могла — он сидел спиной. А рука была занятой. Рукава рубахи были закатаны до локтей, и худую, но мускулистую руку с крупной кистью в несколько витков обвивала змея. Не живая, конечно. Искусная татуировка — змея, кусающая запястье. Засмотревшись на руку, Кэти увидела, что мужчина время от времени машет ею куда-то вверх, и, проследив за очередным взмахом, разглядела в высокой траве мужские сапоги. Черные сапоги с каблуками, для езды верхом. Неожиданно сапоги шевельнулись, и девушка сообразила, что это не просто брошенная обувь. В этих сапогах были чьи-то ноги.

«Ну и что, что ноги? — сердито подумала она. — Тебе какое дело до чьих-то ног. Мало ли — напился человек вина, разморило на жаре. Уснул. Тебе своих забот мало?»

«А почему его тогда не спрятали в тень? — удивился внутренний голос. — Почему на всех остальных деревянные башмаки, а на этом — сапоги. Почему он лежит в стороне от общей компании, и никто его не окликнул, чтобы угостить вином и сыром?»

Если разобраться, все это было совершенно не ее дело. И самое умное, что можно было предпринять, это аккуратно отползти вниз и последить за господином Мехрабом, чтобы не вздумал снова стонать.

Рассуждая так, Кэти уже осторожно двигалась вдоль края поляны, туда, где она заметила черные сапоги.

Прячась за густой растительностью, Кэти обогнула место, где расположились незнакомцы, ничем не выдав своего присутствия. Так... сапоги она видела где-то... Ну правильно. Здесь они и есть. А к сапогам — узкие панталоны из благородного черного бархата, черный кожаный колет, перечеркнутый тисненой перевязью, кипенно-белая рубашка из тончайшего шелка. И аккуратно, коротко подстриженный затылок. Опустив взгляд вниз, девушка увидела кисти, заведенные вокруг крепкого деревца и крепко перехваченные сыромятным ремнем.

Выходит, компания остановилась не только затем, чтобы попить воды из родника. Они привязывали вот этого...

Пленник! И, судя по богатой одежде — дворянин. Перевязь только подтверждала догадку, а то, что шпаги на ней не было, как и традиционного кинжала за поясом... Его разоружили, а значит, боялись.

«Твое какое дело? — мысленно цыкнула Кэти на свое собственное неумное любопытство. — Откуда ты знаешь, за что его связали? Может быть, вполне заслужил».

«Может, и заслужил, — не стал спорить внутренний голос, — но ведь он, кажется, местный. И — богат. Может быть, тебе тоже пора что-нибудь заслужить?»

«Веревку на шею? — съязвила про себя Кэти».

Впрочем, спор с внутренним голосом шел своим чередом, а девушка уже двигалась по направлению к связанной фигуре.

Пленник ее, конечно, услышал. Дышала Кэти тяжело, да и двигаться совсем бесшумно не получалось. Связанный повел плечами и попытался повернуть голову, но ничего не вышло, скрутили его на славу. Рассмотрев вблизи, как безжалостно врезались ремни и как уже начали синеть тонкие кисти с длинными, изящными пальцами, девушка отбросила все колебания. Аккуратно сползла вниз, коснулась ремней и попыталась их ослабить. Куда там! Стянуты они были так, словно компания на поляне всерьез считала своего пленника особо опасным. Ну, может быть, он и был таким. Но сейчас явно нуждался в помощи. Тот, с кем обращались так жестоко, явно не жилец на свете.

Внезапно мужчина что-то сказал: тихо, едва слышно. Судя по интонации, это был вопрос. Кэти ободряюще сжала его пальцы и в ответ не проронила ни слова. Вместо этого

она нагнулась и что было сил потянула узел зубами. Как будто слегка поддается... Мужчина тоже это почувствовал и энергично задвигал запястьями. И, конечно, затянул узел снова. Кэти зашипела, как рассерженная кошка. Сражаясь с узлом, девушка про себя молилась, чтобы никому из компании не пришлось в голову проверить пленника, чтобы господин Мехраб не застонал, и чтобы ей хватило времени. Наконец, ремень ослаб настолько, что при сильном желании его вполне можно было сбросить. Пленник тоже это понял, но шевелиться не спешил, боясь помешать невидимому другу. Он даже не спрашивал больше ничего. То ли боялся, что их услышат, то ли понял, что ему все равно не ответят. Так или иначе, он сидел тихо, спина его была неестественно пряма, а ноги, подтянутые к себе — готовы к стремительному прыжку в любую сторону.

Кэти вытащила из-за корсажа тонкий, почти невесомый вышитый платок, зубами рванула его на две части, почти присев от громкого звука, с которым разорвалась ткань. Одну половину сунула обратно, а вторую осторожно вложила в руки незнакомца. Тот, словно поняв ее, сжал неожиданный подарок пальцами. А Кэти торопливо отступила назад. Для одного дня глупостей было вполне достаточно.

Она вдруг с опозданием сообразила, что если незнакомец сбежит, то люди с поляны, скорее всего, начнут его искать тут, поблизости, и неизбежно обнаружат ее и турка. И что потом? Мусульманский наряд, половина рваного платка за корсажем. А вторая половина... где? В руках у их пленника, если его поймут. Сговор налицо. И о чем она только думала? О ветчине и хлебе, которым мог угостить ее богатый испанец? О лошади? О дороге домой?

Разморенных жарой людей на поляне вдруг словно подбросило невидимым толчком. Наверху, не так и далеко, раздался оглушительный свист и вслед за ним конский топот, стремительно удалявшийся от поляны.

Взрыв негодования компании был неопишем! Но короток. Сообразив, что пленнику каким-то образом удалось бежать, они быстро схватили котомки и разбросанное по поляне оружие и рванули вверх, подбадривая себя громкими воплями. Через некоторое время Кэти услышала лошадиное ржание, короткие приказы, стук копыт... И все стихло.

Хлеб, сыр, ветчина и солнечный виноград остались разбросанными по поляне.

Девушка опустила на колени и с жадностью принялась отламывать изрядные куски от одного, второго, третьего. Лишь утолив первый, самый сильный голод, она вспомнила о своем спутнике. Бутыл с вином оказалась весьма кстати. Можно попробовать напоить его чем-то более питательным и согревающим, чем вода.

...Пленник. Кем он был? За что эти люди привязали его к дереву? Кэти не знала его имени, не видела его лица и спасла совершенно чужую жизнь, повинувшись порыву. Порыв принес ей еду. И, возможно, кучу забот в будущем.

«Забудь, — посоветовал внутренний голос, — все равно уже ничего не изменишь. Ускакали и ускакали. Поешь как следует и покорми турка, он еще пригодится».

«Спасибо за своевременный совет, — огрызнулась Кэти, — сама бы ни за что не догадалась».

Лайла вернулась, когда оливковую рошу уже окутали сумерки. Она принесла ворох каких-то тряпок и едва не выронила их из рук, обнаружив идиллическую картину. Ее дорогой супруг, полностью пришедший в себя, и английская пленница мирно сидели на одном плаще и с удовольствием ошипывали виноградную гроздь.

— Поешь, — Кэти кивнула на внушительный сверток у ног, — очень вкусно, — и, не дав Лайле опомниться, выпалила: — А что может значить рисунок на руке — змея, кусающая запястье?

— Что? — несмотря на сгустившуюся темноту, Лайла смертельно побледнела.

Глава 15

— Ты хочешь, чтобы я, как горная коза, скакала по этим скалам в корсете, кринолине и бальных туфельках на матерчатой подошве? — возмутилась Ирис. Взгляд госпожи Бикфорд

буквально пригвоздил Дика к стулу. — Ты вообще представляешь, что это такое?

— Слабо, — признал Дик, испытывший в этой жизни многое, но, действительно, нижние юбки никогда не носивший. — Вы всерьез думаете, что в кирасе легче и удобнее?

— Но ты же не собираешься надевать ее СЕЙЧАС, — возразила Ирис. Аргумент был веский. Дик и в самом деле не собирался нести трофейную испанскую кирасу и шлем НА СЕБЕ. Он собирался нести их С СОБОЙ. Разница, что и говорить, большая. Хотя поначалу его терзали сомнения. Тяжесть, распределенная по телу, все же легче, чем тяжесть в мешке за плечами. Однако стоявшая жара оказалась непреодолимым аргументом, уменьшившая его желание свариться заживо в этом железе.

— Ирис, послушайте... Корсика — католическая и весьма консервативная земля. Здесь не принято, чтобы женщина вообще принимала участие в делах, и то, что вы явитесь на встречу, уже будет для нашего друга сильным потрясением. А если вы будете в мужском платье... Он просто сдаст нас святой Инквизиции, потому что решит что вы — ведьма.

— А если я пройду в женском платье пару миль по горам, он так не решит? Ты представляешь, как я буду выглядеть? Не говоря уже о том, как я буду себя чувствовать!

Если женщина что-то вбила себе в голову, спорить с ней бесполезно. Тем более если это — твоя хозяйка, овен по гороскопу и в данный момент — уперлась как баран. О том, что на встрече с предводителем местных *bandito* ей делать, в общем-то, нечего, Дик и вовсе предпочел умолчать. Говорить такое женщине, которая захватывала корабли и на равных сражалась с предводителями карибских пиратов, было... неосмотрительно.

В конце концов, пришли к разумному компромиссу: Ирис облачилась в льняную рубашку, юбку и корсаж на шнуровке, какие носили крестьянки, а чтобы не шокировать сверх меры впечатлительных грабителей, накинула испанскую мантилью. Теперь вроде все было в относительном порядке, и Дик Вольнер, скрепя сердце, признал, что хозяйка вполне может сойти на берег одного из самых прекрасных островов Средиземного моря.

Нож и пистолет госпожа Бикфорд пристроила за поясом, когда Дик отвернулся, чтобы не шокировать его. Уж раз она взялась беречь нервы окружающих, начинать следовало с друзей.

О том, что в первую очередь стоило поберечь нервы мужа и, наверное, все же остаться на корабле, в безопасности, Ирис, естественно, не подумала. Да что могло случиться во время короткой вылазки?

* * *

Пепельные скалы, протяженностью в несколько десятков миль, спускались к самому синему на земле, теплому и ласковому морю, где сплетались гибкими змеями заросли актиний. Сквозь лазурную воду просвечивал перламутром узорный коралловый риф, а вдоль него сновали стайки серебристых рыб. С шумом обрушивался в море водопад, образованный стремительной горной рекой. Над ним висела туча хрустальных брызг. Щедрое на яркие краски здешнее солнце, играя, нарисовало над водопадом целых три радуги. Одна прозрачным мостом перекинулась через реку к небольшой, тенистой каштановой роще. Другая аркой висела над миниатюрной, словно игрушечной, украшенной каменным кружевом церковью, давно заброшенной, но относительно целой. Третья радуга сияла просто так. Рай на земле...

Уже час в раю гремели выстрелы, и лилась кровь.

Небольшой отряд, состоявший из двенадцати довольно пестро одетых разбойников, засев за камнями, вполне удачно отстреливался от солдат республики.

Выгрузку можно было считать успешной. Большая часть ящиков находилась уже в дороге, но тут на беду всем, как в лучших традициях, появились они. С полсотни генуэзских мушкетеров в сверкающих на солнце полукирасах. Появились они дружно, с ходу дали залп, сразив шестерых, но затем, получив в ответ, несколько поубавили свою прыть. Разбойники оказались на диво проворны и успевали на один выстрел отвечать двумя. Офицер генуэзцев

то тут, то там мелькал своим белым пером на шлеме, пытаясь организовать обходной маневр. Но тут двое солдат упали рядом с офицером, и тот ящерницей вильнул за камень.

Однако затяжная дуэль грозила закончиться не в пользу разбойников, ибо порох подходил к концу.

— Я прошу вас, Ирис, — в очередной раз взмолился Дик Вольнер, — вам надо уходить.

— Еще чего... — огрызнулась Ирис, прицелилась и выстрелила из мушкета. — Попала!

— Да-да, — утвердил Дик, — вы попали в камень — отменный выстрел.

— Заряжай, — Ирис сунула ему мушкет. — Скоро вернуться остальные и генуэзцам придется туго.

— Ирис, они уже начали обход...

— Какой обход, Дик? Тут кругом горы!

Но есть у Бога уши — есть! И он услышал. Откуда-то сверху раздались выстрелы, и в следующий миг по тропе слетело несколько разбойников.

— Подкрепление прибыло, — задорно улыбнулась Ирис.

Залп, еще один и, кажется, офицер принял единственно верное решение — отступать.

— Похоже, сеньор, ваш своевременный приход спас наши шкуры! — Ирис поднялась из своего укрытия.

Здоровенного детину, похожего на медведя, вставшего на задние лапы, звали Ринальдо. Хотя вряд ли именно этим именем называла его в детстве маменька. Это была одна из местных традиций — как предводитель шайки, так непременно Ринальдо. Не имя — скорее титул. Или — профессия. Таких Ринальдо Ирис видела уже двоих. Этот был третьим, и только он додумался предложить своим благодетелям навестить его пещеру, размять ноги, вымыться в пресной воде, освежиться местным вином и подкрепиться мясом молодого козленка... А они согласились. Не иначе, умственное затмение нашло. Ни с того ни с сего, посреди полного здоровья, вдруг появились солдаты, заставив Ринальдо и его разношерстную гвардию в спешном порядке распаковывать «английские гостинцы». Верно, ребята дожда очень удивились, когда вместо камней из пращи, удобных на охоте, но малопригодных в бою, в них полетели пули.

— И часто у вас появляются «гости»?

— Да в последнее время чуть не каждую неделю, — прикинул Ринальдо, — словно медом им тут намазано.

Дик в раздумье потер переносицу.

— А тебе это странным не кажется?

Здоровяк пожал плечами:

— Не иначе, объявили награду за голову кого-то из парней.

— Да? А не может быть так, что награда поманила кого-то из твоей шайки... То есть, извини, отряда?

Ринальдо сощурил темные глаза и решительно тряхнул головой:

— Не может быть. Ребята надежные, много раз в деле проверены. Среди моих людей предателей нет, головой ручаюсь.

— Смотри, — в сомнении протянул Дик, — голова твоя, если ошибешься, ей нырять в петлю, так что пусть хорошо думает.

— Нечего ей думать, — отрезал Ринальдо. — Здесь все — братья, Иуды нет.

— Дай Бог, чтобы ты был прав, — кивнул Дик и занялся давно обещанным козленком. Больше к этому разговору не возвращались, но про себя Дик решил, что с надежных и сто раз проверенных ребят Ринальдо глаз не спустит, пока в их компании хозяйка.

Ирис смотрела вокруг во все глаза. Ее впервые пригласили как гостью, дорогую гостью, в настоящую разбойничью пещеру. Леди из общества, которой она пыталась быть, такое приключение не светило ни при каком ветре. А ведь как было интересно. Настя, еще та, сейчас почти не существующая, прыгала бы от восторга и думала, как это все можно использовать на сцене. Вы только подумайте — логово банди... патриотов, поднявших меч против угнетателей. Спартак отдыхает...

Ирис на секунду предалась детским мечтам, но вовремя взяла себя в руки.

Пещера была просторной. В лучшие времена шайка Ринальдо насчитывала до ста человек: Наияснейшая Генуэзская республика трещала по всем швам, занимала у евреев, а проценты пыталась выжать из оливок. К сожалению, на деревьях не росло зеленое масло прямо в запечатанных горшочках. К оливковым рощам прилагались крестьяне с женами, детьми и стариками... И каждому требовался кусок хлеба и луковица. Сплошное разорение для дожа. Пытаясь снять с одной овцы две шкуры, правительство само загоняло мирных крестьян в леса, превращая их в разбойников. Собаку можно кормить кашей... Но если пес раз попробовал мяса, да еще с кровью, кашу он больше есть не будет. Сейчас в шайке было человек сорок, не считая безусых пацанов, и никто из них не горел желанием вернуться к тяжелому крестьянскому труду.

Дорогих гостей провели через анфиладу больших каменных залов, где работники ножа и топора ели, спали, починяли оружие и башмаки и хранили свои немудреные пожитки. Пещера освещалась масляными фонарями, которые постоянно коптили. В их свете разглядеть удалось немного: постели, устроенные из бараньих шкур прямо на полу, очаг с набором вертелов и еще не остывшими углями: благодаря хитрому току воздуха дым от очага уходил не наружу, а внутрь, теряясь в глубине штрека. Наверное, был там узкий лаз или просто отверстие, через которое дым выходил скрытно, не выдавая убежища. Стола не было, ели разбойники «с колена», оружие держали при себе.

Если где и были запрятаны сокровища, то гостям их не показали. Скучноватая, в общем, оказалась пещера. Не тянула не только на Сезам или сокровищницу аббата Фариа, но даже на фильм «Стрелы Робин Гуда». А вот козленок оказался выше всяких похвал, да и красное вино поругать было не за что.

Она сама не заметила, как подкрался к ней сон, прямо у огня, лижущего большие закопченные камни, сложенные кругом.

Мужчина данное слово должен держать. Тем более если слово дано самому себе. После тяжелого перехода на жаре, да все время в гору, стычки с солдатами дожа и, наконец, обильного ужина с молодым вином, его неудержимо тянуло в сон, но моряк, привыкший к ночным вахтам, боролся с дремой вполне успешно. И когда один из ребят Ринальдо зашевелился, Дик насторожился. Разбойник осторожно отодвинул козью шкуру, которой укрывался, привстал на локте и осмотрелся. Дик притворился слепым, глухим и крепко спящим. Этого парня он узнал — один из «командиров» Ринальдо, то ли Пьетро, то ли Паоло... Рожу запомнил, а имя — нет. Ну и Мадонна с ним, с именем. То ли Петр, то ли Павел осторожно встал и, стараясь никого не потревожить, выбрался из угла, который был у разбойников вроде как спальней. Может быть, просто вино дало о себе знать? Но почему парень так осторожничает? И почему направился он не к выходу из пещеры, а вглубь?

Выждав полминуты, Дик осторожно последовал за ним, для верности сняв сапоги.

Предположив, что из пещеры есть второй выход, они с хозяйкой не ошиблись. Парень, который так насторожил Дика, осторожно обогнул очаг и, ступая бесшумно, как большой кот, стал двигаться вдоль стены, вглубь пещеры, туда, куда уходил дым. Дик нырнул за ним, в прохладную темноту штрека.

Шаги то ли Петра, то ли Павла почти сразу же стихли, и Дик напрочь потерялся в темноте. Положив правую руку на стену, он попытался идти вдоль нее, но почти тотчас споткнулся о торчащий из земли каменный выступ и, поминая всех морских чертей с их сухопутными родственниками, остановился.

Разбойник куда-то пропал. И это исчезновение выглядело крайне подозрительно. Но проследить за ним не удалось, шельма оказался слишком ловок.

Дик подумал было о том, чтобы разбудить Ринальдо и рассказать ему о загадочных прогулках его людей, но тотчас отбросил эту мысль. Предводитель шайки был уверен в каждом. Скорее всего, он попросту отмахнется от подозрений пришедшего англичанина, как сделал это днем.

Напращивался только один шаг — хватать в охапку госпожу Бикфорд и уходить прямо

сейчас. Конечно, ночь, горы, которые и при свете дня были едва проходимы. Дик не был уверен, что правильно запомнил направление и выведет Ирис к берегу... Но оставаться здесь было верным самоубийством. Парень исчез слишком чисто, похоже, проделывал он это не в первый раз. Просто удивительно, что Ринальдо и его шайка все еще на свободе. Но это, кажется, ненадолго.

Приняв решение, Дик развернулся и поспешил к выходу, но снова споткнулся. И на этот раз не устоял на ногах. Падая, он попытался сгруппироваться, но не успел, и крепко приложился головой о камень. Сознание оставило его еще быстрее, чем потерялся в пещере Петр-Павел.

* * *

Удача улыбнулась «Фортуне», ныне переименованной в «Немезиду», на пятый день пути, после того, как корабль почти без потерь выдержал жестокий шторм. Корабельные плотники стучали топорами, солнце играло на надраенных до блеска медных частях корабля, вода казалась прозрачной, а небо — безоблачным. Поэтому маленькую серую точку на горизонте заметили сразу.

— Бригантина под флагом Алжира, — произнес Рик, отнимая от глаз подозрную трубу, — личного вымпела раиса нет, значит, командует наемный капитан.

— Это для нас плохо? — спросил Дерек Харрисон, молодой моряк, плавающий с Риком уже четвертый год. Последнее время он ходил на «Немезиде» капитаном, но на этот поход охотно уступил мостик своему старшему другу.

— Посмотрим, — неопределенно сказал Рик, — просигналь этому арабу, чтобы остановился и принял на борт делегацию.

— А это не слишком смело? Невольничий рынок открыт для покупателей шесть дней в неделю, а рабы-христиане ценятся в Алжире только чуть-чуть дешевле, чем нубийцы.

— Ну, может быть, мы с тобой поднимем цену. Ты ведь составишь мне компанию, Дерек?

Молодой моряк пожал плечами:

— Станный вопрос, Рик. Я с вами, даже если вы собираетесь посетить с официальным дружественным визитом желудок акулы. Но кто останется в лавке?

— Боцман. На короткое время он вполне заменит нас обоих. Дисциплину поддерживать умеет, а большего от него и не требуется.

— А если мы не вернемся? — рискнул предположить Дерек. — Миллер не сумеет привести корабль обратно в Англию.

— Если мы не вернемся, корабль не вернется тем более, — Рик невесело улыбнулся, — Алжир — столица корсаров Средиземного моря. Власть в стране принадлежит дивану янычаров и раисам, капитанам каперов. Они должны отдавать в казну одиннадцать процентов добычи, а в остальном вольны делать что хотят.

— Одиннадцать процентов? — переспросил Дерек, — странное число. Неровное какое-то. Почему не десять?

— Потому что это — арабская страна. Здесь не взимают «десятины».

Бригантина носила крикливое название: «Слава Мами». Видно, владелец считал себя наследником легендарного морского ястреба. Или просто надеялся пожить в море за счет «раскрученного бренда». Рик лишь пожал плечами, поднимаясь по носовому трапу, который матросы спустили для них с Дерексом. Его трудно было смутить громкими пиратскими именами. Он и сам носил имя громкое и вполне пиратское. Причем, в отличие от «наследника» Мами, этого алжирского «сына лейтенанта Шмидта», имя он сделал себе сам.

Капитан бригантины оказался совсем молодым, лет двадцати, не больше. Звали его Хамид ибн Мехраб, и он «держал руку султана», правда, пока еще не был раисом — капитаном-владельцем.

Хотя молодой араб старался не показывать вида, было заметно, что визит англичан его

удивил. «Немезида» на порядок превосходила «Славу Мами» и в парусном вооружении, и в бортовом залпе, и пожелай этот невысокий спокойный христианин с внимательными серо-зелеными глазами разнести «Славу» в щепки, он бы сделал это, несмотря на десять пушек, три десятка свирепых «ястребов» с кривыми саблями и заступничество Аллаха. Правда, потом ему могло бы прийти тужа: недавний шторм разлучил «Славу Мами» с двумя быстроходными и хорошо вооруженными шлюпами, ходившими под тем же флагом... Но это если б узнали. А как бы они узнали? Нет, решительно англичанину было незачем разводить дипломатию, проще и вернее было решить дело пушками. Ну и зачем их сюда принесло?

Гости темнить не стали. Едва дверь каюты закрылась за ними, старший в двух словах объяснил цель своего визита. Оказалось, хозяева великолепного грозного корабля прибыли на борт как просители. А еще оказалось, что это были не просто английские джентльмены, каким в Бадестане цена десять динаров при хорошем базаре. Молодой представился Дерекком Харрисоном, о котором даже в далеком Алжире кое-что слышали. А когда назвал свое имя старший, Хамид едва не присел. В пиратском королевстве не было моряка, который хотя бы не слышал о прославленном христианине. Рик трепал испанских сеньоров, как пес требуху.

Округлившись глаза араба без слов сказали гостям, что их имена произвели впечатление.

— Не буду ходить кругами, — произнес Рик, когда хозяин и гости уселись прямо на полу, и слуга-нубиец принес пиалы с чаем, — «Немезида» держит курс прямо в Алжир. У меня важная миссия, которая касается запрета для арабских кораблей посещать христианские порты.

Хамид насторожился. В последнее время об этом много говорили не только моряки, но и придворные.

— Неужели король Яков решил отменить запрет? — спросил он внешне безразлично, но его показное спокойствие не обмануло Рика. Хамид ибн Мехраб был взволнован. Еще бы! Привезти такую новость султану — верный шаг по карьерной лестнице.

— Король Яков — никогда. В этом вопросе он тверд, как слоновая кость, — увидев глубокое разочарование в темных глазах юноши, Рик неожиданно подмигнул, — но это не значит, что вопрос неразрешим. Для этого нужна мелочь.

— Мелочь? — переспросил Хамид.

— Да. Всего лишь — другой король.

Капитан «Славы Мами» едва успел подхватить челюсть.

— Это... неофициальная миссия? — все-таки переспросил он.

— О да, — подтвердил Рик, — абсолютно, строго неофициальная. И совершенно секретная.

— Что... — Хамид от волнения поперхнулся, — что я могу сделать для вас, господа?

— Проводить, — мягко произнес Рик, — ваша бригантина ведь здесь не одна?

Секунду подумав, Хамид кивнул.

— Еще два шлюпа, маневренные и хорошо вооруженные.

— О, — восторженно покачал головой Рик, — вы хороший адмирал, у вас прекрасные корабли.

Хамид оценил намек, ведь большинство алжирских джентльменов удачи располагали лишь галерами, да еще парочкой дырявых корыт. Но это не в счет.

— Шторм разлучил нас, — продолжил араб, довольный, что ему польстили, — но этот случай был предусмотрен. Точка randevu рядом. Так нужно не принять вас на борт, а проводить ваш бриг...

— Мимо испанцев, — так же мягко закончил Рик, — ведь это же возможно?

— «Немезида» собирается плыть под английским флагом? — осторожно уточнил Хамид.

— О нет. Разумеется, мы поднимем зеленое знамя Пророка.

Вот тут челюсть Хамида все-таки отвисла, и юноша ничего не смог с этим поделать.

* * *

Солдаты дождя захватили их в четыре часа утра, когда край неба на востоке лишь начинал светлеть. Сонные, ничего не соображающие разбойники не смогли оказать сопротивления хорошо организованному отряду. Лишь немногие попытались прорваться прямо сквозь цепь солдат. Их тела, напигованные пулями, как утки — орехами, лежали у порога родной пещеры. Командир отряда распорядился их так и оставить, только головы оттяпали... в назидание прочим, может быть, желающим повторить подвиг. Но больше героев не нашлось. Возможно, командир отряда даже жалел об этом, но за мертвого разбойника дож Лука Спинола платил так же, как за живого, однако хлопот с покойниками было куда как меньше: есть-пить не просят, бежать не пытаются. Лежат себе тихонечко в кустах. Милые люди! Правда, пованивают под здешним солнышком. Но уж лучше путь воняют, чем показывают пятки. Брезгливых среди солдат Наияснейшей не водилось. Излишне нервных — тоже. Поэтому трупы решено было бросить, а торопливо отпиленные головы командир пересчитал лично, солдаты собрали их в мешки и навьючили на терпеливых, ко всему привычных лошадок. Воротить носы никто не стал — кто же их воротит от живых-то денег. А «труп врага всегда пахнет хорошо». Остальных, около трех десятков, связали по двое и усадили на землю. Их предстояло тащить через горы: удовольствие сомнительное, но чего не сделаешь ради бескорыстной любви к республике. Двоих почтили особо и связали отдельно — главаря шайки, очередного Ринальдо, и девушку, найденную у очага спящей. Похоже — местную крестьянку. Наверное, кухарила на разбойников. Возможно, даже против воли. Если отец ее жив и достаточно богат, с него можно попытаться получить награду за спасение дочери. Впрочем, попытаться можно, даже если он беден как церковная мышь: у всех есть родственники, хотя бы один из них должен иметь что-то в заглазнике...

* * *

Ирис проснулась от того, что ее сильно и довольно бесцеремонно встряхнули за плечо. Совсем рядом звучали незнакомые голоса, один, требовательный и нетерпеливый, явно что-то хотел от нее, но смысл чужой, быстрой речи ускользал. Первым порывом Ирис было буркнуть «don't understand», или сказать что-нибудь по-русски, не в тему, но от души... К счастью, она успела окончательно скинуть дрему и открыть глаза раньше, чем сам собой открылся рот. А тот как открылся, так немедленно закрылся снова.

В пещере было полно солдат. И они чувствовали себя хозяевами положения. Средних лет, полный мужчина, солнечно-рыжий, отчего он напомнил девушке таракана, отдавал распоряжения, подкрепляя слова размашистыми жестами. Солдаты торопились их выполнить: что называется «на полусогнутых». Видимо, с субординацией тут все было в порядке.

Недавние «союзнички», с которыми «Цветок» провернул сомнительную негоцию, тоже все были тут, связанные, как веники. Покрутив головой, Ирис обнаружила, что сам предмет торговли таинственным образом испарился. Видно, успели прибрать. И слава Создателю! Задним числом Ирис сообразила, что если бы солдаты дождя поймали благородных грабителей «с поличным», с английскими ружьями и пистолетами, то именно ей пришлось бы отвечать перед местными властями за контрабанду. Она же, как ни верти, хозяйка брига. Представив это, она похолодела. Тюрьмы в Италии, судя по сериалу «Спрут», даже в гуманном двадцатом веке не были образцом комфорта. Что же там творилось за сто лет до рождения Наполеона?

Впрочем, кошмар еще вполне мог стать явью. Солдаты усердно что-то искали. Разбойничьи трофеи? Или все-таки ружья?

Разбуживший ее голос повторил уже более настойчиво:

— Chi sei tu?²⁰

Ирис помотала головой, ткнула пальцами себе в уши, высунула язык и снова помотала головой. Это решение пришло внезапно. Даже если среди солдат найдется кто-то, владеющий английским или испанским, объяснять, кто она такая и как здесь очутилась, не было ни малейшего желания. А изображать глухонемую показалось проще, чем дурочку.

Моноспектакль «глухонемая красотка» прошел с успехом. Руки ей, конечно, связали, но не слишком усердствовали. И с выяснением личности решили пока обождать.

Ирис поискала глазами Дика Вольнера, но не обнаружила маленького штурмана ни среди мертвых, ни среди связанных. Это обнадеживало. Помощник Харди отличался большим хладнокровием и был отличным бойцом, несмотря на свой рост и субтильное сложение. Если он жив и на свободе, то это был не просто шанс, это было почти верное спасение. Госпожа Бикфорд воспрянула духом и стала посматривать на солдат уже смелее.

— Ищешь своего штурмана? — тихо, одними губами спросил Ринальдо. Предводитель шайки, тоже связанный, сидел на каменном полу рядом с Ирис. — Он снаружи лежит.

Ирис широко распахнула серые глаза. Вопрос был понятен без слов.

— Не знаю, — ответил Ринальдо, — его несли мимо меня из бокового штрека. Был с головой. Но она моталась туда-сюда... — и благородный разбойник изобразил, как именно она моталась.

Если бы Ирис не была связана, то схватила бы за свою голову. Надо же было так влипнуть!

Между тем, Ринальдо как будто не унывал. Его широкое смуглое лицо было почти благодушным.

— Они приняли вас за местную крестьянку. Пусть они и дальше так думают.

Ирис кивнула и, заметив, что рыжий командир отряда направляется к ним, торопливо отвернулась. Еще не хватало, чтобы кто-то заметил, как глухонемая корсиканская крестьянка болтает с главарем разбойников на языке Шекспира и Оскара Уайльда.

Сощутив глаза, Ринальдо наблюдал за тем, как Гвидо Модильяни по прозвищу Таракан неспешно подходит к нему. Остановившись в шаге от связанного разбойника, Гвидо окинул его внимательным взглядом, нехорошо улыбнулся и медленно, с явным удовольствием пнул ногой в бедро.

Неизвестно, чего он ждал. Ринальдо не отреагировал никак, продолжая все так же спокойно глядеть на рыжего.

— Тебе удобно? Не слишком крепко тебя связали? — с издевательской заботой спросил Таракан.

— Хорошо связали, — усмехнулся Ринальдо, — немножко б хуже, и было бы то, что нужно.

— Нужно для чего? Чтобы ты сумел удрать, собака?

— И это тоже, — не стал спорить Ринальдо, — но сначала я бы не отказался слегка пооборвать тебе усы, Scarafaggio²¹.

Гвидо побагровел. Он ненавидел свое прозвище. Рука его сжалась в кулак. Ринальдо предвидел это и успел отклониться. Удар пришелся по касательной. Разбойник почти не пострадал, а вот Гвидо не рассчитал силы и с размаху влетел в штабель каких-то ящиков. Неровно сложенная пирамида зашаталась.

— Да ты пьян, друг мой Гвидо, — деланно удивился Ринальдо, — парни, ваш командир пьян, как падре Нунье на пасху!

— Никак нарываешься? — сквозь зубы процедил Гвидо.

— Ага, — ухмыльнулся разбойник, — а ты никак уклоняешься, Scarafaggio? Поверить

²⁰ Кто ты? (один из итал. диалектов)

²¹ Таракан. (итал.)

не могу.

— Правильно делаешь, — рывкнул Гвидо и что было силы заехал предводителю разбойников в челюсть.

— Бьешь связанного? Где твое благородство, Гвидо? — подначил Ринальдо, сплюнув кровь.

— А здесь не рыцарский турнир, — отгрызнулся Таракан, — и поэтому сейчас я тебя уделаю, как бог черепаху, и ничего мне за это не будет. За твою голову дож обещал полторы тысячи монет, и ему плевать, сможет эта голова молиться Мадонне или нет...

Таракан уже потянул свою шпагу, но Ринальдо вдруг тихо произнес:

— Развяжи меня.

Гвидо подумал, что ослышался. В голосе разбойника вдруг отчетливо прозвучали повелительные интонации.

— Развяжи меня, — повторил Ринальдо, — и дерись со мной. Потом сделай вид, что потерял сознание.

— Ты что, лаццарони, на солнышке перегрелся? — опешил Таракан.

— Ударь меня, — бросил Ринальдо, — скорее.

— С удовольствием, — Таракан от души пнул наглого разбойника в живот. Перед ним, офицером, этот висельник должен ездить на позвоночнике, а он... А что он?

Выровняв дыхание, Ринальдо поднимался на ноги.

— Во имя Господа я поражу дьявола, — очень тихо и очень отчетливо произнес он.

— Да будет благодать его на моем клинке, — машинально ответил Таракан и только после этого осознал, что произошло. В изумлении он вскинул глаза на нагло ухмыляющегося разбойника.

— Развяжи меня, Scarafaggio, — повторил Ринальдо, — приказываю именем дона Витторио.

— Проклятье, — выругался Гвидо, разрезая веревки на запястьях разбойника.

— Это точно, — согласился Ринальдо, растирая занемевшие руки. И от всей души заехал своему спасителю в ухо.

Ирис ничего не понимала. Во все глаза она наблюдала вначале за перепалкой Ринальдо и командира солдат, потом за потасовкой. В какой-то момент Ринальдо отпрыгнул назад и толкнул один из ящиков в почти остывший очаг. Рыжий побледнел и отшатнулся.

Внезапно Ринальдо прыгнул к Ирис, подхватил на руки, потом перекинул через плечо и огромным кенгуриным прыжком оказался у той дырки, куда уходил дым. Свалив отменной зуботычиной солдата, охранявшего вход, Ринальдо устремился в темноту. Ирис сообразила, что они совершают побег. Но солдаты?!

— Они бросятся за нами! — крикнула она, мотаясь на плече Ринальдо, словно мешок.

— Не успеют, — буркнул разбойник, — а может, и мы не успеем.

— Ты о чем?

Не отвечая ей, разбойник прибавил ходу.

— Дик! — вспомнила Ирис, — может быть, он еще жив. Мы должны вернуться за ним.

— Нет времени, — отозвался Ринальдо. Он споткнулся, едва не выпустив свою строптивую ношу, выругался, но скорость не сбавил. Этот бег в темноте был настоящим безумием. Ирис казалось, что они сейчас врежутся в стену и переломают руки, ноги, а то и шеи.

За спиной раздался грохот — и словно земля подвинулась! По стенам зашуршало, и пара довольно крупных камней больно ударила Ирис в плечо и в бок. Девушка закричала.

Откуда-то сбоку потянуло свежим прохладным воздухом. В пещере ощутимо просветлело. Над горами вставало солнце.

Ринальдо на четвереньках выбрался по довольно крутому ходу наверх, таща Ирис за собой. Только сейчас он немного сбавил ход, но продолжал чутко прислушиваться к тому, что за спиной. Там, кажется, было тихо.

— Где мы? — спросила Ирис.

— По другую сторону скалы, — ответил Ринальдо, — кажется, ход завалило.
— Что это было?
— А сама не знаешь? Нет? Ручные бомбы. Это же вы привезли их мне, и, клянусь Богом, вовремя. Если там кто-то и остался в живых, то ранен или контужен.
— Но там же были и твои люди, — ужаснулась Ирис, — как ты мог!
— Их бы все равно повесили, — пояснил Ринальдо, — а так у них появился шанс. Если кто-то из ребят сумел им воспользоваться — я рад.
У Ирис заболел живот. Болтаться на плече у разбойника было страшно неудобно.
— Может быть, ты развяжешь меня, и я пойду сама?
— Позже, — буркнул Ринальдо, — ты ходишь слишком медленно. Так будет гораздо быстрее.
— Ты же говорил, что преследовать нас некому, — возмутилась Ирис.
— Ну, кто-то мог и уцелеть, — неопределенно отозвался разбойник, — лучше не рисковать.
— А Дик! Надо вернуться за ним!
— Ты замолчишь сама, или тебя ударить? — спросил Ринальдо, и сделал это таким тоном, что Ирис немедленно проглотила язык.

Глава 16

— А мрачноватое местечко, — Этьенн огляделся вокруг. В неясном свете фонаря угадывались почти ровные ряды холмиков: и ухоженных, и заросших густой травой, с камнями в изголовье и без. Никаких надписей на камнях не было. На этом небольшом деревенском кладбище хоронили в основном крестьян, людей простых и грамотой не владевших. — Как мы узнаем нужную могилу?

— Марту хоронили последней, — бросила Джованна, — ищи самую свежую, — и, аккуратно подобрав юбку, пошла по едва угадываемой тропинке вдоль могил, высматривая нужную.

Тонкий серп едва народившегося месяца висел, зацепившись рогом за крутую крышу небольшой, опрятной часовенки. Вокруг бурно разрослись шиповник и девясил. Старый ясень, большой и корявый, обнимал часовенку своими лохматыми лапами и терся о крышу зеленой пушистой щекой. Заухал филин. Прошуршала в траве мышь, испуганная криком хищника.

Джованна старалась ступать неслышно, хотя никакой необходимости сохранять тишину не было. Кладбище было настолько маленьким, что не возникало нужды в смотрителе. Но ей казалось, что будет кощунством попусту тревожить покой спящих. Хотя то, за чем они с бароном явились сюда в такой час, было кощунством еще большим, но все же... Есть зло необходимое, а есть — излишнее.

В это печальное местечко их привел след лошади, украденной на северной заставе близ Лондона.

* * *

История произошла обычная, страшная и гнусная. Курьер, избалованный молодой аристократ, гордый первым серьезным поручением, раздулся от спеси и подумал что ему все позволено. Проезжая через эту деревеньку, он позабавился с молоденькой девушкой, Мартой. Без ее согласия.

Девица решила, что опозорена навеки и жить теперь незачем. И повесилась на вожжах в дровяном сарае, где встречалась с женихом, младшим наследником здешнего помещика. Там парень ее и нашел.

Похоронив любимую, он поклялся отомстить.

За свою жестокую шалость курьер поплатился жизнью, и Джованна не смогла найти в

своем сердце сострадания «к мальчику», как не искала. Вот крестьянского парня, простого, честного и храброго ей и в самом деле было жаль: уже седьмые сутки он заливал свое горе брагой и рассказывал всем, кто хотел слушать, как он заколол ножом «дворянчика», надругавшегося над его Мартой, как ушел от погони и принес на ее могилу шляпу и сумку негодяя — чтобы ее душа успокоилась на небесах. Пока парню не очень верили, но вскоре слухи должны были дойти до судьи. Ждала доморощенного мстителя веревка. Джованна пыталась вправить ему мозги, но невозможно спасти того, кто не хочет спасаться. С тяжелым сердцем женщина предоставила парня его судьбе. Они, действительно, спешили.

— Она? — спросил Этьенн почему-то шепотом. Забавно, но он, похоже, и впрямь струхнул. Джованна усмехнулась. Сколько раз она видела, как люди, бесстрашно смотревшие в лицо смерти, вдруг бледнели и теряли кураж, стоило скрипнуть ветке в таком тихом месте, как это.

И тут, как по заказу, ветер шевельнул ветви ясеня. Скрип, раздавшийся в кладбищенской тишине, был таким пронзительным и жалобным, что мороз подрал по коже. Барон вздрогнул.

— Что это? — Джованна вдруг схватила его за руку, в ее голосе прозвучала паника — Что это?

— Где? — Этьенн завертел головой, рука потянулась к шпаге, но пальцы не смогли удержать эфес, и оружие выпало, коротко и жалобно звякнув о камень.

— Там, — итальянка неопределенно махнула рукой, — что-то белое...

— Белое?! Ты сошла с ума! Какого черта мы вообще сюда явились? Этот твой мэтр, он безбожник, сын сатаны в рясе, пусть сам в могилах роется, тут я ему не помощник. — Этьенна била крупная дрожь. Он пытался нашарить в темноте оброненную шпагу — и не мог. — Что ты видела?!!

— Не знаю, — помотала головой Джованна, — оно белое. Вон в тех кустах... Посмотри.

— С...с ума сошла? — повторил Барон. Рот его перекосило, зубы явственно стукнули друг о друга. Он был в полнейшем ужасе. Пока не заметил, что женщина смеется.

— Ты пошутила? — сообразил Этьенн. — На самом деле ты ничего не видела?

— Конечно нет. Что тут может быть? — отсмеявшись, Джованна отерла платком выступившие слезы. — Неужели ты и впрямь веришь во всю эту чушь про восставших покойников?

— А что скрипнуло? — недоверчиво переспросил Этьенн. Успокаивался он медленно. Только что пережитый страх был так силен, что на время заглушил даже гордость.

— Дерево, — пожала плечами Джованна, — там сухая ветка, а ветер сильный.

— Зачем ты это сделала? — потребовал Этьенн. Ужас уходил, его место занимала злость.

— Не смогла удержаться, — Джованна пожала плечами, — никогда не понимала, как можно бояться покойников. Я не знаю людей более мирных и безвредных.

Этьенн сплюнул на землю.

— Каков поп, таков и приход, — буркнул он, — что мэтр, что его ученица: вас к черту на рога пошли, вы и там будете с молитвой выпиливать из кости пуговицы. Где эта чертова могила? Ты ее нашла?

— Ты на ней стоишь.

Марта лежала с краю, почти у самой живой изгороди. Могила была свежей: просто холм, где еще не поднялась трава. Даже камня не было. Крестьяне не клали его в изголовье, пока не пройдет сорок дней. Считалось, что своей тяжестью камень может запереть душу новопреставленного и помешать ей подняться в небеса.

— Ей было всего пятнадцать, — проговорила Джованна, глядя в землю.

— И что? — не понял Этьенн. Не дождавшись ответа, он оглянулся вокруг, опустился на корточки и, поминутно бранясь сквозь зубы, принялся ощупывать землю длинными пальцами.

— Кажется, нашел, — через некоторое время объявил он. Ладонями он разгреб черную почву и аккуратно вынул из небольшого углубления кожаную дорожную сумку и мятую черную шляпу. — Надо же, эта штука и вправду оказалась здесь! Посвети мне. — Он сунул шляпу под мышку и вывернул сумку.

— Тут слишком темно, — произнесла Джованна, наблюдая, как месяц медленно, но верно заходит за край большой серой тучи, — через три мили небольшой городок, там наверняка будет гостиница.

— Должно быть, здесь, — не слушая ее, пробормотал Этьенн, обшаривая сумку, — где ему еще быть. Не мог же этот тупой пейзажник сообразить, что попало к нему в руки и продать письмо людям короля. Для начала нужно знать этих людей!

— Для начала нужно уметь читать, — заметила Джованна, наблюдая за этой лихорадкой. — Продать письмо этот парень и впрямь не мог. А вот использовать для естественной надобности — вполне, — видя, как вытянулось лицо партнера, женщина едва не расхохоталась снова, — хотя, думаю, он скорее сорвал бы какой-нибудь лопух.

— Ты всегда так веселишься на кладбищах? — с сожалением оставив поиски, Этьенн сунул шляпу в сумку, наклонился, безошибочно нашел в темноте упавшую шпагу и, кинув ее в ножны, шагнул на тропинку, ведущую к деревне, где, на окраине, их ждали лошади.

* * *

Спасаясь от духоты и жара, затопившего узкие улицы Санлукар-де-Баррамеды, господин Мехраб, добрая Лайла и Кэти вторые сутки сидели в небольших комнатках на втором этаже гостиницы «Старое место».

Супругам было проще. Нравы в Испании, надо думать, не слишком отличались от их родной Турции. Мужчины пользовались почти неограниченной свободой, женщины одевались скромно, смотрели в землю, голоса без нужды не подавали и ходили только в церковь. Даже черные мантильи, закрывавшие головы, были здорово похожи на чадру... по мнению Кэти, запросто можно было и не переодеваться.

Это был небольшой, но все же довольно знаменитый и процветающий город Андалусии. Эмблемой его была толстая аппетитная креветка. И по праву. Именно креветками гости поужинали сразу по прибытии, ими же позавтракали и пообедали. МУСУЛЬМАНЕ НЕ ЕДЯТ КРЕВЕТКИ — «грязная пища». И Кэти, любившая разнообразие, совсем не возражала — креветки и в самом деле были превосходны. Хотя поначалу она брезгливо вздрогнула — уж больно на червяков похожи... Первую в своей жизни креветку Кэти съела, старательно жмурясь. Но, распробовав, решила, что вещь с таким изумительным вкусом имеет право выглядеть как угодно.

Сам город располагался у моря: улочки его карабкались на холм. Вдоль побережья еще сохранялась часть почтенной каменной стены с бойницами — остатки славного прошлого. Жители Санлукара гордились тем, что именно отсюда Магеллан отплыл в свое кругосветное путешествие, а Колумб отправился на поиски другого пути в Индию. Говорили даже, что именно здесь Кристобаль Колон (так звучало его имя на местном диалекте) обрел знаменитую карту с указанием пути. Чем это закончилось — известно, так что гордиться было, в общем-то, нечем. Но было бы желание, а повод для гордости можно найти какой угодно. Кэти знала одного паренька, который гордился дыркой на попе. Он порвал штаны на заборе, пытаясь обчистить сад викария. Тоже ничего себе подвиг, не хуже Колумбова.

Люди здесь в основном рыбачили. Каждая семья обязательно имела либо баркас, либо лодку. Меню во всех тавернах и гостиницах почти полностью состояло из рыбных блюд и местного вина Манзаниллы, терпкого и не слишком приятного на вкус. А все встреченные жители города были упорными католиками, почитавшими папу едва ли не выше Спасителя.

Прибыв сюда под вечер, после изнурительного пешего перехода по жаре, Кэти страшно обрадовалась кружке воды и ночлегу под крышей, все прочее ее интересовало мало. Но отоспавшись и утолив утренний голод, она пошире раскрыла свои прелестные карие глаза,

которые смотрели с подкупающей кротостью, но при этом замечали многое... Например то, что гостиница была чересчур дорогой для таких босяков, какими они были. Или какими хотели выглядеть.

Им выделили две отдельные спальни: одну для супругов, вторую для Кэти. Завтрак подали в комнаты, и с таким почтением, словно они были приличными людьми. Молоденькая служанка косилась на Лайлу с почти суеверным уважением... Что француженка ей наплела? И, главное, чем собиралась расплатиться? Как Кэти не раздумывала, не крутила в голове ситуацию, на ум приходила только она сама. Уж не задумала ли будущая свекровь сотворить с Кэти то же, что когда-то сделали с ней самой, решив, что невеста для сына — это, конечно, хорошо, но кровать и стол, пожалуй, лучше. Не пора ли рвать отсюда когти?

Караулили ее не слишком старательно, видно, решили, что молоденькая женщина одна, в чужой стране, без языка и денег не рискнет бежать... а, может, подумали, что брак с их красавчиком-сыном это такая завидная участь, что любая принцесса пойдет за этой морковкой на край света.

Кэти думала над этим ровно полторы минуты и поняла, что невидимая веревка, которой ее спутали — тоньше волоса. Во-первых, практически все купцы знали хотя бы несколько слов на французском. Франция была близко, и торговали с ней очень активно. Во-вторых, каждый священник, лекарь, учитель, да и просто хоть чуть-чуть образованный человек знал латынь. Кэти не была так самоуверенна, чтобы причислить себя к образованным людям, но на память никогда не жаловалась. Обычно то, что попадало в ее кудрявую головку, оседало там накрепко. Нескольких уроков латыни, полученных в детстве, должно было хватить с лихвой, чтобы не пропасть в католической стране.

Ну а деньги... Зачем-то господь даровал людям такую замечательную вещь, как кредит. В конце концов, она — баронесса. Пусть и липовая.

Кэти уже совсем было решилась. Остановило ее одно соображение: как господин Мехраб торговал с Францией, не зная французского? Отчего Лайла вздрогнула и аж в лице переменялась, услышав о змее на запястье? И почему здесь их, нищих бродяг, приняли как знатных гостей? Что-то здесь было нечисто. Но что?

Она лениво размышляла об этом, сидя в своей комнатке, когда услышала негромкий стук, да не в дверь, а в окно. В этом не было бы ничего удивительного: мало ли кто спутал комнаты... Но комнатка Кэти находилась на втором этаже.

Кэти порывисто вскочила, прислушалась. Из соседней комнаты, где ее временные хозяева честно предавались сиесте, уже давно не доносилось ни звука. Господин Мехраб и Лайла спали сном мусульманских праведников. Кэти осторожно отогнула занавеску и невольно отпрянула: на нее смотрело абсолютно черное лицо.

— Дьявол, — прошептала она и перекрестилась.

По благодатной земле Испании Кэти путешествовала уже несколько дней, но их компания выбирала потаенные тропы, и до этого момента девушка понятия не имела, как выглядят мавры.

Лицо жутко ухмыльнулось. Справедливости ради нужно сказать, что ухмыльнуться как-то иначе лицу мешала шелковая тряпка, зажатая в зубах. Убедившись, что вопить от ужаса и звать на помощь дамочка не собирается, истерит тихо, лицо просунулось в комнату до пояса, обнаружив руки, плечи и до безобразия худой торс, даже как-то неприлично худой для представителя темных сил. Вращая белками глаз, лицо выплюнуло свою ношу и немедленно исчезло, словно привиделось в кошмаре.

Оторопев, Кэти смотрела на лоскут своего собственного платка. Не веря глазам, она достала вторую половину, чтобы приложить и убедиться, что ей не снится дурной сон оттого, что за завтраком она съела слишком много креветок.

На платке, доставленном посланцем ада, было написано по-английски:

«Церковь святого Луки, сегодня вечером. Исповедальная кабинка. Платок сожги».

Кэти опустила на кушетку с обоими кусками платка и покрутила головой, чтобы

развеять наваждение. Но ни платок, ни письмо на нем никуда не пропали. Похоже, ее приглашали на свидание.

* * *

— Но ты же не католичка? — изумилась Лайла, даже руками всплеснула.

— Если я выйду замуж за вашего сына, я вообще перестану быть христианкой, — Кэти тяжело вздохнула, — это для меня последняя возможность исповедаться.

— Да какие у тебя могут быть грехи, — всплеснула руками Лайла. Она смотрела недоверчиво и, похоже, не могла решить: Кэти — дурочка, или ее дурачит, — лишнюю креветку съела? Или тапочки были слишком яркие?

Кэти смотрела в пол, покорная, но несчастная. Неожиданно вмешался господин Мехраб. Он что-то спросил у жены на своем языке. Та раздраженно ответила. Турок посмотрел на нее строго, а на Кэти — с неподдельным уважением. И отдал распоряжение.

— Мой муж сказал, что ты можешь идти, — вздохнув, перевела Лайла, — но я тебя провожу.

Кэти живо обернулась к турку и глубоко поклонилась. Похоже, она купила старика с потрохами.

— Простите меня, отец мой, ибо я согрешила, — заученно произнесла Кэти, опускаясь на колени. В исповедальной кабинке было душно, пот тек по лицу, все это, плюс разбуженное любопытство, не добавляло священного трепета. Но она и шла сюда не за очищением, — со дня моей последней исповеди прошло три месяца.

— Я еще не поблагодарил вас за то, что вы спасли мне жизнь. Это был очень смелый поступок, — ответили из темноты.

Наконец она услышала его голос: низкий, очень спокойный. Он растягивал гласные так, словно слегка ленился. Мгновенно попав под обаяние этого голоса, Кэти прильнула к решетке, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь... Темнота отозвалась глуховатым смешком.

— Лучше не надо.

— Что «не надо»? — сделала вид, что не поняла Кэти.

— Не надо вам меня видеть. Это знание ничего вам не даст, а вот отнять может очень многое, в том числе и вашу жизнь. Мне бы не хотелось, чтобы такая смелая и красивая сеньорита закончила жизнь на эшафоте.

— Кто вы? — шепотом спросила Кэти. — И что с вами хотели сделать эти люди? Кто они?

— Сколько вопросов, — негромко рассмеялся голос, — я расскажу то, что вам можно знать. Эти люди называют себя «братство Уда». Они узнают друг друга по изображению змеи на запястье.

— Это какой-то культ?

— Они говорят, что да. Молятся Змею-Уду и считают своим долгом осквернять христианские храмы. На самом деле это просто шайка грабителей, воруют церковную утварь из золота и серебра и продают арабам на слитки. Меня они хотели убить, а перед этим — пытать.

— Но почему? Кто вы? — повторила Кэти.

— Гардуна, — веско уронил голос. Слово упало в темноту, как падает тяжелый камень в глубокую воду. Кэти промолчала. Ей это слово ни о чем не говорило. Видимо, поняв это, человек продолжил: — Орден Гардуна. Священные воины Испании. Триста лет назад Святая Дева Кордовская сжалась над народом Испании, стонавшим под игом мавров и явилась святому отшельнику Аполинарию в лесах Сьерра-Морене. Она велела старцу собрать патриотов, желающих биться за честь Испании и веру. Святая Дева помазала Аполинария елеем и дала пуговицу с одежды Иисуса. Эта пуговица дает силы для борьбы с врагами...

— Так что, они стащили у вас эту пуговицу?

— Нет конечно, — голос снова тихо рассмеялся, — это невозможно. Пуговица — всего

лишь символ. Если она пропадет, на ее место просто положат другую. Сила в вере.

— Разумно, — кивнула Кэти, — но тогда в чем дело? Если они воры — ими должен заниматься судья.

— Судью можно купить. Солдата ордена купить нельзя, — в голосе, ленивом и насмешливом, впервые проскользнули металлические нотки. Чуть заметные. Словно девушке показали клинок, убранный в кожаные ножны. Но и этого оказалось достаточно. Она поняла, что, несмотря на шуточный тон, разговор-то, похоже, серьезный.

— Ну и при чем тут я? — напрямик спросила она. — Я ведь даже не католичка.

— Знаю. Но вы спасли мне жизнь, рискуя собственной. Скажите, люди, с которыми вы путешествуете — арабы?

— Они — французы, — мгновенно оцетинилась Кэти.

Голос снова рассмеялся:

— Женщина — да. Хотя очень долго жила на востоке. Мужчина определенно — нет. Черты лица, цвет кожи — все выдает в нем турка. И вы им не дочь. В вас вообще нет общей крови. Что связывает вас?

— Если вы такой умный, так, может, сами скажете? — огрызнулась Кэти.

— Думаю, они вас купили. Я прав?

— Не совсем, — призналась Кэти, — они спасли мне жизнь. У меня больше ничего не было, чтобы расплатиться.

— Но мне вы тоже спасли жизнь. Выходит, теперь я должен поступить в вашу собственность?

— Звучит заманчиво, — фыркнула Кэти, — но, боюсь, с моей стороны будет очень неосторожно держать раба, который сильнее, умнее и опытнее меня. При таком раскладе в рабстве окажется хозяйка.

Голос одобительно хмыкнул:

— Это так. Но ведь и вы не слабы. И далеко не глупы. Вы хотите вернуться домой? — спросил он напрямик.

— Домой? В Англию?

— Да, если дом ваш именно там.

У Кэти на мгновение перехватило дыхание, и она почувствовала, как в глазах закипели слезы. Домой... Увидеть родителей, сестер, Ирис. Пить по утрам молоко и нежиться в постели до полудня, болтать с виконтессой по-французски и смеяться над забавными историями из судейской практики, которые рассказывал папа. Кататься на лошади и навещать соседей. Флиртовать с неуклюжим Томом и хитроватым Джимом — с обоими одновременно, и не думать ни о каких убитых офицерах, тайных письмах, неожиданных женихах, людях со змеями на запястьях и волнующих голосах, звучащих во мраке исповедален.

— Что я должна сделать? — хрипло спросила она.

— Вы уже догадались, что ваша добрая хозяйка — не та, за кого себя выдает? — спросил голос. — Что бы она вам не сказала, она не невинная овечка и не жертва. Я следил за ней. Она обменялась с хозяйкой гостиницы тайными знаками «братства Уда».

— Но у нее нет змеи на запястье! — забывшись, Кэти произнесла это слишком громко.

— Тсс! Тише! Здесь разговаривают шепотом, — резко одернул голос, — женщины украшают себя серьгами и бусами, а не татуировками. А тайные знаки я опознал.

— Так что мне делать? — повторила Кэти.

— Смотреть. Слушать. Запоминать. Я буду поблизости и найду способ встретиться с вами.

— У меня есть условие, — торопливо сказала Кэти, сообразив, что незнакомец сейчас попрощается.

— Условие? Девочка, ордену Гардуна условия не ставят.

— А если это — союзники?

— Союзники? — по-настоящему удивился голос.

— Другой орден, — Кэти вздернула подбородок, хотя никто ее не видел, и выстрелила почти наугад: — «Во имя Господа я поражу дьявола».

— «Да будет благодать его на моем клинке», — тотчас отозвался незнакомец. Он был изумлен. — Вы правы, сеньорита. Простите мое невежество.

— Прощаю.

— Так что это за условие?

— При следующей встрече я хочу вас увидеть, — выпалила Кэти и замерла, стараясь даже не дышать, чтобы не пропустить ответа.

— Хм... Вот как. Но это против всех правил, не только наших, но и ваших, — в голос, завороживший Кэти, снова вернулись ленивые и насмешливые нотки.

— Я сказала.

— Хорошо, — помолчав, ответил незнакомец, — пусть будет так. Я согласен.

— Когда и где?

Темнота не ответила. Через секунду легкое дуновение коснулось щеки Кэти, и девушка поняла, что осталась одна. Ее странный собеседник ушел.

— В чем это ты каялась так долго? Можно подумать, ты прожила мафусаилов век, и все это время грешила без перерыва на сон и трапезы. А мне представилась чуть ли не святой Агнессой, — ворчала Лайла всю обратную дорогу до гостиницы. Кэти ее почти не слышала. Она вспоминала разговор с тенью и грезилась о следующей встрече.

* * *

— Ничего.

— Как это ничего?

— Убедись сам, — Джованна кивнула подбородком на грудку мелких лоскутков, которые еще совсем недавно были весьма приличной дорожной шляпой. Этьенн потрошил сумку. Он считал ее более перспективной. Но с сумкой он покончил быстро — она оказалась пуста, и последние четверть часа просто смотрел на руки женщины с жадным любопытством и растущим напряжением. Но вот последний кусок упал на пол, итальянка разогнулась и спокойно объявила:

— Пусто.

Этьенн опешил. За пять дней поиска он настолько свыкся с мыслью том, что документ взял убийца, настолько привык к этому, что откровение итальянки стало для него шоком. Поначалу он даже решил, что Джованна опять решила его разыграть. Он посмотрел на нее с улыбкой:

— Наверное, белый призрак спрятал, а?

— Я говорю правду, — сухо сказала женщина, — здесь ничего нет.

— Тогда где?

Она пожала плечами, не снизойдя до ответа на вопрос, который был то ли риторическим, то ли просто глупым. Этьенн настоял бы на первой версии. Итальянка, судя по выражению ее лица, склонялась ко второй.

— Между прочим, это была идея мэтра, — бросил барон.

— Какая разница, чья это была идея? — устало спросила Джованна. Она не спала нормально уже трое суток, и это начало сказываться. Этьенн еще не раздражал ее, но уже начинал утомлять. — Письма нет.

— Мальчишка?

— Не думаю. Его, конечно, нужно найти и допросить, но, похоже, он, как и Марта, в этой истории всего лишь случайная жертва. Он про документ наверняка ничего не знал.

— Тогда кто?

— Пока не знаю, — коротко сказала Джованна и отвернулась к окну, где уже занимался над крышами хмурый рассвет.

— Но ведь где-то это клятое письмо должно быть? Может, нас опередили, оно давно у

Сесила, и Вильгельм едет в Англию?!

— Все может быть. Ты не мог бы прекратить метаться. Я устала и хочу спать.

— Что? — Этьенн подумал, что ослышался. — Чего ты хочешь?

— Спать, — спокойно повторила Джованна, — нам нужно отдохнуть хотя бы до утра. Иначе мы свалимся с коней.

— Я не усну, — объявил Этьенн.

— Ради бога. Просто веди себя потише, хорошо? А лучше выйди, прогуляйся.

— Большое спасибо, — язвительно отозвался Этьенн, — ты — сама доброта и кротость, сестра Кармела.

Неожиданно в его голову пришла мысль, которая сгоряча показалась удачной.

— Между прочим, мы с тобой вроде бы муж и жена.

Джованна, которая направилась было к спальне, обернулась.

— И что?

— А то, что спать мы должны вместе. В целях конспирации, — быстро добавил барон, заметив молнию, сверкнувшую в темных глазах спутницы, — если прислуга заметит, что мы спим отдельно, это вызовет подозрения.

— Ну-ну... Между прочим, у нас в Италии одного господина в целях конспирации кастрировали. Чтобы не возникало подозрений, почему он не женат.

— Хорошая шутка, — Этьенн потемнел лицом, — по-моему, у тебя слишком много спеси, «княгиня». И пора это исправить.

— Ты хорошо подумал? — спросила Джованна. — Последствия могут тебе не понравиться.

— Хочешь сказать, что ты все еще девственна, и, потеряв честь, убьешь себя, как та несчастная дурочка?

— Зачем? — удивилась женщина. — Я убью не себя, а тебя. И не после, а заранее.

— Ты забылась, женщина. И я думаю, это потому, что ты слишком давно не знала мужчину. Мэтр... он ведь монах. Он пускает слюни, но еще ни разу не коснулся тебя. Я ведь прав? — Джованна молчала, но смотрела на Этьенна, нехорошо сощурив глаза. — Представляю, как это должно тебя мучить, — продолжал Этьенн, все больше распаляясь, — ты ведь еще молодая, живая, теплая. Твоя кожа словно впитала все солнце Неаполя. Как давно никто не касался этой кожи, скажи мне?

— Не твое дело, — сквозь зубы прошипела итальянка.

Этьенн ее не услышал. Он был весь во власти влечения, которое сдерживал слишком долго. Он прыгнул так внезапно, что застал ее врасплох, хоть она и ждала чего-то подобного. Но — не успела. Этьенн стиснул ее своими сильными руками, руками моряка, умевшими укрощать море, и принялся осыпать торопливыми поцелуями шею, ключицы, молочную кожу в вырезе платья.

— Кармела... я знал, что ты когда-нибудь будешь моей... Всегда знал... Ты даже не представляешь, какое наслаждение я могу тебе дать... Ты никогда не пожалеешь, никогда, даю слово...

Внезапно сквозь горячий туман, окутавший сознание, пробились звуки, совсем не похожие на стоны страсти. Их издавала дама.

Этьенн чуть отстранился.

Лицо Джованны было слегка зеленоватым.

— Господи, — вырвалось у нее, — от тебя так пахнет... Бывают же такие противные духи. Похоже, меня сейчас стошнит.

Барону как будто кинули за шиворот лопату снега. Он понял, что после такого «страстного» признания он уже ничего не сможет, как бы не хотел. Выпустив женщину, он замысловато чертыхнулся и торопливо вышел, едва сдерживаясь, чтобы не хлопнуть дверь.

Зеркало за его спиной отразило удовлетворенную улыбку итальянки.

На улице уже почти рассвело, но город все еще спал крепким утренним сном. Этьенн шагал по улочке широкими шагами. Он не выбирал направления, шел, куда глаза глядят,

стараясь погасить злость и разочарование. А еще, сам себе он мог в этом признаться — страх. Страх перед человеком с отстреленным ухом. Мэтром. Если бы ему удалось овладеть сестрой Кармелой, то все бы благополучно сошло с рук. Женщина никогда бы не призналась в своем позоре мужчине, в которого, это было видно даже слепому, она была влюблена как кошка. А сейчас — кто знает.

Часы на ратушной площади показывали пять часов утра.

Дверь одного из домов, судя по вывеске, небольшой гостиницы, открылась, выпуская двоих людей. Один был полностью одет, другой лишь торопливо накинул камзол прямо на ночную сорочку.

— Вы сейчас к господину мэру?

— Да, придется его разбудить, — ответил полностью одетый господин, — решение нужно принимать немедленно.

— Но вы уверены в диагнозе?

— В данном случае ошибка исключена. Я пережил холеру в Дижоне, во Франции, и хорошо знаю симптомы. Этот моряк принес с собой смерть. Надо закрывать город, чтобы она не распространилась дальше.

Этьенн метнулся в подворотню и прижался к стене. Господин, который спешил к мэру, прошел мимо него, не заметив. Этьенн лихорадочно соображал... Неизвестно, где живет мэр, но даже если рядом: полчаса чтобы встать, одеться, выслушать доклад. Еще минут пять-десять, чтобы принять решение, хоть оно и очевидно. Вызвать курьера и оповестить военную часть, расквартированную неподалеку — еще час. Через два — два с половиной часа город будет плотно перекрыт заставами. Для того чтобы вернуться в гостиницу и забрать Джованну времени было больше чем достаточно. Но... Женщина собиралась лечь спать. Когда она проснется — город будет уже в санитарном кольце, а дальше — холера все спишет. И неудачную попытку навязать монашенке свое внимание, и так и не найденный документ. Нужно лишь добраться до отца Витторио раньше, чем это сделает Ухо.

К городским воротам Этьенн подъехал через полчаса. Замечательную лошадь своей «жены» он все же решил прихватить, а вот вещи — оставил.

Барон так и не понял, чем вызвал подозрение офицера: то ли час был слишком ранний, то ли багажа не было... То ли лошадь, язви ее, все же была слишком хороша. Надо было и ее бросить.

— Господин?..

— Барон де Сервьер, — бросил Этьенн, не спешиваясь. Он надеялся отделаться от офицера быстро.

— Ваша светлость может показать дорожный паспорт? — вежливо спросил тот.

— Пожалуйста, — Этьенн сунул руку в карман камзола, тот, где всегда хранил «светский» паспорт.

Офицер развернул бумагу, бросил на нее быстрый взгляд. Потом еще один — более внимательный. И, наконец, перевел глаза на Этьенна.

— Что-то неясно? — спросил Барон. В своем паспорте он был уверен. В конце концов, делал его не какой-нибудь полуграмотный кустарь с постоянного двора, а тайная канцелярия самого господина Кольбера. Черт, да его паспорт был лучше, чем настоящий.

— Простите, но вы уверены, что это ваш паспорт, — спросил офицер. В голосе его явственно звучало подозрение, а рука потянула с плеча ремень тяжелого ружья.

— А в чем дело? — все еще недоумевал Этьенн.

— Здесь сказано что вы — священник.

...Проклятье! Кэти. Больше некому. Его любопытная «женушка» и сюда успела сунуть свой конопатый нос. Увидела два паспорта и что-то заподозрила. А потом ее спугнул лакей или горничная, а может, просто ставень от ветра скрипнул, и она второпях сунула паспорта куда попало. И перепутала карманы!

Хамид вывел их точно к месту randevu, где в дрейфе лежали два щебеки под знаменем Пророка. «Слава Мами» почти вплотную приблизилась к ним. Находясь в кильватере на полкабельтова позади, Рик только в подзорную трубу смог различить, что Хамид, жестикулируя, что-то прокричал своим подельникам. Сюрпризов не последовало, шлюпы расправили серые крылья парусов и стали набирать ход. Дальнейшее путешествие проистекало в следующем порядке: головным шла «Слава Мами», следом «Немезида», а две щебеки справа и слева между ними, тем самым орден небольшой флотилии образовывал несколько искаженный ромб.

Хамид свое дело знал, и забрал круче на юго-восток, подальше от проторенных испанцами морских троп. Сутки прошли спокойно, вот только ветер играл с ними, заставляя постоянно менять галсы и ловить ускользающие порывы.

Второй день уже готов был закончиться красивым закатом, как на горизонте появились весьма подозрительные точки. Через час точки разошлись, и их уже можно было счесть. Еще через час четыре встречных корабля начали менять курс.

Рика крайне удивило поведение араба, который сделал поворот оверштаг и лег на параллельный курс.

— Он что, решил поиграть в догонялки? — не отрываясь от трубы, спросил Джеймс.

— Не понимаю... — рассеянно ответил помощник, также лицезревший всю эту суету сквозь увеличительные линзы подзорной трубы.

— Идиот.

Бригантина алжирцев вырвалась вперед, а следом за ней прибавили парусов и щебеки. Рик не оставалось ничего другого, как последовать за ними.

— Надеюсь, он не собирается атаковать? — Вопрос Дерек повис без ответа.

Рик упорно старался разглядеть флаги кораблей. Один из них, самый большой, он отнес к пинасам, а вот низкие обводы трех других не оставляли сомнений. Это были галеры.

Однако быстроходные алжирцы шли ходко, и вскоре Рик пришлось отдать команду на поставку всех парусов.

— Уходят... — процедил сквозь зубы Дерек.

— Ага... и мешают, — Джеймс вновь вскинул трубу. — Вашу... тьфу ты! Дерек, ты видишь?

— Нет.

— Смотри на пинас, он делает поворот...

— Черт! — выругался помощник, разглядев на белом полотнище ключи святого Петра. — Герб Папы!

— Именно, — многозначительно подтвердил Рик, отрываясь от линз. — Теперь понятно, почему нашего араба так всгребло... ЭТО ЧТО ЗА СЛОВО?

— Что?

— Прости, — Рик одернул себя за невольный переход на русский. — Наш Хамид на диву прыток.

— Да-а-а, — недовольно протянул Дерек, — для него папский флаг, как тряпка для быка.

И вскоре им обоим красноречиво ответили пушки. Галеры Ватикана резко развернулись, прикрывая уходящий пинас, и приняли бой. Щебеки алжирцев тут же сменили курс и дали бортовой залп. Хамид на своем флагмане попытался было проскочить сквозь строй галер и увязаться за пинасом, логично предполагая, что именно там находится самый ценный груз. Но капитаны-паписты были вовсе не дураки. Они ловко зашли поперек курса и кормовыми орудиями охладили пыл арабов. «Слава Мами» получила несколько попаданий, огрызнулась сама и неожиданно сбавила ход...

Рик поначалу решил не испытывать судьбу, тем более эта незапланированная драка ну никак не входила в его замыслы. Но коварство папистов резко изменило весь ход событий.

Галеры так ловко маневрировали, стараясь не попасться на уловки противника и не

быть захваченными на abordаж, что две из них оказались между «Немезидой» и берберскими щебеками. Недолго думая ватиканцы угостили Рика двумя ядрами.

— Вот скоты! — выругался Джеймс, подняв глаза вверх и быстро оценив повреждения такелажа. — Дерек, всыпьте им для острастки.

Бриг вздрогнул от бортового залпа, и палубу на секунду заволокло дымом. Однако порыв ветра отнес облако в сторону, и Рик смог разглядеть дело орудий своих. Одна галера, удачно накрытая залпом, прекратила движение. Ее грот-мачта со скрипом завалилась вдоль корпуса, а весла безжизненно упали в воду.

— Минус один... — констатировал Рик и скомандовал поворот.

Вторая галера, пораженная быстротой расправы, стремительно уходила на север. Вслед за ней кинулись обе щебеки. Третья галера полыхала на полкабельтова в стороне, а рядом с ней изрядно дымила «Слава Мами».

— Вот те раз... — Рик попытался хоть что-то разглядеть на палубе берберской бригадины, но тщетно. Дым только усиливался... а через минуту от борта отвалила переполненная шлюпка. Не успела она отойти и на сотню метров, как чрево «Славы Мами» разверзлось и объятые пламенем судно раскололось надвое. Образовавшаяся волна яростно ударила шлюпку, разнося ее в щепки. А людей, словно кукол, раскидало по сторонам...

Джеймс так увлекся этим зрелищем, что пропустил момент гибели галеры, которую «Немезида» основательно продырявила.

— Подбирать будем? Сэр?

— Что?

Дерек молча указал рукой за борт. Там, борясь с волнами, барахталось человек десять папистов.

— Конечно. Надо их выловить... у меня есть к ним пара вопросов, — Рик криво ухмыльнулся и стремительно направился к трапу.

Спасательная операция заняла около получаса. И не все сумели дожждаться спасительной веревки. Только шестерых удалось втянуть на борт. Но чудо или простое везение предало в руки Рiku второго офицера. Да и он, собственно, не отрицал и не скрывал своего звания. Изъяснялся пришлось на немецком, и хоть познания языка еще не родившегося Гёте у Рика были невелики, но все же ему удалось выпытать у паписта одну очень ценную деталь.

— Повтори! — не сдержался капитан и схватил офицера за грудки. — Как ты сказал?!

— Женщину... пинас перевозил женщину...

— Имя? Как ее имя?

— Я не знаю...

— Я тебе сейчас дам их нихт ферштейн, фашист поганый! — Его трясло, и он уже не в силах был контролировать свой гнев. Мощная оплеуха кинула бедного Фрица... или Ганса на мокрые доски палубы.

— Последний раз по-хорошему... — и он опять одернул себя. Ну что толку говорить с этим гадом на русском. — Имя? Назови ее имя, и, клянусь Распятием, ты будешь жить.

Надо отдать офицеру должное, он повел себя относительно спокойно. Утерев нос, он поднялся и скривил губы.

— Ты говоришь о Христе, неверный?

— Я христианин, а не араб... я англичанин...

— Это не лучше.

Рик набрал полные легкие.

— Я не собираюсь вступать с тобой в религиозный диспут, — он вплотную подошел к пленнику, — у меня выкрали жену, и я готов пойти на все... Слышишь — на все! Чтобы примерно наказать тех, кто осмелился... и пусть это будет даже сам Папа, я доберусь и до него...

Вряд ли немец понял и половину того, что сказал Джеймс, но его взгляд говорил гораздо красноречивее.

— Ирис, — тихо произнес он в ответ.

Рик замер, да и столпившиеся матросы перестали дышать. Было слышно, как у капитана заскрипели зубы.

— Спасибо, — процедил он сквозь зубы. — Теперь сделайте милость: скажите, куда вы ее конвоировали?

— В замок Ангела.

Рик молча кивнул, давая понять пленнику, что знает, о чем речь.

— Еще раз спасибо. Вы будете жить. Дерек, проводи гостя...

— Но мои люди... — вступился было офицер за оставшихся членов экипажа.

— Насчет них уговора не было, — отрезал Рик и, развернувшись на каблуках, двинулся вдоль борта.

Немец еще попытался что-то кричать ему вслед, но его быстро заткнули и гостеприимно уволокли на нижний дек. А оставшиеся пять матросов с галеры вновь вынужденно приступили к водным процедурам.

Уже стоя на юте Рик видел, как эти несчастные, цепляясь за обломки своего корабля, терпеливо ждут... рабства. Щебеки алжирцев, взяв на abordаж последнюю галеру, уже возвращались назад.

Судьба ни тех, ни других уже не заботила Джеймса Рика... а уже тем более Якова Риковича. Его черная «Немезида» на всех паруса спешила к берегам Италии.

Глава 17

В этой, второй жизни, Ирис по большому счету нравилось все. За исключением некоторых проблем интимного характера. Таких, как отсутствие нормальных удобств. Попав в страшный замок Ангела, в лапы Святой Инквизиции, вместо того чтобы сходить с ума от страха, она тихо злилась из-за неприятного запаха из отхожего места, которое, по здешним обычаям, находилось прямо в камере. Скажи кому — не поверят.

Сильнее раздражения было, пожалуй, лишь беспокойство за Дика. Где он? Жив ли? Неужели эти клятые ручные бомбы он сам привез на свою же голову? Или все-таки... Взрыв был в пещере, а Дика, по словам мерзавца Ринальдо, выволокли наружу. Это была ее единственная надежда.

Перевалив через горы по мосту святой Анны (на самом деле это были лишь несколько жердин, связанных вместе, здесь такими погоняли коз), Ринальдо привел Ирис в небольшую деревушку — всего четыре дома. К тому времени она уже так устала и сходила с ума от жажды, что предложенное разбойником вино выпила залпом, как лимонад «Лесная ягода». И немедленно уснула. Поганец что-то подсыпал ей в кружку.

Ирис стоило быть хоть немного умнее: после того, что разбойник сделал со своими людьми, есть-пить из его рук могла только полная дурочка, даже не круглая, а квадратная. Сколько раз ее подводила доверчивость! Стоило бы поучиться хотя бы у Кэти. Та хоть и обожала очертя голову бросаться в авантюры вроде ночной вылазки в чужой сад за яблоками, но сдачу в лавке всегда пересчитывала два раза. Вот только с замужеством «прокололась».

От мыслей о подруге свело зубы. Где она сейчас? «Красотка Сью» уже могла достичь одного из ближайших мусульманских портов. Что ждало Кэти? Невольничий рынок? Или сразу гарем какого-нибудь Мухаммеда-Али, вафли на завтрак, постель на ужин и плетка на десерт. Продержится ли подруга?

О ком она совсем не думала, так это о себе. Почему-то все, что происходило с ней, казалось игрой, которую она может прекратить, как только та перестанет ее развлекать. В смерть на костре инквизиции Ирис как-то совсем не верилось.

Бывают вещи, которые не меняются, сколько бы веков не прошло под солнцем. Например, любимое время ведения допроса.

Ирис лишь под утро удалось забыться чутким, тревожным сном, свернувшись почти

по-собачьи на грубо сколоченной деревянной лавке. Матрасы, даже набитые гнилой соломой, здесь не водились. С другой стороны, вшей тоже не было. Но стоило ей задремать, как чья-то рука бесцеремонно встряхнула ее за плечо, возвращая к действительности. Ирис сладко зевнула и заморгала. Перед ее глазами, затуманенными от дремы, в неясном полумраке камеры обозначились три фигуры в серых рясах, перепоясанных веревками. Две были худы, одна — приземистой и полноватой.

Видимо, толстый здесь всем рулил. Во всяком случае, заговорил с ней именно он. И не по-итальянски. На Корсике у Ирис было слишком мало времени, чтобы выучить язык, но узнавать быструю, темпераментную итальянскую речь она научилась. Это была не она.

— *Quid nomen tibi est?*²² — повторил толстый, и девушка поняла, что слышит чеканную латынь. Вот засада! «Мертвый» язык в этом времени был «живее всех живых» и играл в обществе примерно ту же роль, что триста лет спустя — английский. Дочь коммерсанта, по легенде получившая неплохое домашнее образование, не знать латыни просто не могла. Хотя бы на уровне: «Здравствуй, до свиданья, раз-два-три». Настоящая Ирис, конечно, поняла бы монаха. А вот Настя знала о королеве языков лишь то, что на ней вроде бы говорили в древнем Риме. Опять притвориться глухонемой? Не пройдет. Там, на корабле, когда провалился ее план, и в узкое окно каюты она увидела, как стремительно удаляется черный борт «Немезиды», она дала себе волю и минут десять нецензурно орала на трех языках (в основном, по-русски).

Слегка выручил испанский. Уловив некоторую схожесть корней, девушка сообразила, что монах спрашивает, как ее зовут.

— Ирис Бикфорд, — ответила она.

Монахи переглянулись. Похоже, имя ее мужа было здесь хорошо известно. Толстый выдал длинную фразу. Ирис напряглась. Монах, видимо, что-то сообразил и повторил «для особо одаренных» то же самое, только раза в четыре медленнее. Он хотел знать, что Ирис забыла на Корсике.

Наверное, при некотором старании корявый испанский вполне мог сойти за корявую латынь. В конце концов, никто же от нее не требовал, чтобы она шпарила на ней, как аптекарь. Она же женщина, то есть, по меркам этого мира существо чуть умнее курицы, но определенно глупее лошади. Главное, не забывать в конце фразы прибавлять «est».

— Э-э...круиз. Для поправки здоровья, — сказала она, кое-как слепив фразу и нарочно опустив грамматику. Подумала и добавила: — *est*.

Монахи снова переглянулись. Похоже, такой убойной латыни им еще слышать не приходилось. Но, с другой стороны, ее добровольное сотрудничество со следствием произвело хорошее впечатление. Девушка явно не отказывалась общаться. Но, вот беда, понять ее было совершенно невозможно.

Монах немного подумал и повторил свой вопрос по-французски.

Ирис виновато пожала плечами. С языком Дюма, Сартра и Милен Фармер у нее были те же отношения, что и с латынью. Она знала слова «пардон» и «сюрприз», догадывалась о значении выражения: «пуркуа-па» и могла сказать по-французски с ярославским акцентом: «Господа, я не ел шесть дней»... Но это было явно не то, что хотел знать монах.

«Следствие» о чем-то совещалось между собой, изредка поглядывая в сторону Ирис. Как выяснилось позже, толстый отче приказал немедленно найти где угодно, хоть из-под воды достать, брата Доминика. Этот достойный сын католической церкви славился тем, что целыми днями ошивался в порту и пил со всеми, кто наливал, до полного разрушения языкового барьера. Не брезговал и еретиками-англичанами, которые на своем островке обнаглели настолько, что на Его Святейшество Папу забили гвоздь. Палубный.

С божией помощью брат Доминик нашелся быстро. Ради разнообразия, сегодня в четыре утра он не валялся где-нибудь в грязной таверне под столом, а мирно спал у себя в

²² Назови свое имя. (лат.)

келье. Брата растолкали, кое-как привели в сознание и, позволив умыться и одеться, но не дав опохмелиться и позавтракать, приволокли на допрос англичанки в качестве переводчика.

Против ожидания, настроение у брата было вполне благодушным. Впрочем, у него оно редко бывало другим. На белобрысую девицу он посмотрел с доброжелательным любопытством и отметил, что она, пожалуй, нисколько не испугана. Это было странно. Обычно те, кто попадал в замок Святого Ангела, потели уже заранее. И правильно делали — ничего хорошего их здесь не ждало.

Впрочем, она же иностранка. Возможно, чего-то не понимает...

— Брат Доминик, для начала спросите ее, верует ли она в Господа, сколько раз в день молится и почитает ли Пресвятую Деву? — велел отец Петр.

— Понял, — кивнул брат и повернулся к девице, напряженно смотревшей на него большими серыми глазами.

— Значит так, — сказал он, — отец Петр желает знать, куда тебя будет легче пристроить, на костер или под перекладину. Я ему скажу как надо, а ты подумай, есть ли кто-то, кто может тебя выкупить.

— Что? — удивилась и возмутилась Ирис. — А как надо? — Но, увидев подрагивающее веко монаха, не подмигивающее, конечно, но что-то вроде того, торопливо кивнула, — да, конечно... есть. Мой муж, Родерик Бикфорд.

— Она верует, отче, — «перевел» брат Доминик, — молится три раза в день и никогда не забывает Пресвятую Деву. Это принято в доме ее мужа, Родерика Бикфорда. — И брат Доминик благочестиво сложил руки на груди.

— Но они ведь все Богом проклятые протестанты, — изумился отец Петр и уставился на Ирис, как на двухголового цыпленка.

— Как найти твоего мужа? — спросил брат Доминик.

— Он сам меня найдет, — Ирис вздернула подбородок... но чуть подумала и опустила плечи, — во всяком случае, я на это надеюсь.

— Они католики, — сказал брат Доминик, — в Англии много католиков, которые почитают и Господа, и Папу.

Почувствовав, что аутодафе откладывается, отец Петр в сердцах выпалил:

— Спроси ее, что она делала на Корсике в компании отъявленных бандитов.

— Я поняла, — кивнула Ирис, — «бандито» — это я поняла. Переведите, что мы с другом попали в плен.

— Она путешествовала по святым местам и попала в плен, — «перевел» брат Доминик, на этот раз почти дословно.

— Хм... Интересно, какому святому нужно молиться именно на Корсике? — с сомнением протянул отец Петр, — спроси ее об этом.

— Там, где ты была, есть какое-нибудь святое место, — быстро произнес брат Доминик, — часовня, крест, могила отшельника...

— Н... не знаю, — растерялась Ирис, — разве что мост святой Анны, — и нервно хихикнула.

— Сгодится, — кивнул брат и повернулся к «следствию». — Она ездила приложиться к мощам святой Анны.

Монахи склонили голову и вознесли короткую молитву. Примерно через час такого же бестолкового разговора отец Петр решил, что на сегодня с него, пожалуй, хватит. Не прощаясь, «следствие» покинуло камеру английской пленницы в полном составе, прихватив с собой брата Доминика. Первая встреча Ирис и святой инквизиции закончилась вничью.

* * *

Солнце палило немилосердно. Фляга Кэти уже давно высохла, и девушка мучилась от жажды. Кордова считалась самым жарким местом Андалусии. Девушка этого, конечно, не знала, а если бы знала, то легче ей от этого не стало бы. Впрочем, тяжелее тоже.

Восседая на спине серенького ослика с белой мордой и очень умными черными глазами, Кэти наблюдала супружескую ссору по-мусульмански. Лайла медовым голосом что-то нежно пела, время от времени вознося руки к небу и умильно заглядывая в глаза господина Мехраба, а когда тот отворачивался, зло шурилась и цедила сквозь зубы уже не мед, а уксус. А ее супруг спокойно правил их маленьким караваном, направляя лошадей туда, куда считал нужным. Через некоторое время, сообразив, что ее попросту не слушают, Лайла притихла и теперь сидела на своей лошади молчаливая, прямая и очень встревоженная.

Они въезжали в бывшую столицу Кордовского халифата по древнему, еще римских времен, мосту над рекой Гвадалквивир. У его основания высилась массивная сторожевая башня. Ее зубцы, основательно сточенные временем, четко обрисовывались на фоне светлого неба.

— Калаорра, — бросил господин Мехраб, указывая на башню смуглой рукой. При этом смотрел он на Кэти, а не на жену. Не зная, что именно хочет от нее турок, девушка на всякий случай кивнула и повторила название башни.

Турок явно благоволил Кэти. Ему понравилось желание девушки не сидеть без дела, и он велел жене найти для англичанки иглу и шелковые нитки. И теперь каждую свободную минуту Кэти вышивала. Правда, свободных минут было немного: они вставали до солнца, ехали все утро, когда жара становилась нестерпимой, останавливались для короткой сиесты, но как только позволяла погода, снова седлали своих скакунов. Весь путь до Кордовы они проделали меньше чем за десять дней, и вот теперь копыта лошадей и смиренного ослика стучали по легендарному мосту.

На другом его конце располагались Ворота дель Пуэнте, тоже старые, но по сравнению с окружением они казались современными. Еще бы! Ведь им было «всего» двести лет.

На входе с них взяли довольно приличную пошлину за животных. Лайла расплатилась французскими монетами. Кэти уже не удивлялась, лишь делала заметки на память. Не удивилась она и пять дней назад, когда в небольшом селении довольно богатый кабальеро просто подарил им этих замечательных, выносливых животных. Кэти запоминала: адреса гостиниц и домов, где они останавливались, людей, которые делали им такие дорогие подарки, даже церкви, куда Лайла заходила «помолиться». Лишь для одного случая она сделала исключение. В деревеньке миль за пятнадцать до Кордовы к ним подошел мальчишка. Ему было лет пять, не больше. Такой худой, что напоминал святые мощи. Он был одет в рубаху до колен, явно с чужого плеча, босой. Ноги — и надо бы грязнее, да некуда. Отросшие волосы все время падали на глаза, и он отбрасывал их, как отбрасывает челку жеребенок. Лайла что-то сказала ему на странном языке и похожем и непохожем на французский: все слова были знакомы Кэти, но смысл ускользнул. «Пусть брат укачает быка и вытянет соловья...» Мальчишка кивнул — он-то все прекрасно понял и поковылял по улице прочь. Только тут Кэти заметила, что ребенок хромает. Нет, что бы не делали эти люди, наверняка что-то противозаконное, и брат этого мальчика, скорее всего, давно созрел для встречи с виселицей... Но выдать этого ребенка палачу она просто не сможет! Господь им судья. И Кэти постаралась поскорее забыть эту деревню и странный разговор.

Один из красивейших городов Испании встретил их шумом голосов, плеском воды в фонтанах, звяканьем лошадиной сбруи, стуком повозок, хлопаньем ставень и целым водопадом запахов: от восхитительного — красных роз до резкого, почти тошнотворного — лаврового листа. И розы, и лавр росли прямо на улицах, смешиваясь, их запахи образовывали такой аромат, что Кэти стало дурно.

Самым главным цветом тут был коричневый с различными оттенками. Большинство зданий были очень старыми, сложенными из красного кирпича, который за века выгорел на солнце и приобрел коричневый оттенок. Мостовая тоже была коричневой — из-за вездесущей пыли. Пыль лежала на всем: листьях деревьев, скамьях, заборах. Даже одежда горожан была немного коричневой, а уж потом красной, черной, синей или белой. Только небо было ослепительно голубым, ни одного облачка!

Неожиданно пожилой водонос, мужчина со смуглым, резким лицом уронил свои кувшины прямо перед маленьким караваном. Вода потекла по булыжной мостовой, собираясь в лужицы, их немедленно атаковали вездесущие уличные псы и юркие воробьи. Старик упал прямо в одну из них, причитая над черепками.

Кэти повернулась к Лайле, чтобы попросить ее дать водоносу хоть пару мелких монет. Но господин Мехраб уже вытянул из голенища сапога плетень и пригрозил старику. Тот в страхе вскочил, но, видно, от слабости пошатнулся и повалился прямо на Кэти. Она протянула руки, поддержать беднягу. На миг тот тяжело обвис на ней, но уже через секунду выпрямился и, многословно извиняясь, скрылся в переулке, позабыв про свои кувшины. А потрясенная Кэти почувствовала, что в руке у нее что-то есть. Записка! Сердце немедленно взлетело к чистому небу над Кордовой.

— Скоро мы где-нибудь остановимся? — нетерпеливо взмолилась она, и, поймав строгий взгляд Лайлы, пояснила: — Ну жарко же. Пить хочется. Да еще этот тут — воду пролил.

— Я бы тоже хотела это знать, — огрызнулась Лайла. Со дня знакомства Кэти еще не видела ее в таком раздражении. — Однако дело поворачивается так, что мы вполне можем заночевать в местной тюрьме.

— Почему? — удивилась Кэти. До сих пор их «семья» подозрений не вызывала и проходила сквозь все заставы как хорошо прогретый нож сквозь кусок сливочного масла.

— Господин Мехраб во что бы то ни стало хочет посетить Мескиту. — В голосе Лайлы мед почти исчез, зато укус с шипением вылился на поверхность. Видно, оказавшись на христианской земле, да еще так близко от родной Франции, Лайла стала забывать о том, что она покорная мусульманская жена.

— Что такое Мескита? — с любопытством спросила Кэти.

— Это второй храм во славу Аллаха. Первый — Мекка. Господин Мехраб думает, что быть в Кордове и не поклониться Меските — значит перестать быть мусульманином.

— Ну... вообще-то он правильно считает, — задумчиво проговорила Кэти, — даже короли сначала идут в храм, а потом — обедать.

— Да, но мы-то не короли! — взорвалась Лайла. Природный темперамент, наконец, возобладал над покорностью, воспитанной плетнями, вымоченными в уксусе. — Едва этот правоверный, храни его Аллах, шайтан и все дэвы, разуется на пороге, нас немедленно схватят альгвасилы. И уже вечером на Корродере будет костер. Сказать, кто будет там вместо дров, или сами догадаетесь?

— Ну-у, — протянула Кэти, — можно предположить. Но почему господину Мехрабу нужно обязательно снимать обувь, оборачиваться лицом к Востоку и расстилать свой коврик? Он ведь может помолиться в своем сердце.

— И почему помолиться в сердце нельзя где-нибудь подальше от Мескиты! — рыкнула Лайла, уперев руки в бока. — Он просто не понимает... Это Кордова, тут на каждом углу глаза и уши Гардуны, тут их гнездо! Знаешь, что такое Гардуна? Это люди, которые живут и дышат для того, чтобы убивать мавров и евреев по всей Испании. Они всегда рядом, но об этом догадаешься, только когда кинжал войдет тебе под ребра. Даже сейчас за нами могут наблюдать их глаза, — закончила Лайла, понизив голос до шепота.

«Ты даже не представляешь, насколько права», — подумала Кэти.

Пока дамы спорили, господин Мехраб делал то, что считал нужным. И вскоре перед глазами Кэти возникли разноцветные мраморные колонны. Они поддерживали ажурные своды великой мечети, похожей на яркую шкатулку, украшенную ракушками. Господин Мехраб остановил коня.

До гостиницы они добрались через несколько кварталов. Кэти уже привыкла смотреть в оба и мгновенно заметила знаки, которыми обменялись хозяин и ее любезная госпожа и будущая свекровь. Движение рук было почти неуловимым и очень быстрым: не зная, и не углядишь. Девушка сощурилась — сколько же вас!

Оставшись в одиночестве, она накинула на дверь крючок и торопливо развернула

записку. Почерк был тем самым.

«Вечером, когда турки заснут, выходи. Доберешься до площади дель Потро. У фонтана будет ждать крытый портшез. Скажешь носильщикам: «Во имя Марии Кордовской», услышишь в ответ «Во славу святого Аполлинария». Садись в него, тебя доставят ко мне».

Подписи не было.

Кэти покрутила головой, отыскивая, куда бы спрятать записку. Комната была простой и без излишеств: кровать и кувшин для умывания. Пожав плечами, она сунула ее в свою туфельку.

Теперь нужно было дожить до вечера, а там... Почему-то Кэти была уверена, что назад она ни в коем случае не вернется и своих добрых хозяев больше не увидит.

* * *

Едва дождавшись темноты, Кэти накинула черную мантилью, взяла свое вышивание и легкой тенью выскользнула за двери, спустившись по большой старой лестнице так, что ни одна ступень не скрипнула.

Хозяйка гостиницы еще не спала. Поставив перед собой сразу две масляные лампы, чтобы было посветлее, она старательно начищала серебряные вилки. Увидев Кэти, она удивленно вскинула брови. Девушка улыбнулась и успокоила ее движением, подсмотренным у хозяйки. Лоб испанки сразу же разгладился, она улыбнулась в ответ, понятно объяснила, как найти нужную площадь и проводила Кэти тихим пожеланием удачи.

На улице было душно. Нагретый за день камень отдавал тепло, а ветер, видно, где-то заблудился. Почти сразу Кэти почувствовала, что по спине стекает струйка пота. Лоб тоже был мокрым. Она отерла его рукавом и остановилась, вспоминая указания хозяйки.

Кордова, как успела понять Кэти, была правильным квадратом. Такой она сохранилась со времен римлян. Кто бы ни приходил после: готы, мавры, христиане — все они как-то очень спокойно и органично вписывались в этот уклад. Крепостные стены и ажурные мечети не спорили со знаменитыми римскими дорогами, а христианские храмы чаще всего располагались в тех же мечетях. Для этого на макушку просто водружали крест, а внутрь ставили статуи святой девы Марии и Спасителя. И старое прекрасно уживалось с новым, чего нельзя было сказать о людях.

Этот некогда великий город видел столько крови, что если бы всю ее вылить в реку, она вышла бы из берегов и снесла знаменитый мост. А от дыма костров аутодафе деревья вокруг площадей до сих пор были черными. Здесь царил культ чести и мести, культ ножа. И именно здесь, в глубокой тайне, располагалась резиденция «капатаз» — одного из многочисленных командиров святого воинства Мера Хермано, главы ордена «Гардуна». Который переживал сейчас не самые лучшие времена.

Ничего этого Кэти, понятно, не знала. Она спешила на свидание с тайной, которая манила ее, как кошку корзинка сардин. Улицы были безлюдны, так что поинтересоваться, куда в такой несусветный час собралась молодая женщина, было просто некому. Может быть, алыгвасилы, которых так боялась Лайла, и впрямь были вездесущими, но не этим вечером. Следуя указаниям, Кэти довольно быстро добралась до широкой улицы, ведущей на площадь дель Потро. Портшез ждал ее, как и было обещано. Рядом топтались двое здоровенных, голых по пояс мавра. Кэти уже знала, кто они такие и не стала шараться, как от нечистой силы.

В такой штучке Кэти еще не ездила. У них, в Бультоне, было как-то не принято, чтобы одни люди таскали других. Да и зачем, если для этого есть лошади? Здесь, видно, считали иначе. Что ж, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Кэти сказала нужные слова, услышала ответ и уже хотела забраться в портшез. Но тут один из слуг достал платок из плотного темного шелка и знаками показал, что должен завязать женщине глаза.

Видимо, это было одно из условий встречи. Что ж, человек, принадлежащий к тайной организации, наверное, просто обязан принять меры предосторожности перед визитом

гостей. Помедлив секунду, Кэти решительно шагнула вперед и позволила завязать платок. Теперь она лишилась зрения. Садясь в портшез, Кэти промахнулась и нервно рассмеялась. Крепкая рука помогла ей, она бросила во тьму безадресное: «спасибо» по-испански, это слово она успела выучить, и необычное путешествие началось.

Путь оказался коротким.

С вызывающей наглостью «капатаз» разместился прямо напротив дворца Алькасара. Такое дерзкое пренебрежение к власти могло бы удивить альгвасилов Его Католического Величества. Да и само Католическое Величество, пожалуй, тоже. Если бы только они об этом знали...

Слуги доставили портшез к воротам роскошного дома в мавританском стиле, откинули занавеску и заботливо помогли Кэти выйти.

Женщина слышала, что каблучки ее стучат по каменным плитам, Их сменила лестница: невысокая и очень удобная. Справа она услышала шум фонтана. Стук туфелек по камню сменил глухой звук: она ступила на мягкий ковер. Слуга, провожавший ее, выпустил руку и, видимо, вышел. Кэти осталась одна. С замершим сердцем она стояла в полной темноте, считая секунды, и напряженно ждала.

— Вы можете снять повязку, — прозвучал голос, который она слышала второй раз в жизни... Но который не спугала бы ни с каким другим. Торопливо она развязала узел и бросила платок на пол.

Кэти оказалась в большом зале с высоким, сводчатым потолком. Его поддерживали полуутопленные в стену колонны, украшенные мозаикой, потолок терялся где-то в темноте. Но не размеры поразили Кэти, а свет. Здесь не было свечей. Вместо них со стен свешивались серебряные масляные лампы, большие и плоские, в несколько фитилей. Такие же лампы, но с фигурными ножками, стояли на низких столиках и напоминали столовые приборы.

Стены были обтянуты дорогой тканью.

Большие окна смотрели в сад широко распахнутыми глазами, а оттуда в дом тек густой и сладкий аромат роз.

В проеме окна Кэти почти сразу увидела темную фигуру.

Он стоял спиной к гостье. Наверное, это было не слишком вежливо, но Кэти не волновали вопросы хорошего тона. Он обещал, значит, лицо его она увидит.

— Здравствуйте, — негромко произнесла она и поразилась, как отчетливо звучит ее голос в этом большом и почти пустом зале.

— Здравствуй... Китти? Или ты предпочитаешь другое имя? Как видишь, я не претендую на то, чтобы знать настоящее.

— Вы мне свое тоже не скажете, — произнесла Кэти без вопросительной интонации, — но должна же я как-то к вам обращаться.

— Придумай сама, — предложил странный хозяин этого места.

— Забавное предложение, — нервно отозвалась она. — Я буду звать вас Санто.

От окна слышались странные звуки, и лишь пару мгновений спустя Кэти сообразила, что незнакомец смеется. И вдруг он обернулся. Кэти ждала этого с тех пор, как увидела темную фигуру, но все же это произошло внезапно. Она даже вздрогнула.

Правда, такой драматизм оказался излишним. Это было обычное лицо мужчины лет тридцати или чуть больше, сильно загорелое, с правильными, но невыразительными чертами лица. Разрез темных глаз был неотличим от десятка таких же, которые видела Кэти по дороге в Кордову и уже в городе. Увидь она его при других обстоятельствах — не запомнила бы и в следующий раз не узнала.

Незнакомец внимательно следил за живым выражением ее лица и, видимо, что-то разглядел.

— Как видишь, я не Адонис, хоть и не обезображен шрамами. Ты разочарована, Китти?

— Нет, — удивилась она, — вообще-то я и не ожидала, что вы будете похожим на Филиппа Прекрасного. Было бы странно, если бы мне ТАК повезло.

Санто улыбнулся, и Кэти подумала, что, скорее всего, улыбается он редко. Улыбка

преображала его лицо, делала мягким.

— Ты откровенна... пожалуй, больше, чем я привык. Наши женщины возводят скромность в ранг не только добродетели, но и долга.

— Сесть даме предложите? — невежливо перебила Кэти, которой надоели прелюдии. А еще, ей надоело, что ее вот так бесцеремонно разглядывают, словно одну из исторических достопримечательностей вроде тех, на которые постоянно пялился господин Мехраб.

— О, конечно. Не только сесть, но и выпить. Прошу, — он указал на низенький столик у окна и пару кресел. Они были обиты той же тканью, что и стены, и поэтому совершенно терялись на их фоне.

— Только не манзаниллу, — поморщилась Кэти.

— Кларета у меня нет, прости. Кьянти? Ты его любишь?

— Не знаю. Ни разу не пробовала.

Рука того, кого она решила называть Санто, на мгновение зависла над бокалом:

— Подданная Черного Папы никогда не пробовала кьянти? — удивленно переспросил он.

— Я — новичок, — призналась Кэти, — и еще многого в этой жизни не пробовала. Надеюсь, вас это не разочарует?

— М-м... неплохой вкус. Может быть, слишком терпкий. А мужчины? Или ты дала обет?

Кэти смутилась. Черные глаза Санто смотрели как-то уж слишком пристально.

— Пока нет, — произнесла она и торопливо поднесла бокал к загоревшемуся лицу. Неведомое кьянти оказалось интересным на вкус. С первого глотка Кэти показалось, что она пьет простую воду, девушка разочарованно вздохнула. Но тут во рту у нее словно взорвалась целая горсть темной, сочной и спелой черешни.

— Вкусно, — удивленно сказала Кэти.

Разговор об обетах напомнил ей обещание, которое она дала в обмен на эту встречу. Кэти неловко повернулась в кресле, пытаясь закрыться плечом, и вытащила из-за корсажа белый платок. Тот самый. Вернее, половину платка. Шелк был покрыт ровными, аккуратными стежками. Санто развернул его на столе, меж бокалами и блюдом с острыми колбасами. На платке была вышита довольно точная схема пути от Санлукара до Кордовы. Вдоль дороги попадались схематичные, выполненные одним-двумя стежками, но аккуратные домики, а прямо под ними — имена. Имена людей, с которыми Лайла обменялась тайными знаками. Кэти сдержала слово и вышила эту памятку на платке прямо на глазах своих невнимательных хозяев.

Женщина немедленно пожалела о том, что сделала. Санто вцепился в этот несчастный платок, как голый в свечку, и, казалось, совсем забыл про нее. Что ж, она пока допьет вино. И нальет еще. Сама.

Наконец он поднял глаза, которые, казалось, потемнели еще больше.

— Изумительно, — пробормотал он, — все это время они действовали прямо на наших глазах, а мы ничего не замечали. Воистину это само провидение свело наши пути. Все-таки Господь не оставил Испанию и своих солдат в это трудное время.

— А оно трудное? — спросила Кэти.

Выпрямившись в кресле, насколько возможно, и продолжая сжимать в руке драгоценный платок, Санто буквально вцепился в гостью пристальным взглядом так, что ей захотелось спрятаться. Похоже, он что-то решал на ее счет. И, видимо, решил.

— Времена и впрямь трудные для Гардуны, — тихо сказал он, — во время войны с мавританским халифатом умелые воины ценились на вес золота. Тогда мы были нужны, тогда Гардуну ценили короли. И потом еще долгое время, когда казна была пуста, а мы знали, как взять золото у тех, кто им владел... И потом еще некоторое время, пока страх был силен. Но страх — это не вера. Он проходит быстро, — поймав вопрошающий взгляд гостьи, Санто усмехнулся, — Филипп решил, что Гардуна слишком сильна, многочисленна и сплоченна. В то время как его двор больше всего напоминает банку со скорпионами.

— Он распустил вас? — предположила Кэти.

— Он давно сделал бы это, — кивнул Санто, — но Гардуну нельзя распустить королевским указом. Это может сделать лишь сама Мария, явившись на собрание братьев...

Представив себе явление Святой Девы в обществе отъявленных головорезов, Кэти непочтительно хмыкнула. Но Санто, похоже, не обиделся.

— В чем тогда ваши трудности? — Кэти и впрямь стало интересно.

— Да ни в чем особенном, — в голосе хозяина снова мелькнули знакомые ленивые интонации, — просто король дал негласное указание альгвасилам отслеживать нас. Только в этом году десять братьев закончили жизнь на виселице. Поэтому я так обрадовался неожиданному подарку судьбы в твоём лице. Если мы разоблачим Змеев, то король будет вынужден хотя бы на некоторое время приостановить травлю.

— Вас... тоже могут повесить? — испугалась Кэти. Бокал дрогнул в её руке.

— О нет, — Санто улыбнулся. Её испуг не ускользнул от внимательного взгляда «капатаз» и согрел его самолюбие. Кэти и в самом деле была очень красивой. — Меня не повесят. Я — дворянин. Если меня схватят, то обезглавят.

— Почему же тогда вы не бежите прочь?!

— Потому что я мужчина. И воин.

Санто прищурился и покачал головой. Улыбка сошла с его невыразительного лица, спрятавшись в уголках глаз, но продолжала греть, и Кэти невольно подалась вперед, к этому теплу. Кьянти, которое она попробовала впервые в жизни, ударило в голову, и стены поплыли. Ей показалось, что она сейчас упадет... или взлетит. Неважно. Ей не хотелось ни того, ни другого. Она потянулась к Санто в надежде, что тот удержит землю под ногами. Но выбрала явно не то время, не то место и не того мужчину. Похоже, он и сам был не прочь взлететь. Санто неторопливо встал и потянул её из кресла. Кэти поддалась, все еще испытывая иллюзию, что в любое время сможет его остановить. Или остановиться сама.

— Ты сказала правду? Ты действительно не давала обета? — спросил Санто глухо и требовательно. Его дыхание шевельнуло кудряшки на виске Кэти. И почему-то она не смогла поднять глаза.

— Это так важно?

— Очень важно.

— Почему?

— Потому что я хочу тебя. Но я никогда не посягну на невесту Спасителя.

— Я не монахиня, — прошептала Кэти, поднимая голову.

— Хвала Господу! — выдохнул Санто и прижал Кэти к себе, больше уже не сдерживаясь. Она не возразила ни словом, ни даже взглядом. Точка невозвращения была давно пройдена, и не сейчас. Когда и где? Возможно, в гостинице, когда она собиралась на ночное свидание. Возможно, в исповедальне, когда она слышала этот завораживающий голос. А возможно, еще раньше. Еще в Англии, в Бультоне. Когда Кэти Бэрт с сердечком, замирающим от сладкого ужаса, слушала рассказ своей лучшей подруги о сражении с пиратами и о том, что она полюбила Люцифера. Неважно... Препятствия жизни сгорели, и Кэти ни в коем случае не собиралась об этом жалеть.

Во всяком случае, точно не сейчас.

Глава 18

На третьи сутки безумной погони «Немезида» вошла в порт Чивитавеккия, расположенный примерно в двух переходах от Рима. Из воды изумрудного цвета поднимался волнорез. Он был не природным, а сотворенным человеческими руками для того, чтобы обуздать волны Тирренского моря. Из светлого песка, мечты пляжника, вырастали величественные белые стены цитадели, которую однажды на этом самом песке прутиком оливы набросал Микеланджело. Чуть дальше в море выдавался небольшой мол, один из двух, и был хорошо виден знаменитый маяк, еще вполне рабочий. В другое время

Рик с удовольствием осмотрел бы это чудо архитектуры и техники, но сейчас все мысли его были о пропавшей Насте.

— В Рим придется добираться сушей, двух суток хватит, — прикинул Дерек, — из оружия: сабля, кинжал, пистолеты... Пушки придется оставить.

Глазами души Рик немедленно увидел картину, как его brave корсары с песней «Пятнадцать человек на сундук мертвеца» кантуют эти самые пушки по великой римской дороге, где в любое время суток тусовка, как на Бродвее...

— Да уж, — кивнул капитан, — придется штурмовать замок Ангела без поддержки артиллерии.

— Думаешь, до этого дойдет?

— Надеюсь, что нет, — произнес Рик, наблюдая за деловой суетой матросов на палубе.

— А... если дойдет?

Рик внимательно посмотрел на парня.

— Если эти сволочи с выбритыми макушками что-то сделают с моей женой... Риму — гореть! На всякий случай берем по паре ручных бомб.

Дерек кивнул. Он, в общем, и не сомневался, что капитан в случае чего не постесняется всыпать и Папе, и уже прикидывал, как это можно сделать без главного козыря «Немезиды», ее грозных пушек.

— Не опасно оставлять корабль тут? — спросил он. — Чивитавеккия — вотчина Папы...

— Ну, он же первый начал, — отозвался Рик и, видя непонимающий взгляд Дерек, пояснил: — Сам сунулся, пусть теперь сам и выкручивается.

Помощник не засмеялся. Он никогда не слышал анекдота про тещу, упавшую в бассейн с крокодилами: «Ваши крокодилы, вы их и спасайте». Но, как и все англичане, был лишен почтения к сану первосвященника римско-католической церкви. Рик знал, что на Дерек он сможет положиться.

За «отмотанные назад» триста лет Италия переменялась мало. Исчезли современные здания, асфальтовые шоссе, автомобили и скутеры. Кажется, лик ее должен был стать неузнаваемым, но почему-то этого не случилось. Все так же вонзались в небо тугие веретена кипарисов, теснились друг к другу дома, построенные прямо на развалинах великой империи с использованием тех же плит. Подошвы прохожих стучали по булыжнику, у разбитых мраморных колонн паслись козы, а пышногрудые брюнетки и шатенки с очаровательной непосредственностью вытряхивали половики в окна, прямо на головы зазевавшимся прохожим. И те ничуть не обижались.

Красавица просто сменила платье, но при этом осталась красавицей.

В небольшую таверну, в двух шагах от порта, Рик с помощником вошли, пригибаясь, чтобы не задеть каменную арку. Судя по запаху, готовили здесь рыбу с острым соусом.

К деревянной двери гвоздями, обломанным вертелом и парой ножей было пришпилено объявление. Пираты, не знавшие итальянского, прочесть его не могли, но здраво рассудили, что не одни тут такие, неграмотные. Жестом Рик подозвал хозяина, полного мужчину с маленькой бородкой, и, кивком указав на листовку, спросил:

— Английский понимаешь? Что тут написано?

— Си, си, — быстро закивал хозяин, — Марио английский понимать, хорошо говорить и даже немного писать.

Как оказалось, это было объявление о найме добровольцев на капер, стоящий тут же, на рейде, вооруженный, как было сказано, «двенадцатью пушками на лафетах». Он собирался в трехмесячное плавание под флагом с ключами святого Петра. Вероятно, потрошит берберских коллег. Об этом в листовке не говорилось ни слова, но на счет намерений капера никто не сомневался, так как помимо «потребного аванса» записавшимся предлагалось «отпущение всех грехов, совершенных по сие число».

— Вот видишь, Дерек, — кивнул Рик, — если что-нибудь пойдет не так, предложим свои шпаги святым отцам и получим полное прощение.

— В небесном суде, но не в земном, — флегматично уточнил Дерек.

Они устроились в углу, за столом, чья массивная столешница лежала прямо на здоровенном тесаном камне. Пара таких же камней служили стульями.

— Рыбы, вина, хлеба, — бросил Рик хозяину вместе с парой монет.

Но не успели они приступить к трапезе, как уединение корсаров нарушили, правда, довольно деликатно. Рядом со столом нарисовался молодой монашек в рясе до полу, подпоясанный веревкой, с сумкой на животе и неизменными четками в руках. Он аккуратно покашлял. Дерек вопросительно поднял голову. Рик взял нож, чтобы нарезать сыру.

— Простите, — обратился монах на вполне приличном английском, — я имею честь видеть господина Бикфорда и его помощника?

Нож в руке пирата на секунду замер.

— Не знал, что я так знаменит в этой части света, — бросил он, — и что вам, автограф?

Монах хлопнул глазами. Последних слов он явно не понял.

— Как вы узнали меня, и что вам от меня нужно? — «перевел» Рик и внимательно посмотрел на монаха. Тот был довольно молод, черноглаз, с правильными чертами лица, немного узковатым подбородком, который его здорово портил, но в остальном лицо у него было симпатичное и располагающее.

— О, это не сложно, — заверил он и, запустив руку в свою большую холщовую сумку, выудил лист бумаги, сложенный вшестеро. Развернув, монах с поклоном подал его Рик, и тот отметил, что манеры у долгополого вполне светские. Впрочем, в монастыри часто шли потомки знатных родов, так что удивляться было нечему.

— Опаньки! — Рик шумно выдохнул и с трудом удержался, чтобы не оглянуться. Мысль о том, что удивляться нечему, была неправильной. Его удивили, да еще как. С листа на него смотрела собственная физиономия, изображенная кое-как, карикатурными штрихами, но легко узнаваемая. На заднем плане неизвестный, но талантливый художник буквально тремя-пятью линиями набросал силуэт двухмачтового корабля под полными парусами. Вероятно, «Фортуны». Или «Немезиды», один черт. Вверху, большими буквами было по-английски написано: «Розыск», а ниже шел текст: «За поимку Джеймса Рика, известного как капитан Рик или Счастливчик назначено сто фунтов стерлингов; за другого капитана пиратского брига, шлюпа или барки — сорок фунтов стерлингов; за старшего помощника, шкипера или интенданта двадцать фунтов, за младшего помощника, боцмана или плотника — пятнадцать фунтов, а за рядового матроса — десять фунтов. Розыск объявил Джон Спенсер, губернатор острова Мартиника».

— Господи, а старине Джону-то что я сделал плохого?

— Абсолютно ничего, — кивком подтвердил Дерек, — если не считать того, что вы, сэр, помогли его дочери бежать в старый свет с женихом, которого ее папа не одобрил.

— Прямо так и помог... Всего-то пару выстрелов сделали в сторону виллы Его Превосходительства. Почти ничего не сломали и даже никого не убили.

— Ну да. Кроме любимой лошади губернатора, — снова педантично уточнил Дерек.

— Лошадь жалко, — согласился Рик, — она совершенно ни при чем. Лошадь-то ни в кого не влюблялась. Ну ничего, может быть, за муки в следующий раз родится человеком.

Монах с любопытством переводил взгляд с одного моряка на другого, слушая их бредовый диалог.

— Простите, — вставил он, — вы всерьез считаете наградой родиться человеком?

— Святой брат хочет сказать, что если человек помер в муках, он может в награду родиться лошадью, — прокомментировал Дерек, отдавая должное поданному блюду.

— Откуда у вас эта мерзость? — спросил Рик, — вы их что, коллекционируете? Садитесь, ээ?

— Брат Доминик, — помог монах, — нет, я не коллекционирую мерзость. Я ее перевожу. А вас я разыскиваю по просьбе вашей жены.

— Ирис? — у Рика мгновенно пропал аппетит. — Вы знаете, где она?

— Вы это тоже знаете, иначе вас бы здесь не было, — проговорил брат Доминик.

— Она?..

— Она в замке Святого Ангела. Пока жива.

— Что значит «пока»?

Доминик вздохнул и, понизив голос почти до шепота, произнес:

— Ваша жена вздумала добиться свободы, угрожая Его Святейшеству разоблачением некой тайны...

— Идиотка, — сказал Рик с раздражением и нежностью, — ее же придушат.

— Или отравят, — кивнул монах, — поэтому я здесь. Вы ведь собирались договориться с церковью?

— Насколько я понял, теперь этого лучше даже не пробовать.

— Верно. Ее угостят ядом с отсроченным действием, прежде чем передать вам. Она умрет раньше, чем корабль отчалит.

Рик стиснул нож так, что пальцы побелели, но внешне остался невозмутим.

— Значит, план номер два. Ее нужно выкрасть, — он повернулся к монаху. — Это возможно?

Доминик покачал головой:

— Отсюда вам не добраться до Рима. Сейчас по приказу Его Святейшества перекрывают все дороги. Порт тоже закроют. Я опередил курьера на час.

— Из-за кого такие меры предосторожности? — удивился Дерек.

— А ты не догадываешься, — буркнул Рик, — из-за нас с тобой. Мы ведь изрядно потрепали долгополых в море... Черт! Всегда знал, что недоделанное дело хуже, чем неделанное вообще. Надо было позволить им плыть своей дорогой и даже не смотреть в ту сторону. Да и мы тоже хороши, упустили пинас! А там была Ирис! Черти бы взяли Хамида вместе с его Аллахом и всеми гуриями! Надеюсь, там, в раю, они затрахают его до смерти.

— Как можно затрахать до смерти покойника?

— Не знаю. Но если есть способ, то гурии его должны знать.

— Остия, — тихо проговорил монах. Оба пирата мгновенно прекратили спор и с интересом уставились на него.

— Остия, — повторил он, — древние ворота Рима. Там вас искать не будут.

— Поясни? — коротко приказал Рик.

— Здесь хозяин — Папа, а там — герцог. Они не ладят. Герцог и не подумает исполнять приказы Папы, а если его люди и увидят вас случайно, то отвернутся.

— Это мысль, — Дерек на радостях хлопнул в ладоши, — я и сам думал об Остии. Оттуда до Рима рукой подать.

— Один вопрос, — Рик сдвинул брови, — тебе-то какая корысть помогать моей жене. Уж не влюбился ли ты в нее с первого взгляда?

— Убереги Господь! — воскликнул брат Доминик и торопливо перекрестился.

— Что так? — Рик почувствовал что-то вроде обиды.

— Вы не так меня поняли, — монах оттянул двумя пальцами ворот рясы, — я принял постриг. Мне женщин любить нельзя. Если только по-братски, а это неинтересно. А ваша супруга — очень красивая. И бесстрашная.

— Безголовая она, — буркнул Рик, — но это, к сожалению, не лечится. Ладно, что-то подсказывает мне, что чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше. Вы знаете место, где можно поговорить без лишних ушей, брат Доминик?

Монах пожал плечами:

— Вся Италия — место, где можно говорить без лишних ушей. Нужно только свернуть за угол. Идите за мной, господа.

— Не верю я этому долгополуму, — сказал Дерек, не понижая голоса, — заведет он нас в ловушку.

— Не заведет. Иначе сам первый и погибнет.

— А если он хочет обрести мученический венец и попасть в рай? — возразил Дерек.

— Не получится, — неожиданно брат Доминик улыбнулся, — думаю, архангел Михаил

не дурак, и любой, кто пытается крутить с вами, господа, проходит у него в списках как самоубийца.

Дерек замолчал, но, шагая по узенькой улочке вслед за монахом, руку демонстративно держал на рукояти пистолета.

* * *

Вторые сутки с неба, затянутого серой пеленой облаков, сыпались противные мелкие иголки дождя. Вечерело. Наверное, серп убывающего месяца уже показался в небесах, но разглядеть его не было никакой возможности. Кроны больших вязов не гнулись под ветром, и это было плохо — стояло полное безветрие, а значит, не было никакой надежды, что эту хмарь разнесет к утру... или хотя бы когда-нибудь.

Под копытами коня хлюпала грязь, и умное животное время от времени поворачивало рыжую морду к всаднику, словно спрашивало: «Долго еще?.. Что скажешь?»

— Да сказал бы, если бы знал, — пробормотал всадник, по самую шляпу укутанный в толстый плащ, — уж от тебя не скрыл бы, ты ведь не проболтаешься. Да только знаю я не больше, чем ты. Отправились они по этой дороге. На постоялом дворе ночевали, хозяйка в полном восторге от моей голубки. Еще бы... От нее все в восторге. Вот только куда она потерялась?

Конь помотал головой. Он тоже понятия не имел, куда девалась сестра Кармела. Да и откуда бы это знать коню?

Они оба устали: и конь, и всадник. Путь оказался долгим, дольше, чем планировалось, потому что все дороги почему-то оказались перегороженными заставами. Понаблюдав за одной такой, Ухо решил не тратить времени на выяснение причин, а просто обойти препятствие. Он торопился, а заставы, похоже, не пропускали никого ни с какими бумагами. Это было странно, но на странности сейчас не было времени.

Эту, последнюю заставу, обойти было нельзя. Вернее, конечно, можно, но пришлось бы сделать изрядный крюк и коня бросить. А конь мог здорово пригодиться. И поэтому Ухо решил все же попытаться прорваться в городок, где загадочно оборвался след его ученицы.

— Стоять! — Повелительный оклик принадлежал молодому пареньку лет двадцати. Если бы жизнь сложилась иначе, у Уха мог бы быть такой сын. Младший. А может быть, он и был, этот сын. Только Ухо об этом не знал.

— Стою, — добродушно проворчал он, останавливая коня, — а почему в город не пускают? У меня срочное дело.

— Вы с луны свалились, сэр? — вежливо осведомился молодой человек, судя по выговору — ирландец. — Город закрыт, и сюда не пускают ни по какому делу. Я удивляюсь, как вы миновали другие заставы. Вас должны были завернуть гораздо раньше.

— Так получилось, — пожал плечами Ухо, не вдаваясь в подробности, — но почему такой кордон?

— В городе холера, — коротко ответил парень на все вопросы разом.

Это был конец. В первые четверть часа Ухо еще надеялся, что это не так. Он попробовал лести, обман, подкуп, шантаж, угрозы... Все напрасно. Страж был вежлив, но непреклонен. Сунувшись напролом, Ухо совершил грандиозную ошибку, и только беспокойство за Джованну могло его извинить. Холера — это вам не банальная контрабанда или какой-нибудь заговор, здесь все серьезно. Не впустят и не выпустят даже королевского курьера с какой угодно круглой печатью.

— Вам нужно вернуться, — сказал молодой офицер с сочувствием, но твердо.

Ухо осенило внезапно. Не иначе как снизошла благодать небесная! Ведь этот молодой офицер — ирландец, а значит, почти брат, хоть и подданный Британии.

— Вы католик? — спросил он.

— Да, сэр.

— Ну так помогите ради деvy Марии!

И ворота открылись.

Город встретил Ухо темнотой, закрытыми дверями и удушающим запахом дыма, перца и ладана. На городской площади горели костры. Вокруг сидели люди в темных балахонах, с капюшонами, наброшенными на лица. Они смотрели на огонь сквозь прорези в плотной ткани и, видимо, следили за тем, чтобы костер не гас, время от времени подбрасывая в него топливо. В руках у одного из них Ухо заметил железный крюк и шатнулся от странной компании в ближайший переулок. Лоренцо сообразил, что напоролся на могильщиков, которые подбирали и хоронили трупы. Из короткой беседы с офицером у ворот Лоренцо узнал, что эти люди рискуют жизнью не за царствие небесное. Мэр обещал им имущество умерших и деньги от живых.

Если кто и знал что-то об эпидемии и ее жертвах, то только эти отчаянные ребята. Но слишком близко они стояли к смерти. Лоренцо решил, что будет искать Джованну среди мертвых только в том случае, если не найдет среди живых.

Переулок, куда он нырнул, спасаясь от собственных черных мыслей, был узок настолько, что крыши домов смыкались друг с другом, и если по нему вдруг попытался бы проехать экипаж, Уху пришлось бы срочно научиться летать, чтобы не быть раздавленным.

Дома и лавки стояли темные и закрытые наглухо. То тут, то там Ухо видел грубо намалеванные на воротах темные кресты — знак того, что здесь побывала болезнь и никого после себя не оставила. В одном из домов ворота были выбиты, а на перекладине болтался труп удушенной кошки. От запаха Лоренцо чуть не стошнило. Он спрятал голову поглубже, стараясь дышать сквозь шелковый платок. Где-то здесь должна была быть таверна с небольшой гостиницей, единственная в городе. Если Джованна жива, то она там.

Таверна отыскалась быстро. Ее не пропустил бы даже слепой и вдребезги пьяный: единственный на всей улице дом, где во всех окнах горел свет, двери стояли нараспашку и оттуда доносились нетрезвые голоса ребят, которых никакая холера не брала. Ухо прислушался.

«...Расцвечена вся рожица букетами из роз. Кыш-кыш, мы сейчас упадем!» — голосили гуляки. Да уж, песенка прямо в точку. Правда, не про холеру, а про чуму, но все равно близко.

В небольшом зале, за деревянным столом, уставленным кружками, среди горящих свечей пиновала компания: с полдюжины мужчин самого разного вида и социального статуса — от зажиточного горожанина до нищего. Все они сидели рядом, как братья если не во Христе, то во дьяволе, кружки были полны, а глаза — темны, как и положено тем, кто видел смерть вблизи, и не просто видел, а поздоровался с ней за руку, почти обнялся. Рядом приткнулись две хмурые женщины. Они были растрепаны и грязны, словно их в этих самых платьях не раз валяли по полу, прямо тут, среди брошенных на пол костей и гуляющих тараканов. Трезвых в компании не было, ни одного. «Без приключений не обойтись», — подумал Ухо и оказался прав. Здоровенный детина в рубахе мастерового и кожаных штанах вразвалочку подошел к нему, разглядывая сощуренными глазами. Его борода воинственно топорщилась. В руках он держал две кружки. Ухо немедленно вспомнились наставления отца Урбино, пережившего холеру в Месине: «Не есть, не пить, не курить в очаге заражения...» Но детина уже подошел вплотную, и видно было, что между любовью и ненавистью у него в этом состоянии даже не шаг, а всего лишь поворот головы.

— Заходи, гость. Выпей за здоровье Королевы Холеры, — пробасил он.

— Благодарю, но я очень тороплюсь, — попытался отвертеться Ухо.

— Куда это ты торопишься? — озадачился детина. — Ты, верно, не понял: здесь заканчиваются все дороги. Я тоже торопился. В Бри. Меня там невеста ждет, и стол свадебный уже накрыт. Бедная Сара, придется ей надеть черное вперед белого... — И неожиданно крупный мужчина всхлипнул, как обиженный малыш.

— Сочувствую, — буркнул Ухо без всякого сочувствия. История невезучего жениха его ни капли не разжалобила, и он постарался аккуратно обогнуть его вместе с кружками. Тот, видно, заподозрил неладное и сощурился еще больше.

— Брезгуешь? Рабочим человеком брезгуешь?

Дальше все было известно наперед: сейчас с ним попытаются затеять драку, если уж напоить не вышло, и ввосьмером на одного (вряд ли девицы останутся в стороне, не то воспитание) раскатают по деревянному полу в русский блин.

Хвала Господу, Ухо не был францисканцем и не давал обета любить ближнего, даже если тот пьян и агрессивен, как ландскнехт.

Коротко, почти без замаха, он сунул кулак под ребра мастерового. Тот хлопнул глазами и осел на пол, хватая воздух ртом, как вытащенная из воды рыба. Пойло, естественно, разлилось.

Звук послужил сигналом для пьяной компании. Они побросали свои занятия и, словно по команде, обернулись к Уху. Среди этих ребят тоже не было францисканцев.

Ухо перескочил через детину и взлетел по лестнице на шесть ступеней. Обеспечив себе обзор и простор, он вытащил из-под плаща шпагу и пистолет. Пистолет зажал в левой.

— Первому, кто сунется, свинец в голову, остальным — сталь в живот, — объявил Ухо.

— Да ты чего, мужик, — искренне удивился предводитель этой компании, судя по одежде — купец, — мы же от чистого сердца!

— Я тоже, — коротко отозвался Ухо.

— Да ты кто, такой шустрый? — вполне добродушно поинтересовался купец.

— Князь Лоренцо да Манчина, — бросил Ухо просто из любопытства, чтобы посмотреть, что будет.

Титул не произвел впечатления. Подумаешь, князь. Да хоть епископ, кого это тут волнует? А вот имя...

— Итальянец?! Да еще из Манчины, — купец аж привстал, — каким ветром тебя сюда занесло, князь?

— Попутным, — буркнул Ухо, пряча пистолет, но шпагу на всякий случай держа на виду, — а что?

— Да что с того, что он итальянец, да еще из этой, как его... Мантуи? — переспросил купца его товарищ по столу.

— Этот парень должен знать о холере все, — догадался самый молодой из них, подмастерье или студент, — десять лет назад они мерли от нее как мухи. Но потом все-таки как-то остановили заразу.

Шестнадцать пар глаз уставились на Ухо с неясной пока надеждой.

— Что делать-то надо? — оформил вопрос купец.

— Молиться, — буркнул Ухо, пряча и шпагу, — а еще — руки мыть как можно чаще. И все остальное тоже мыть. Кипяченой водой.

Первая дверь оказалась заперта снаружи. Вторая — выбита. На полу валялись какие-то вещи, пахло кислым вином. Третья дверь тоже была заперта, но изнутри. На нетерпеливый стук Уха отозвался голос... и этот голос был знаком ему! Еще как знаком.

— Открой, это я, — крикнул он.

Скрипнул дверной засов.

С замершим сердцем Ухо шагнул в полутемную комнату, в которой стоял плотный запах горящего ладана. И немедленно остановился. Тонкая рука Джованны загрозила ему путь, выставив между собой и Лоренцо плоскую с горящими травами. Ухо с тревогой взгляделся в лицо женщины и облегченно перевел дух. Оно было худым, но не желтым. Ни малейших следов болезни.

— Тебе нельзя здесь быть, — проговорила Джованна. В ее глазах стояли слезы и страх, но сквозь них, словно солнце сквозь плотные облака, сияла улыбка.

— Я уже здесь, — просто сказал Ухо и отвел огненную преграду между собой и женщиной.

Она быстро замотала головой, пытаясь отстраниться:

— Нет, нет, — разобрал Ухо, — не подходи близко. Возможно, я уже заражена...

— Боишься? — прямо спросил он. Джованна кивнула. От мэтра у нее секретов не было.

Ухо мягко улыбнулось.

— Давай бояться вместе, — предложил он, шагнул к женщине и крепко обнял ее, прижимая к себе.

— Сумасшедший, — прошептала она и с облегчением расплакалась.

* * *

Кэти проснулась очень рано, солнце, наверное, только начало золотить крыши. В комнате, за плотно задернутыми шторами, стоял полумрак, и даже сохранялись остатки ночной прохлады, хотя то, что день будет опять жарким, уже чувствовалось. Все тело казалось легким, но каким-то ленивым.

«Я могу летать как облако, — подумала Кэти, — но не хочу...»

Спящий рядом мужчина дышал глубоко и ровно. Кэти покосилась на него со смешанным чувством удивления и опаски. Эта ночь оставила у нее странное впечатление. Сначала Санто был нежен, почти робок. А потом словно сорвался с цепи. Похоже, «капатаз» не знал женщин годами. И как он выдерживал при его-то темпераменте, да при здешнем солнышке? Железный человек.

Внезапно мужчина открыл глаза. Сна в них не было.

Он встретился взглядом с молодой женщиной и, Кэти была готова поклясться, — смутился. Похоже, то, что произошло между ними, показалось странным не только ей.

— Как ты? — тихо спросил он. — я тебя не напугал?

— Немного, — кивнула Кэти, — но это было... освежающе.

Санто улыбнулся, взял ее за руку. Несильно сжал. Шевелиться не хотелось. Но мысли беспокойно толкались в голове, норovia прыгнуть на язык и нарушить идиллию утреннего пробуждения, и Кэти поняла, что долго не удержится.

— Я подумала, — произнесла она, глядя прямо в глаза любовника, — если ваш король так вам мешает, может быть, нужно его просто отвлечь?

— Отвлечь? — удивился Санто. — Чем?

— Войной, — ответила Кэти так, словно это само собой разумелось и слово это в устах хорошенькой женщины после ночи любви было вполне уместным.

Брови Санто вопросительно шевельнулись. Кэти пояснила:

— Ведь Испания и Франция союзники. Если Франция начнет войну с Англией, то Филиппу будет не до того, чтобы ловить тебя.

— Ну, наверное, — Санто улыбнулся и откинулся на подушки, глядя в потолок. Руку ее он так и не выпустил, и это было приятно. — Но для войны нужна серьезная причина.

— Кто тебе сказал, что ее нет? — Кэти потянулась к своей одежде, в страшном беспорядке сброшенной прямо на пол. На секунду ее обдало ледяным ужасом, ей показалось, что письмо пропало. Но оно было здесь, в потайном кармашке, который Кэти подшила сама, когда господин Мехраб распорядился выдать ей иголки и нитки.

— Что это? — спросил Санто, проглядывая глазами потертый, намокший, местами слегка порванный, но все еще читаемый листок бумаги. Лицо его изменилось мгновенно: нежность ушла, словно ее смыло волной холода. Взгляд стал цепким и внимательным.

— Это письмо принца Вильгельма Оранского английским заговорщикам с согласием занять престол Британии, — просто ответила Кэти. У нее было время подумать и разгадать эту загадку.

— Но откуда оно у тебя?

— От мужа. Я его украла.

Санто привстал на локте, пристально вглядываясь в юное лицо Кэти.

— Украла для Черного Папы? — спросил он.

— Ну... выходит, что для тебя, — обтекаемо ответила женщина.

Одеяло мгновенно оказалось отброшено. Санто вскочил. Рубашка, панталоны, камзол, сапоги, перевязь...

— Я должен спешить, — он обернулся к Кэти, — в Севилью ехать нет времени. Придется действовать самому. Письмо нужно доставить по адресу и чем быстрее, тем лучше.

— Мы еще увидимся? — спросила Кэти.

Санто обернулся к ней почти у самых дверей.

— Кто знает? Но если наши дороги снова сойдутся, я буду счастлив. Очень счастлив. — Теплая улыбка на миг показалась в глазах и снова спряталась. Санто ушел. Ушел насовсем.

Кэти еще некоторое время слышала его шаги в зале, голос, отдающий распоряжения на испанском языке, потом раздался стук копыт по плитам. А потом ушли и звуки, и она осталась одна.

«Утопиться, что ли? — невесело подумалось ей. — Или все же сначала позавтракать?»

Через минуту в спальню вошла пожилая испанка, закутанная во все черное. Она внесла поднос, от которого пахло так аппетитно, что вопрос решился в пользу завтрака.

— Господин сказать дать тебе тысячу эскуди, коня и провожатого куда ты пожелать, — произнесла испанка на очень плохом французском и поджала губы, демонстрируя крайнее неодобрение. К кому оно относилось, к лежавшей на постели молодой женщине или к господину, который вздумал так щедро оплатить ее ночные «услуги»? Кэти хихикнула. Похоже, ее приняли за одну из тех дам, о которых в свете говорили не иначе как шепотом, с осуждением и глубоко спрятанной завистью.

— А тысяча — это много? — поинтересовалась она, между делом расправляясь с завтраком. — На приличные платья хватит?

— Платья? — фыркнула испанка. — Хватит купить земля и пара коров. Или внести в монастырь...

— Вот уж спасибо, не нужно, — Кэти потянулась, как довольная кошка, — ни коров, ни монастыря. Обойдусь как-нибудь. А провожатый — это хорошо. Пусть после завтрака проводит меня к модистке. Есть здесь приличная модная лавка? Я плохо знаю Кордову.

Служанку Санто перекосило так, словно она выпила уксус и закусилась зеленым лимоном. Она сухо кивнула, в знак того, что распоряжение Кэти будет выполнено, и вышла, выражая спиной осуждение и всяческое порицание.

Кэти раздвинула тяжелые шторы и улыбнулась восходящему солнцу и новому дню. Похоже, у нее начиналась совсем другая жизнь, и эта жизнь ей была по вкусу.

Через две недели из Кордовы выехала элегантная карета. Она везла красивую молодую аристократку, баронессу де Сервьер, совершавшую паломническую поездку и теперь возвращавшуюся на родину, во Францию.

Глава 19

Круглую башню замка позолотил рассвет. Солнечные лучи скользнули по величественной громаде стены, запутались было в барельефах, но быстро нашли дорогу, выбрались, пробежали по мосту Сант-Анджело, миновав все три арки, фамиллярно поцеловали «в щечку» сначала Петра, потом Павла и затанцевали на воде.

По мосту простучали копыта замечательной вороной пары, влекущей изящную карету, украшенную гербом Герардески.

Возле запертых ворот кучер притормозил, а молоденький фореитор соскочил с подножки и открыл дверцу. На мост ступила точеная ножка в элегантной туфельке.

Хмурый швейцарец, стоявший в карауле, посмотрел на ножку без интереса. Тут полно было и ножек, и ручек, одна другой лучше. Гораздо больше старого солдата заинтересовали лошади, но и они задержали его взгляд ненадолго. Лошадей он тоже навидался.

Вслед за ножкой показалась и ее хозяйка: закутанная в глухой плащ из темно-синего бархата, гибкая, хотя, может быть, немного высоковатая дама. Следуя обычаю всех паломников, она вышла из кареты и к святыне направилась пешком. Но карета, естественно, покатила сзади, чтобы принять даму сразу, как только она исполнит свой религиозный долг.

«Эти благородные... — с усмешкой подумал солдат, отпирая ворота, — шагу лишнего не ступят, как будто развалиться бояться».

— Кто? — бросил он с высокомерием истинного караульного.

Дама, конечно, и рта не раскрыла. За нее ответил сидящий на козлах смуглый молодой мужчина:

— Клаудия Герардески желает поклониться Святому Ангелу, — и, видя, что швейцарец не торопится пропускать карету, со значением добавил: — и внести богатый подарок во искупление грехов своего покойного супруга.

Караульный хмыкнул. Супругу принцессы и впрямь было что искупать. Скандальные похождения по борделям главы дома Герардески и его не менее скандальную кончину в объятьях известной гетеры Аспазии со смаком обсуждал весь Рим и его окрестности. Тут, конечно, нужен такой дар, что в руках не унесешь. Лошади-то, вон, еле везут. Должно быть, сильно боится дамочка, что ее драгоценный лишнюю сотню лет в чистилище задержится. За супружеские измены, караульный, как и всякий приближенный к церкви, знал это совершенно точно, ад не полагался. Он коротко кивнул и пропустил карету во внутренний двор, где прятались в нишах мраморные ангелы, причудливо изгибался арочный мостик, соединявший башню со стеной, и тихо-тихо, почти на грани слышимости, журчал фонтан.

Склонив голову, вдова прошествовала под арку. Следом за ней из кареты проворно выскочила пара слуг и, кряхтя, но благоразумно воздерживаясь от ругательств, выволокла... и в самом деле сундук. Большой такой. С удобными ручками. Ну и ну. Впрочем, и это не было чем-то из ряда вон выходящим. Делали подношения Ангелу не только сундуками — кораблями и роскошными виллами. Всякое бывало. Когда смерть в глаза глянет, как-то все равно становится, сколько у тебя загородных поместий, шесть или пять. Зато котелки с кипящей смолой, да ров со змеями, да прочие прелести, так талантливо описанные господином Алигьери, начинают приобретать кое-какое значение.

Провожая взглядом слуг, швейцарец усмехнулся с чувством превосходства. Он караулил ворота к святыне и по этой причине чувствовал себя чуть ли не собратом апостола Петра. Надо думать, что рай ему был гарантирован.

Занятый этими приятными мыслями, караульный как-то упустил из виду мальчишку-форейтора. А зря.

* * *

— Так, до моста мы добрались. Вот он. Позвольте... — Рик задумчиво потер переносицу. — А куда же они ангелов дели?

— Каких ангелов? — переспросил один из корсаров.

— Ах да! — он щелкнул пальцами и пробубнил себе под нос: — Их же поставили на сто лет позже... — Рик обернулся, еще раз пристально осматривая все вокруг. — В этом городе я чувствую себя странно.

— В Риме все чувствуют себя странно, — пожал плечами его собеседник, — такой город. Так нам куда — вверх на стену? Или прямо — по мосту?

— Ни то и ни другое. Нам вниз. В воду.

— Прямо здесь?

— Да, а что? Тебя что-то не устраивает, Джим Хей?

— Чем-то тут таким пахнет...

— Дерьмом, — ответил Рик с подкупающей искренностью. — Сюда выходит канализационный колодец. Отсюда мы можем попасть прямо в бани замка. Это на первом этаже. Камеры здесь же, только в другом крыле.

— И что, мы поплывем через канализацию?! Через всю эту вонь!

— А ты что, собираешься дышать под водой? Нет? Так какая тебе разница, чем там воняет? Кто не дышит, тот и не нюхает.

— Теперь понятно, почему ты не велел брать ручные бомбы, — пробормотал Джим. —

Но непонятно, почему я, как дурак, буду плыть в говне, а Дерек, как граф, поедет в карете.

— Судьба у тебя такая, — исчерпывающе ответил Рик. — Ну, вперед! «Кто любит меня — за мной!»! — вспомнив лозунг Жанны д'Арк, он «рыбкой» нырнул в мутную, отвратительно пахнущую воду.

Джим Хей содрогнулся, но все же последовал за капитаном. Двое других корсаров, Тим Собака и Боб Хлоп даже ради приличия не стали обозначать, что их что-то не устраивает. Им было обещано по пятьдесят фунтов каждому. За такие деньги там могло пахнуть чем угодно, хоть розами. Они перепоясались потуже и одновременно, почти без всплеска, ушли в зеленоватую муть.

Плыть пришлось долго. Наконец, больше на ощупь, они нашли колодец, идущий вертикально вверх. Упираясь спиной в одну стенку, ногами — в другую, Рик втащил свое мокрое, отвратительно пахнущее тело на четыре метра вверх, стараясь не думать о том, что в таком виде ему придется предстать перед Настей. Верх был перегорожен решеткой, но настолько старой, что она вылетела уже после второго удара.

— Ого! Вот это эротика! «Плейбой» нервно курит... — сидя на отполированных мраморных плитах, Рик в изумлении уставился на противоположную стену. Во всю ее длину располагались шесть гигантских фресок с участием Венеры и Адониса. Такая «Кама-сутра» для продвинутых. Идеал мужской красоты был и впрямь... идеален. А вот богине любви, на взгляд капитана, не мешало бы пару месяцев посидеть на какой-нибудь диете.

Вслед за Риком из колодца вылезли и остальные пираты. Но, в отличие от капитана, никто не стал пялиться на граффити эпохи возрождения. Видимо, он был здесь один такой любитель живописи. А парней интересовало другое:

— Нам куда, и сколько там охраны?

— Сейчас разберемся, — пообещал Рик, с некоторым трудом отрывая взгляд от фрески. Все-таки эти итальянцы — что-то особенное.

Разбираться пришлось недолго. Дверь сразу приглянулась Рiku, и он решительно ее толкнул. За ней простирался довольно длинный коридор, подсвеченный несколькими светильниками. Несколько минут ушло на то, чтобы отряхнуться, все же дорога выпала не из приятных. Рик тщательно обтер обувь, чтобы не дай Нептун не поскользнется. Ну и одежду тоже... как могли.

— Все, двинули, — прервал Рик наведение марафета и первым шагнул в коридор. Следом Джим и Тим. Замыкал шествие Боб. Как ни старалась она соблюдать тишину, но сейчас даже их осторожные шаги казались зловеще громкими.

— Тим, — Рик обернулся, — не топочи, как...

Тим сглотнул слюну и молча кивнул. Взгляд капитана был красноречивее слов.

Еще несколько метров — и в свете затухающего факела они различили дверь. Рик прислонился ухом, прислушался... дверь неожиданно открылась, и капитану крепко досталось по голове. В следующее мгновение яркий свет от светильника ослепил остальных. Но на их счастье так неудачно вышедший тюремщик и сам от неожиданности пребывал в прострации. Первым пришел в себя Джим. Его длинная рука, вооруженная тонким стилетом, метнулась вперед. Тюремщик чуть взвизгнул и уронил светильник. Рик, уже пришедший в себя, успел закрыть рот уже оседающему телу, и Джим для верности повторил удар. Тут уж и Тим с Бобом не сплеховали. Один подхватил светильник, а второй помог оттащить тело.

Рик с Тимом первыми переступили порог. Их взору открылся еще один коридор, который в конце заканчивался... открытой настежь дверью. Не сговариваясь, ночные гости выхватили двустольные пистолеты, а следом вошедшие Джим и Боб из-за спины перекинули шестизарядные барабанные ружья. А ПИСТОЛЕТЫ С РУЖЬЯМИ НЕ ПРОМОКЛИ В ВОДЕ?

— С Богом! — Рик тряхнул головой, увлекая команду в атаку, и сам первым метнулся вперед к караульному помещению.

Пятеро швейцарцев так и не поняли, за что на них обрушилась кара небесная в виде свинцового потока. Лишь один из них успел схватиться за алебарду и браво шагнуть

навстречу пулям. Его тело тут же упало, задело стол, опрокинуло светильник. Масло растеклось, и огонь стал лениво пожирать столешницу. Сквозь пороховой туман было плохо видно, но насколько Рик помнил план замка, следом за этой караулкой следовала еще одна. Как по заказу скрипнула дверь, и в серой пелене отчетливо слышались бряцание оружия и отборная немецкая ругань.

— Назад, — рявкнул Рик.

В его руках уже дымился короткий шнур. Тяжелая, как он про себя ее называл — наступательная граната полетела навстречу живой силе противника.

Секунда, другая — и адская игрушка оглушительно рванула. Следом раздалась крики ужаса и отчаянья, которые, впрочем, вскоре перешли в заунывное мычание.

— Зачищаем!

— Что? — чуть не в один голос спросили парни, не поняв своего командира. Да и не мудрено, Рик в запале страстей перешел на русский.

— Вперед, говорю, — повторил он на языке островного королевства, — чего замерли как истуканы? Вперед!

* * *

В замке поднялась суета. По коридорам и переходам затопали солдатские сапоги. Где-то во дворе тревожно пропел рожок... а затем глухо зазвучали выстрелы.

— Пора, — скомандовал Дерек, уже давно скинувший мрачное одеяние вдовы.

Он первым отворил дверь отведенных ему покоев, высунулся в коридор и тут же отдернул голову назад. Мимо пробежал швейцарец, тяжело дыша от натуги. Алебарда здорово стесняла его.

Дерек сделал шаг и хладнокровно разрядил пистолет ему в спину. Солдат пробежал еще пару шагов, а затем застыл, хотел было развернуться, но тут его ноги заплелись, и он, завершив причудливое па, рухнул на каменный пол.

— Пошли! — скрываться смысла больше не имело, и Дерек увлек своих бойцов за собой.

Все четверо пронеслись на верхнюю галерею, откуда был прекрасно виден весь обширный внутренний двор. Дюжина швейцарцев с факелами, руководимая офицером, строилась напротив ворот, полагая, что ночное нападение обязательно должно закончиться покусительством на ворота. Впрочем, они были правы. Сейчас их шеренга представляла отличную мишень, и Дерек, кивнув Биллу, принялся извлекать из сумки ручную бомбу. Билл высек огонь, бикфордов шнур весело затрещал...

Тяжелый гостинец не долетел до швейцарцев всего пары метров и гулко упал на мощеный двор. Офицер первым обернулся на шум, но ничего сделать уже не успел. В следующее мгновение раздался взрыв, который разметал строй солдат. Вой искалеченных людей взлетел к самой вершине башни, дымное облако скрыло их страдания. Дерек решил продолжить веселье и скомандовал:

— Залп!

Четыре ствола выплюнули свинец...

Оставив убитых, раненых и контуженых швейцарцев на волю Господа Бога, все четверо рванули с места. Вперед, к заветной цели. Тем более что Рик с товарищами уже вовсю понаделал шума, отвлекая гарнизон от их группы, на которую и была возложена основная задача.

По дороге им попались всего двое слуг, которые, завидев вооруженных незнакомцев, ретировались с их пути так стремительно, что Дерек даже не успел вскинуть пистолет.

— Билл, проверь за поворотом.

— Чисто...

Еще одна лестница вниз — и они у заветной двери. Дерек на миг обернулся.

— Гарри!

Но Гарри не успел. Два мушкетера выстрелили почти одновременно. Тело Гарри еще не успело упасть, как три ствола рывкнули в ответ. Одному швейцарцу больше было не суждено топтать землю, а вот второй ловко шмыгнул за угол. Гарри упал, на его груди расплывались два бурых пятна.

— Билли угомони этого... Ирис! — Дерек зло толкнул дверь.

— Она заперта.

— Ну, слава Богу, мы успели, — выдохнул Дерек, — Роберт — ломай!

Абордажный топор тут же начал старательно трудиться над дверным косяком.

Со стороны, куда убежал Билл, раздался лязг металла, потом чуть слышное ойканье и приближающиеся шаги.

— Чисто, — отрапортовал Билл, нагло солгав. Не так уж и чисто он сработал. На его плече проступила кровь...

В следующую секунду одновременно вылетела дверь и раздался взрыв.

— Ворота... — многозначительно изрек Дерек и тут же протянул руку вперед.

— Где Рик? — спросила Ирис, хватаясь за протянутую ладонь.

— Внизу у ворот.

Дальше слова были не нужны, и они, что было прыти, кинулись во двор. Дорога до спасительных ворот была чиста, как душа младенца. Наверное, все оставшиеся швейцарцы сейчас пытаются яростно отстоять ворота замка. Так или почти так думал Дерек и старался не сбавлять темпа. Вот только Ирис... она уже скинула свои неудобные туфли и теперь босыми ногами шлепала по холодным камням. Выстрелы у ворот не смолкали...

Еще одно усилие, еще рывок — и они спустились к конюшне. Парнишка-конюх метался среди животных, пытаясь их успокоить, но тщетно. Лошади, не привычные к шуму стрельбы, а тем более к грохоту разрывов, метались в загонах.

— Запрягай! — Дерек гаркнул над самым ухом паренька и, видимо, зря.

Конюх вздрогнул от испуга, на секунду замер, а затем кинулся со всех ног прочь из этого ада.

Впрочем, команда подавалась вовсе не ему. Билл и Роберт принялись за дело. Свою четверку они быстро успокоили и начали впрягать их в карету. Дерек незамедлительно устроил Ирис внутри экипажа и велел ни при каких обстоятельствах не высовываться наружу.

— Как закончите — выводите! — Дерек отдал последнее распоряжение и с двумя пистолетами в руках вышел во двор.

За телегой и какими-то бочками засело трое швейцарцев с мушкетами, они-то и стали первыми жертвами помощника капитана Рика.

В азарте боя те его не заметили, и Дерек почти в упор разрядил пистолеты двоим в спины. Третий развернулся и тут же получил рукояткой по голове.

— Эй! Как успехи?! — услышал он голос капитана.

— Птичка в клетке! Вижу двоих справа от вас!

Следом раздался два хлопка, все же барабанные пистолеты Рика дают значительно меньше шума...

Дерек уже видел, что ворота были гостеприимно распахнуты, вернее, разбиты мощным зарядом. И это не могло не радовать. Огорчало другое, капитан остался один. Ребята погибли... Точный выстрел — и во двор, с галереи упало тело солдата. А потом все смолкло, и наступила пьянящая тишина. То ли у швейцарцев кончился порох, то ли закончились сами швейцарцы. Гадание было прервано диким гиканьем Билла, который, грозно восседая на месте кучера, выгонял карету во двор.

— Карета подана, господа, — это уже съязвил Роберт с высоты седла, а на поводу у него была еще одна прекрасная каурая кобыла. Джеймс, все еще опасливо поглядывая по сторонам, бегом достиг кареты.

Дерек услужливо открыл дверцу перед Риком.

— Да пусть семья воссоединится, — он улыбнулся лишь краешком губ.

— Ирис! — Рик был уже внутри и крепко обнял супругу.

— Джей... Яша...

Дерек не понял, или решил, что не расслышал. Он вскинул себя в седло и махнул рукой. Билл повторил свой дикий свист, и хлыст, смачно пропев в воздухе, придал лошадям нужное ускорение.

* * *

Джованна старалась плотнее закутаться в плащ. Ее знобило, и она уже в который раз принималась размышлять, что это: утренняя промозглая сырость, волнение или... или она все же заболела. Если это так, то ей нельзя уходить, чтобы не разносить заразу дальше. Но Ухо уже все, кажется, решил, и спорить с ним было бесполезно. Мысли плавно перетекли на персону спутника, и Джованна почувствовала, как согревается. Даже жарко стало. Как это могло случиться? Они же оба давали обет. Нерушимый. Девять кругов ада... Но там, в маленькой комнатке, пропахшей ладаном и безнадежностью, когда смерть вдруг оказалась так близко, девять кругов ада показались ничтожной ценой за возможность согреть друг друга и хотя бы ненадолго забыть о том, что творится за тонкими стенами.

Он пришел. Пришел за ней. Не за солдатом ордена и не за тайной письма — Лоренцо даже ни разу не спросил ни о письме, ни об Этьенне. Он пришел за своей женщиной. Вот так просто.

Ухо возник внезапно, его манера передвигаться совершенно бесшумно всегда пугала и восхищала Джованну. Сама она так не умела, хотя была намного легче.

— О чем задумалась? — спросил он вполголоса. — Или ты просто дремлешь сидя? Ну, так просыпайся уже, пора.

Джованна встрепенулась.

— Ты нашел способ выбраться отсюда?

— Чтобы я — да не нашел? За кого ты меня принимаешь? — Ухо забавно сморщился, чтобы не рассмеяться. Вообще, он был в подозрительно хорошем настроении с того самого момента, когда она... забыла о своем обете. — Способ есть, — продолжил Ухо, — это хорошая новость. Он тебе не понравится — это плохая новость. Другого способа нет, так что придется потерпеть — это приказ. Так что собирайся, *la mia anima*²³. С собой — только деньги. Все остальное: платье, лошадь — придется бросить.

— Письма у меня нет, — все-таки сказала Джованна для очистки совести.

— Догадываюсь, — кивнул Ухо, — его утащил этот хорек?

— Нет. — Женщина покачала головой, пряча за корсаж небольшой, изрядно похудевший кошелек. — Его вообще не было ни в шляпе, ни в сумке.

— Хм... Тогда где же? — на мгновение Ухо даже притормозил.

— Я догадалась, — спокойно объявила она, проходя вперед, — помнишь, я искала письмо в камзоле курьера? Так вот, все швы были испорчены грубо, мужской рукой. Его почти рвали на части и явно очень торопились. Или очень нервничали.

— Или и то и другое, — добавил Ухо, спускаясь за ней по узкой, темной лестнице и стараясь ступать так, чтобы разошедшиеся доски не скрипели. — И что?

— Один шов был распорот по-другому. Шлица. Очень аккуратно. Даже не распорот — подпорот слегка. Письмо вытащили оттуда.

— Думаешь?

— Почти уверена.

— Хм, — повторил Ухо. Он задумался. И через секунду сообразил: — Ловкая девица! Далеко пойдет и высоко залезет. Если не на трон, так уж точно — на виселицу. Подумать только — ведь я же держал ее в руках, давал инструкции и поил сонным зельем. А она

²³ Душа моя. (*итал.*)

хлопала глазами, кивала, боялась — и все это время меня дурачила. Молодчина!

— Ты не огорчен?

Ухо пожал плечами. Он отстранил Джованну, обернул руку платком и потянул за ручку входной двери. Тяжелый запах горящего хмеля ударил в ноздри. Утренняя сырость мгновенно обняла их тугим кольцом, прогоняя остатки тепла.

— Приходится признать — мы проиграли эту партию, моя голубка. Такое тоже бывает. Нельзя побеждать все время. А если огорчаться из-за каждого проигрыша — никаких нервов не хватит.

— Но как это воспримут во дворце Джезо?

— Плохо, — согласился Ухо, — но отец Витторио поймет. На его счету тоже есть пара проигранных партий... А может быть и не пара.

Запах стал сильнее. Ухо и Джованна вышли на площадь, где даже в это время суток горел костер и полукругом стояли и сидели на корточках зловещие фигуры в длинных плащах с глухими капюшонами, полностью закрывающими лица. Тут же стояла тележка, как разглядела Джованна, почти нагруженная.

— Мы вовремя, — сказал Ухо.

— Ты... — Джованна даже замедлила шаг, — так вот что ты придумал! Ты прав, мне это не нравится.

— Другого пути нет, — Ухо взял ее за локоть и мягко подтолкнул вперед.

— Но тогда мы точно заразимся!

— Ну... возможно и нет. Это ведь не чума, а холера.

— И что?

— Отец Урбино до своего пострига был врачом. Хорошим врачом. Так вот, он предполагал, что холера не передается через дыхание и прикосновение.

— Как же она передается? — озадачилась Джованна.

— Через еду и воду. Так что пальцы не облизывай — и все будет в порядке. А теперь вперед, не будем заставлять достойных джентльменов ждать.

Похоронную команду составили отчаянные парни: цвет местной пьяни, бездельники, воры, убийцы и парочка студентов-медиков. Эти последние затесались в столь теплую компанию не ради денег. Вернее, не только ради них, но и ради науки. Если бы они услышали, как их обозвал Ухо — попадали бы с ног, если не со смеху, то от изумления. Впрочем, они и так падали — от усталости. Холера выкашивала этот некогда уютный и спокойный городок с методичностью стряпчего, и работы для них хватало.

— Пришел? — бросил один из них, увидев Ухо. — Давай рыжие и пошевеливайся.

— Дама со мной, — сказал Ухо, расставаясь с довольно приличной суммой золотом. Она перекинулась в карман старшего отчаянной команды.

— Точно? — тот прищурился. Лица его было не разглядеть под капюшоном, но ростом и статью это был молодой, здоровый детина. — Бедовая, однако, дамочка. А может, лучше с нами, а? Дама? Или только со мной? Я нынче богат, — он демонстративно звякнул кошельком и потянулся к капюшону итальянки.

— А может, поцелуешь сам себя в задницу? — вдруг прошипела она сквозь зубы на диалекте лондонских трущоб. Того аж шатнуло, да чуть не на тележку с трупами. А Джованна выдернула из нарукавных ножен тонкий как жало стилет и перехватила его так, что стало ясно — обращаться с оружием она умеет. Лезвие сверкнуло красным в первых лучах восходящего солнца. Женщина вынесла полусогнутую руку вперед, защищая и горло и сердце, — Все еще хочешь доплаты? Так подойди и возьми, сволочь...

— Э! А вот оскорблять почтенную профессию мусорщика не стоит, — подал голос второй, — мистер Томпсон слегка неправильно пошутил и уже глубоко раскаивается. В душе.

— Правда? — итальянка обвела компанию взглядом, который при нужде мог быть таким же тяжелым и пронзительным, как у друга и учителя. Во всяком случае, на похоронную команду он подействовал именно так. Мужчины даже слегка попятнулись, — В

таком случае и я прошу меня простить, джентльмены, за недостойные слова, сорвавшиеся с моих уст от волнения — Джованна спокойно убрала нож и наклонила голову в легком, безупречном поклоне. Ухо стоял в стороне, не вмешивался и тихо млея, глядя на цирк, который устроила его голубка. Тележка оказалась полна, и даже с верхом. Трупы умерших от холеры были похожи на высохшее дерево, для забавы закутанное в тряпье. Кстати, местами — очень хорошего качества. Сверху лежал мужчина в камзоле из отличного сукна, с пуговицами по полтора шиллинга за штуку.

— Заключенный, — пояснил Томпсон, — вчера днем преставился.

— Вот, увидишь такое — и впрямь уверуешь в Господа, — пробормотал Ухо, разглядывая труп господина Этьенна.

Постукивая деревянными колесами по брусчатке, слегка поскрипывая на поворотах, тележка с девятью мертвыми и двумя пока еще живыми пассажирами подкатила к городским воротам, и молодой офицер дал знак поднять шлагбаум, поспешно отступая с ее пути как можно дальше и даже отворачиваясь, чтобы случайно не вдохнуть желтую смерть.

* * *

Мир изменился внезапно. Еще вчера степенные викарии и их благонравные прихожане, укладываясь спать, бормотали обязательное «Боже, храни короля Джеймса» — иные сквозь зубы, а иные и с плевок. Но все же бормотали, и мир казался незыблемым. И вдруг все переменялось. Ни в один день, понятно, и даже не в одну неделю, но все равно, очень быстро.

В начале ноября принц Оранский вместе с женой Марией, дочерью Джеймса, и двенадцатитысячным войском, состоявшим в основном из наемников, высадился в Торбее, занял город Экзотер и уже оттуда двинулся на Лондон. Сопротивления он почти не встречал. На пути от Экзотера до Лондона так и не произошло ни одного сражения с королевскими войсками. Желание избавиться от короля-паписта сплотило не только протестантов, англиканцев, пресвитериан и квакеров. Кажется, впервые единым фронтом выступили всегдашние оппоненты: тори и виги. На сторону Вильгельма перешли и буржуазия, и джентри. Лондон в лице своих «лучших представителей» с нетерпением ожидал принца, объявившего себя «защитником собственности, порядка и протестантской религии». Англия все ярче окрашивалась в оранжевый цвет²⁴.

* * *

Виконт Каслри вошел без доклада. Такое в последнее время случалось часто.

Милостью Божией король Англии, Шотландии, Ирландии и прочая Яков сидел в своем приватном кабинете за небольшим столом, подперев пухлую щеку ладонью и комкая пышный парик.

— Почему ты? — спросил Яков. — Я ждал Джона.

— Ваше величество, — Руперт склонил голову, — сожалею. Я в последнее время становлюсь вестником беды.

— Ну что еще? Оставь ты, бога ради, эти реверансы и говори прямо. Джон погиб?

— Увы, — Каслри качнул головой, — если бы он погиб, это означало бы сражение. А если бы мы сражались, то могли бы победить. У вас абсолютное военное превосходство над вашим зятем.

— Так что же случилось? — король вздохнул. Ответ он уже предчувствовал. — Очередное предательство?

— Ваш главнокомандующий, Джон Черчилль, перешел на сторону принца Вильгельма.

²⁴ Цвет дома Оранских.

Так же поступили и ваши министры во главе с лордом Хэем.

— Чьим секретарем ты являешься, — ядовито договорил Яков. — А что же ты не побежал присягать принцу? Что ты делаешь здесь, в обители обреченного? Как-то недальновидно для блестящего политика.

— Я уже присягал один раз, — спокойно произнес виконт. На выпад короля он не обиделся. Каслри знал, что Якову сейчас очень тяжело.

— Что я хочу от министров, если моя семья меня предала? — произнес король, остывая. — Все. Никого не осталось.

Каслри опустил голову. Он не стал указывать королю на его ошибку, на то, что он несправедлив. Не стал демонстрировать обиду. Яков понял это сам.

— Прости меня, Руперт, — тихо произнес он. Немного помолчал. Каслри не решился прервать это молчание. Наконец Яков поднял глаза: — Скажи, Руперт, могу я что-нибудь сделать для тебя? — спросил он так же тихо, но гораздо спокойнее. — Пока я еще король.

— Можете, — кивнул Руперт.

— Что? Все, что в моих силах...

— Это вполне в ваших силах, Ваше Величество, — еще раз поклонился Каслри, выпрямился и произнес: — Оставайтесь в живых. Это мое единственное желание.

Король прикрыл усталые глаза:

— И все? И ничего для себя?

— У меня все есть, — Каслри пожал плечами, — вы знаете, я никогда не стремился к власти. Все, чего я хотел — охотиться на лис. Мне жаль, что я не смог спасти ваш трон. Но я хочу уйти не опозоренным. Я хочу спасти вашу жизнь.

— Бегство? — спросил Яков.

— Бегство, — кивнул Каслри.

— Но куда? Ты уже все продумал?

— В Кент. А оттуда морем во Францию. Луи не выдаст вас.

— Да, Луи не выдаст. Но до Кента еще нужно добраться, а все мои кареты с гербом...

— Вы поедете в моем экипаже, — сказал виконт. Он и в самом деле все продумал. — А я — в вашем. В другую сторону.

Король пристально посмотрел на Руперта.

— Ты идешь на верную смерть.

Каслри пожал плечами:

— Ради короля... Разве я первый?

На этот раз король молчал гораздо дольше.

— Если мы оба останемся в живых... — он не договорил. Но в этом не было необходимости. Каслри знал и так, что Яков никогда этого не забудет. Король просто не умел забывать такие услуги или отвечать на них черной неблагодарностью.

— Удачи вам, Ваше Величество. И — поторопитесь, — сказал он.

— Удачи нам обоим, Руперт. Да не оставит нас дева Мария.

* * *

Море шумело где-то там, вдали, за горизонтом. Сюда его гул долетал лишь иногда, когда его приносил ветер. А прямо у берега стальные воды были скованы толстой кромкой льда. Белый снег лежал на крышах ветхих домишек и сараев, на плетнях, на голых ветках деревьев, на перевернутых лодках. Давно уже рыбаки не выходили в море. Сейчас они сидели у очагов, глядя на огонь, курили или жевали табак и грубыми, но сильными и умелыми пальцами гнули крючки, готовили снасть на следующее лето, чинили паруса.

В рыбацкой деревушке на побережье, где некогда жил «мастер Джерри», Джованну отлично помнили и вместе с «мужем» приняли как родных. Оба они не привыкли быть нахлебниками и не боялись никакой работы. Так что «князь да Манчина» сразу присоединился к мужчинам и целыми днями пилил, строгал, смолил: его руки на диво ловко

обращались с грубоватым инструментом, почти так же, как и со шпагой. Жители деревни признали его своим: что рыбак, что моряк — так же зависит от непредсказуемой стихии, так же рискует жизнью и так же порой не может свести концы с концами.

Джованна охотно помогала хозяйке. Дни ее были наполнены заботами, которых в деревне всегда хватает. А ночи — любовью. Вспыхнув вдруг, это чувство затопило ее, как море, всегда пугавшее итальянку, и оказалось таким же необоримым. Вглядываясь в серую пелену на горизонте, Джованна размышляла о том, как она была бы счастлива, если бы не привкус запрета, не долг перед отцами-наставниками. Вот Ухо почему-то ни гнев владык дворца Джезо, ни адские сковородки не пугали ничуть. Он был весел и спокоен, а нежность его напоминала сразу и огромный океан и мягкое, пушистое одеяло. Это было странно.

Здесь, в местечке Сент-Себастьян, они пережидали смуту и готовились встретить отца Витторио. «Черный епископ» должен был прибыть почти месяц назад. Но на морских путях, как и на суше, было беспокойно, поэтому Ухо и Джованна ждали терпеливо. Они знали, что солдату ордена может помешать только смерть, а раз так — отец Витторио придет.

Джованна ходила к соседке за углями, и сейчас возвращалась, прикрыв куском парусины горячее ведро. Она уже подошла к дверям, когда сквозь неплотно прикрытый ставень услышала голоса. Мэтр был не один. В этом не было бы ничего удивительного, Ухо не изображал здесь затворника, зайти мог кто угодно из соседей... но голоса звучали на родном для нее языке, итальянском! И второй голос не был голосом отца Витторио, тут Джованна ошибиться не могла. Невольно замедлив шаг и даже задержав дыхание, она прислушалась.

— Вы самовольно изменили задание, — говорил напористый тенор, — упустили женщину, потом мне пришлось ее ловить, исправляя ваш промах. Как вы это объясните, брат Лоренцо?

— Обстоятельно и убедительно.

— Ну-ну. Любопытно будет послушать...

— Может быть, и услышите. Если тот, перед кем я буду отчитываться, сочтет ваше любопытство уважительной причиной для присутствия при конфиденциальном разговоре.

— Вы, кажется, не поняли, брат Лоренцо, — в голосе, который отчего-то показался Джованне знакомым, зазвучали угрожающие нотки, — сейчас я требую вашего отчета. Обстоятельного и убедительного. Он должен быть таким для вашего же блага.

— А вас не заносит, брат Винченцо? Чин у нас одинаковый. — Джованна словно воочию увидела, как Ухо улыбается своему собеседнику — иронично и слегка вызывающе.

«Брат Винченцо!» Это было плохо. Очень плохо. Давний соперник Уха! С терпением кота у мышиной норки он много лет ждал, когда брат Лоренцо подставится. И таки дождался. Джованна нахмурилась. Даже себе она бы ни за что не призналась, что ей страшно. Что же случилось? Почему сюда прибыл этот самонадеянный карьерист, а не друг, которого они ждали?

— Отец Витторио погиб, — произнес голос, словно отвечая на незаданный вопрос Джованны, — сейчас я исполняю его обязанности и обладаю всей полнотой власти епископа Лучано. И если вы не хотите в ближайшее время оказаться в подвале замка Ангела, то немедленно расскажете мне, где это мифическое письмо, ради которого вы позволили себе пренебречь заданием...

— Ну, на этот вопрос вы можете ответить и сами. — Ухо пожал плечами, потягивая красное вино, слегка подогретое по случаю холодного дня. — Просто посмотрев вокруг. Судя по тому, что делается в Англии, письмо каким-то образом все же дошло до адресата. Видите же, брат, принца встречают элем, а не пушками. Значит — они договорились.

— Не «они договорились», а вы позволили им договориться, — брюзгливо произнес брат Винченцо. Со смесью пренебрежения и любопытства он оглядел небольшую, чистую, но удручающе бедную комнату, где Джованна и Ухо обрели свой рай. «Ну и убожество», — говорил его взгляд. Брат Винченцо был полной противоположностью Уха — молод, красив и глуп. Именно поэтому он сделал блестящую карьеру. — Если допустить, что это письмо

действительно было, что это не плод вашей фантазии.

— Допустить можно что угодно. Даже то, что Бога нет, Папа — тайный мусульманин, а я буду подчиняться вам, смешной вы мальчик... Еще вина? — Игнорируя замешательство брата, забавно, но оно было совершенно искренним, Ухо встал, потянулся и сделал несколько шагов к окну. — Мы ждали отца Витторио. Если ждать бесполезно, то при первой же возможности мы возвращаемся в резиденцию ордена. Боюсь только, возможность эта представится нескоро. Зима...

Брат Винченцо выдохнул. И постарался взять себя в руки. В конце концов, не думал же он, в самом деле, что с Ухом удастся справиться, лишь показав ему перстень епископа.

— Вы остаетесь здесь, — произнес он, как мог твердо.

— А смысл?

— Смысл в том, чтобы поддержать верных католиков, оставшихся рядом с английским тронном, — отчеканил брат Винченцо.

— Но рядом с английским тронном не осталось ни одного католика.

— Значит, вам придется сделать так, чтобы они появились.

— Хм... А принца Вильгельма обратить не нужно? — съехидничал Ухо.

— Если вы это сделаете, — брат Винченцо ехидства демонстративно не заметил, — орден простит вам промах с кладом Ферье.

Ухо вскинул бровь.

— У вас что, только одна порция яда?

— Объяснитесь?

— Чего тут объяснять, — пожал плечами Ухо, — такое задание можно выдумать только с одной целью: уничтожить и меня и сестру Кармелу.

— Сестре Кармеле и так придется умереть, — безразлично произнес брат Винченцо. — Она ведь нарушила обет. И проводить ее по дороге грез придется вам, брат Лоренцо. Считайте это приказом генерала ордена. Неподчинение повлечет за собой смерть.

— Та-ак, — Ухо потер переносицу, пытаясь совладать с собой и не придушить наглого и самоуверенного брата прямо сейчас, ведь намучаешься потом труп прятать... — А то, что я тоже нарушил обет, это как?

— Ну... к братьям генерал более снисходителен, чем к сестрам. Ведь мы же не невесты Спасителя.

— Понятно, — кивнул Ухо. — И когда я должен это сделать?

— Чем раньше, тем лучше. Женщина свяжет вам руки, так что отделаться от нее придется прямо сейчас. Я... отмечу в своем отчете вашу непоколебимую верность.

Джованна, невидимая для обоих собеседников, опустила прямо в снег. Ноги отчего-то перестали ее держать. Как ни странно, вопроса: «Как он мог?!» даже не возникло. Он не мог иначе. Для солдата ордена не существует свободы выбора, только приказ. Как же ему тяжело, Господи! Своей рукой! Ведь он по-настоящему любит ее, в этом Джованна больше не сомневалась. Он не сможет! И погубит себя... Решение созрело мгновенно. Итальянка поднялась и быстро, пока не иссякла решимость, потянула на себя дверь, нацепив приветливую улыбку.

Мужчины сидели за высоким столом, на котором красовался натюрморт из бутылки сладкого красного вина и трех бокалов на небольшой деревянной тарелке.

Видеть такое вино и такую посуду в обычной деревенской хижине, среди простой крестьянской утвари, было дико. У них с Ухом после побега из города, охваченного холерой, ничего не осталось. Выходит, брат Винченцо все взял с собой. И вино, и посуду... и яд. Предусмотрительный, однако, молодой человек.

— Сестра Кармела, — начал было Винченцо, слегка привстав.

— Я все слышала, — перебила женщина, — так что сделайте мне последнее одолжение, избавьте от этих версальских реверансов.

Она шагнула к столу и взяла бокал с вином. Тот, что стоял ближе к краю.

— Это — он? — спросила Джованна, — мой бокал?

Глаза гостя суетливо забегали. Джованна перевела взгляд на мэтра.

— Это он, моя голубка, — кивнул брат Лоренцо.

— Хорошо. — Женщина поднесла его к губам. — Я люблю тебя, — сказала она Уху то, что еще никогда не говорила, и, приподняв бокал в ритуальном жесте, тихо добавила: — За жизнь вечную!

Взял свой бокал и Ухо.

— А вы? — спросил, нет, потребовал он, поймав жестким взглядом взгляд Винченцо. — Поддержите даму.

Мерзавец протянул руку. Она чуть дрогнула, но вино он не пролил. Не глядя больше на мужчин, Джованна в два глотка выпила благородное вино, которое вообще-то полагалось пить смакуя. Но смаковать собственную смерть... Увольте. Женщина прислушалась к себе, ожидая, когда в желудке возникнет острая боль. Но ничего не произошло. Ничего не понимающим взглядом она уставилась на Ухо. Он улыбался от одного уха до того, что осталось от другого.

Внезапно брат Винченцо взвыл по-кошачьи и сложился пополам.

— Предатель! — прохрипел он. — Ты отравил меня!

— Клевета, — возразил Ухо, — позвольте напомнить, что это именно вы всыпали яд в вино. Я лишь чуть-чуть повернул тарелку. Мои руки чисты.

Брат Винченцо его уже не слышал. Яд, который выбрал незадачливый претендент на пост епископа, оказался мгновенного действия. Еще несколько секунд гость, хрипя, скреб ногами пол, сбивая в кучу полотняные коврики, и вот уже затих без звука и движения.

— Он... уже умер? — спросила Джованна, опасливо косясь на труп.

— О да! Во дворце Джезо товар только отличного качества. Проклятье, куда его теперь девать? В море не получится, а земля мерзлая.

— Свињи, — растерянно посоветовала женщина.

— Кто? — не понял Ухо.

— Не «кто» а «что». Здесь есть свињи. Они едят все. А одежду можно сжечь.

— Умно, — Ухо покачал головой, — хотя и цинично. Впрочем, собаке — собачья смерть. Пусть не надеется, что я буду читать над его трупом погребальные молитвы. Сойдет и так. Что с тобой? — Ухо поднял глаза и вдруг заметил, что Джованна беззвучно плачет. По ее щекам текли слезы, а бледное лицо казалось каменным. — Что с тобой, моя голубка?

— Я думала — все. Совсем все. Как раз тогда, когда я только начала жить, — женщина спрятала лицо в ладони, — ты погубил ради меня свою карьеру!

— Ну, в общем — да. — Ухо опустил на колени перед телом Винченцо и принялся методично освобождать его от одежды. — Так что ты связалась с нищим бродягой. Но ведь ты не откажешься прогуляться со мной до ближайшего священника? Или отсутствие денег...

Джованна вдруг фыркнула.

— Мой первый муж тоже был убийцей, — объяснила она, — но даже он не додумался делать мне предложение над теплым трупом.

— Так ты согласна?

— А у меня есть выбор? — удивилась Джованна. — Давай, помогу.

Глава 20

Карета остановилась возле большой шестиугольной башни, увенчанной каменными зубцами. За спиной плавно опустилась тяжелая кованая решетка.

— Приехали, мисс, — тихо и как-то неуверенно проговорил слуга. — Вам помочь?

— Спасибо, Сэм, я сама, — так же тихо ответила Вивиан. Ей было здорово не по себе. На нее давил этот старинный замок, возведенный еще во время Вильгельма Завоевателя, эта решетка, отрезавшая ее от аллеи Грейт парка, хмурые и молчаливые стражи, застывшие у дубовых дверей, словно изваяния из того же дуба, и глядевшие сквозь девушку. Ей вдруг показалось, что платье у нее чересчур простовато, причесана она плохо, а шляпка вообще

прошлого сезона. Впрочем, никто не станет требовать строгого следования моде от человека в трауре.

В дверях немедленно возник пожилой слуга в ливрее королевского дома. Нового королевского дома. К этому еще предстояло привыкнуть. Впрочем, вся Англия приветствовала перемены. Кроме нее.

— Мисс Дадли, Его Высочество ожидает вас, — с поклоном произнес он, приглашая следовать за ним.

«Высочество», машинально отметила девушка, пока не «величество». Значит, коронации еще не было. Это хорошо. Серьезные документы вроде смертного приговора, если они касались пэров, должен был подписывать правящий монарх, иначе они не имели силы. Возможно, она еще не опоздала.

Всю последнюю неделю Вивиан Дадли провела в небольшой часовенке в поместье, почти не вставая с колен, и была не очень в курсе последних событий. Ее провели длинным коридором мимо развешанных по стенам щитов и гобеленов ручной работы. Кругом царила строгая тишина, словно в старом замке английских королей остановилось время. Вивиан нервно стиснула руки. Сейчас ей казалось, что было бы неплохо, если бы время и впрямь остановилось. Она бы согласилась идти и идти по этому коридору. Идти и идти... О том, что это разновидность ада, девушка как-то не подумала. Ей вообще плохо думалось в последнее время. Возможно потому, что она много плакала.

— Его Высочество примет вас в кабинете, — проговорил слуга, отступая перед двойной резной дверью, — у вас не больше пяти минут. Изложите свою просьбу кратко, четко, убедительно. Если вам ответят согласием, поблагодарите коротким поклоном. Допустимо сказать: «Благодарю вас, Ваше Высочество», но только это. Если принц вам откажет, не настаивайте. У Его Высочества очень мало времени.

— Я поняла, — кивнула Вивиан, — не беспокойтесь. Я буду вести себя подобающе.

— Его Высочество примет вас, потому что ваш брат отдал жизнь за то, чтобы он занял трон, — напомнил слуга... возможно, это был не совсем слуга, а доверенный секретарь? Вивиан посмотрела на него внимательно. Он был уже немолод, парика не носил, а в черных, слегка выющихся волосах обильно пробивалось серебро. Светло-серые глаза смотрели на девушку сочувственно.

— Что вы хотите мне сказать? — неуверенно спросила она.

— Только то, что вы имеете право на просьбу. Но ради вашего блага, мисс Дадли, просьба должна быть разумной.

— Спасибо вам, — искренне сказала Вивиан. Встретив участие там, где совсем не ожидала, девушка приободрилась и решила считать это хорошим предзнаменованием.

— У вас пять минут, — напомнил странный слуга.

— Я поняла, — кивнула девушка и, больше не робея, вошла в двери, которые слуга открыл перед ней на одну створку.

Вивиан никогда не была в королевском дворце даже при его прежнем хозяине. Так получилось. Несмотря на то, что род ее был достаточно знатен, чтобы получать приглашения, девушка провела почти всю свою небольшую жизнь в поместье, среди голубых холмов Шропшира. Дадли были знатны, но бедны. Обычная история. И сейчас она во все глаза смотрела на аскетичную роскошь королевского кабинета: резные панели, строгую мебель времен Карла Первого, подлинники Рембранта и Ван Дейка на стенах. На картины она засмотрелась так, что только через пару мгновений заметила, что за массивным, двухтумбовым столом сидит человек. Нет, не человек — принц. Без пяти минут король. Владелец судеб тысяч подданных. В том числе и ее судьбы. Вивиан подошла поближе и, не поднимая глаз, присела.

— Приветствую вас, Ваше Высочество.

— Здравствуйте... мисс Дадли, — сухо отозвался принц, отрываясь от стопки бумаг и чуть приподнимаясь, обозначив уважение к даме. — Чем обязан? Уимзи сказал, что у вас есть ко мне некая просьба?

— Да, Ваше Высочество, — тихо сказала Вивиан, неприятно удивленная сухостью приема.

— Я вас слушаю, — повторил принц. В его голосе явственно прозвучало нетерпение. Вивиан подняла голову. Принц смотрел на нее своими внимательными, чуть выпуклыми глазами, словно пытался понять, что она за птица. Узкое длинное лицо, нос с горбинкой, пухлые губы. Длинный каштановый парик и простой камзол, почти без регалий.

— Я — сестра Питера Дадли, который погиб за Ваше Высочество, — произнесла Вивиан.

Услышав это, принц немедленно смягчился.

— Прошу простить мне некоторую сухость приема, — он кивнул подбородком на кипу бумаг, — я и в самом деле чудовищно занят. Мой предшественник оставил страну, в которой, похоже, лишь палач был доволен жизнью и ни на что не жаловался. Так в чем же состоит ваша просьба, мисс Дадли? Имейте в виду, если вам нужна помощь, чтобы восстановить хозяйство, или протекция ко двору — можете считать, что все уже сделано. Изложите то, в чем вы нуждаетесь Уимзи, и будьте уверены, я не оставлю без внимания семью человека, который погиб за Корону.

— Нет, Ваше Высочество, — произнесла Вивиан, немного ободренная, — я пришла просить не денег и не протекции.

— Чего же? — спросил принц, слегка двинув круглыми, густыми бровями. Видимо, это означало удивление.

— Помилования, — сказала Вивиан, как в воду бросилась. — Помилования для человека, который тоже готов был отдать жизнь за корону. За другую корону, — поспешно пояснила она, — я прошу у вас помилования для виконта Каслри... — С этими словами девушка опустилась на колени, не отрывая от принца умоляющего взгляда.

— Руперта?! — Переспросил Его Высочество изумленно и возмущенно. Изумления все же было больше. — Сестра Питера просит за личного друга Якова и моего убежденного врага?! Как это понимать, мисс Дадли?

— Сир, — произнесла девушка, слегка опережая события, — этот человек не враг вам. Он в самом деле друг Якова Стюарта, но... вам он не враг. Он не питает страсти к политике, он просто дружил с королем.

Вильгельм встал. Обошел стол вокруг и остановился перед коленопреклоненной Вивиан.

— Встаньте. Вы полагаете, что дружить с королями — это и в самом деле так просто?

— О нет, — ответила девушка, не поднимаясь, но продолжая смотреть на принца своими огромными глазами, — думаю, что это совсем не просто. Но у Руперта получалось. И он пытался защитить не монарха, а друга.

— Допустим... Я с вами не согласен, но допустим. Встаньте же, я не могу беседовать с вашей макушкой, — с легким раздражением приказал Вильгельм. Вивиан подчинилась. — Но допустите тогда и вы, что через неделю или через месяц Яков возвращается в Англию. И если он попросит своего верного друга помочь ему вернуть корону, что ответит верный друг? А Руперт — опасный противник. Он умен — во-первых. У него большие связи — во-вторых. Мне не нужен «Запечатанный узел», спасибо. Так что, простите... Вы можете просить меня о чем-нибудь другом и будьте уверены — отказа не будет. Но я не стану миловать человека, который при первой же возможности попытается выбить почву у меня из-под ног. Тем более не стану, потому что очень уважаю Руперта и знаю, что как раз у него это вполне может получиться.

Принц сказал свое слово. Было очевидно, что решения своего он не изменит. Больше ничего не оставалось, только уйти.

— Сир, — упрямо произнесла Вивиан, — вы любимы народом и знатью, это редкий случай. Неужели вы думаете, что вашей власти может угрожать одинокий, уже немолодой человек, который всегда хотел только одного: спокойно жить в своем поместье и охотиться на лис?

— В том-то и беда, что он одинок, — пожал плечами принц, — была бы у него семья: жена и пятеро детишек, поостерегся бы лезть в авантюры моего дорогого тестя. А так — его ведь ничто не держит.

Вивиан вскинула голову. Это намек? Или ей послышалось? Ведь Его Высочество — голландец...

— Сир, в вашей стране, если мне не изменяет память, есть такой древний обычай, — заговорила она, — если невинная девушка берет в мужья осужденного на смерть — его должны помиловать.

Вильгельм кивнул. И взглянул на нее с новым интересом.

— Я... беру в мужья Руперта.

— Вот как? — Принц покачал головой. И улыбнулся. — Ну что ж, мисс Дадли. Это меняет дело. Пожалуй, я смогу удовлетворить вашу просьбу о помиловании виконта Каслри. Но только после свадьбы, которая состоится прямо в Ньюгейте. Обвенчает вас тюремный священник. Свидетелем буду я сам. Других гостей не будет.

— Благодарю вас, — Вивиан подавила желание кинуться на шею этому странному человеку или снова упасть на колени. Вспомнив наставления Уимзи, она лишь присела в легком реверансе и повторила: — Благодарю вас, сир. Пусть ваше царствование будет долгим и счастливым.

В пять минут она уложилась.

* * *

Ирис проснулась поздно. Солнце уже вовсю танцевало на светлых стенах, небольшом круглом столике и вазе со свежими яблоками. Ну, почти свежими. Нельзя требовать от жизни слишком многого, в конце концов, они ведь в море. Она рывком приподнялась на постели. Голова еще кружилась.

— Как ты, Настя?

Рик очень редко называл ее настоящим именем. То ли боялся пробудить ностальгию, которой она совсем не страдала, то ли опасался лишних ушей. Но здесь, в маленькой капитанской каюте на «Немезиде» они были одни.

— Да ничего вроде, — она прислушалась к себе, — это от голода.

— Долгополые морили тебя голодом?

— Не-а. Это я сама. Боялась, что меня отравят.

— Правильно, вообще-то, боялась. — Рик присел на край кровати. — На кой тебе понадобилось шантажировать Папу, сумасшедшая ты моя?

— Ну, — она пожала плечами, — я подумала, что из этого может выйти толк.

— Из тебя постоянно толк выходит, а бестолочь остается. Что они от тебя хотели?

— Клад, — снова пожала плечами его жена, — нашу с тобой долю. В качестве добровольно-принудительного пожертвования католической церкви. А чтобы это не выглядело как шантаж, мы оба должны были сменить веру и, желательно, постричься в монахи.

— Разбежались, — хмыкнул Рик, — боюсь, из нас с тобой хреновые монахи. Я даже «Отче наш» толком не знаю, не говоря уже о «Богородице».

— Богородица Дева радуйся... — Настя улыбнулась.

— Ты-то откуда знаешь?

— Знаю, — Настя фыркнула, представив себе мужа в сутане, подпоясанного веревкой.

— Кстати, тот монах, брат Доминик, — вспомнила она, — мне показалось, или он и вправду нам помог?

— Вправду, — кивнул Рик, — и здорово. Без него могли и не справиться. Он провел нас через владения герцога, обеспечил лошадей и карету, нарисовал план.

— Зачем? Или это было его доброе дело недели? — удивилась Ирис.

— А-а, тут вот какая история. Он догадался, что тебя решили отравить. И не захотел,

чтобы Папа брал еще один грех на душу. По его словам, там их и так хоть прицепом вывози.

— Он так печется за душу Папы? Такой верующий?

— Да нет. Просто брат Доминик — незаконнорожденный. Так получилось, — Рик развел руками. — Герцог — его папа. А Римский Папа — его мама.

— Опаньки! Вот это сэндвич, — Ирис даже рассмеялась, — выходит, это правда, он и в самом деле — она.

— А ты сомневалась?

— Честно говоря — да. Не могла поверить в то, что женщина пойдет на то, чтобы выбрить тонзуру.

Внезапно в дверь каюты забарабанили — очень решительно. Так ломиться к капитану мог только человек, у которого возникло ну очень срочное дело.

Рик отодвинул засов, а Ирис немедленно нырнула под одеяло.

— Что случилось, Дерек? — спросил капитан.

— Корабль. Очень странный корабль. И у него явно враждебные намерения.

— Флаг?

— Французский, — ответил помощник. — И это странно. Ведь у нас с Францией мир.

— Французский? — Рик потер переносицу. — Дерек, извини, а какое сегодня число?

— Что случилось? — подала голос Ирис.

— Насколько я помню историю, случилась англо-французская война, — бросил Рик по-русски и торопливо вышел. Ирис немедленно вскочила и принялась натягивать платье. Без корсета оно сидело на ней, как на корове седло, но возиться с корсетом не было ни времени, ни возможности. Да переживут как-нибудь! Нельзя же все время быть первой красавицей, надо время от времени делать перерывы. Закрутив волосы в узел и наскоро заколов шпильками, Ирис выскочила на палубу.

Рик уже стоял на юте, припав к подзорной трубе. Рядом нервно перетапывался Дерек, его труба была также плотно приставлена к правому глазу.

— Не может быть... — изрек Рик, и Ирис уловила в его голосе скорее усмешку судьбы, чем горькое разочарование.

— Если сейчас повернуть на...

— Не стоит, Дерек, — прервал капитан, — это война, и француз идет на нас. А от таких приглашений мы еще никогда не бегали.

— Это безумие, сэр! При всем уважении, наша «Немизида» не сможет тягаться с...

— Да что же это там такое? — Ирис вопросом объявила о своем присутствии.

— Взгляни, — супруг предложил ей трубу.

Она охотно взяла и несколько секунд разглядывала приближающегося гиганта.

— Большой... — она вернула трубу Рiku. — Может, и правда, уйдем?

— Нет, — решительно отрезал Джеймс.

— Яша, ты спятил? — супруга налетела на него и даже чуть оттолкнула в сторону. Говорила она по-русски, но тихо, чтобы Дерек не слышал. — Это же мановар, кажется...

— Так точно, моя дорогая. Французский стодесятипушечный линкор — «Солей-Рояль». Самый крупный линкор! Видишь, гальюнная надстройка в виде солнца.

— Мать моя женщина... флагман короля.

— Ну, вряд ли он сам на борту.

— Яша, я тебя по-хорошему прошу: давай уйдем. Прикажи ставить все паруса. Я слышала — у них железные ядра.

— Хм... у нас тоже.

— Яша, не дури!

— Настя, все будет хорошо. Мы быстрее... и маневренней. Ну, когда еще будет возможность пощипать самого де Турвиля²⁵.

²⁵ Анн Илларион граф де Турвиль — знаменитый французский адмирал.

Настя не находила слов. Впервые она искренне не понимала своего мужа. Словно бес вселился в него. Все будет хорошо? Поиграть он, что ли, решил? Так это игра со смертью!

— Ради меня, — она приступила к нему с новой силой, пуская в ход последний аргумент: — Ради нашего ребенка...

— Что? — Рик изумленно вскинул брови.

Она еще и сама не была до конца уверена. Но даже если она и ошиблась, сейчас эта маленькая хитрость только во благо.

— Ради нашего ребенка... — повторила она и схватила его руки. — Умоляю, командуй разворот.

— Ты уверена?

— Да.

Рик секунду колебался, а затем рявкнул на помощника:

— Дерек, лево руля! Живо! Что у вас там с фок-реей? Почему топенанты провисли?! Боцман! Бегом!

Помощник живо кинулся к рулевому и быстро отдал команду на поворот.

Дерек плотно сжал губы.

— Не успеем...

Рик вскинул трубу. Он смотрел лишь секунду, а потом хлопком собрал прибор.

— Черт!

— Мы не успеем? — тревожно спросила супруга.

— Не могла сразу сказать...

— Яша... Я...

— Ладно, извини. Прошу тебя, спустись в каюту, здесь может быть очень опасно.

И в подтверждение его слов четыре носовых орудия француза дали залп. Стальные ядра зарылись в воду, дав совсем не большой недолет.

— Иди... — подтолкнул капитан жену. — Видишь, нас приглашают на танец.

Настя, крепко держась за поручни, спустилась по трапу. Судно накренилось... «Немезида» почти закончила маневр.

— Орудия к бою, — взяв себя в руки, буднично произнес Рик. — Оба борта.

Дерек сглотнул и отдал приказ. Тут же запела боцманская дудка, и судно наполнилось криками офицеров, подгоняющих матросов.

— Капитан... сэр, вы думаете....

— Ничего я не думаю, — огрызнулся Рик. — Чему быть, тому не миновать.

Дерек поправил саблю на боку.

— Чего приуныли! — вскричал капитан, так чтобы его слышали не только на юте. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Быстрее, парни! Смотрите за парусами. Лягушатникам нас не догнать! Чтоб они сдохли... — последнюю фразу Рик добавил по-русски и значительно тише.

«Немезида» закончила разворот, и теперь «Солей-Рояль» находился точно за кормой.

Острая боль пронзила мозг — нельзя подставлять под обстрел корму — каюты! Настя!

— Право на борт! Круче! Еще...

«Немезида» пошла на маневр, но тут гальюнная фигура линкора окуталась дымкой и четыре ядра вновь устремились к цели.

— Чего-то они быстро перезарядились, — изумился Рик, дернув головой... а затем застыл, как изваяние.

Два ядра пробили обшивку в корме...

— Мать... — выдохнул Рик и едва устоял на ногах.

Ядра взорвались где-то на нижних деках.

— Настя! — он больше не помнил себя.

Капитан сорвался с места, скатился по трапу, потеряв роскошную шляпу с алмазной подвеской.

— Настя...

Дверь слева была цела, дверь справа сорвана с петель. Он отбросил ее, довершив падение двери, и ворвался внутрь. Небольшой коридор и его каюта... Его каюты больше не существовало. Расщепленные доски, вывороченный брус... изнутри потянуло гарью...

— Настя! — Рик бросился вперед, наткнулся на остатки комода. — Черт... Настя!

Он увидел ее платье... лишь самый край, дальше мешал видеть упавший потолочный брус.

— Родная...

— Ааа... Яш...

Он услышал ее слабый голос, схватился за брус, чтобы освободить путь.

— Настенька, потерпи... я иду, родная... Сука! Чтоб тебя! — Брус отлетел в сторону и...

Удара он не слышал, лишь взрыв! Яркая вспышка, толчок и пропасть... в которую не надо лететь.

* * *

Он резко вынырнул и жадно хватанул ртом воздух. Отплеываясь, все же наглотался воды, Яшка оттер глаза. Механический шум ворвался в подсознание сквозь пробки в ушах, и юноша закрутил головой. Звук приближался, кажется... Его накрыло небольшой волной, но он успел задержать дыхание. Вынырнул.

— Да вот же он! — Чей-то радостный крик прорвался через завесу в ушах. — Коля, тяни его!

Тут же две пары рук схватили Яшку за плечи и буквально выдернули из воды.

— Повезло тебе, парень.

Спасенный замотал головой и стал дико озираться.

— Ты чего? Эй, паря?

Это было дико. И все сразу. Во-первых — говорили по-русски. Во-вторых — катер, и без парусов, и в-третьих... Он провел по рукой по лицу — ни усов, ни небритости на щеках. И как прикажите это понимать? Он хотел было вскочить, но его удержали.

— С тобой все хорошо?

— Yes.

— Иностранец?

— Ой, нет... русский я, русский.

— А чего тогда йескаешь?

Парень еще раз ощущал лицо, одежду... нет, он не сошел с ума. Во всяком случае, ему так хотелось надеяться. Вот одежда та же — капитанская, из прошлого...

— Чудно ты одет, паря, — хмыкнул спасатель.

— А он чай не обкуренный? — спросил второй.

— Да вроде нет... а Бог их разберет туристов.

И тут до Яши окончательно дошло. Дошло, что...

— Ирис... ах, ты! Настя! — он резко вскочил, но не удержался и больно ударился боком о скамью.

— Какая Настя?

— Так ты не один?

— Настя... — простонал парень.

— Ты видишь кого, Коля?

— Да нет. Дай бинокль.

— Настя...

— Да уймись ты! Сиди тихо.

— Вася, смотри... нет, это буй...

— Может, дадим кружок?

— Ага, заводи.

— Настя...

Эпилог

«Смерть на двоих». Спектакль по пьесе Уильяма Спенсера. В ролях...

Худой белобрысый парень быстро пробежал броскую театральную афишу, но имени Насти не обнаружил. Конечно, его и не могло там быть. Она рассказывала, что роль в этой пьесе у нее была совсем маленькая. Но Настя здесь. Он спросил об этом у бабушки-билетерши, она хорошо знала девушку.

Яша с сомнением посмотрел на ярко-красную розу в длинной хрустящей упаковке. Голландская. Самая дорогая. Но будет ли этого достаточно? Ведь Настя... Она любила другого. Зрелого, уверенного в себе тридцатилетнего мужчину. Того, каким он не был. Еще не был. Но ведь он станет таким.

И Яша решительно шагнул в двери, на ходу нашаривая плотный прямоугольник билета. «Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь того, чтобы ждать».

Краткий словарь морской терминологии

Абордаж — способ ведения морского боя в эпоху гребного и парусного флотов, заключающийся в сближении кораблей вплотную с целью овладения ими посредством рукопашной схватки.

Аврал — работы на судне выполняемые одновременно всеми членами команды. (снятие с якоря, постановка парусов и т. д.)

Бак — надстройка в носовой оконечности судна, начинающаяся от форштевня. Служит для защиты верхней палубы.

Бакштаг — курс парусного судна относительно ветра, когда угол между направлением движения судна и направлением ветра составляет более девяноста но менее ста восьмидесяти градусов. Бакштаг называют полным, если указанный угол превышает сто тридцать пять градусов. И крутым, если он менее ста тридцати.

Батарейная палуба — палуба, на которой размещались корабельные орудия.

Бейдевинд — курс парусного судна, когда угол между направлением движения судна и направлением ветра составляет менее девяноста градусов.

Бизань-мачта — кормовая мачта парусников, а также — нижний треугольный парус на бизань-мачте.

Борт — боковая стенка корпуса судна от форштевня до ахтерштевня и от днища до верхней палубы.

Брамсель — прямой парус на брам-стенге.

Брамсельный ветер — постоянный ветер, без резких порывов, при котором ставили и верхние паруса.

Брасопить — поворачивать паруса по горизонтали при помощи тросов — брасов.

Бриг — парусное двухмачтовое судно с прямыми парусами.

Бриз — легкий ветер, который в течение суток меняет свое направление.

Бушприт — часть парусного вооружения. Брус, выступающий наклонно впереди носа корабля.

Ванты — часть такелажа, которыми укрепляются мачты и стеньги с бортов судна.

Галеон — парусный военный корабль, распространенный в Англии, Испании, Франции, с мощным артиллерийским и парусным вооружением.

Галс — курс судна относительно ветра. Сделать галс — пройти одним галсом, не поворачивая. Лечь на другой галс — повернуть судно.

Галфвинд — курс судна, при котором угол между направлением движения судна и направлением ветра составляет девяносто градусов.

Грот-мачта — вторая мачта на судне, считая от носа.

Дек — палубы на судне.

Каракка — крупное военное или торговое судно.

Карронада — короткое орудие большого калибра, установленное на неподвижном станке.

Картуз — хлопчатобумажный мешочек, цилиндр с дозированной нормой пороха, для одного выстрела.

Куршейная пушка или погонная — носовое орудие, стреляющее точно по курсу погоны.

Корвет — военное парусное судно с прямыми парусами. Вооружение 16–30 орудий.

Книппель — снаряд, употреблявшийся для повреждения парусного вооружения (рангоута и такелажа). Состоял из двух ядер или полуядер, соединенных между собой цепью.

Мановар — крупный линейный корабль.

Марс — небольшая полукруглая или круглая площадка на мачте корабля.

Пинас — торговое судно по своим очертаниям несколько напоминавший флейт, но значительно отличавшийся от него менее вогнутыми шпангоутами и плоской кормой. Длинной пинасы до 45 м. Водоизмещением от 150 до 700 тонн. Вооружение 10–20 орудий.

Рифить паруса, брать рифы — уменьшать площадь паруса при помощи рифов.

Склянки — удар корабельного колокола. Склянки отбивали каждые полчаса.

Стеньга — вертикальный брус, наращиваемый на мачту, увеличивающий ее высоту.

Топенант — снасть бегучего такелажа, предназначенная для удержания в нужном

положении ноков, реев, гиков...

Трап — все виды лестниц на судах.

Такелаж — общее название всех снастей на судне. Различается стоячий и бегучий такелаж. Стоячий такелаж служит для удержания рангоутных частей в надлежащем положении. Бегучий — для постановки, уборки парусов, управления ими, изменения направления отдельных частей рангоута.

Шканцы — часть верхней палубы между баком и ютом.

Шкафут — часть палубы около бизань-мачты, где был расположен штурвал.

Шхуна — легкое военное или торговое судно с косыми парусами.

Шебека — тип средиземноморского судна. Небольшое, длиной 25–35 метров судно, с сильно выдвинутым форштевнем и далеко за корму выступающей палубой. Эти суда вооружали 16–24 пушками.

Шнява — небольшое двухмачтовое судно с прямыми парусами и бушпритом. Военные шнявы — шлюпы имели вооружение до 20 орудий, экипаж ок. 90 чел.

Фальшборт — на парусных судах, конструкция с подпирающим набором, используемая на верхних палубах в целях ограждения и уменьшения воздействия волн и ветра. При размещении на верхней палубе орудий, порты делались непосредственно в фальшборту.

Фок-мачта — первая мачта на судне, считая с носа.

Фок — нижний прямой парус на фок-мачте.

Флейт — трехмачтовое парусное судно, с хорошими мореходными качествами. Вооружение 10–20 орудий.

Ют — кормовая надстройка судна.

Ярд — английская мера длины. 1 ярд — 0,91 метра.

И да — это конец всей истории.